АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

80

КУЙБЫШЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 80

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 80

ТРУДЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том III

Ответственный редактор

А. П. СМИРНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1960

А. П. Смирнов

ВВЕДЕНИЕ

Третий том Трудов Куйбышевской археологической экспедиции содержит статьи об исследовании памятников в зоне затопляемой при строительстве Куйбышевской ГЭС, начиная с 1947 г. Среди этих памятников — значительная группа стоянок эпохи поздней бронзы. По изучению их экспедицией была проведена большая работа. Значительное число материалов и обобщающие статьи помещены в I и II томах Трудов экспедиции [1]; в III томе публикуются остальные памятники, изученные экспедицией.

Историческая интерпретация исследованного материала дана в ряде статей, напечатанных в «Известиях АН СССР», начиная с 1950 г., и в статье Н. Я. Мерперта во II томе. В настоящем томе помещены материалы, позволяющие любому исследователю проверить исторические обобщения. Как показали раскопки, Среднее Поволжье является зоной стыка степных и лесостепных племен. Уже отмечено в печати, что ряд материалов дает возможность сделать выводы об этнической принадлежности этого населения. Сопоставление с более поздними памятниками и этнографическими данными позволило приписать памятники лесостепи финно-угорским племенам, а южной степной территории — ираноязычным.

Граница между этими племенами на протяжении эпохи бронзы и раннего железа неоднократно менялась. До половины II тысячелетия до н. э. она проходила где-то около р. Черемшана, близ современной границы Ульяновской и Куйбышевской областей. Приблизительно около половины II тысячелетия до н. э. ираноязычные племена срубной культуры начали продвижение на север, и к самому концу II тысячелетия до н. э. граница установилась вдоль р. Утки, причем отдельные племена проникли на правобережье Камы, довольно далеко на север.

Как установлено исследованиями экспедиции, территория нижней Камы и Казанского Поволжья была заселена племенами приказанской культуры, выделенной рядом исследователей. К сожалению, еще не определены характерные черты данной культуры. Этого определения мы не найдем ни в ранних работах А. В. Шмидта и А. П. Смирнова, ни в более поздних статьях А. Х. Халикова и Н. Ф. Калинина. В ней очень четко выступают элементы срубной культуры и соседней абашевской. На ее поздней стадии появляются черты, типичные для последующей ананьинской культуры, однако продолжают оставаться неясными черты, характерные для самой приказанской культуры.

Новые материалы, публикуемые в настоящем томе, уточняют ряд вопросов, в том числе дают возможность более четко ограничить территорию приказанской культуры, которую одни исследователи доводят на востоке до Вятки, а на западе устанавливают ее границу по правому берегу Волги; другие представляют ее территорию более обширной, включая на восток районы за Вяткой и относя такие памятники, как Луговская стоянка, к той же приказанской культуре. Спорным надо считать включение территории Чувашии в границы распространения этой культуры.

[1] МИА, № 42, 1954; МИА, № 61, 1958.

Все эти вопросы имеют немаловажное значение для изучения самой приказанской культуры и ее соседей; от их решения зависит правильная трактовка последующих культур. Публикуемая в этом томе, в статье А. В. Збруевой, Луговская стоянка и курганы, Зеленовская стоянка II, Гулькинская стоянка и более поздняя (датируемая самым концом прединаньинского времени), стоянка Степное Озеро близ Болгар позволяют более точно определить границы приказанской культуры. Материал Луговской стоянки достаточно ясно свидетельствует о существовании к востоку от Вятки другой культуры, с иными специфическими чертами, с наличием материала, подчеркивающего влияние андроновской культуры, и с присутствием некоторых черт, свойственных стоянкам этого времени в Западной Сибири. Сближают приказанскую культуру с Луговской стоянкой только жилища многокомнатного типа, весь же остальной материал настолько своеобразен, что нет никаких причин всю эту большую территорию отводить одним и тем же племенам. Есть все основания предполагать в носителях этих культур предков финно-угорских народов Прикамья.

Вторая группа памятников, публикуемых в настоящем томе, принадлежит срубной культуре, стоянкам и курганам на р. Усе — правом притоке Волги. Часть памятников эпохи бронзы этого района была описана в I и II томах Трудов Куйбышевской экспедиции. В данном томе, в статьях А. Е. Алиховой и Н. В. Трубниковой, публикуются остальные исследованные памятники. Весь материал позволяет говорить о своеобразии этой территории срубной культуры. По-видимому, правобережье средней Волги не было исконной территорией срубной культуры, а, судя по ряду данных, было заселено племенами финно-угорской языковой группы. Около половины II тысячелетия до н. э. племена срубной культуры начали проникать на эту территорию, ассимилируя аборигенов. Своеобразие срубной культуры Самарской луки и бассейна Усы, видимо, объясняется наличием здесь местных финно-угорских племен, поглощенных «срубниками».

Большой интерес представляет материал, происходящий из раскопок поселения у с. Русская Бектяшка близ Сенгилея Ульяновской области, где найден интересный сосуд абашевского типа. Наличие абашевских элементов в этой части Поволжья не один раз отмечалось в литературе. Данная находка еще раз убедительно продемонстрировала роль абашевской культуры в древней истории культуры Поволжья.

Из памятников раннего железного века в данном томе публикуется материал Луговского могильника ананьинской культуры (близ Елабуги, ТАССР), исследованного А. В. Збруевой. Этот могильник принадлежит к тем немногим погребальным памятникам раннего железного века Прикамья, исследование которых отвечает требованиям советской археологической науки. В статье дается характеристика материала, приведены дневниковые данные и иллюстрации. В их число не вошла группа вещей, опубликованных А. В. Збруевой в ее монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» [2].

Помимо изучения памятников эпохи бронзы,— вопрос, которому экспедиция уделяла много внимания,— значительные работы проведены по исследованию памятников средневековья. Большое научное значение имеют такие объекты, как раннеболгарское селище близ с. Криуши Ульяновской области (см. статью Н. В. Тухтиной) и раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар (см. статью К. А. Смирнова). Эти два памятника вновь подтверждают высказанную в печати точку зрения об единовременном приходе значительной массы болгар из Приазовья. Новые памятники датируют появление болгар на Волге VIII—IX вв. н. э. и свидетельствуют об ассимиляции пришельцами местного аборигенного финно-угорского населения, заселившего эти места в первые века нашей эры. Ранняя болгарская землянка в урочище Ага-Базар интересна еще тем, что она выявляет нижнюю дату этого болгарского торжища, известного, по-видимому, Ибн-Фадлану, несмотря на то, что некоторые исследователи склонны датировать его поздним временем, относя к XIII—XIV вв. Аналогии, привлеченные автором статьи, указывают на близость культуры волжских и дунайских болгар.

В этом же томе публикуется статья В. Ф. Генинга «Селище и могильник с обря-

[2] МИА, № 30, 1952.

дом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождествено в Татарии». Этот исключительный по научной ценности памятник был исследован силами Казанского филиала Академии наук СССР. На селище, относящемся, как убедительно доказано автором статьи, к IV—V вв. н. э., открыта прямоугольная землянка того типа, который характерен для городецкой культуры. Это селище, принадлежащее племенам городецкой культуры,— один из ранних памятников данной культуры на левобережье Волги, относящийся к началу проникновения городецких племен с правого берега на левый. Рождественское селище не единично. К этой же культуре относится ряд поселений левобережья, открытых разведками археологов на Куйбышевском водохранилище в Ульяновской и Куйбышевской областях еще в 1938—1939 гг. Позднее, в 50-х годах, поселения этой культуры были зарегистрированы экспедициями Казанского филиала Академии наук СССР на территории ТАССР.

Из поселений этой культуры наиболее интересно Именьковское городище близ деревни того же названия в Лаишевском районе ТАССР, исследованное 5-м отрядом Куйбышевской экспедиции. Подобным памятникам их исследователями было присвоено наименование именьковской культуры, которая, по мнению Н. Ф. Калинина, принадлежала восточнобуртасским племенам. Едва ли можно согласиться с таким произвольным наименованием. В памятниках типа Рождественского селища или Именьковского городища не выделены специфические черты, которые позволили бы отнести памятники Татарии к особой группе, отделяя ее от городецкой. Этому городищу посвящена статья Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова. В ней читатель найдет источниковедческие данные о всех наблюдениях, сделанных в процессе раскопок. Дата городища установлена по совокупности всех находок. В статье не освещены незначительные остатки болгарских материалов, относящиеся к последующей стадии существования городища.

Наибольшее научное значение имеет Рождественский могильник, открытый на площади селища. Огромная научная ценность его заставила экспедицию опубликовать все дневниковые данные. Этот могильник по обряду погребения аналогичен значительной группе трупосожжений, широко распространенных на территории к юго-западу и западу от Волги, в области Приднепровья и лесостепи Украины. Такие могильники, известные в археологии под названием «могильники полей погребальных урн», представлены различными группами: зарубинецкой — II в. до н. э.— II в. н. э., черняховский — III—V вв. н. э. и более поздними памятниками волынцевского типа. Исследованный В. Ф. Генингом могильник относится к этой последней категории. По обряду захоронения он занимает особое место и ничем не связан с местным населением.

В настоящее время трудно дать историческую оценку этого памятника, однако предположительно можно высказать следующие соображения: могильник, датируемый VI—VIII вв., относится к эпохе проникновения болгар на Волгу. По-видимому, это движение, обусловленное тяжелой политической обстановкой в степях нашего юга того времени, коснулось не только кочевников болгар из Приазовья, но и населения лесостепной зоны. Вместе с болгарами на север начали проникать племена, оставившие памятники так называемого волынцевского типа. По этническому составу эти племена с большой долей вероятия можно считать древними славянами. Уже на юге болгары и славяне находились в тесных культурных взаимосвязях, о чем можно судить по археологическим и письменным данным. Покойный академик Н. С. Державин высказывал мысль, что на Дунай болгары пришли уже славянизованными. Этот процесс происходил в Приазовье, на что указывают также труды И. Маркварта, М. И. Артамонова и С. П. Толстова[3]. Здесь, на средней Волге пришельцы попали в среду смешанного финно-угорского населения, в состав которого входили и городецкие племена, а также потомки «пьяноборцев», и ассимилировали их. Об этом процессе ассимиляции свидетельствуют вещи, найденные в погребениях. Помимо керамики, которая по форме напоминает волынцевскую, но вместе с тем имеет и черты местной гончарной техники, встречен ряд бронзовых вещей, несомненно, местного характера. Этот смешанный бытовой комплекс говорит о соединении пришельцев с аборигенами.

---

[3] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, т. XIX, 1951, стр. 22.

Совершенно особняком стоят более поздние курганы с трупосожжениями, открытые близ с. Балымеры, которые В. Ф. Генинг рассматривает в своей работе, помещая их в один ряд с Рождественским могильником. Между этими могильниками нет ничего общего. Рождественский могильник — грунтовой, без курганной насыпи. Сожжение производилось на стороне, и кальцинированные кости ссыпали прямо в могильную яму; рядом с ними клали вещи Балымерский курганный могильник резко отличается от Рождественского наличием курганных насыпей. Состав находок, как правило, весьма бедный. Исключение составляет один курган, в котором найдено погребение с мечом.

Балымерский могильник в литературе приписывался русам. Археологический материал его вполне соответствует записке Ибн-Фадлана, в которой описано погребение богатого купца руса. По-моему, нельзя ставить в один генетический ряд эти два различных по археологическим признакам погребальных памятника. Точно так же неверно говорить о существовании местного обряда трупосожжения в Прикамье, на основании отдельных, разрозненных наблюдений.

Эти древнеславянские памятники крайне интересны для истории культуры раннего средневековья; археологи должны обратить внимание на установленные экспедицией факты.

Вопрос о тесных культурных связях волжских болгар с русами сейчас довольно подробно разобран археологами. Об этом можно судить по материалам русского квартала в городе Болгаре, открытого Куйбышевской археологической экспедицией [4]. Во II томе Трудов экспедиции отмечено раннее появление русских на берегу Волги; там приведены и исторические факты, подтверждающие это положение. В настоящем томе публикуется материал Березовского поселка, исследованного отрядом Куйбышевской экспедиции. А. Е. Алихова датирует памятник XIII—XIV вв., главным образом по находке монеты XIV в. Данные стратиграфии и ряд отдельных находок не оставляют сомнения в более ранней дате этого поселка. Судя по керамике, аналогичной русской курганной керамике, и учитывая стратиграфию культурного слоя, можно говорить о возникновении поселка еще в домонгольскую эпоху. В статье приведены интересные данные, указывающие на русскую бытовую обстановку, усматриваемую в характере жилищ, в керамике, в ритуальных вещах.

Большую научную ценность представляет материал могильника на Бабьем бугре, известного по ранним публикациям начала XX в. Производивший тогда его раскопки врач М. М. Хомяков, увидев картину беспорядочного захоронения, отнес могильник к поздним братским могилам.

В результате работ, проведенных в 1947—1948 гг., был открыт городской могильник болгар, имевший 2 слоя — домонгольский и золотоордынский. Этот могильник принадлежал городским низам тогдашнего общества. Только в нескольких могилах были найдены вещи; подавляющее же большинство погребений, в соответствии с мусульманским обрядом, вещей не содержало. При раскопках был собран антропологический материал, обработанный Т. А. Трофимовой. Результаты ее исследования опубликованы в статье «Антропологический состав населения г. Болгара в X—XV вв.» [5]. Т. А. Трофимова считает возможным сопоставить серию черепов из этого могильника с верхнесалтовскими, принадлежавшими приазовским болгарам. Установлена и примесь местных урало-лапоноидных компонентов, которую Т. А. Трофимова относит за счет местного финно-угорского населения, ассимилированного пришельцами.

За последние годы экспедиция провела большую работу по камеральному изучению добытых раскопками материалов; в частности, исследованы остатки металлургического производства. Результаты этой работы были опубликованы в статье А. М. Ефимовой «Черная металлургия города Болгара» [6]; в настоящем же томе помещена статья А. В. Королева и Т. А. Хлебниковой «К вопросу о черной металлургии у волжских болгар», в которой приведен ряд интересных наблюдений и изучены шлифы различных железных вещей, свидетельствующих о высокой культуре металлургии в городах Волжской Болгарии.

Во время работ в с. Болгары, проводившихся ежегодно (кроме 1955—1956 гг.) и

[4] Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах. КСИИМК, 62, 1956, стр. 141 и сл.

[5] Антропологический сборник, 1956 (Труды Института этнографии, т. XXXIII), стр. 73 и сл.

[6] МИА, № 61, 1958 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. II), стр. 292 и сл.

продолжавшихся в 1957 г., было найдено большое число джучидских монет. Результаты определения этого материала, имеющего огромное значение при изучении экономики, были опубликованы С. А. Яниной в I и II томах Трудов Куйбышевской экспедиции[7]. В данном томе тем же автором публикуется определение последних сборов и монет из раскопок 1957 г. Вторая статья С. А. Яниной посвящена куфическим монетам, найденным на территории города Болгара.

1957 г. завершил археологические исследования Куйбышевской экспедиции. В этом году велись раскопки в зоне укрепления берегов, размываемых Большой Волгой. Совместно с Ульяновским музеем исследовалось Криушское селище, значительные работы проведены на Болгарском городище. Изучение материала из этого городища еще не завершено, и результаты будут публиковаться позднее.

В 1957 г. экспедиция работала в составе 3 отрядов под руководством А. П. Смирнова. Болгарский отряд возглавляла сотрудница Казанского филиала Академии наук СССР З. А. Акчурина, ульяновским отрядом руководила безвременно скончавшаяся в 1958 г. И. А. Талицкая. В качестве сотрудников экспедиции работали студенты Казанского государственного университета и Казанского педагогического института. Рабочие привлекались из местного сельского населения, учащихся школ и отпускников.

---

[7] МИА, № 42, 1954, стр. 424 и сл.; МИА, № 61, 1958, стр. 392 и сл.

А. В. Збруева

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРИКАЗАНСКОМ ПОВОЛЖЬЕ И НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

По берегам рек и на дюнных всхолмлениях в пойме Камы и Волги в пределах Татарской АССР расположен ряд поселений эпохи поздней бронзы.

Нижнее Прикамье и прилегающий к устью Камы отрезок Среднего Поволжья эпохи поздней бронзы (конец II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.) представляют собой чрезвычайно интересный район — контактную зону двух археологических культур: местной, за которой в последнее время укрепилось название «приказанской», и более южной, так называемой «срубной». Племена последней надвигались на север широким фронтом, от современного Муромского района Горьковской области до нижней Камы и далее — на восток. По-видимому, такой же контактной зоной были берега р. Белой, где в нижнем ее течении в последние годы обнаружен ряд поселений и могильников срубного типа.

Наиболее изученным районом контакта и взаимного влияния древнего местного населения и южных пришельцев являются Нижнее Прикамье и упомянутая выше часть Среднего Поволжья, где памятники обеих культур заходят друг за друга и имеются поселения смешанного типа. Выделение памятников чисто местных, чисто срубных и смешанных из большого числа раскопанных в последние десятилетия стоянок данного района и установление их хронологии — задача ближайшего будущего для исследователей. Результатом этого очень интересного и сложного процесса взаимоотношений двух групп племен, многие стороны которого для нас еще не ясны, была ассимиляция пришельцев местными племенами, не пропустившими их далее к северу, но, видимо, воспринявшими от них более передовые методы хозяйства — земледелие и скотоводство.

Автору настоящей работы пришлось руководить раскопками нескольких памятников эпохи поздней бронзы по нижнему течению Камы (Луговские стоянки и могильник), на р. Утке — небольшом притоке Волги (Гулькинская и Зеленовские стоянки), на оз. Степном в пойме р. Волги (стоянка Степное Озеро) и двух могильников эпохи раннего железа — Луговского и Гулькинского. Эти небольшие раскопки все же дают возможность выделить Зеленовскую стоянку II как памятник срубной культуры, а все остальные раскопанные стоянки считать принадлежавшими местной культуре, осложненной влияниями срубной культуры с юга, андроновской — с востока (Луговские стоянки) и дьяковской — с запада (Гулькинская стоянка). Эти выводы должны быть проверены и уточнены на большом материале остальных стоянок описанного района и введены в общие хронологические рамки.

1. ЛУГОВСКАЯ СТОЯНКА И КУРГАНЫ

В последнее время 5-й отряд Куйбышевской экспедиции под руководством Н. Ф. Калинина произвел в Приказанском Поволжье раскопки ряда стоянок эпохи поздней бронзы и исследовал несколько десятков стоянок конца бронзовой эпохи, широко раскопав

около 10 стоянок, отчасти уже изученных казанскими археологами в конце XIX в. и начале XX в. По мнению Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова, все эти стоянки относятся к одной культуре эпохи поздней бронзы, названной ими «приказанской»[1]. Границей этой культуры на востоке указанные авторы считают р. Вятку и, следовательно, исключают из нее Луговские стоянки, а также курганы и стоянку на Ананьинской дюне. Такое исключение представляется мне незакономерным, так же как и название культуры «приказанской», потому что авторы включают в нее Зеленодольскую, Аккозинскую и другие стоянки, расположенные далеко на запад — в Марийской и Чувашской АССР.

За последние годы мной исследовано несколько памятников конца бронзовой эпохи, расположенных в Нижнем Прикамье и в прилегающих к устью Камы районах Поволжья: Луговские стоянки I и II и Луговской курганный могильник в Елабужском районе ТАССР; Гулькинская стоянка и более древние погребения на ее территории; Зеленовская стоянка, Маклашеевский могильник III, стоянка Степное Озеро — в пределах Куйбышевского района Татарской АССР и Старо-Майнского района Ульяновской области.

Кроме того, обследованы стоянка на Ананьинской дюне, Гроханская и Усть-Камская (Атабаевская) стоянки на р. Каме и Старо-Грязнухинская — на р. Утке.

Сравнительное изучение материалов исследованных мной стоянок показывает, что все они (кроме Зеленовской) относятся к одной культуре, а Гулькинская стоянка, которую Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков включили в «приказанскую» культуру, очень близка к Луговской, хотя каждая из них имеет свои индивидуальные черты.

При раскопках Луговского могильника в центральной части поселка Лугового обращали на себя внимание находки отдельных предметов и обломков глиняной посуды, относящихся к более древнему времени, чем могильник, лежащий под пахотным слоем.

Слой светлой супеси, в котором производились захоронения ананьинского времени, был слабо, местами почти незаметно, окрашен гумусом.

Осмотр обнажений обрыва невысокой надпойменной террасы, на краю которой находился могильник, показал, что культурный слой, едва заметный на территории могильника, постепенно увеличивался по направлению к востоку и выходил за пределы современного поселка.

Луговская стоянка расположена на краю невысокой надпойменной террасы р. Камы, которая в настоящее время протекает на расстоянии около 0,5 км к югу, образуя широкую пойму с многочисленными пойменными озерами. Цепь этих озер, вытянутых параллельно обрыву надпойменной террасы, и сохранившиеся кое-где старицы Камы указывают на то, что во время обитания стоянки Кама протекала непосредственно под обрывом берега, и древнее поселение находилось на правом берегу реки. При весенних паводках Кама подходит вплотную к боровой террасе, и ее воды сливаются с водами протекающей западнее р. Тоймы, так что к югу и западу расстилается сплошное зеркало воды.

В течение 4 лет раскопок стоянки была вскрыта площадь около 950 кв. м у восточного края поселка Лугового, где находилась центральная, более ранняя часть древнего поселения (Луговская стоянка I), а также более поздняя восточная часть его, лежавшая на расстоянии около 200 м к востоку от края поселка Лугового (Луговская стоянка II). Здесь же на опушке леса находился и синхронный стоянке курганный могильник.

Стратиграфия центральной части стоянки довольно несложна. Культурный слой состоял из рыхлой серой супеси, более или менее интенсивно окрашенной гумусом, которая залегала под тонким дерновым покровом до глубины от 0,3 до 0,5 м и подстилалась светлым материковым песком. Вне жилищ культурный слой был значительно светлее и содержал небольшое количество находок.

Последние состояли из обломков глиняной посуды, фрагментов плохо сохранившихся костей животных, битого камня и небольшого количества бронзовых и каменных орудий и отщепов.

---

[1] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 147 и сл.

Луговская стоянка I

В центральной части древнего поселения (Луговская стоянка I) вскрыта группа жилищ, состоявшая из 6 землянок, связанных между собой проходами, с двумя выходами на север и одним на юг — к реке. Это были полуподземные жилища.

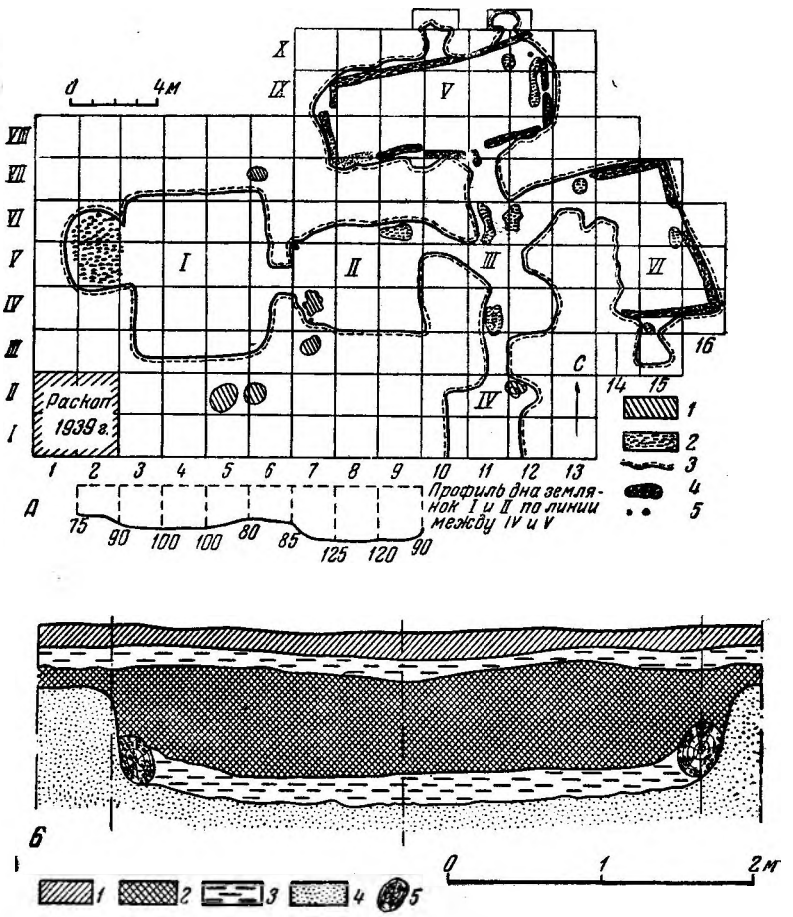


Рис. 1. *А* — центральная группа жилищ (землянки *I—VI*):

1 — ямы; *2* — кострище; *3* — границы землянок; *4* — обгорелое дерево; *5* — столбовые ямы. *Б* — разрез землянки V: *1* — дерновый слой; *2* — культурный слой (супесь серая, окрашенная гумусом); *3* — углистая прослойка; *4* — подстилающий слой (песок желтый, крупнозернистый); *5* — обгорелое дерево.

Землянка I, около 7 м длиной и около 6 м шириной, имела четырёхугольную форму с округлым выступом в западной части и была углублена ниже древней поверхности почвы примерно на 1 м. В выступе западной части жилища находился большой очаг, длиной около 3,5 м, шириной свыше 2 м. Очаг располагался на небольшом возвышении. В его черном углистом слое, пронизанном остатками мелких жженых косточек, найдена масса обожженных и необгорелых костей, немногочисленные обломки глиняной посуды, обожженные и необожженные камни (рис. 1, *А*).

Главную массу костей из очага составляли кости человека [2]. В результате обработки

[2] Кости были реставрированы в Музее антропологии МГУ и обработаны Т. А. Трофимовой.

и реставрации выяснилось, что в очаге находились кости и черепа 19 человек разного возраста (13 взрослых и 6 детей), принадлежавших к европеоидному и монголоидному типам. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, так как свидетельствует о наличии монголоидных и европеоидных типов в Прикамье в эпоху поздней бронзы.

В северной части очага находились следы столба, вероятно, поддерживавшего кровлю. В восточной части жилища был проход, соединявший землянку I со следующим жилищем.

Землянка II имела прямоугольные очертания и соединялась проходом (длиной около 1 м, шириной примерно 2 м) со следующим жилищем — землянкой III, расположенной восточнее. На глубине около 1 м у северной стенки обнаружен очаг, состоявший из нескольких крупных и мелких камней. Вокруг очага лежали обломки глиняной посуды, кости животных и спекшаяся масса зерен проса. К югу от очага на глубине 1,15 м вскрыто скопление обломков глиняной посуды, а несколько восточнее найден кусок красноватой охры. Пол жилища находился на глубине 1—1,1 м. Восточная часть прохода из жилища II в жилище III углублялась до 0,95 м, западная — до 1,1 м; таким образом, получался пологий спуск в землянку II с востока, из землянки III (рис. 1, *А*). В северо-западном и юго-западном углах землянки II оказались ямки от столбов, очевидно, поддерживавших кровлю.

Землянка III находилась в центре жилого комплекса и соединялась проходами с жилищами, расположенными к северу, югу, востоку и западу. Восточная граница ее (на глубине 0,8 м) округлым выступом вдавалась внутрь, как бы разделяя жилище на 2 части. На этой глубине появились очаги; их здесь было три. Очажный слой — неправильно-овальной формы, длиной около 2 м, шириной 50—60 см, ярко черного цвета, с угольками и перегоревшими косточками, жирный. В нем обнаружены обломки сосудов, зубы и кости животных. Несколько восточнее и в южной половине жилища также оказались очаги, менее интенсивно окрашенные, с более тонким углистым слоем. В них и вокруг них лежали плохо сохранившиеся кости и обломки глиняной посуды. Дно землянки находилось на глубине 0,9—1 м.

Землянка IV располагалась к югу от землянки III и была соединена с последней проходом длиной свыше 1,5 м, шириной около 1 м (рис. 1, *А*). Глубина прохода достигала 0,85 м, дно его имело ладьевидную форму. На плоском дне вскрыты две небольших ямы; они были наполнены серым песком, слабо окрашенным гумусом, без находок. Глубина ям — 1,15 и 1,25 м. Третья яма располагалась к юго-востоку от конца прохода из землянки III. Она углублялась до 1,25 м и по мере углубления меняла очертания. На дне этой ямы найден обломок глиняного сосуда; видимо, она служила для хранения запасов. Очага в сохранившейся части землянки не было.

Землянка V, наиболее интересная, была расположена к северу от землянки III и соединена с ней проходом длиной около 2 м и шириной около 1,5 м. Землянка V — больших размеров: длина — около 10 м, ширина — свыше 4 м (рис. 1, *А*). На глубине около 0,7 м, у западной части южной стенки при раскопках появилось большое зольное пятно с многочисленными находками, углублявшееся до 0,8 м. На глубине около 0,8 м вдоль северной, восточной и южной стенок жилища обнаружились прямолинейные углистые полосы — остатки сгоревших деревьев, лежавших горизонтально вдоль стенок землянки (рис. 1, *А*). Углистые полосы захватывали и проход, соединявший это жилище с землянкой III. Следы двух проходов в северной стенке землянки на глубине 0,9 м исчезли.

На глубине 0,8—0,9 м в северо-восточной части землянки появились два больших очага (рис. 1, *А*), вокруг которых в черном углистом жирном слое с несколькими обожженными камнями было сосредоточено много находок — обломков глиняной посуды и костей животных. Сохранность последних чрезвычайно плохая. Это главным образом зубы лошади, коровы, овцы и (редко) свиньи.

Углистые полосы шли до глубины 1,1 м. Пол землянки, за исключением некоторых более глубоких мест, находился, очевидно, на уровне 1—1,1 м, где еще сохранились очертания жилища с углистыми полосами по краям. Наибольшее количество находок обнаружено на глубине 1—1,05 м — на полу землянки, главным образом вокруг очагов. У северо-восточного угла жилища оказались следы столба в виде круглой ямки диаметром около 10 см, углублявшейся до 1,4 м.

Других следов столбов в этом жилище, не встречено; они отмечены лишь, как указывалось выше, в западной части жилища II и в очаге жилища I (рис. 1, *А*).

Очень интересен профиль западной стенки землянки V. Здесь ясно видны и заполнение жилища культурным слоем, и дно землянки, и разрез полос сгоревшего дерева, лежавших вдоль северной и южной стенок жилища (рис. 1, *Б*). Северо-западный и юго-западный углы землянки, начиная с глубины 0,2 м и до самого пола, были заполнены углистым слоем, напоминавшим сажу,— следами сгоревшей кровли или стены.

Землянка VI соединялась с северной частью землянки III широким неровным проходом длиной около 2 м. Стенки землянки на глубине около 1 м почти сплошь были окаймлены черными углистыми полосами шириной 20—30 см и толщиной около 20 см — следами сгоревшей деревянной обкладки. Довольно большие участки таких же углистых полос (по-видимому,— остатки частей сгоревшей кровли, упавшие вниз) прослежены в восточной части землянки VI. В южной части жилища находился выступ округлых очертаний, где слой с культурными остатками шел до глубины 1 м; это следы выхода из жилища на юг, к древнему берегу р. Камы, протекавшей когда-то под обрывом, в непосредственной близости от этой группы жилищ.

Темный слой с углем — пол землянки VI — находился на глубине около 1 м и подстилался плотным песчаным слоем, местами обожженным докрасна, с черными пятнами и прослойками красной глины. В жилище было 2 очага. Один из них, округлый, диаметром 1 м,— у северной стенки. Вокруг и внутри очага были зола, угли (иногда довольно крупные). Очажный слой — жирный, мажущийся, напоминающий сажу. В нем находились обломки глиняной посуды, истлевшие кости животных, изредка — кремневые отщепы, отдельные небольшие камни. Второй такой же очаг, с менее толстым черным слоем и меньшим количеством находок, открыт недалеко от восточной стенки землянки, которая в этом месте не была обложена деревом (рис. 1, *А*). Кроме того, небольшой очаг обнаружен в начале выхода из землянки к реке. Вокруг него находились жженые кости и обломки глиняной посуды. Ниже глубины 1 м на всех участках наблюдались лишь отдельные небольшие пятна, которые быстро исчезали, кроме одного, имевшего в диаметре 20—25 см; оно углублялось до 1,15 м, постепенно уменьшаясь в размерах и сохраняя конусовидную форму. По-видимому, это было одно из немногих сохранившихся в данной группе жилищ пятен от столбов, быть может, поддерживавших кровлю (рис. 1, *А*).

Таким образом, центральная группа жилищ состояла из 6 полуземлянок, связанных проходами. Вероятно, землянка I имела особое назначение, на что указывает не повторявшийся в других жилищах характер очага, слегка приподнятого над полом жилища и содержавшего остатки 19 человеческих костяков, по-видимому, принесенных в жертву. Размеры этого очага также превосходят размеры всех других очагов, возле которых находились обычные кухонные остатки — обломки глиняной посуды и кости, главным образом зубы животных.

О конструкции стен можно судить по углистым полосам остатков дерева, лежавших вдоль стен на полу землянки V, а также вдоль северной, восточной и южной стенок землянки VI. Возможно, что стены жилищ состояли из кольев, которые были вертикально поставлены вдоль земляных стен и прижаты к последним снизу бревнами, лежавшими на полу. Кровля не могла быть плоской, так как глубина землянок слишком незначительна (около 1 м). Немногочисленные следы от столбов позволяют предполагать, скорее всего, двускатную крышу с отверстием для выхода дыма в верхней части. Следы деревянной кровли в виде обугленных кусков дерева наблюдались в заполнении и на полу землянок.

По-видимому, Луговская стоянка являлась родовым поселением, в котором было несколько больших домов, причем каждый такой дом состоял из группы землянок, соединенных проходами.

К находкам при раскопках центральной части стоянки относится небольшое количество каменных орудий и костей животных; основную массу составляют обломки глиняной посуды. Обнаружены два небольших куска медного шлака, что указывает на знакомство древнего населения стоянки с металлургией меди; кроме того, на территории Луговского могильника (к западу от центральной части стоянки) найдено бронзовое

долото и при погребениях курганного могильника (к востоку от центральной части стоянки) обнаружены бронзовые рыболовный крючок и колечко.

Каменные орудия представлены обломками терки, двумя-тремя пестами, наконечником стрелы, ножевидной пластинкой, несколькими скребками, небольшим ретушером, несколькими обломками каменных орудий, кремневыми отщепами и десятком мелких чешуек кремня.

Наконечник стрелы (1 экземпляр) — из серого кремня, ланцетовидной формы (рис. 2, *1*). Ножевидная пластинка сделана из молочно-белого кремня и с длинных сторон обработана мелкой ретушью (рис. 2, *2*).

Скребки изготовлены на коротких кремневых отщепах (5 экземпляров). Слегка дуговидный рабочий край обработан довольно крутой ретушью (рис. 2, *3—5, 9*). Два скребка — на более длинных изогнутых отщепах; один экземпляр — из светло-серого кремня, с рабочим краем, обработанным крутой ретушью (рис. 2, *7*), другой — более короткий и широкий, со следами сколов на спинке и неправильным рабочим краем (рис. 2, *6*).

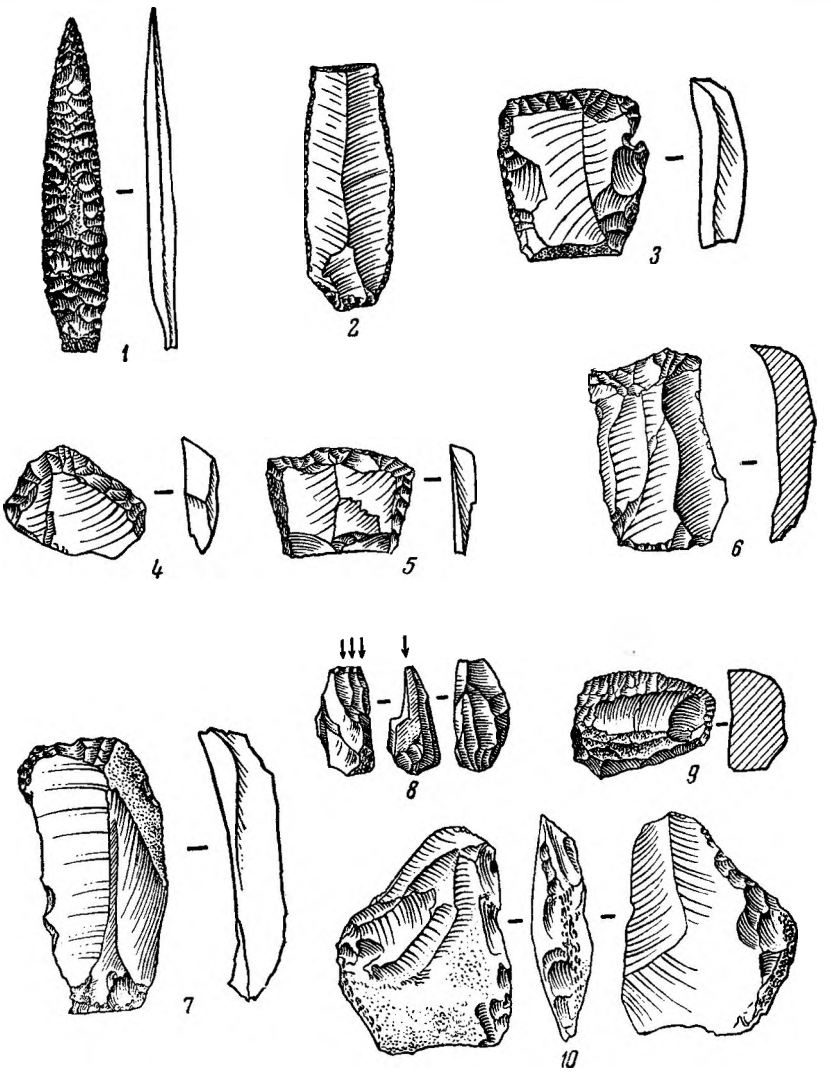


Рис. 2. Кремневые орудия из центральной части Луговской стоянки I (*1—10*).

Среди кремневых орудий обращает на себя внимание небольшой резец из светлого кремня с хорошо выраженным сколом (рис. 2, *8*).

Ретушер — небольшой, с неправильным рабочим краем, на толстом слегка окатанном отщепе кремнистой породы сероватого цвета. Следы работы имеют вид небольших заломов и пересекающихся царапин, образующих затупленный край (рис. 2, *10*).

Песты представляют собой окатанные водой крупные округлые гальки из твердых каменных пород, со следами ударов по всей рабочей поверхности — преимущественно на концах крупных орудий; на более мелких экземплярах следы ударов, а иногда и трения, располагаются по окружности. Из такой же крупной окатанной гальки, как и песты, сделана терка, от которой сохранилась лишь часть. Рабочая поверхность терки плоская. По краям ее заметны небольшие выбоины — следы ударов, а середина в процессе работы заполировалась в виде блестящей полосы.

Интересна часть точильного брусочка из красноватого песчаника, с углубленными бороздами — следами заточки; по всей вероятности, им точили преимущественно костяные орудия — наконечники стрел, иглы и шилья. Находка этого брусочка указывает на существование орудий из кости. Любопытна находка нижней плиты каменной зернотерки с искусственно выбитой шероховатой рабочей поверхностью. Форма ее близка к овальной. Длина — 26 см, ширина — около 16 см. Видимо, к этой же части стоянки относятся два массивных округлых молота из серого камня, диаметром около 16 см, с выемкой для привязывания в средней части и со следами воздействия огня. Они найдены в обрыве надпойменной террасы.

Из керамических изделий, кроме обломков глиняной посуды, встречено лишь круглое массивное грузило, не совсем симметричное, с отверстием в центре и вогнутыми боковыми стенками. Диаметр грузила — 4,8 см, высота — около 3 см.

Во время раскопок центральной части Луговской стоянки I обнаружено несколько тысяч обломков глиняной посуды, бо́льшая часть которых лежала вокруг очагов на дне землянок. Всего удалось выделить около 300 сосудов, отнесенных к следующим группам:

К п е р в о й группе принадлежит небольшое количество обломков посуды более раннего типа (рис. 3). В глине этих сосудов содержится примесь мелкой дресвы и песка и сохранились следы какой-то исчезнувшей примеси. Сосуды эти более рыхлые, чем вся остальная посуда, и обжиг их более слабый. Внутренняя поверхность заглажена, внешняя — почти сплошь покрыта орнаментом, состоящим главным образом из вдавлений зубчатого штампа. Лишь в двух случаях поверхность посуды орнаментирована круглыми неглубокими ямками; они нанесены полыми трубочками и покрывают сплошь все черепки (рис. 3, *7, 8*). Узоры состоят из горизонтальных, вертикальных и косых рядов оттисков зубчатого штампа.

Во в т о р у ю группу входит около 20 сосудов, близких к андроновским (рис. 4). Это в большинстве случаев плоскодонные горшки средней величины, иногда с хорошо выраженным уступом на плечиках. Внешняя поверхность посуды в большинстве случаев лощеная, иногда — заглаженная; внутренняя поверхность, напротив, редко бывает лощеной, чаще она заглажена, а иногда имеет следы зубчатого штампа. Орнамент нанесен в подавляющем большинстве случаев штампами с мелкими зубчиками (рис. 4, *1, 2*).

К этой же группе, по-видимому, относятся еще 2 сосуда, от которых сохранились крупные фрагменты верхних частей. Форма их необычна для андроновской посуды. Это, вероятно, кувшины с длинным, узким горлом. Характер расширения нижней части сосудов неясен (рис. 4, *6, 7*). В глиняном тесте этих фрагментов — примесь шамота; наружная поверхность их лощеная, внутренняя — заглаженная. Орнамент в одном случае резной, в другом — нанесен зубчатым штампом.

К т р е т ь е й группе относится около десятка сосудов, по форме близких к остроребериым, типичным для срубной культуры. Один из них (рис. 5, *1*) имеет хорошо выраженное острое ребро, у других — более смягченный перегиб от стенок к шейке (см., например, рис. 5, *2*). К этой группе принадлежат преимущественно небольшие сосуды. Преобладающая примесь в глине — шамот, изредка песок и мелкая светлая крошка, может быть,— дробленая раковина. Внешняя поверхность сосудов лишь в 3 случаях носит следы лощения, а у остальных

заглажена зубчатым штампом и сверху — тканью.

Орнамент этой группы посуды в общем значительно более бедный и грубый, чем у ромбов, ямочек, елочек, зигзагов, каннелюр (рис. 5, *1*) и др.

Наиболее интересный фрагмент сосуда, близкого этой группе, имеет примесь песка

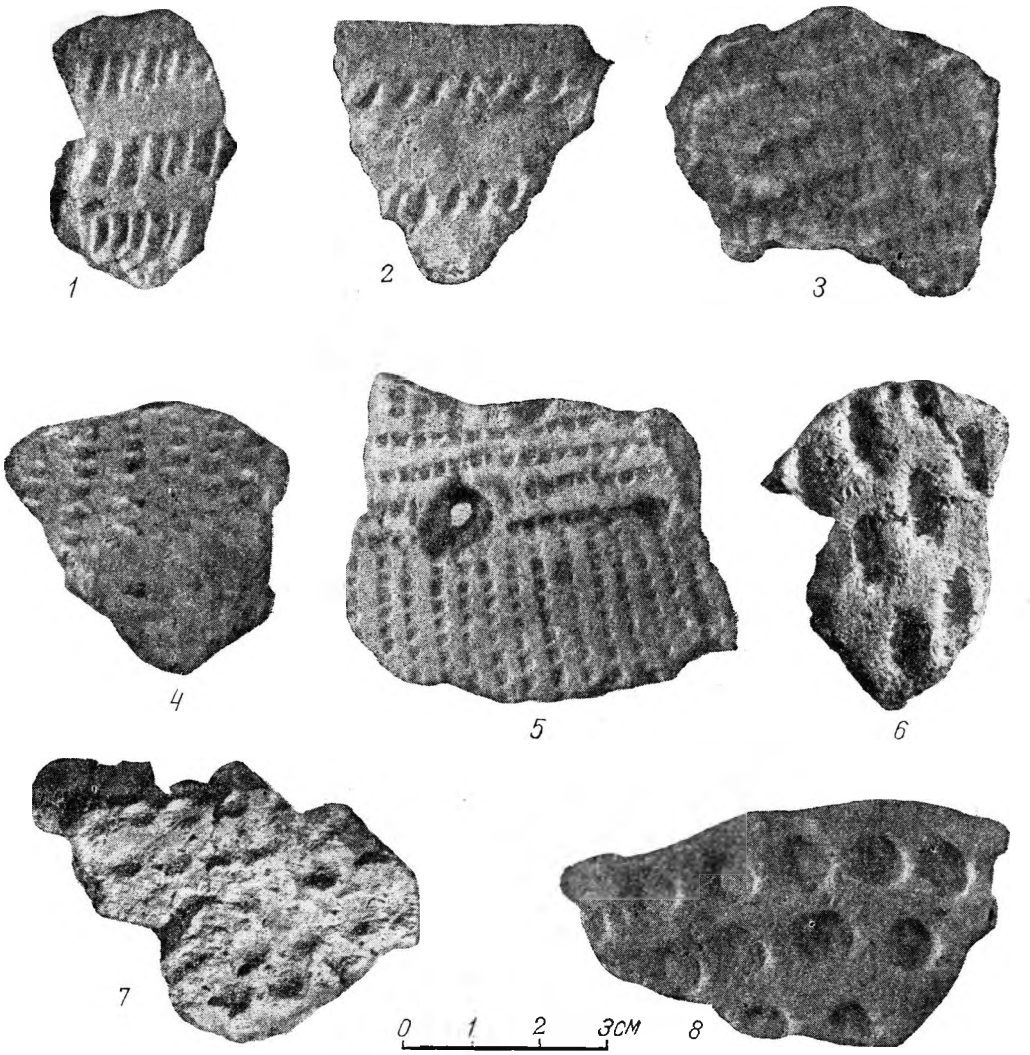


Рис. 3. Керамика первой группы (более ранний тип) (*1—8*).

андроноидной, и расположен преимущественно в верхней части сосудов. В одном случае (рис. 5, *2*) он состоит лишь из пояска косых вдавлений зубчатого штампа вокруг горла, но чаще наблюдаются более сложные узоры из углов, заштрихованных треугольников и или мелкой дресвы; поверхность его лощеная.

Орнамент расположен в верхней части и состоит из зоны каннелюр, ниже которой идет полоса заштрихованных углов, с «бахромой» из мелких ямочек. Подобный сосуд

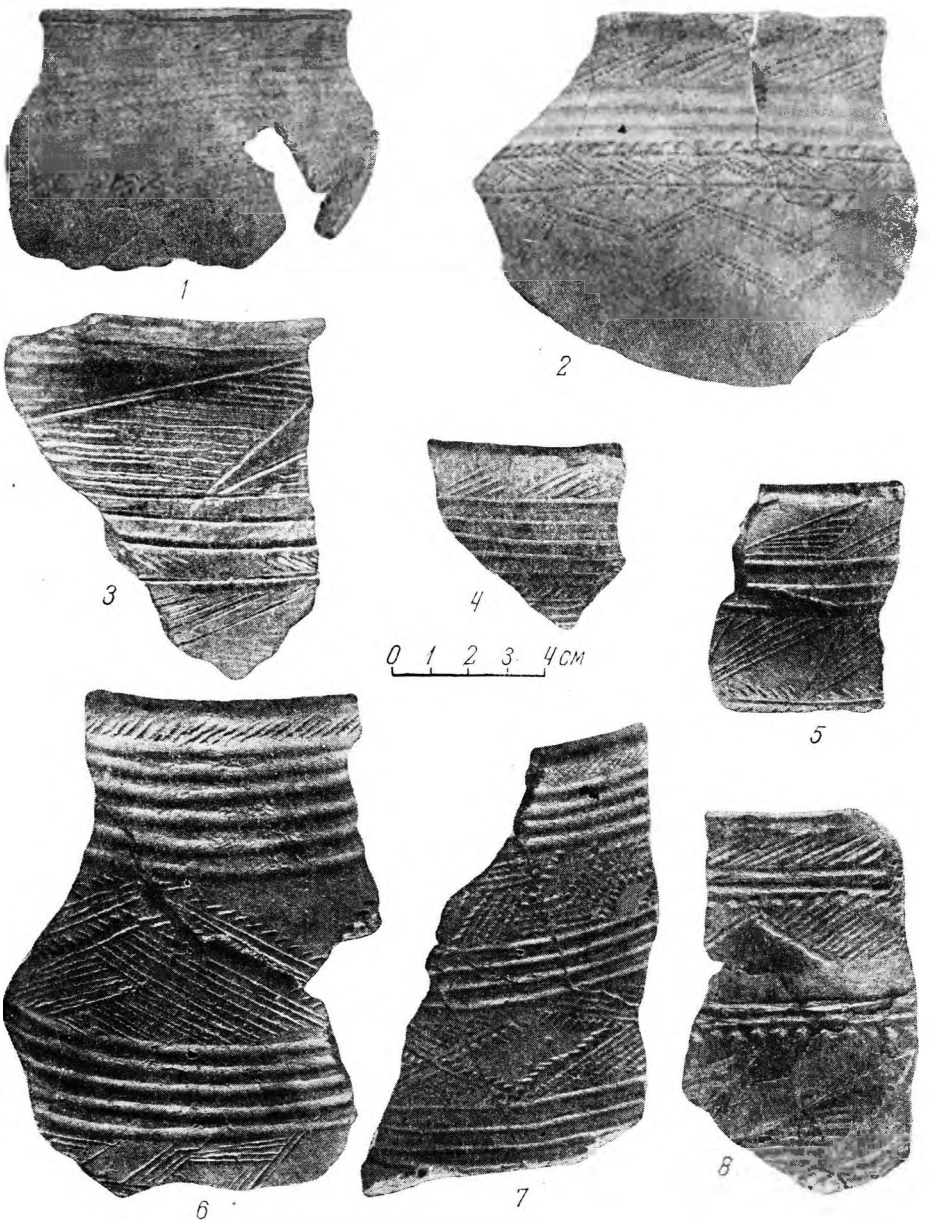


Рис. 4. Керамика второй группы (*1—8*).

известен из находок на Алексеевском поселении [3].

Четвертая группа посуды — одна из наиболее многочисленных. Это разновидности горшков, широко распространенных в памятниках конца эпохи бронзы. Горшки 1-го типа имеют слегка отогнутую шейку, слабо выраженные плечики и плоское дно. Величина их различная. Они выделены значительно менее тщательно, чем андроноидные. В глине преобладает примесь шамота, лощение поверхности у сосудов этой группы встречается редко; преобладает сглаживание

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. XVII, 1948, стр. 15, рис. 8.

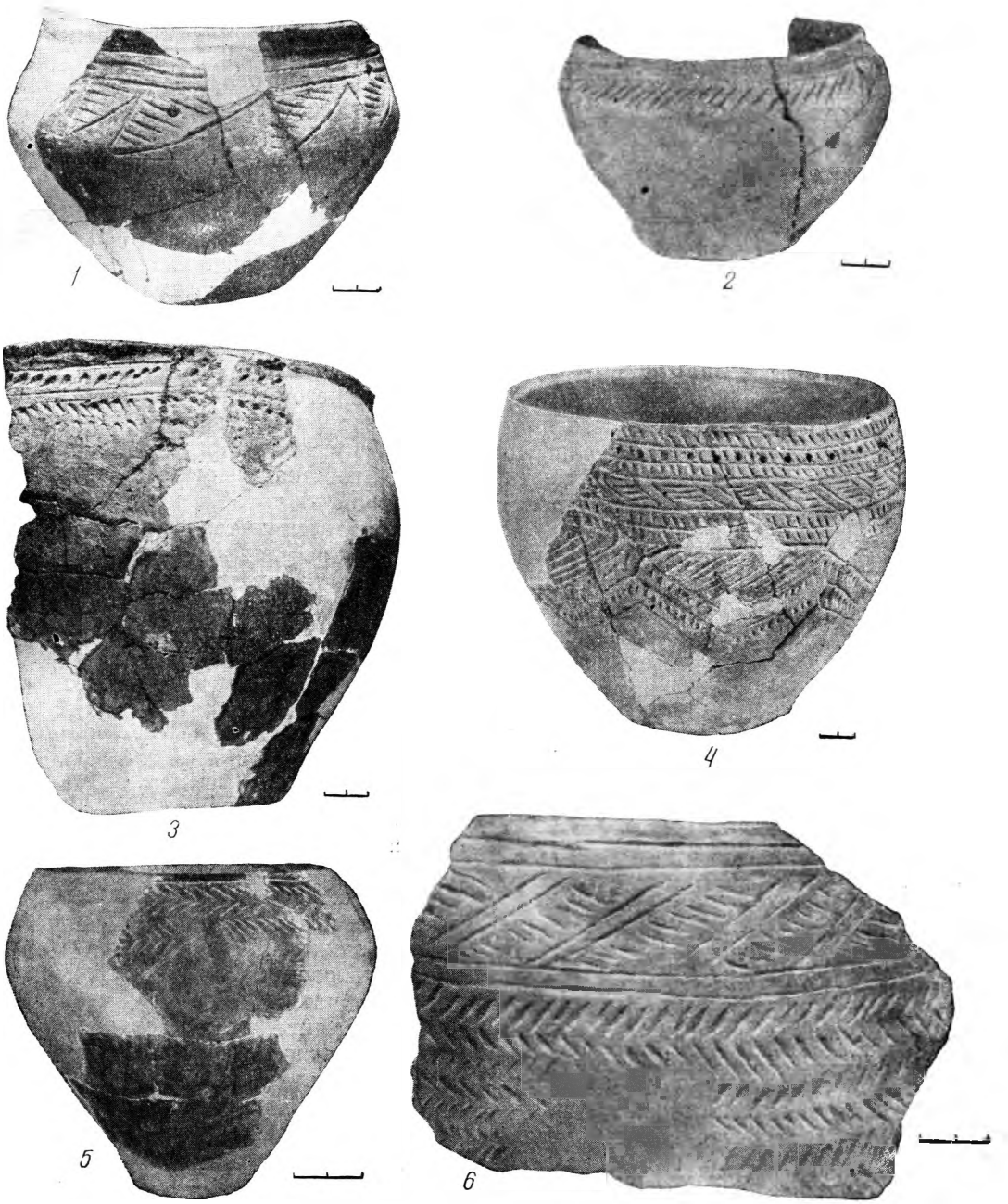


Рис. 5. Керамика:

1,2 — сосуды, близкие к остроребериым; *3* — сосуд *I* типа; *4* — сосуд *II* типа; *5,6* — крупные сосуды с загнутыми краями (пятая группа).

при помощи зубчатого штампа, ткани или кожи. Иногда попадаются и сложные узоры. Чаще всего эти горшки украшены простым орнаментом, расположенным в верхней части, а некоторые из них совсем не орнаментированы (рис. 5, *3*). Ко 2-му типу горшков принадлежит богато орнаментированный целый сосуд средней величины. Поверхность его заглажена; орнамент расположен по обрезу края и примерно на $^2/_3$ покрывает внешнюю поверхность горшка (рис. 5, *4*). К 3-му типу относятся горшки с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками.

Величина сосудов этой группы различная. Примесь в глине в большинстве случаев — шамот, изредка песок. Поверхность сглажена, лощение внешней поверхности наблюдается очень редко. Орнамент расположен на шейке и на плечиках.

Пятую группу составляют крупные горшки с загнутым внутрь краем, выпуклыми стенками и сравнительно небольшим дном (рис. 5, *5, 6*). Один сосуд снаружи и внутри заглажен зубчатым штампом и затем тканью или кожей. Верхняя часть горшка украшена орнаментом, состоящим из штампа (рис. 5, *5*). У второго сосуда поверхность сглажена при помощи ткани или кожи. Орнамент нанесен зубчатым штампом (рис. 5, *6*).

Шестая группа состоит из небольшого количества банок со слабо выпуклыми стенками и немного загнутым краем (рис. 6, *1, 3*). Примесь в глине — главным образом шамот, изредка песок. Поверхность сосудов заглажена, иногда заметны следы лощения. Орнамент довольно бедный.

Седьмую группу посуды образуют низкие небольшие чашки. Среди них были круглодонные и плоскодонные. Чашки расширяются к краям, обычно немного загнутым внутрь. Преобладающая примесь к глине — шамот; изредка встречается мелкая светлая примесь в виде комочков, напоминающих мергель. Поверхность посуды заглажена. Следы лощения встречались очень редко. Орнамент расположен в верхней части чашек.

В восьмую группу посуды входит небольшое количество (около десятка) сосудов, резко отличающихся от всех остальных по составу глины, по форме и орнаменту. Эти сосуды не имеют аналогий ни в срубных, ни в андроновских поселениях и могильниках, но тесно связаны с ананьинской керамикой, хотя несколько и отличаются от нее по форме. В основном это крупные и средней величины горшки с отогнутой шейкой. У сосудов этого типа, так же как у высоких горшков с загнутыми краями, тонкие выпуклые стенки и очень небольшое дно (диаметр дна меньше трети диаметра горла). По-видимому, большинство сосудов этого рода — плоскодонные. В глиняном тесте — примесь дробленой раковины. Внешняя и внутренняя поверхности горшков сглажены. Орнаментом украшена верхняя часть сосудов.

К девятой группе принадлежат 4 сосуда с утолщением, расположенным немного ниже верхнего края шейки. Края орнаментированы горизонтальной елочкой. Из посуды этой группы наиболее интересен крупный обломок горшка с невысокой, слегка отогнутой шейкой, на которой немного ниже обреза края находится налеп. Орнамент этого горшка довольно сложный. Сосуды с налепами характерны для позднеандроновских и «киммерийских» поселений[4] и могут служить датирующим признаком.

В землянках центрального комплекса жилищ были найдены фрагменты поддона, довольно высокого, внутри полого, орнаментированного каннелюрами, между которыми находится зона неясного ямочного или резного орнамента (рис. 6, *6*). Следы такого же пояска орнамента имеются выше каннелюр. Верхняя часть сосуда не сохранилась, но по аналогии с соответствующей западносибирской керамикой, встречающейся довольно часто, и с целым сосудом из Луговской стоянки II можно предположить, что рассматриваемый сосуд имел вид неглубокой круглодонной чаши.

Для характеристики хозяйства населения мы располагаем следующими данными. Говорить о земледелии дают основание находки обгорелых зерен проса, встреченных в виде спекшейся массы у очага на полу землянки II, обломки терки, пестов и нижней плиты от зернотерки.

О существовании скотоводства и охоты на диких животных свидетельствуют кости животных, найденные во время раскопок. Кости животных из раскопок 1940 г. были определены В. И. Громовым, а из раскопок 1946—1948 гг.— В. И. Цалкиным.

---

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 61.

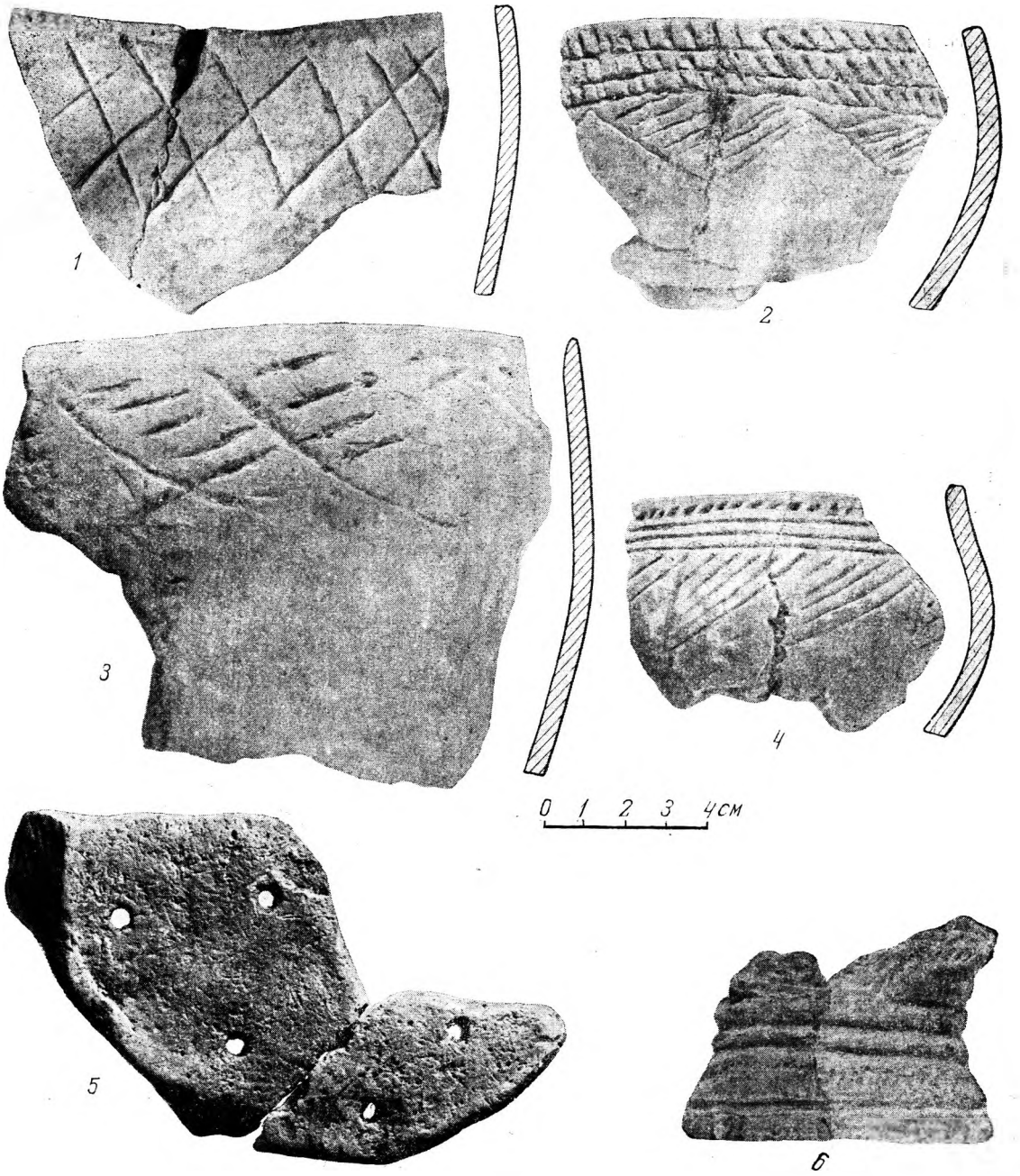


Рис. 6. Керамика:

1, 3 — банки; *2, 4* — небольшие сосуды; *5* — дно с отверстиями; *6* — поддон от сосуда.

Согласно определению В. И. Громова остатки фауны принадлежат следующим животным: быку домашнему, барану (или козлу) домашнему, лошади домашней, свинье домашней и кабану дикому (?). Большинство костей — крупного рогатого скота. Все особи мелкие. Между остальными видами — мелким рогатым скотом, лошадью и свиньей — костные остатки распределялись довольно равномерно. Характерная раздроб-

ленность всех костей не вызывает сомнения в том, что указанные животные, в том числе и лошадь, употреблялись человеком в пищу.

По определению В. И. Цалкина кости принадлежат тем же домашним животным. Основную массу исследованных костей составляли зубы крупного рогатого скота. Из диких животных, служивших объектом охоты, в центральной части стоянки отмечены лишь лось и кабан, но на периферии встречались также кости медведя и бобра.

Луговская стоянка II

Восточная группа жилищ (Луговская стоянка II) состояла из 4 землянок, относящихся к несколько более позднему времени. Она находилась на небольшой полянке, примыкающей с севера к дороге из поселка Лугового в Набережные Челны и окруженной лесом, на расстоянии около 200 м от Луговской стоянки I. Возможно, что жилищ было больше, так как южная часть землянки III была разрушена дорогой, а восточная часть жилища II находилась под крупным лесом и поэтому не была раскопана. Кроме того, к

Рис. 7. План расположения землянок (*I—IV*) на Луговской стянке II.

1 — граница землянок на глубине 0,4 м; *2* — то же на глубине 0,6 м; *3* — обгорелое дерево; *4* — кострище; *5* — ямки от столбов; *6* — камни; *7* — раздавленные сосуды; *8* — зернотерки; *9* — песок.

северу от жилища II вскрыта часть небольшой землянки, западный край которой был разрушен (рис. 7).

Комплекс находок в восточной части поселения имеет несколько иной, более поздний облик, чем находки в центральной части, поэтому восточной части поселения было дано название «Луговская стоянка II».

Наиболее четко можно было проследить землянку III. Длина ее — около 8 м. Северо-восточный и северо-западный углы выявились очень отчетливо. Северная и сохранившиеся части восточной и западной стенок также хорошо прослеживались. Пол жилища, ярко выраженный в плане и профилях черной углистой прослойкой, лежал на глубине 0,7—0,8 м.

У восточной и западной стенок жилища на глубине 0,6—0,7 м наблюдались темные полосы — следы выходов: на востоке — в землянку I, на западе — наружу и в небольшое сооружение, примыкавшее к жилищу. Внутри землянки было 2 больших очага —

у северной стенки и у восточного выхода. Кроме того, небольшой очаг округлой формы располагался в начале западного выхода. Северный очаг (длиной свыше 1 м, шириной около 30 см), имевший овальную форму, находился на уровне пола землянки. Один большой раздавленный горшок был найден у северной стенки жилища на глубине 0,5—0,7 м. К западу от очага прослежено круглое пятно от столба диаметром 24 см; оно углублялось, постепенно уменьшаясь, ниже пола жилища более чем на 0,3 м (до 1,04 м от поверхности).

Очаг у восточной стенки находился в яме. К западу от него правильной полосой (шириной 50—60 см) на уровне пола жилища лежал светлый песок, сливавшийся с подстилающим песком. По-видимому, это место пола было прикрыто чем-то, возможно,— деревянным настилом, образовавшим как бы скамью у очага. Небольшая ширина полосы не позволяет говорить о месте для спанья (рис. 7). Пятно светлого песка, округлой формы (диаметр — около 1,5 м), наблюдалось в северной половине жилища, посередине. Вероятно, это был настил для спанья. Пятно светлого песка на уровне пола жилища отмечено также против западного выхода из жилища, на расстоянии 1 м от него.

Все прослеженные пятна находились поблизости от очагов, поэтому можно предположить, что здесь были деревянные настилы для сиденья или спанья.

Очаг в западном выходе имел округлую форму (диаметр — около 80 см). На уровне пола выхода он представлял собой пятно красного обожженного песка с углем. Вокруг него было мало находок.

К западу от последнего очага, на глубине 0,6 м прослежена узенькая дорожка, ведущая в помещение без очага, с выходом к северу. Это было длинное и узкое прямоугольное помещение. Ширина его — немного более 2 м, длина сохранившейся части — 4,5 м. Вдоль западной границы помещения шла темная полоса; в южной его части на глубине около 0,4 м культурный слой имел коричневый цвет и был пронизан мелкими косточками и желтыми крапинками. В культурном слое всего помещения оказалось много находок, состоявших главным образом из очень плохо сохранившихся раздробленных костей животных.

Землянка III в западной части соединялась проходом с жилищем I, расположенным в средней части группы. Оно было вытянуто с северо-востока на юго-запад и имело подчетырехугольную форму. Размеры его — примерно 7 × 7 м. В западном углу жилища I под полосой сгоревшего дерева наблюдались следы столба — круглая в плане, конусообразная в разрезе ямка диаметром около 20 см; она шла до глубины 1,3 м от поверхности, постепенно уменьшаясь в размерах.

Пол жилища находился на глубине 0,6—0,7 м и имел вид очень темного слоя с черными углистыми пятнами. В южной и западной частях жилища пол несколько понижался; здесь глубина землянки доходила до 0,9 м.

Северный угол землянки, начиная с 0,4 м, был окаймлен углистой полосой — следами сгоревшего дерева. К этой полосе с востока и запада примыкали 2 очага. Восточный очаг, имевший округлую форму (диаметр — 60—70 см), лежал на плоскости пола землянки. Форма очага к западу от углистой полосы была овальная, длина его — около 1,25 м, ширина — 70—80 см.

К югу от очагов находилась черная углистая полоса — следы сгоревшего дерева, длиной около 2 м и шириной 40—60 см; она углублялась до 0,95—1 м. Здесь, по-видимому, часть бревна была несколько врыта в пол и впоследствии сгорела.

В средней части жилища обнаружена яма неправильных очертаний, длиной около 1,5 м, шириной свыше 1 м, глубиной до 1,16 м. В профиле западной стенки яма имела конусообразную форму. Дно было покрыто темным слоем, который выстилал пол жилища на окружающих яму участках. В этом слое найдено лишь небольшое количество мелких обломков керамики; в верхней части ямы находился песок. Назначение этой ямы неясно. Возможно, что она служила хранилищем.

У восточной стенки жилища I на уровне пола был расположен очаг неправильной формы, длиной около 1,5 м и шириной около 60 см. В восточной части землянки находился довольно широкий и короткий проход в следующее жилище. Посередине прохода обнаружены 2 ямки диаметром 15 и 20 см — следы столбов; они были конической формы и углублялись до 1,2 м от поверхности.

Крайнее к востоку жилище II имело четырехугольную в плане форму и длину примерно 8 м. Восточная граница его осталась невыясненной, так как с этой стороны к раскопу подступали крупные деревья; масса корней пронизывала всю восточную стенку раскопа и сильно мешала наблюдению над слоями земли. Пол жилища находился на глубине около 0,7 м и состоял из очень темного углистого слоя, неровной линией уходившего в подстилавший его песок. Следов обкладки стен деревом в этом жилище не наблюдалось.

У южной стенки посередине был расположен довольно большой очаг — длиной свыше 1,5 м, шириной около 0,8 м. В углистом очажном слое обнаружено несколько крупных обожженных камней, обломки керамики, обожженные мелкие фрагменты костей животных. Здесь была сосредоточена большая часть находок, сделанных в землянке.

В северо-западном углу землянки находился проход в следующее к северу жилище. Наиболее хорошо сохранилась средняя его часть. Пол жилища был на глубине 0,7—0,8 м. Здесь располагался большой очаг, вытянутый с северо-востока на юго-запад. У западной стенки землянки на глубине около 0,7 м в темном пятне был найден раздавленный горшок, лежавший кверху дном, и рядом с ним — довольно крупный камень. К югу от очага на уровне пола землянки наблюдалась полоса светлого песка, по-видимому, на месте лежавшего у очага дерева или другого предмета, плотно прикрывавшего пол жилища, так что под этот предмет не проникал темный слой, из которого состоял пол.

В юго-западной части полянки, где находилась вторая группа жилищ, в 1943 г. П. П. Ефименко был заложен небольшой шурф, который дал довольно большое количество костей животных в золистом слое, почему это место и было названо «костищем». В 1947 г. рядом с ним, к востоку, была проведена небольшая траншея (2 × 6 м) и получен материал такого же характера. В разрезе восточной стенки траншеи наблюдалось следующее чередование слоев: под дерном толщиной около 7—8 см до глубины около 0,7 м лежал слой с находками, в котором четко выделялись 3 горизонта — супесь темно-серая, светло-серая и рыхлая коричневатая; ниже шел подстилающий песок. Второй горизонт культурного слоя содержал много золы. В нем находилось большое количество костей животных; кости были лучшей сохранности, чем в обычном культурном слое стоянки, состоявшем из супеси, более или менее интенсивно окрашенной гумусом, обычно темно-серого цвета.

В северной части полянки, на опушке леса находился небольшой курган диаметром около 8 м и высотой 0,5—0,6 м. Он сильно оплыл и зарос травой. После зачистки северной половины его на глубине 0,2 м в центральной части стали попадаться отдельные кости человека. На глубине около 0,3 м от поверхности в северной и отчасти в южной половине холма были обнаружены 4 скелета, из них два (№ 1 и 3) лежали в вытянутом положении на спине, головой на север и северо-восток, кости других находились в беспорядке. Никаких вещей не было. Костяки лежали в культурном слое, поэтому могильных пятен проследить не удалось. Нижняя граница культурного слоя имела неровные очертания, и, по-видимому, здесь была лишь небольшая насыпь над захоронениями. Трупы людей были положены на горизонте и забросаны землей.

Согласно определению В. И. Цалкина здесь было обнаружено 165 костей человека, происходивших от 5—6 лиц. В этом же раскопе найдены кости лошади (43 кости от 3 особей), коровы (41 кость от 4 особей), овцы или козы (4 кости от 1 особи), свиньи, может быть, дикой (4 кости от 2 особей), собаки (1 кость) и лося (3 кости от 1 особи). Кроме обожженных и необожженных костей животных, в культурном слое встречались обломки глиняной посуды того же типа, что и в соседнем раскопе, и много битого камня. Из отдельных находок интересны 2 каменных песта и 2 мелких обломка полированных орудий.

Среди каменных орудий оказались 2 кремневых наконечника стрелы, один — ланцетовидной формы (рис. 8, *1*); он был найден на полу жилища III. Второй наконечник стрелы — треугольной формы (рис. 8, *2*). Скребков обнаружено два, оба — на отщепах сероватого кремня (рис. 8, *4, 5*).

Интересно массивное скребковидное орудие подчетырехугольной формы, из куска гальки, найденное в землянке II. Рабочий край его расположен на короткой стороне; на нем имеются следы работы в виде за-

ломов. Длинная сторона орудия подработана только с брюшка; здесь также заметны заломы, может быть, указывающие на то, что орудие употреблялось как долбящий инструмент (рис. 8, *3*).

Из крупных каменных орудий встречены часть каменного молотка или кирки из черного камня с двумя противолежащими выбоинами для привязывания и сильно обитым

Бедность кремневого инвентаря стоянки в целом указывает на то, что металл — медь и бронза — уже широко употреблялся ее обитателями, но металлических предметов обнаружено очень мало. Соотношение кремневых и каменных орудий центральной и восточной частей Луговской стоянки показывает, что в последней число кремневых орудий еще меньше, чем в первой. Ножевидные

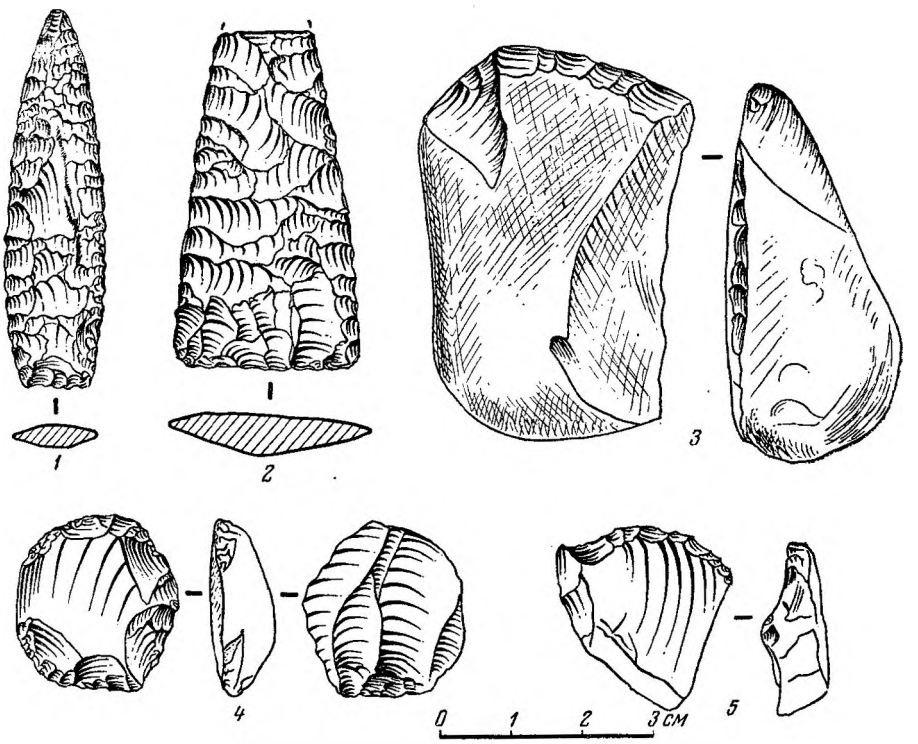


Рис. 8. Кремневые орудия с Луговской стоянки II.

1, 2 — наконечники стрел; *3* — скребковидное орудие; *4, 5* — скребки.

рабочим краем, а также 2 песта; один пест найден у очага жилища IV. Помимо пестов, в коллекции имеется массивная терка из черного камня с заполировавшейся в процессе работы поверхностью. Это орудие, вероятно, служило верхним камнем зернотерки. Найдены на Луговской стоянке II и нижние плиты зернотерок. Обе плиты имеют небольшие размеры и немного вогнутую рабочую поверхность. Кроме того, в культурном слое изредка попадались кремневые отщепы и осколки, мелкие обломки полированных орудий, куски битого камня и гальки.

пластинки отсутствуют, скребков — лишь 2 экземпляра, зато увеличилось число плит от каменных зернотерок, причем последние находились на полу землянок Луговской стоянки II. Это обстоятельство указывает и на более поздний облик периферийной части поселения, и большее развитие земледелия у населения более поздних частей стоянки. Кости животных из раскопок Луговской стоянки II определены В. И. Цалкиным. Они принадлежали домашним животным: крупному рогатому скоту (88 костей от 5 особей), лошади (64 кости от 4 особей), мелкому

рогатому скоту (9 костей от 3 особей), свинье (7 костей от 3 особей) и диким животным: лосю (11 костей от 2 особей), медведю (3 кости от 1 особи) и бобру (3 кости от 1 особи).

Основную массу находок Луговской стоянки II составляет керамика. За 2 года раскопок удалось выделить около 150 сосудов, различающихся по форме, размеру и орнаменту.

Среди глиняной посуды мы видим те же формы сосудов, что и в центральной части древнего поселения, но количественное соотношение их совершенно другое. Фрагменты посуды, относящейся к более раннему времени, здесь отсутствовали; сосуды андроновского типа представлены почти исключительно мелкими обломками от нескольких горшков; формы, близкие к остроребериым сосудам, характерные для посуды срубного типа, единичны, так же как крупные высокие горшки с загнутым внутрь краями и выпуклыми стенками и сосуды на поддонах; очень немногочисленны сосуды с налепом или защипом на шейке.

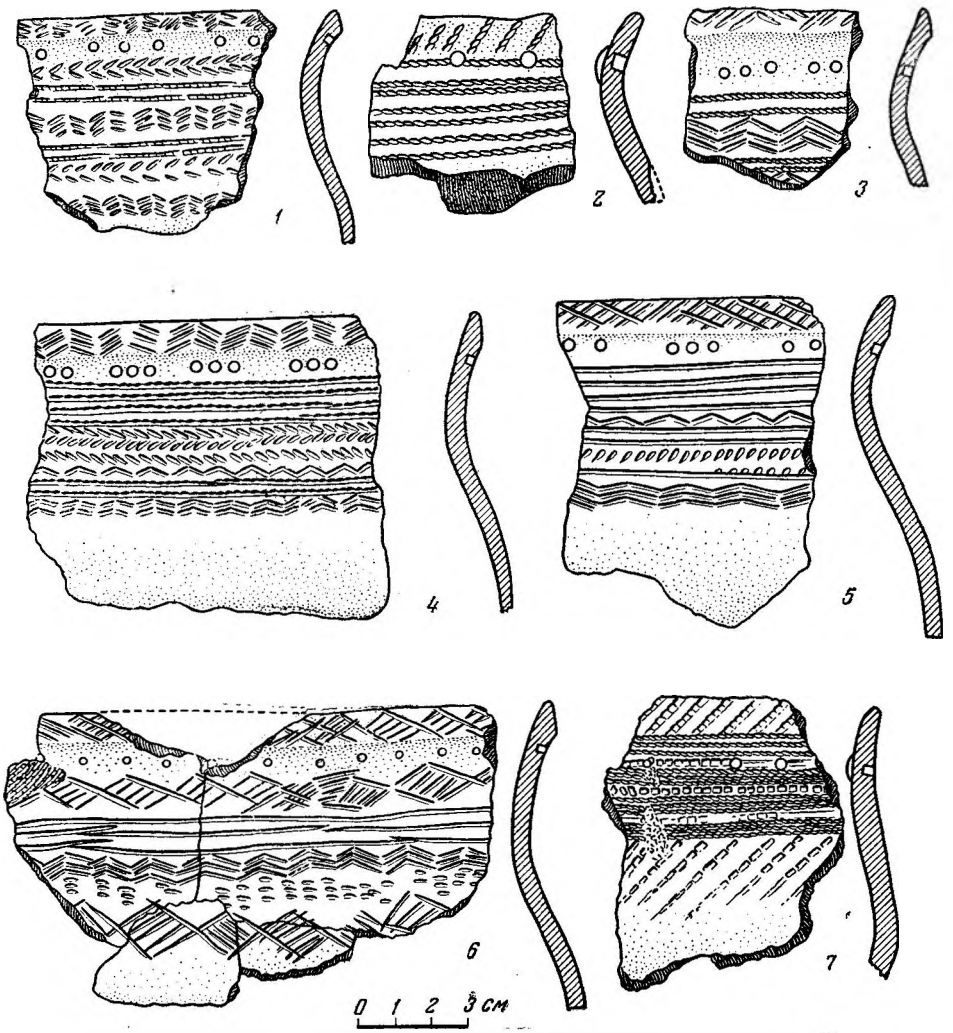


Рис. 9. Преобладающие формы сосудов с Луговской стоянки II (*1*—*7*).

Преобладающую массу керамики Луговской стоянки II (более 50% всех сосудов) составляют горшки различного размера с отогнутыми краями, часто с выпуклым валиком

на шейке, выпуклыми стенками и, по-видимому, плоским дном. В глине сосудов этого типа имеется примесь дробленой раковины.

глине, валиком вокруг горла, орнаментом из горизонтальных зон различных узоров, расположенных в верхней части (часто

Рис. 10. Предметы с Луговской стоянки II.

1—3 целые сосуды; *4* — бронзовый диск; *5* — глиняное грузило; *6* — глиняный горшочек; *7* — бронзовая пронизка; *8* — бронзовое долото (*4—8* из западной части стоянки).

Орнамент расположен в верхней части сосудов, на выпуклом валике и на шейке (рис. 9, *1—7*).

Этот преобладающий тип сосудов сближается с ананьинской посудой примесью в

совершенно подобным орнаменту на ананьинских сосудах), но отличается плоским дном. Следует отметить, что 2 больших сосуда этого типа, найденных на полу у северной и западной стен жилища III Луговской стоян-

ки II, по-видимому, были слегка врыты в землю и, очевидно, служили для хранения запасов (рис. 10, *1*).

Интересен сосуд на поддоне (единственный в материале стоянки), найденный почти целым в культурном слое на глубине 0,4 м. Сосуд имеет вид небольшой вазы с короткой полой ножкой; наибольшая ширина его — в верхней трети. Он сделан от руки из хорошо отмученной глины с небольшой примесью мелкого шамота; внутренняя поверхность хорошо заглажена, внешняя — лощеная. Орнамент расположен на слегка отогнутой шейке и на плечиках (рис. 10, *3*).

Еще один сосуд, который удалось склеить, представляет собой небольшой плоскодонный горшок, небрежно сделанный от руки и не совсем симметричный. Внутри он заглажен, снаружи имеет следы лощения без орнамента. Небольшая шейка слегка отогнута, плечики хорошо выражены, стенки выпуклые (рис. 10, *2*).

Второй, менее широко распространенный тип посуды среди керамики Луговской стоянки II,— это небольшие чашки, часть которых, видимо, имела круглое дно. Эта посуда является прединаньинской.

В западной части стоянки, где производились раскопки могильника ананьинского времени, найдены: бронзовые долото (рис. 10, *8*), трубочка-пронизка (рис. 10, *7*) и диск (рис. 10, *4*); несколько каменных орудий и отщепов кремня, нижняя плита от зернотерки, пест, небольшая терка, глиняное грузило и незначительное количество фрагментов костей животных и обломков глиняной посуды. Долота подобной формы известны из комплексов конца бронзовой эпохи, например из Дербеденского клада [5], бронзовый массивный диск,— может быть, умбон от щита.

Каменные орудия представлены топором из твердой породы серовато-коричневого цвета, сильно разрушенным; наконечником стрелы из светлого кремня, ланцетовидной формы, в разрезе овальным (нижняя часть и острие обломаны); скребком на неправильном коротком отщепе светлого кремня. Кроме того, в коллекции, собранной на территории могильника, имеется обломок довольно крупного кремневого орудия.

Из керамических изделий, помимо глиняной посуды, в западной части стоянки найдено глиняное грузило — одна из немногих находок, относящихся к рыболовному инвентарю. Это массивный глиняный диск диаметром 6 см, толщиной около 1 см, с отверстием в центре (рис. 10, *5*).

Среди обломков глиняной посуды, происходящих с территории могильника, почти не встречено чего-либо аналогичного материалу стоянки Луговской. Наиболее архаичные обломки посуды из западной части стоянки — это толстостенный черепок с примесью песка, по-видимому, сплошь покрытый удлиненными серповидными ямками, и 2 фрагмента толстостенного сосуда без орнамента, найденных в небольшой яме на глубине около 1 м.

В числе обломков посуды (преимущественно мелких) от двух-трех десятков сосудов преобладали тонкостенные с примесью раковины в глине, часто с выпуклыми (в большинстве случаев — узкими) валиками по обрезу края, орнаментированные ямками, оттисками шнура и зубчатого штампа; при этом орнаменты типа Луговской стоянки II расположены в верхней части сосудов. Следует отметить, что здесь довольно часты шнуровые узоры в виде горизонтальных поясков, сетки из косых вдавлений и крестиков, расположенных на шейке и плечиках, чаще всего в сочетании с круглыми ямками. В одном случае встречены даже треугольники, направленные вершинами вниз, которые на сосудах из центральной части стоянки наносились зубчатым штампом или нарезкой, а здесь сделаны оттисками шнура.

Обломков посуды более толстостенной, с примесью в глине шамота, с орнаментом из углов и треугольников, ромбов, лесенок и зигзагов, какие наблюдались в центральной части поселения (Луговская стоянка I), тут немного — всего несколько фрагментов; кроме того, здесь был найден маленький плоскодонный горшочек без орнамента (рис. 10, *6*).

В общем глиняная посуда западной периферии стоянки имеет тот же характер, что и посуда восточной ее части, только находок здесь значительно меньше, а следов жилищ не встречено. Следовательно, наиболее древней частью Луговского поселения является центральная его часть (Луговская стоянка I).

---

[5] Н. И. Булычев. Древности из Восточной России. М., 1904, стр. 7 и сл.

Немногочисленные кости животных, найденные при раскопках могильника в западной части стоянки, принадлежат домашним и диким животным. В этой части поселения также устанавливается преобладание костных остатков домашних животных над костями диких.

Согласно определению В. И. Громова, из домашних животных древнее население стоянки имело крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинью,— всех тех домашних животных, которые и в настоящее время разводятся населением Прикамья. Преобладающее количество костей принадлежит крупному рогатому скоту; кости лошади, мелкого рогатого скота и свиньи представлены одиночными экземплярами. Лошадь отличалась очень мелкими размерами. Кроме того, здесь найдены кости диких животных — медведя, волка и лося.

Из предметов, связанных с земледелием, на территории могильника обнаружена небольшая зернотерка, а из вещей, характеризующих рыболовство,— глиняное грузило.

Курганный могильник

На опушке леса, к северу от центральной и восточной частей стоянки расположено несколько небольших, поросших лесом курганов, диаметром от 5 до 11 м, высотой от 0,5 до 1 м. Это Луговской курганный могильник.

Всего было вскрыто 5 курганов (№ 1 — 5).

В насыпи кургана № 1 (диаметр — около 8 м, высота — около 60 см) встречались мелкие фрагменты глиняных сосудов и небольшие обломки костей человека. Могильные пятна представляли собой широкие четырехугольники, вытянутые с востока — северо-востока на юго-юго-запад; границы их в некоторых местах были не совсем ясны (рис. 11, *I*).

Очертания пятна 1 (западного) имели вид довольно правильного четырёхугольника с округлыми углами. Часть черепа человека и отдельные фрагменты костей были найдены вне могильного пятна. Длина могилы — около 220 см, ширина — 110—120 см и глубина — около 1 м.

У могилы 2 были неправильные очертания, с выступом к югу. Она оказалась разрушенной в западной половине, где найдены зуб человека и 2 обломка кости, явно смещенные. У западной границы могилы находился небольшой раздавленный круглодонный горшок, видимо, стоявший на месте (рис. 12, *I*). Длина могилы — около 2,4 м, ширина в восточной части — примерно 0,75 м (западная часть значительно шире), глубина — приблизительно 0,8 м. Других находок не было.

Курган № 2 (диаметр — 8 м, высота — 0,6 м) расположен в юго-западной части могильника, почти на самой опушке леса. В южной части насыпи кургана (рис. 11, *II*) на глубине 0,2 м от поверхности, на краю углистого пятна обнаружен череп человека. Это пятно содержало обломки глиняной посуды, типичные для Луговской стоянки II. Угли и мелкие фрагменты керамики встречались также к западу от углистого пятна. На глубине 0,3 м здесь же были найдены обломок полированного орудия (может быть, топора) и массивный отщеп кварцита со следами обработки. Ниже горизонта, под слоем жженого песка оказалась плотная, обожженная красная глина. В западной части южной половины насыпи с самого верха наблюдалась перекопанная, более темная земля с мелкими черепками.

У восточного края раскопа с глубины 0,4 м открылась яма неправильных очертаний, нижняя часть которой на 0,1 м была заполнена углистым, а верхняя — темным слоем. Между углями оказалось пятно обожженного песка. Находок возле ямы не обнаружено.

Ямы, заполненные углисто-красным слоем, очевидно, были местами, где долго горел огонь и приносились заупокойные жертвы, хотя в этих ямах и возле них находок нет. Вероятно, и череп человека, найденный в насыпи у края углистого пятна, тоже являлся заупокойной жертвой.

Ниже горизонта,— отчасти на месте слоя плотной, обожженной красной глины, отчасти к западу от него,— оказалось углистое пятно со слоем красного жженого песка посередине; длина пятна — около 1 м, ширина — примерно 80 см; оно шло до глубины 20 см.

Под насыпью кургана вскрыты 3 могилы. Погребение 1 (западное) являлось наиболее

поздним, так как темная перекопанная земля могильной ямы с мелкими обломками керамики и угольками прослеживалась в насыпи, начиная с самого верха. Очевидно, это было выпускное погребение. В насыпи, спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентировка могилы и погребения — с северо-востока на юго-запад (головой на юго-запад, лицом на юго-восток; рис. 11, *II*). На расстоянии около 30 см к юго-востоку от

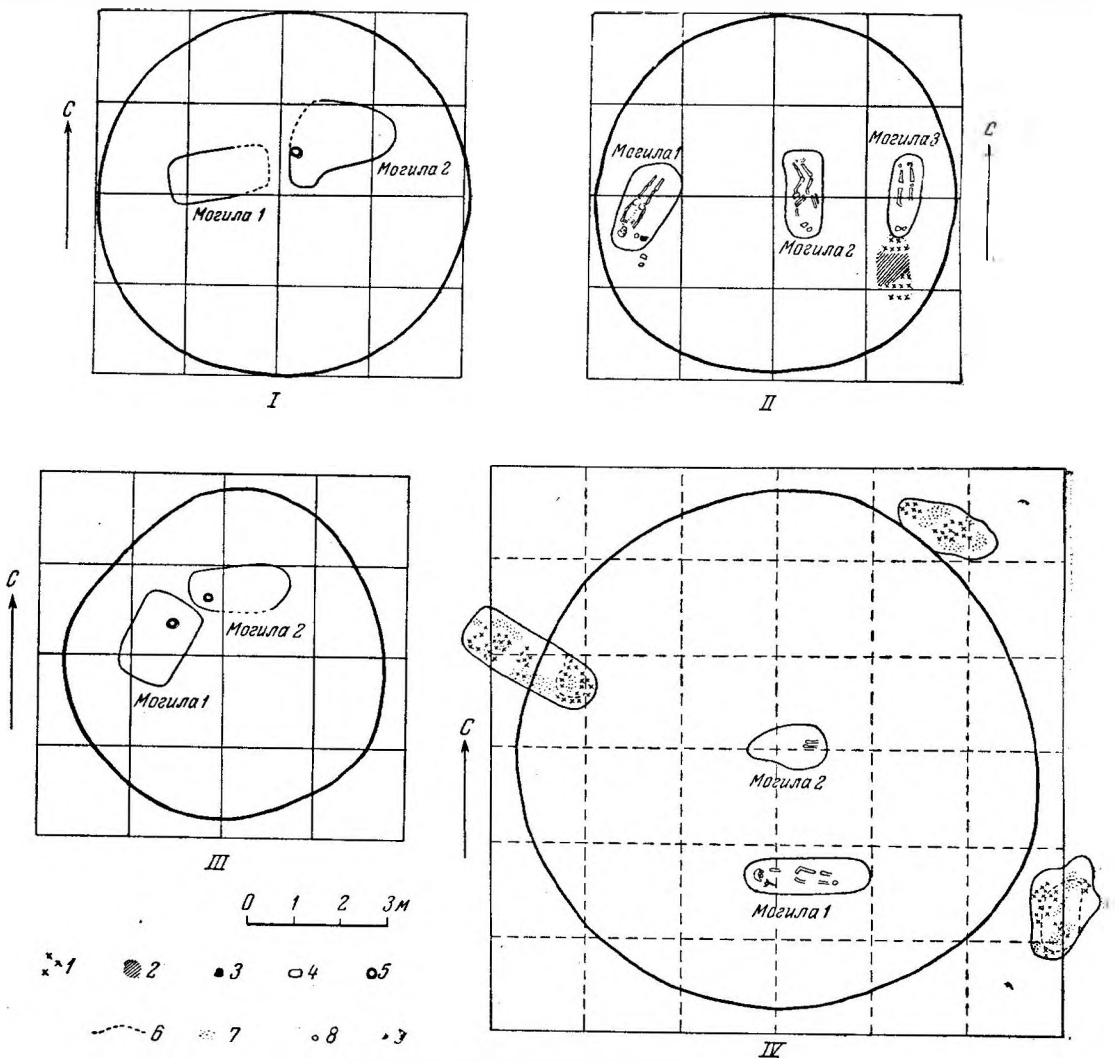


Рис. 11. Луговские курганы:

I — курган № 1; *II* — курган № 2; *III* — курган № 3; *IV* — курган № 4; *1* — угли; *2* — обожженная глина; *3* — керамика разбитая; *4* — кости животных; *5* — сосуды; *6* —граница ямы; *7* — обожженный песок; *8* — бронзовое колечко.

на глубине около 0,5 м от поверхности найдено пластинчатое бронзовое колечко с заходящими друг за друга концами, орнаментированное косыми насечками. В могиле (длиной 2 м и шириной 1 м) на глубине около 1 м под насыпью лежал костяк взрослого человека в вытянутом положении на черепа лежало небольшое серебряное колечко с заходящими друг за друга концами (рис. 12, *4*). Других находок не было.

В центре кургана на глубине 0,4—0,5 м ниже горизонта в хорошо заметной могиле овальной формы (длиной 1,8 м, шириной около 0,8 м), вытянутой с севера на юг,

находилось погребение 2. Дно могилы было плоское, края — почти отвесные. Костяк лежал на спине с полусогнутыми в коленях ногами, головой на юг. Правая рука была вытянута, левая — согнута в локте.

В восточной части кургана обнаружена еще одна могила овальной формы, длиной около 2 м, шириной приблизительно 0,8 м, вытянутая с севера на юг. Глубина ее — около 0,7 м. В могиле лежал небольшой костяк, вытянутый на спине, головой на юг. От черепа сохранились лишь мелкие фрагменты и несколько зубов; частично уцелели длинные кости ног. К востоку от верхней части ног в могиле лежал обломок крупной кости животного.

Курган № 3 (диаметром около 7—8 м, высотой примерно 0,5 м) сильно оплыл, порос лесом и кустами. Под насыпью находились 2 могилы (рис. 11, *III*). Кости в них совершенно истлели. Могилы шли до глубины около 0,9 м. Первая из них (западная) имела 2 м в длину, свыше 1 м в ширину и была вытянута с северо-востока на юго-запад. В северо-восточной части могилы на глубине 0,4—0,5 м находился раздавленный, очень плохо сохранившийся сосуд, плоскодонный, с валиком вокруг шейки и орнаментом из небольших ямок (рис. 12, *3*). Вторая могила имела расплывчатые очертания. Костей человека в ней не сохранилось. На глубине около 0,7 м в юго-западной части пятна обнаружено 2 обломка верхней части сосуда с налепным зигзагообразным валиком немного ниже венчика. Выше налепа расположен орнамент, состоящий из ромбов, нанесенных зубчатым штампом; ниже налепа идут косые полосы того же штампа (рис. 12, *2*).

Курган № 4 — один из самых крупных курганов могильника; диаметр его — около 11 м, высота — 1 м. В насыпи на глубине 0,2 м наблюдались небольшие углистые пятна и мелкие черепки. Насыпь состояла из светлого песка, пронизанного корнями деревьев; иногда встречались темные пятна от сгнивших корней. На глубине 0,6 м в насыпи изредка попадались фрагменты костей человека и небольшие обломки глиняной посуды.

На горизонте,— частично под насыпью, частично вне ее,— в пределах раскопа обнаружились большие углистые пятна с участками обожженного песка оранжевого цвета. Уголь и обожженный песок заполняли ямы

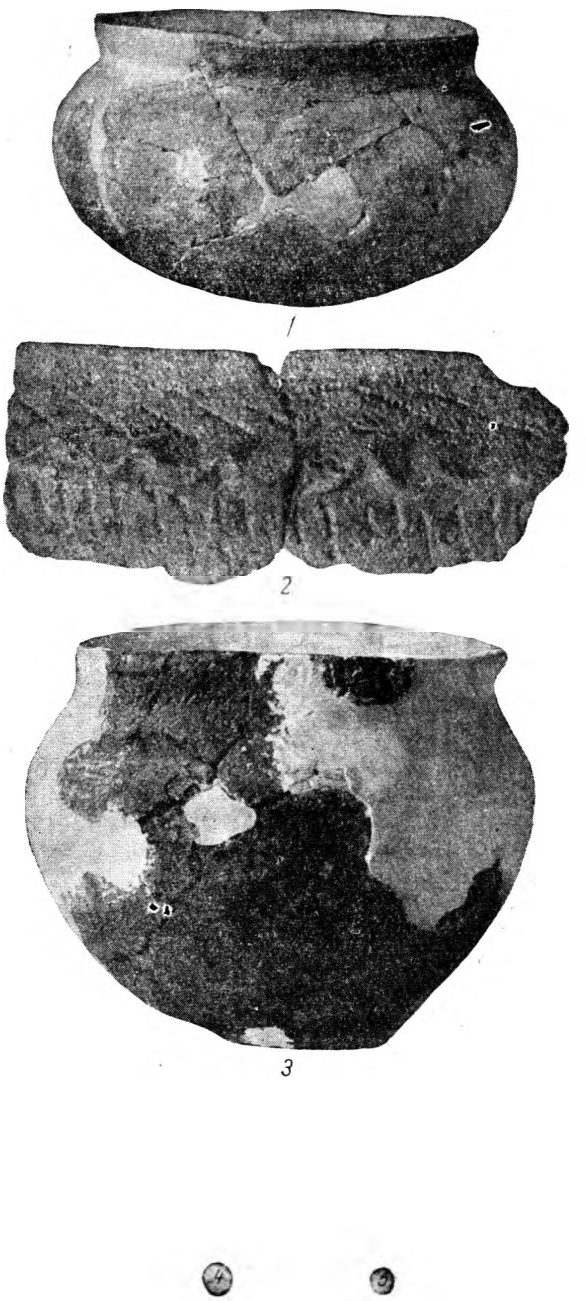


Рис. 12. Предметы из курганов:

1 — сосуд из могилы 2 кургана № 1; *2* — часть сосуда из могилы 2 кургана № 3; *3* — сосуд из могилы 1 кургана № 3; *4* — серебряное колечко из могилы 1 кургана № 2; *5* — бронзовый рыболовный крючок из могилы 1 кургана № 4.

разной глубины. Яма в юго-восточном углу раскопа имела четырехугольные очертания (длина — около 1,5 м, ширина — примерно 1 м) и шла до глубины 1,1 м (рис. 11, *IV*). В северной части раскопа яма была вытянутой формы, напоминающей ромб; длина ее — около 2 м, ширина — 1 м, глубина — 0,3 м. В западной части раскопа яма (длиной около 2,5 м, шириной 0,9 м и глубиной 0,3 м) имела правильную четырёхугольную форму. Очевидно, эти ямы связаны с заупокойными обрядами и, может быть,— с жертвами.

Под насыпью кургана обнаружены 2 погребения: одно — в центре, другое — в южчасти части кургана. Центральное погребение (№ 2) сохранилось частично. По-видимому, могила была ограблена, и при этом часть костей выброшена. Могильное пятно, вытянутое с востока на запад (особенно в западной части), имело неправильную форму. На глубине 0,2 м в могиле оказались лишь части длинных костей ног.

Второе погребение (№ 1) находилось на глубине около 0,3 м в ясно выраженной длинной, вытянутой с востока на запад могиле овальной формы. Длина ее — 2,5 м, ширина — 0,7 м. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Положение рук неясно, так как уцелели лишь верхние части плечевых костей. На правом плече оказался бронзовый рыболовный крючок (рис. 12, *5*). Длинные кости ног тоже плохо сохранились; череп раздавлен, мелкие кости отсутствовали. Костяк лежал на песке, а в головах его была прослойка красной глины.

Более темные очертания могил, начиная с горизонта, можно объяснить только подсыпкой в могилы углистого слоя из жертвенных костров. Иногда в заполнении могил попадались мелкие угольки.

Курган № 5 находился на самой опушке леса, в восточной части могильника; диаметр его — около 7 м, высота — 0,5 м.

В центре насыпи с глубины 0,2 м обнаружилось пятно обожженного песка с углем, длиной и шириной 0,8 м, которое шло до глубины 0,3 м; очевидно, это остатки жертвенного костра. Ниже, до глубины 0,4 м оказалось углистое пятно меньших размеров. На глубине 0,4 м в пределах углистого пятна был найден зуб барана. В северной части насыпи на глубине 0,2 м наблюдалось пятно обожженной земли из мелких крапинок оранжевого цвета в темном слое. В нем найдены 3 черепка. Кроме того, во всех горизонтах насыпи попадались мелкие обломки 6—7 глиняных сосудов типа Луговской стоянки II.

Под насыпью в южной половине кургана на фоне светлого песка вырисовывались очертания более темного могильного пятна, вытянутого с северо-востока на юго-запад; длина его — около 1,6 м, ширина — 0,6—0,7 м. По мере углубления могильное пятно несколько смещалось к западу и увеличивалось в размерах. На глубине 0,8 м длина его опять составляла около 1,6 м, ширина — 0,5—0,6 м. Ниже 0,8 м пошла материковая глина. Никаких вещей или человеческих костей в могиле не найдено.

Может быть, мы здесь имеем дело с изредка наблюдавшимся явлением, когда для человека, умершего на чужбине, на родине рыли могилу и совершали обычные погребальные обряды. Иногда в таких могилах находились вещи, но кости умерших отсутствовали.

Вопрос о датировке курганного могильника не совсем ясен. Если погребения с сосудами в курганах № 1 и 3 можно считать одновременными Луговской стоянке II, где имеются подобные сосуды, то погребения в остальных курганах, отличающиеся ориентировкой (кроме впускного погребения в кургане № 2) и погребальным обрядом (наличием остатков жертвенных костров и в одном случае — погребальной человеческой жертвы), можно датировать лишь весьма приблизительно.

В насыпях всех курганов встречались мелкие обломки глиняных сосудов, по форме и орнаменту близкие к типам Луговской стоянки II; можно думать, что эта посуда связана с погребальным обрядом, так как, во-первых, в насыпи каждого кургана встречались фрагменты небольшого количества сосудов, иногда лежавшие кучкой, а во-вторых, культурный слой близлежащей стоянки на территории курганного могильника отсутствует. Это позволяет предполагать, что все исследованные Луговские курганы синхронны Луговской стоянке II.

* * *

Рассмотрение материала раскопок Луговской стоянки и курганов позволяет сделать следующие выводы:

1. Археологические памятники, расположенные близ поселка Лугового, принадлежат одной культуре.

2. Время, когда Луговское поселение было обитаемо и когда производились захоронения в курганном могильнике, относится к концу II тысячелетия — началу I тысячелетия до н. э.

3. Ананьинские памятники на нижней Каме генетически связаны с поселением луговского типа.

4. Отдельные части Луговского поселения не одновременны. Наиболее древняя часть его — центральная; восточная и западная части — несколько более поздние.

5. Древнее население занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей. Следует отметить все возраставшую роль земледелия. В состав стада входили все современные домашние животные этого района — крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья. Разводился главным образом крупный рогатый скот.

6. Население стоянки употребляло металлические орудия и было знакомо с металлургией меди. Оно изготовляло орудия из кости, умело обрабатывать волокно.

7. Формы и орнамент сосудов указывают на связи с племенами срубной и андроновской культур.

8. Находки костей человека в жертвенном очаге (землянка I в центральной части стоянки) и черепа в кургане № 2, по-видимому, указывают на существование человеческих жертвоприношений.

9. Наличие жилищ, состоящих из соединенных проходами землянок, характеризует родовое общество, где, судя по инвентарю вскрытых погребений, еще не выделилась родовая знать, или этот процесс только зарождался.

2. ЗЕЛЕНОВСКАЯ СТОЯНКА II

Зеленовская стоянка II расположена в пределах Татарской АССР, на правом берегу р. Утки, являющейся в этом месте границей между Татарской АССР и Ульяновской областью. Открыта в 1939 г. Ближайший к стоянке населенный пункт, от которого она и получила название,— дер. Зеленовка Ульяновской области, лежащая напротив стоянки, на левом берегу реки.

Описываемая стоянка получила название «Зеленовка II», так как немного севернее обнаружена другая стоянка, находившаяся на берегу заболоченной протоки (видимо,— старицы р. Утки) и названная «Зеленовка I». Последняя была совершенно разрушена долголетней распашкой; там найдено небольшое количество обломков кремневых орудий и мелких фрагментов глиняной посуды. Зеленовская стоянка II, напротив, имеет довольно толстый культурный слой и занимает большую площадь (около 50 тыс. кв. м). Раскопки были сосредоточены в южной части. Вдоль берега р. Утки заложены 4 раскопа общей площадью около 300 кв. м. В северной части стоянки, для определения ее границ к северу, заложили 3 небольших шурфа.

Раскопки стоянки показали, что место это было заселено дважды — в конце II тысячелетия до н. э. и в конце I тысячелетия — начале II тысячелетия н. э. В разрезе стенок всех раскопов ясно прослеживалось разделение культурного слоя на горизонты. Под дерном, до глубины 17—27 см, находился пахотный слой — глинистый чернозем (черного цвета) с включением корневых остатков; это верхний культурный слой. В нем залегали поздние вещи — железный нож, бипирамидальное глиняное пряслице, обломки грубой неорнаментированной глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, кости животных. Ниже, до глубины 47—63 см, залегал культурный слой, состоявший из плотного глинистого чернозема темно-серого цвета, ореховатой структуры. В нем находились каменные орудия, обломки сделанной от руки орнаментированной глиняной посуды, кости животных, круглое глиняное пряслице и другие находки, относящиеся к концу бронзовой эпохи. Ниже, до глубины 58—80 см, шел плотный смешанный слой темно-бурого цвета, состоявший из нижнего культурного слоя и глины, почти без находок, который подстилался материковой глиной.

Для проверки предположения о том, не являются ли большие, но очень неглубокие

впадины, наблюдавшиеся на поверхности стоянки, следами жилищ, был заложен раскоп IV (размером 2 × 10 м), разрезавший одну из таких впадин поперек, но в разрезе стенок его оказалось обычное чередование слоев.

Находки, обнаруженные при раскопках стоянки, и толщина культурного слоя не позволяют считать это поселение временным; по всем данным, это было постоянное поселение, однако ни в одном раскопе не встречено следов жилищ-землянок, хотя на поверхности и были заметны неглубокие впадины. Остается предположить, что жилища были наземными; это подтверждается многочисленными находками мелких кусков обожженной глины,— может быть, остатков обмазки стен, хотя эти куски не встречались в большом количестве, сосредоточенном в одном месте. Поэтому вопрос о характере жилищ Зеленовской стоянки в настоящее время не может быть решен.

Еще более удивительно то, что ни в одном из раскопов не были встречены остатки очагов, которые обычно находятся на поселениях и вне жилищ. Можно предположить, что более позднее население стоянки уничтожило остатки существовавших здесь ранее жилищ, и, может быть, несколько сравняло площадь поселения. Возможно, что распашка поля в какое-то время доходила до самой р. Утки и еще более сравняла прибрежную полосу земли, на которой нами производились раскопки.

Хотя во время раскопок Зеленовской стоянки II металлических предметов не обнаружено, употребление их древними обитателями этого поселения не вызывает сомнений, так как кремневых орудий найдено очень мало и среди них отсутствовали такие необходимые орудия труда, как топоры и долота, не говоря уже о серпах или наконечниках копий. Следует отметить, что на поселениях эпохи бронзы находки металлических орудий труда и украшений очень редки; металл был дорог, и металлические предметы берегли и не выбрасывали (даже обломки их шли в переплавку). Однако при раскопках близлежащей и примерно синхронной Гулькинской стоянки в культурном слое и на полу жилища найдены 2 бронзовых ножа, несколько обломков бронзовых (или медных) предметов и куски шлака.

Из каменных орудий на Зеленовской стоянке II встречены лишь наконечники стрел (2 экземпляра), нож (1 экземпляр), скребки (6—7 экземпляров), обломок песта, округлая галька со следами легких ударов на краях и около трех десятков отщепов неправильной формы, изредка — со следами работы. Среди подъемного материала (1939 г.), собранного главным образом у обнажения культурного слоя в обрыве берега р. Утки, имеются 4 скребка и ножевидная пластинка.

Каменные орудия изготовлены из валунного кремня, главным образом светлого, сероватых и желтоватых оттенков, изредка из яшмы; лишь ножевидная пластинка (из сборов 1939 г.) сделана из мелового кремня дымчатого цвета [6] и один наконечник стрелы — из темного серо-зеленоватого сланца (?). Встречались в культурном слое куски битого камня — непрозрачных кварцитовых пород, иногда со следами работы.

Оба наконечника стрел относятся к одному типу. Они имеют форму, близкую к треугольной, основание их слегка вогнутое, а боковые стенки немного выпуклые, особенно у наконечника из светлого кремня. Последний несколько более толстый, имеет на спинке и брюшке участки корки; посередине одной из сторон, в верхней части (у острия) находится выпуклая грань, от которой поверхность орудия снижается к краям. Наконечник почти сплошь обработан отжимной ретушью (за исключением части корки с одной стороны); длина его — 3,5 см, ширина основания — 1,6 см (рис. 13, *1*).

Наконечник, сделанный из темного серо-зеленоватого сланца (?), имеет несколько более правильную треугольную форму; он более плоский, чем предыдущий; в верхней части (у острия) с обеих сторон имеется выпуклое ребро. Сланец значительно хуже поддается обработке, чем кремень, поэтому у орудия тщательно обработаны лишь края; ретушь напоминает так называемую пильчатую, когда по краям идет ряд мелких зубчиков, как у пилы. В данном случае боковые края в нижней и средней частях также зубчатые. Зубчики очень мелкие и не совсем ровные. Середина с обеих сторон обработана лишь у острия, а в нижней и средней частях почти не обработана. Длина наконечника — 3,8 см, ширина основания — 1,7 см (рис. 13, *2*).

---

[6] Следует отметить, что меловой кремень в окрестностях дер. Зеленовка неизвестен.

Нож представляет собой довольно крупную ножевидную пластинку из светлого, желтоватого кремня. На спинке посередине — выпуклое ребро; брюшко гладкое, с хорошо выраженным ударным бугорком и цвета. На ней сохранился участок корки. Спинка имеет три почти ровных грани, брюшко плоское. Края не обработаны. Длина пластинки — 3,7 см, ширина — 1,1 — 1,3 см (рис. 13, *3*).

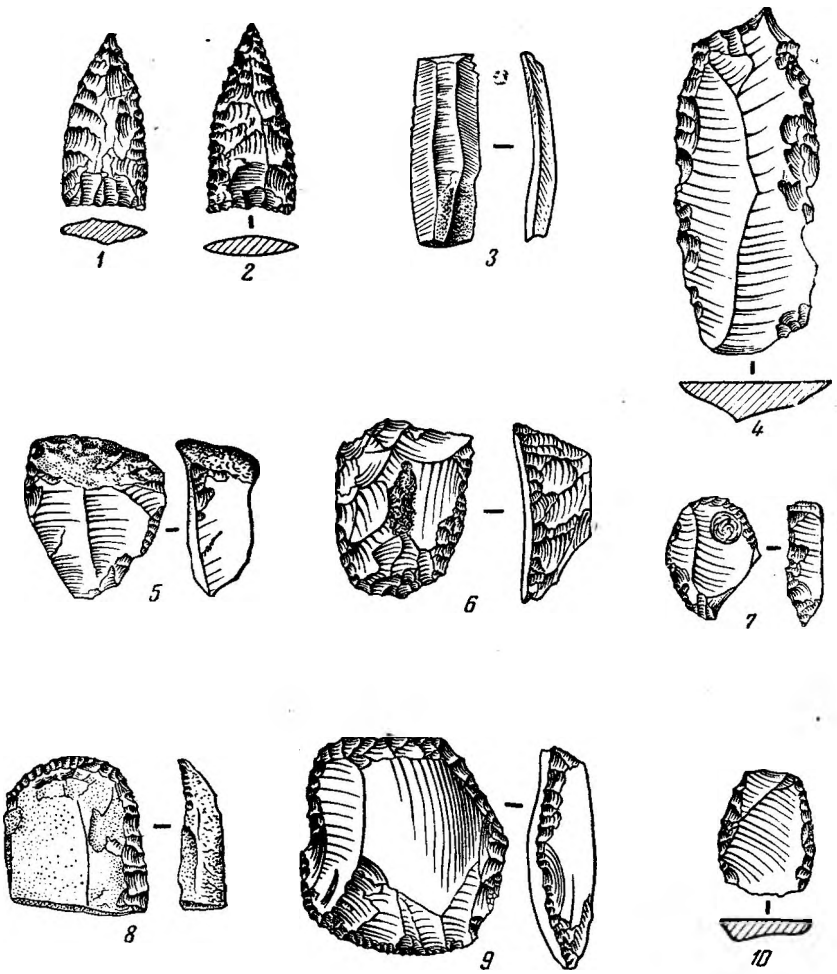


Рис. 13. Изделия из кремня.

1, 2 — наконечники стрел; *3* — ножевидная пластинка; *4* — нож; *5—10* скребки.

щербиной на его вершине. Боковые стороны были подправлены неровной ретушью и имеют следы работы. Нож был разбит пополам и при этом откололась часть брюшка с одной стороны (сейчас он склеен); длина его — 8 см, наибольшая ширина — 3 см (рис. 13, *4*).

Ножевидная пластинка (из разведок 1939 г.) имеет значительно меньшие размеры. Она была отбита от небольшого нуклеуса из полупрозрачного кремня дымчатого

Скребков в коллекции из раскопок стоянки — 5 экземпляров, из сборов 1939 г.— 4 экземпляра. Они относятся к следующим типам:

1. Массивные скребки на толстых отщепах более или менее правильной формы (2 экземпляра; один — из раскопок, другой — из сборов). Скребок из раскопок сделан из светлой яшмы с более темными полосами и большим участком корки. Он имеет форму,

близкую к треугольнику; обработан довольно крутой ретушью почти кругом со стороны спинки, посередине которой проходит выпуклое ребро. Рабочий край слегка дуговидный, крутой. Брюшко гладкое, вогнутое. Длина скребка — 3,3 см, ширина основания — 3 см (рис. 13, *5*). Скребок из сборов, изготовлен из светлого кремня с темно-серыми пятнами. Обработан со стороны спинки. Брюшко гладкое, рабочий край почти прямой, с небольшими выступами, и очень крутой. Посередине спинки на самой вершине находится небольшой участок корки (около 3 см; рис. 13, *6*).

2. Скребки на отщепах менее массивные, более или менее правильной формы (2 экземпляра; один — из раскопок, другой — из сборов). Скребок из раскопок, сделанный из светлого кремня с темной коркой, имеет вид, близкий к полуовалу. Рабочий край — дуговидный, обработан мелкой ретушью. Спинка, за исключением рабочего края, покрыта темной коркой; на брюшке — выбоины и мелкие следы сколов. Длина скребка — около 3 см, наибольшая ширина — 2,7 см (рис. 13, *8*). Скребок из сборов сделан из светлого, серо-желтоватого кремня и имеет округлую форму. Обработан кругом, со стороны спинки — отчасти более крутой, отчасти более плоской ретушью. Брюшко гладкое, неровное. Длина — 4,6 см, наибольшая ширина — 3,6 см (рис. 13, *7*).

3. Остальные скребки (4 экземпляра; три — из раскопок, один — из сборов) изготовлены на небольших неправильных отщепах, имеют неправильную форму с дуговидным или прямым рабочим краем, обработанным (за исключением одного) мелкой ретушью со стороны спинки. Один экземпляр — с более крутой ретушью. Брюшко орудий гладкое, в одном случае — сильно окатанное, покрытое так называемым «степным загаром» (рис. 13, *9, 10*).

Очень интересно одно небольшое орудие из сборов 1939 г. Оно имеет форму, близкую к трапеции, и сделано на небольшом тонком отщепе светлой яшмы с темными полосками. Обработаны две длинных стороны трапеции. С одной, более толстой стороны это скребок с довольно крутой ретушью; с другой стороны ретушь заостряющая, что создает режущий край ножа. Кроме описанных, в коллекции из раскопок стоянки имеются еще следующие каменные орудия:

1. Скребковидное орудие на массивном неправильном, сильно окатанном куске кремня, поверхность которого покрыта «степным загаром». Рабочий край прямой, ретушь неровная.

2. Скобель (на небольшом массивном обломке нуклеуса) с вогнутым рабочим краем, обработанным мелкой заостряющей ретушью. Мог употребляться для оскабливания деревянных и костяных предметов.

3. Ретушер, изготовленный из куска твердого непрозрачного кварцита с участком мелких блестящих кристаллов. Рабочий край прямой, с мелкими поперечными заломами — следами работы; они имеются и на другом ребре куска кварцита.

В коллекции из раскопок стоянки есть еще округлая, сильно окатанная галька, на краях которой заметны участки со следами работы в виде заломов и царапин, происшедших от дробления и растирания твердых, по-видимому, небольших предметов, вроде створок раковин. Следует упомянуть об обломке крупного орудия, сделанного из массивной окатанной гальки,— очевидно, песта. Песты имели разное назначение, но в основном, вероятно, служили для дробления руды. Во всяком случае, пестами наносили сильные удары, вследствие чего от них откалывались иногда большие куски. Одним из таких кусков и является описываемый обломок крупной гальки из твердого красного кварцита (?); на одной части его имеются идущие в разных направлениях зарубки от сильных ударов. Очевидно, этот кусок был отбит от верхнего или нижнего рабочего края песта. Длина обломка — 6,2 см, наибольшая ширина — 5,3 см.

Находки пестов многочисленны на поселениях бронзовой эпохи, но особенно часты на городищах и селищах ананьинского времени.

Переходя к характеристике глиняной посуды, собранной во время раскопок Зеленовской стоянки, прежде всего следует отметить фрагментарность материала. В раскопках и шурфах найдены главным образом мелкие обломки керамики; крупные обломки встречались редко, а целых сосудов не оказалось ни одного. Поэтому для большинства имеющихся в коллекции фрагментов установить форму сосудов невозможно. Сосуды различались по характеру верхней части или по орнаменту. Всего удалось выделить около

120 сосудов, но представление о форме их могут дать лишь обломки 30—40 экземпляров. Часть материала, особенно фрагменты стенок и днищ, при выделении пришлось просто не принимать во внимание, потому что установить их принадлежность тому или другому сосуду было очень трудно.

Проведенный анализ глиняной посуды из раскопок стоянки позволяет сказать следующее: все сосуды были плоскодонные, сделанные от руки, без помощи гончарного круга, ленточной техникой. У древнего населения стоянки существовали следующие формы глиняной посуды:

1. Банки с прямыми или слегка загнутыми внутрь краями (13 экземпляров).

2. Горшки с отогнутой шейкой и слабо выраженными плечиками (13 экземпляров), а также с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками.

3. Сосуды с высокой шейкой (3 экземпляра).

4. Сосуды, близкие к остроребериым (2 экземпляра).

5. Крупные сосуды с загнутыми внутрь краями (2 экземпляра).

В глиняном тесте сосудов — в тех случаях, когда это можно было выявить,— почти всегда встречаются примеси из шамота, дробленой раковины, кварца, мелких светлых крупинок, напоминающих мергель; кроме того, на внешней и внутренней поверхностях сосудов (чаще на последней) находятся следы исчезнувшей,— может быть, растительной,— примеси в виде мелких неправильных ямок.

Преобладающей примесью в глине (в 50 случаях) служили дробленые черепки (шамот); на втором месте (в 22 случаях) — мелкая светлая примесь в виде крупинок, напоминающих мергель; на третьем месте находился кварц (18 случаев), на четвертом — толченая раковина; у 11 сосудов наблюдались лишь следы исчезнувшей примеси — маленькие неправильные ямки; один сосуд был сделан из темной глины без примесей и в 17 случаях примесь выявить не удалось. Следует добавить, что иногда в глине одного сосуда наблюдалась не одна примесь: так, шамот в одном случае сочетался с примесью раковины, в трех случаях — с мелкими светлыми мергелевидными крупинками, в одном — со следами исчезнувшей примеси; дробленая раковина в трех случаях отмечена вместе со следами исчезнувшей примеси и также в трех случаях светлые крупинки обнаружены совместно со следами какой-то другой примеси.

Кроме того, неоднократно наблюдалось сочетание шамота, мелкой светлой примеси и раковины с кварцем. Так как кварц мог быть естественной примесью в глине, он принимался во внимание лишь в тех случаях, когда эта примесь была единственной; это не исключает возможности использования древними гончарами глины в том виде, в каком она находилась в природе (табл. 1).

Поверхность сосудов обрабатывалась при помощи ткани или кожи, зубчатого штампа, щепки, пучка травы; в единичных случаях на внешней поверхности посуды встречаются следы лощения. В табл. 2 приведены цифровые данные относительно обработки поверхности сосудов различными способами Преобладающим способом обработки внутренней и внешней поверхностей сосудов,— особенно последней,— было заглаживание при помощи ткани или кожи. Только тканью или кожей обработана внешняя и внутренняя поверхности 40 сосудов, тогда как одним зубчатым штампом заглажены обе поверхности 3 сосудов, щепкой или травой — также 3 сосудов. В большинстве случаев обработка поверхности сосудов производилась не одним способом, а двумя или даже тремя; так, внешняя и внутренняя поверхности сосуда № 5 были заглажены щепкой; затем верхний край, где был нанесен орнамент, сглаживали тканью или кожей, а на внутренней поверхности сохранились отпечатки зубчатого штампа. Многие сосуды снаружи были сглажены тканью или кожей, а внутри — зубчатым штампом или травой. Все эти наблюдения проводились в большинстве случаев над мелкими обломками посуды и поэтому не могут отличаться безусловной точностью. Очень интересно еще одно наблюдение: у обломка сосуда № 58 отслоился небольшой участок внешней поверхности, и благодаря этому можно было видеть, что она покрыта очень тонким слоем той же глины, но более гладкой и хорошо отмученной,— слоем, напоминающим обмазку или ангоб, но не отличающимся от глины всего сосуда ни цветом, ни составом.

Глиняную посуду обжигали на открытых кострах, что доказывается неодинаковым цветом внешней поверхности одного и того

Таблица 1

Примеси в глиняном тесте сосудов

Форма сосудов	Шамот	Дробленая раковина	Кварц	Мелкая светлая примесь	Следы исчезнувшей примеси	Без примесей	Неясная примесь
Банки (13 экземпляров)	9	1	2	2	3	—	—
Горшки:							
а) с отогнутой шейкой и слабовыраженными плечиками (13 экземпляров)	6	3	4	1	1	—	—
б) с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками (4 экземпляра)	1	—	—	1	—	1	—
Сосуды с высокой шейкой (3 экземпляра)	1	1	1	—	1	—	—
Сосуды, близкие к остроребериым (2 экземпляра)	2	—	—	—	—	—	—
Крупные сосуды с загнутыми краями (2 экземпляра)	2	—	1	—	—	—	—
Сосуды неясных форм (82 экземпляра)	29	5	10	18	7	—	17
Всего	50	10	18	22	12	1	17

же сосуда. В изломах фрагментов посуды можно видеть, что в середине их находится необожженная глина и прокалились лишь те ее части, которые расположены ближе к поверхности. Эти оба признака — пятнистая поверхность и неполный прокал — типичны для кострового обжига глиняной посуды. Толщина сосудов довольно значительная; она варьирует от 0,5 до 1,5 см, в среднем равна 0,7—0,8 см. Днища значительно толще; в среднем — 1,2—1,4 см, иногда же достигают 2 см толщины.

В общем посуда Зеленовской стоянки грубая, толстостенная, серо-коричневого или желтого цвета. Бо́льшая часть сосудов украшена орнаментом; не орнаментированных сосудов — около 10%.

Орнамент расположен в верхней части сосудов и состоит из ямок, отпечатков зубчатого штампа и шнура из резных линий. Элементы узора — заштрихованные и незаштрихованные углы и треугольники, горизонтальные, вертикальные и косые пояски однородных вдавлений, горизонтальная и вертикальная елочка, заштрихованные полосы и каннелюры.

Перейдем к описанию отдельных групп глиняных сосудов.

К первой группе (банки) относятся 13 плоскодонных сосудов с прямыми или загнутыми внутрь краями среднего размера. Диаметр венчиков (в тех случаях, когда венчики можно было измерить) колебался от 16 до 26 см. Толщина шеек сосудов — от 0,5 до 0,75 см, толщина стенок — от 0,65 до 1 см. Шейки почти во всех случаях тоньше стенок.

Среди посуды этой группы 4 сосуда — без орнамента. На остальных преобладает орнамент из отпечатков зубчатого штампа, образующих заштрихованные ромбы, сетку из ромбов, вертикальные зигзаги, елочки и зоны из косых вдавлений штампа; один сосуд орнаментирован ямками и резным узором, а по верхнему краю другого расположены косые нарезки (рис. 14, *1, 2*).

Вторая группа (горшки) включает 2 типа:

1. Горшки с отогнутой шейкой и слабо выраженными плечиками. Сюда относятся 13 сосудов, в большинстве случаев довольно крупных. Диаметры венчиков сосудов, когда их можно было измерить (только в 5 слу-

Таблица 2

Обработка поверхностей сосудов

Форма сосудов	Заглаженные сосуды						тканью или кожей и зубчатым штампом		Крупные неправильные полосы		Лощение		Мелкошероховатая поверхность		Мелкие параллельные полосы	
	тканью или кожей		зубчатым штампом		щепкой или травой											
	снаружи	внутри	снаружи	внутри	снаружи	внутри	снаружи	внутри	снаружи	внутри	снаружи	внутри	снаружи	внутри	снаружи	внутри
Банки (13 экземпляров)	12	11	4	5	—	1	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—
Горшки:																
а) с отогнутой шейкой и слабо выраженными плечиками (13 экземпляров)	12	8	2	1	2	—	—	—	1	1	—	—	1	—	1	—
б) с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками 4 экземпляра)	4	3	—	1	—	—	1	1	—	1	—	—	1	1	—	—
Сосуды с высокой шейкой (3 экземпляра)	3	2	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—
Сосуды, близкие к остроребериым (2 экземпляра)	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	(следы)	—	—	—	—	—
Крупные сосуды с загнутыми краями (2 экземпляра)	1	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сосуды неясных форм (82 экземпляра)	68	57	6	15	3	6	2	2	6	8	—	—	2	2	1	1
Всего — 119	102	81	14	23	7	9	4	4	7	10	1	—	5	5	2	1

чаях), варьировали от 16 до 28 см. Из 13 сосудов этой группы два не орнаментированы. На внешней поверхности остальных имеется орнамент, где преобладают узоры, нанесенные зубчатым штампом (на 5 сосудах) и состоящие из горизонтальных зон косых вдавлений, ромбов и горизонтальных полос. На одном горшке из сочетаний отпечатков зубчатого штампа и резных линий образуется сложный узор, напоминающий грубое, схематическое изображение животного. Четыре сосуда орнаментированы ямками круглыми, удлиненными и неправильными, в одном случае — в сочетании с резными полосами; в другом случае круглоямочные вдавления комбинируются с ногтевыми (рис. 14, *4, 5, 8*).

2. Горшки с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками. В эту группу входят 4 сосуда. Они наиболее тонкостенные, особенно сосуд № 83, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент шейки. Это единственный во всей коллекции экземпляр, у которого шейка имеет толщину всего 0,4 см. Наибольшая толщина стенок в этой группе равна 0,7 см.

Орнамент сосудов неоднороден: один из них украшен удлиненными ямками, второй — горизонтальными рядами ногтевых вдавлений, третий — оттисками зубчатого штампа, четвертый — шнуровыми отпечатками. Наиболее интересен последний; о нем уже говорилось выше в связи с вопросом об обработке внешней поверхности, верхний слой которой напоминает обмазку. Форма этого сосуда (верхняя часть стенок сначала прогибается внутрь, а затем расширяется) и орнамент в сочетании с круглыми ямками под шейкой очень близки некоторым ананьинским сосудам. Орнамент состоит из тройных косых отпечатков зубчатого штампа, поставленных под углом друг к другу на шейке, и тройной волнистой линии из оттисков штампа,

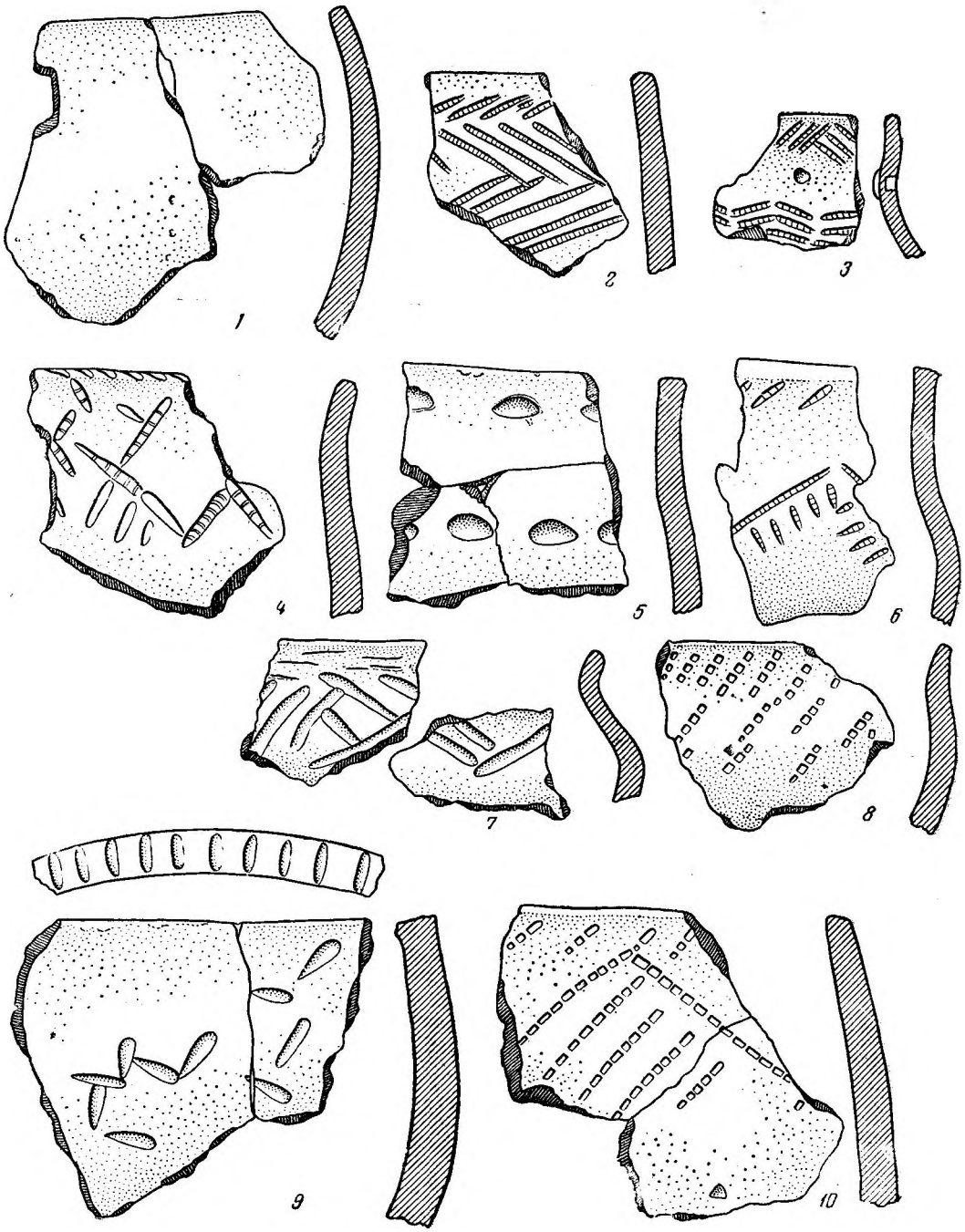


Рис. 14. Керамика (*1—10*)

Таблица 3

Виды орнамента на сосудах

Форма сосудов	Орнамент							Неорнаментированные сосуды
	ямочный	гребенчатый	резной	шнуровой	каннелюры	сетчатый	неясный	
Банки (13 экземпляров)	2 (из них в сочетании с резным — 1, с гребенчатым — 1)	5	1	1	—	—	—	4
Горшки:								
а) с отогнутой шейкой и слабо выраженными плечиками (13 экземпляров)	4 (из них в сочетании с ногтевым — 1, с резным — 1)	6 (из них в сочетании с резным — 1)	1	—	—	—	—	2
б) с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками (4 экземпляра)	1	1	1 (ногтевой)	1	—	—	—	—
Сосуды с высокой шейкой (3 экземпляра)	1	1	1	—	—	—	—	—
Сосуды, близкие к остроребериым (2 экземпляра)	—	—	1	—	—	—	—	1
Крупные сосуды с загнутыми краями (2 экземпляра)	1	1	—	—	—	—	—	—
Сосуды неясных форм (82 экземпляра)	16 (из них в сочетании с гребенчатым — 1, с каннелюрами — 1, с резным — 2)	27 (из них в сочетании с каннелюрами — 1, с ямочным — 5)	14 (из них в сочетании с каннелюрами — 1, с ногтевым — 1)	4	1	4 (из них с ямками — 2)	10	6
Всего . . .	25	41	19	6	1	4	10	13

расположенной в верхней части стенок (рис. 14, *3*).

К третьей группе (сосуды с высокой шейкой) принадлежат 3 сосуда. Внутренняя поверхность их разная (см. табл. 2). Толщина стенок в верхней части горшков средняя — 0,6—0,8 см. Орнамент у одного из них состоит из горизонтальных рядов ямок, у другого — из горизонтального пояска косых отпечатков зубчатого штампа под шейкой, а ниже — из углов с «бахромой», также нанесенных зубчатым штампом (рис. 14, *6*). Орнамент третьего горшка состоит из двух (а может быть, и большего числа) тройных полос, нанесенных, по-видимому, движением острого предмета.

К четвертой группе (сосуды, близкие к остроребериым) относятся 2 сосуда, представленные небольшими фрагментами верхних частей. Один из них — без орнамента, другой украшен довольно широкими резными полосами, образующими под шейкой фигуры лесенок с 3 ступеньками (рис. 14, 7).

В пятую группу (крупные сосуды с загнутыми внутрь краями) входят 2 сосуда у которых диаметр горла равен 34 и 36 см.

Оба они толстостенные (толщина стенок — 0,8—1 см). Орнамент на одном сосуде состоит из ямок и резных линий, образующих неясный узор, на другом — из пересекающихся косых полос, нанесенных зубчатым штампом и образующих ромбы (рис. 14, *9, 10*).

Рассмотрим более детально орнамент, расположенный в большинстве случаев в верхней части сосудов с Зеленовской стоянки. Элементы орнамента состоят из ямок, отпечатков зубчатых штампов, оттисков шнура и резных линий. Изредка на внешней поверхности посуды встречается так называемый «сетчатый» орнамент. В некоторых случаях нельзя было определить, чем нанесен орнамент. Попадались сосуды без орнамента (табл. 3).

Преобладают узоры, нанесенные при помощи зубчатых штампов (так называемые «гребенчатые»), на втором месте — ямочные, причем круглая ямка встречается редко; значительно чаще наблюдаются ямки овальные, удлиненные, полукруглые и неправильные.

Узоры состоят из горизонтальных полос с прямыми или косыми отпечатками зубчатого штампа и ямок, из заштрихованных и незаштрихованных ромбов, углов и треугольников (изредка с «бахромой» из мелких ямок или отпечатков зубчатого штампа), иногда образованных оттисками зубчатого штампа или шнура, в некоторых случаях нанесенных движением острого предмета; кроме того, встречаются пояски из пересекающихся косых линий, образующих сетку из ромбов. Довольно часты горизонтальная и вертикальная елочки из ямок, отпечатков шнура или зубчатого штампа. Иногда к этим узорам присоединяются каннелюры, обычно расположенные на шейке сосудов. Изредка орнамент встречается на обрезе края; чаще всего он состоит из косых вдавлений зубчатого штампа или нарезок, лишь в одном случае на обрезе края находятся крестики из отпечатков шнура (табл. 4).

Наиболее часто повторяющиеся узоры — горизонтальные пояски косо поставленных ямок, нарезок или отпечатков зубчатого штампа, горизонтальные полосы с такими же, но прямо поставленными отпечатками, затем — горизонтальная и вертикальная елочка. Орнамент из ромбов, углов и треугольников встречается сравнительно редко; еще реже наблюдаются узоры из каннелюр, зигзагов, лесенок, косых полос. Три последних вида орнамента единичны. К сожалению, еще раз приходится повторить, что все эти наблюдения не могут отличаться большой точностью вследствие фрагментарности материала.

Для определения датировки и культурной принадлежности Зеленовской стоянки обратимся к сравнению материала из раскопок этой стоянки с материалом других памятников окружающего района, датировка которых более или менее известна. К таким памятникам относятся Маклашеевские могильники, находящиеся в ближайшем соседстве (на расстоянии около 2 км) от Зеленовки, а также стоянки на Ананьинской дюне и в поселке Луговом на нижней Каме близ Елабуги.

Сравним орудия труда. К сожалению, на Зеленовской стоянке бронзовых орудий из раскопок и сборов нет. Поэтому приходится ограничиться лишь сравнением каменных орудий, которые и в материале с Зеленовской и Луговской стоянок, и Маклашеевских могильниках представлены небольшим количеством экземпляров; при этом следует отметить, что они совсем не известны в погребениях из более ранних Маклашеевских могильников (в круглых курганах).

Каменные наконечники стрел треугольной формы с Зеленовской стоянки аналогичны такому же наконечнику с Ананьинской дюны и довольно близки к наконечнику с Луговской стоянки II, хотя последний более вытянут, имеет более выпуклые стороны, и, следовательно, форма его ближе к листовидной.

Сближают каменные орудия Зеленовской стоянки с луговскими описанный выше кремневый нож на ножевидной пластинке и скребки на массивных отщепах с изогнутым профилем, обработанные почти кругом, и скребки на небольших неправильных отщепах с дуговидным или прямым рабочим краем, а также наличие ретушера, обломка песта и гальки со следами работы.

В общем, рассмотрение каменных орудий с Зеленовской стоянки позволяет говорить об упадке техники обработки кремня и отнести эту стоянку, как и другие упомянутые памятники, к концу бронзовой эпохи, когда металл был хорошо известен древнему населению, но еще продолжали употребляться каменные

Таблица 4

Орнаментальные узоры на сосудах

Форма сосудов	Каннелюры	Горизонтальные полосы с вертикальными оттисками	Горизонтальные пояски косых оттисков	Ромбы	Углы и треугольники	Пояски из пересекающихся линий, образующих ромбы	Горизонтальная елочка	Вертикальная елочка	Вертикальный зигзаг	Волнистый орнамент	Лесенки	Косые полоски
Банки (13 экземпляров)	—	1	5	—	1	1	—	1	2	—	—	—
Горшки:												
а) с отогнутой шейкой и слабо выраженными плечиками (13 экземпляров) .	—	3	6	—	—	1	1	—	—	—	—	—
б) с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками (4 экземпляра) . .	—	1	1	—	—	—	2	—	—	1	—	—
Сосуды с высокой шейкой (3 экземпляра)	—	1	1	—	1 (с «бахромой»)	—	1	—	—	—	—	—
Сосуды, близкие к остроребердным (2 экземпляра)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Крупные сосуды с загнутыми краями (2 экземпляра)	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Сосуды неясных форм (82 экземпляра)	4—5	11	16	5	5 (3 с «бахромой»)	3	12	11	—	—	—	—
Всего . . .	4—5	17	29	5	7	6	16	12	2	1	1	1

орудия труда, которые окончательно вышли из употребления лишь с появлением железа.

Сравнение глиняной посуды тех же археологических памятников показывает, что одни и те же формы посуды встречаются и в них, и среди луговской керамики, но там есть и такие формы, которые отсутствуют на Зеленовской стоянке: сосуды на поддонах, небольшие плоскодонные и круглодонные чашки[7], крупные сосуды с отогнутым краем и небольшим дном. Последние типичны для Луговской стоянки II, где они являются преобладающей формой. Шнуровой орнамент и посуда с выпуклым валиком вокруг горла также типичны для Луговской стоянки II. Следовательно, зеленовская глиняная посуда, среди которой характерные для Луговской стоянки II формы почти не встречаются, ближе к посуде Луговской стоянки I, которая датируется концом II тысячелетия до н. э.

[7] Возможно, что небольшие чашки имеются среди зеленовской посуды, но выявить их не удалось.

Сравнивая зеленовскую посуду с сосудами могильника Маклашеевка III, мы видим среди последних те же формы (банки, баночные горшки, горшки с более выпуклыми стенками, сосуды, близкие к остроребердным, сосуды с загнутыми внутрь краями). Здесь отсутствуют крупные сосуды с загнутыми краями, круглодонные чашки (однако последние — 1 экземпляр — имеются в несколько более позднем могильнике Маклашеевка I) и сосуды с более высокой шейкой, которые в зеленовской и луговской керамике также единичны.

Из сравнения форм посуды можно сделать вывод о синхронности Зеленовской стоянки II, Луговской стоянки I и могильника Маклашеевка III.

Посмотрим, что показывает сравнение орнаментации посуды тех же памятников. Прежде всего отметим, что в зеленовской керамике отсутствуют андроновские формы сосудов с типичной лощеной поверхностью, которые встречаются на Луговской стоянке;

в то же время среди луговской посуды отсутствует «сетчатая» керамика. Однако орнамент андроновского типа, состоящий из треугольников с «бахромой», нанесенных и заштрихованных мелкозубчатым штампом, имеется на нескольких мелких обломках сосудов с Зеленовской стоянки, о форме которых судить невозможно.

Все типичные для Луговской стоянки орнаменты — горизонтальная и вертикальная елочка, сетка из пересекающихся линий, горизонтальные зоны косых вдавлений, ромбы,

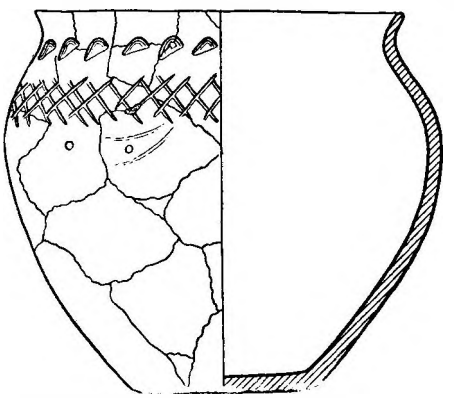


Рис. 15. Реставрированный сосуд.

углы и треугольники, изредка шнуровые узоры — имеются в орнаментике Зеленовской стоянки, но в той и другой коллекции встречаются и оригинальные узоры. Так, в зеленовской керамике мы видим косые полосы из ямок, узоры, напоминающие изображения животных, а также сосуды с «сетчатым» орнаментом. Для Луговской стоянки отличительной чертой являются сосуды андроновского типа, сложные узоры, покрывающие две трети сосудов, и орнамент со спускающимися вниз зубцами из зигзагов.

В раскопанном нами кургане № 5 Маклашеевского могильника III — всего 17 сосудов, из них орнаментированных — семь, поэтому проводить сравнение с посудой стоянок очень трудно. Но и здесь мы находим узоры из елочки, горизонтальной зоны пересекающихся косых полос, образующих сетку из ромбов, орнамент из заштрихованных углов, обращенных вершинами вниз, пояски из косых отпечатков зубчатого штампа.

В общем все три упомянутых стоянки — Зеленовская II, Ананьинская, Луговская I, примерно синхронны и относятся к концу II тысячелетия до н. э. Погребения кургана № 5 Маклашеевского могильника датируются приблизительно тем же временем, и, может быть, древнее население Зеленовской стоянки хоронило своих умерших под Маклашеевскими курганами.

О хозяйстве древних обитателей Зеленовского поселения можно сказать очень немного. Анализ костей животных из раскопок стоянки позволяет считать, что жители ее имели всех домашних животных средней полосы России и, по-видимому, кроме скотоводства, занимались земледелием, рыбной ловлей и охотой. На занятие охотой могут указывать и каменные наконечники стрел из раскопок стоянки. Река Утка до сих пор богата рыбой, а окружающие древнюю Зеленовку пойменные озера — дикой птицей, но в коллекции из раскопок и сборов со стоянки нет находок, которые можно было бы связать с земледелием и рыболовством древнего населения.

К какой археологической культуре и к какому времени следует отнести Зеленовскую стоянку II?

Среди немногочисленных орудий труда из камня, найденных на стоянке, есть 2 наконечника стрел треугольной формы со слегка вогнутым основанием. Такие наконечники типичны для памятников срубной культуры.

Много элементов этой культуры отмечено при анализе глиняной посуды со стоянки. Из 37 сосудов, форму которых удалось установить более или менее точно, 13 экземпляров представляют собой плоскодонные банки, 13 экземпляров — плоскодонные горшки со слабо выраженными плечиками, 2 сосуда близки к остроребериым. Все эти формы характерны для срубных поселений. Решающее значение имеет сравнение посуды Зеленовской стоянки с сосудами из Маклашеевского могильника III, относящегося к срубной культуре. Там мы находим те же формы, что и на Зеленовской стоянке II,— банки, горшки со слабо выпуклыми стенками, один сосуд, близкий к остроребериому (рис. 15).

Примеси в глине, обработка поверхности посуды, происходящей со стоянки, зубчатым штампом, а также пучком травы или щепкой (последнее дает грубые, неправильные штрихи, покрывающие внешнюю поверхность сосудов) тоже характерны для посуды срубной культуры.

Узоры из треугольников, ромбов, косых

полос, нанесенных зубчатым штампом, также часто встречаются на посуде срубного типа. Немногочисленные обломки сосудов со шнуровым узором и «сетчатым» орнаментом не нарушают общего облика посуды и лишь указывают на окраинное положение стоянки как одного из самых северо-западных памятников срубной культуры, на границе распространения нижнекамских и дьяковских племен.

Небольшое количество каменных орудий и характер их обработки, отсутствие ряда необходимых человеку орудий — таких, как топоры, тесла и др., указывают на поздний возраст стоянки — конец эпохи бронзы. Об этом же говорит и почти полное отсутствие остроребериых сосудов, типичных для развитой срубной культуры. Таким образом, Зеленовскую стоянку II, как и Маклашеевский могильник III, следует отнести к поздним этапам существования срубной культуры — к концу II тысячелетия до н. э.

3. ГУЛЬКИНСКАЯ СТОЯНКА

Гулькинская стоянка расположена в урочище Гулькин Бугор, на расстоянии около 2,5 км к западу от дер. Зеленовка Старо-Майнского района Ульяновской области[8]. Остатки древнего поселения вытянуты здесь вдоль левого берега р. Утки примерно на 200 м с востока на запад и на 100 м — с севера на юг. В настоящее время р. Утка течет несколько севернее, в заросшей лесом низине. Уровень воды в ней примерно на 19 м ниже поверхности бугра, но в весенние разливы воды ее сливаются с Волгой, подмывают северную часть бугра и даже иногда заливают его поверхность. В то время, когда стоянка была обитаема древним населением,— в конце бронзовой эпохи,— климат здесь был теплее и суше, чем сейчас, и режим рек был несколько иной. Тогда древнее поселение находилось на незаливаемом водой берегу и не страдало от весенних наводнений, что доказывают стратиграфические наблюдения: в разрезах слоя с культурными остатками и подстилающих слоев отсутствуют следы размыва и намывные прослойки, как это наблюдается в тех местах, где весенние воды неоднократно перекрывали поверхность древних поселений.

На Гулькином Бугре было обнаружено несколько памятников древности, относящихся к разному времени, в том числе стоянка конца эпохи бронзы, датируемая концом II тысячелетия — началом I тысячелетия до н. э., два более ранних погребения и остатки раннего поселения.

Стратиграфия стоянки вне землянок и ям довольно простая. Под растительным слоем толщиной 0,16—0,2 м, до глубины около 0,5 м лежит культурный слой, состоящий из темно-серой супеси ореховатой структуры и неравномерной плотности, с кротовинами, который подстилается светлым материковым песком с глинистыми прослойками. На пашне культурный слой того же состава лежит под пахотным слоем, состоящим из чернозема, толщиной около 0,3 м, и подстилается также светлым песком с глинистыми прослойками. В землянках, а иногда и в ямах стратиграфия более сложная: там имеются углистые и зольные прослойки, а в некоторых случаях весь культурный слой на определенной глубине насыщен золой (рис. 16).

Верхний горизонт культурного слоя в пределах пашни потревожен многолетней распашкой, поэтому на поверхности иногда попадались каменные орудия и обломки древней глиняной посуды. На поверхности прибрежной части стоянки еще до раскопок было заметно 7 неглубоких впадин округлой формы, которые являются следами древних жилищ — землянок. В западной части стоянки следов жилищ не было, но в ямах и повсюду в разных горизонтах культурного слоя найдены фрагменты глиняной посуды, относящиеся к более раннему времени, чем подавляющее большинство находок. По-видимому, в урочище Гулькин Бугор или где-то поблизости существовало еще более раннее поселение.

В 1950 г. в центральной части стоянки были исследованы остатки одного крупного жилища — землянка V. Большая круглая впадина была вписана в четырёхугольный

[8] Исследована отрядом Куйбышевской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1950 и 1953 гг. под моим руководством.

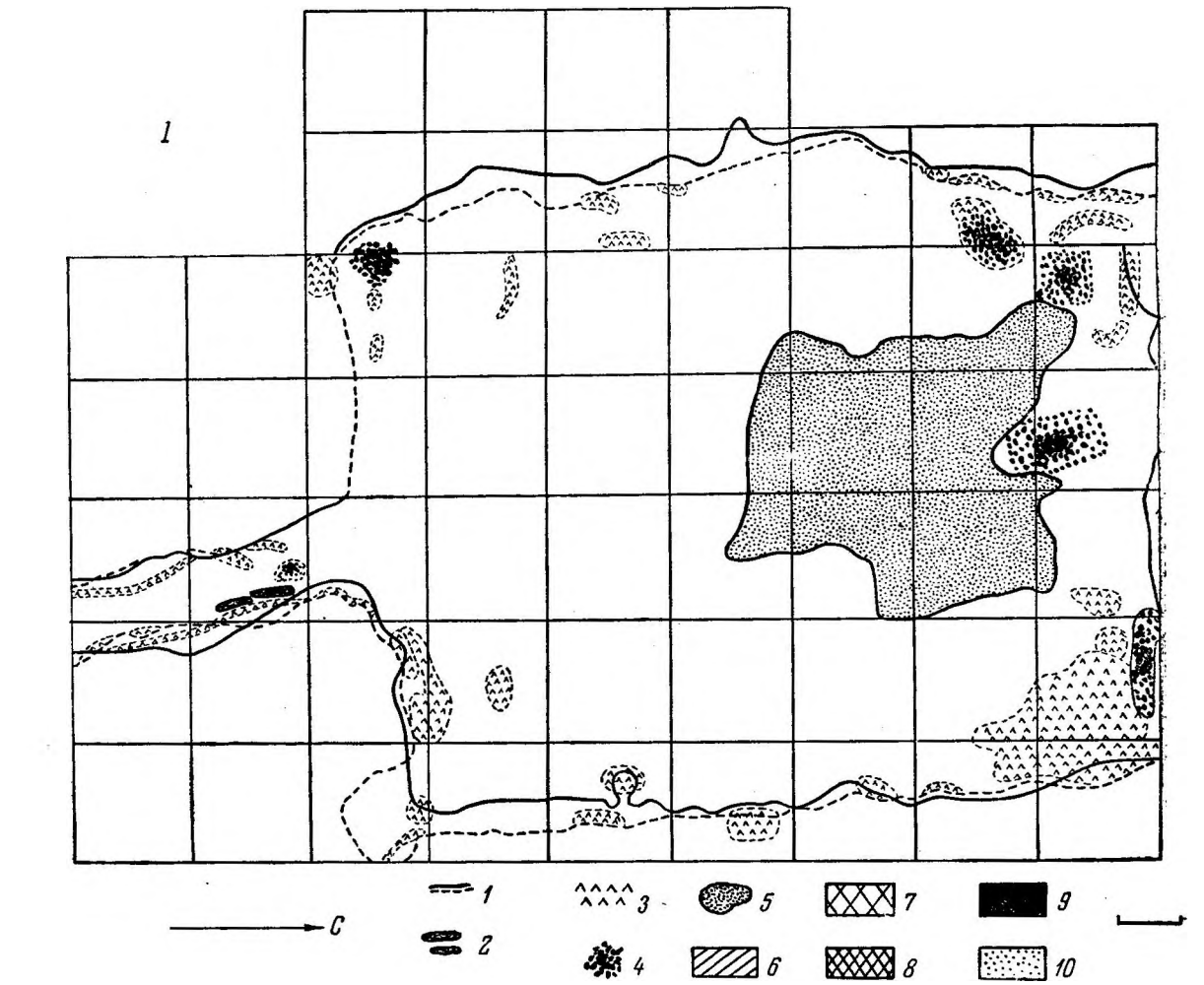


Рис. 16. План (I) и разрез (II) землянки V:

1 — границы землянки; *2* — обгорелое дерево; *3* — угли; *4* — очаг; *5* — песок; *6* — пахотный слой; *7* — верхний горизонт культурного слоя; *8* — нижний горизонт культурного слоя; *9* — углистый слой дна землянки; *10* — материковый песок.

раскоп, с севера примыкавший к обрыву; на светлом подстилающем слое ярко выделилось темное пятно четырёхугольной землянки (рис. 16, *I*).

Пол землянки, покрытый углистым слоем, разбирался целиком. Следов столбов, служивших для поддержания кровли, внутри жилища не обнаружено. Четырёхугольная яма была заполнена темным культурным слоем до глубины около 2 м, тогда как в окружающих землянку участках слой с культурными остатками достигал всего 0,3—0,5 м. Пол землянки состоял из черного углистого слоя, под которым иногда лежала тонкая глинистая прослойка. Такое чередование слоев хорошо заметно в профиле восточной стенки раскопа II (рис. 16, *II*). В нижней части стенок жилища наблюдались следы обкладки их деревом — остатки прерывистых углистых полос шириной 15—20 см. В южной части жилища находился длинный проход в виде узкого коридора (рис. 16, *I*), в котором также прослеживались прерывистые полосы сгоревшего дерева, может быть,— следы пожара. Проход этот вел в небольшое подсобное помещение, вскрытое в 1953 г. По-видимому, в северной части землянки был выход к реке, но проследить его не удалось. Площадь землянки — 140 кв. м.

На полу жилища, на глубине 2 м от поверхности, было расположено 5 очагов: три — в западной и два — в северной части землянки; кроме того, следы горевшего огня отмечены в юго-восточном углу. Два очага лежали на поверхности пола и три — в неглубоких ямах. Все они состояли из ярко-черного слоя с золой и камнями, в котором обнаружены обожженные и разбитые кости животных, обломки глиняной посуды и другие следы приготовления пищи. Вокруг очагов встречались редкие кремневые орудия — скребки, обломки скребковидных орудий, куски кремня и кварцита, находившиеся также в других местах — и на полу, и в заполнении жилища. Кости животных и костяные орудия вследствие почвенных условий сохранились плохо: из костей встречены главным образом зубы или обожженные части, а из костяных орудий — лишь одна поделка (сверло), лежавшая в золе очага (рис. 17, *б*). В углистом слое пола землянки найден небольшой бронзовый нож (рис. 17, *I*) — чрезвычайно важная находка, свидетельствующая о том, что металл был в употреблении у населения стоянки и что существовало производство предметов из меди.

Жилище имело наибольшую глубину в южной части, где наблюдался и наиболее толстый углистый слой (рис. 16, *II*). Пол землянки находился на глубине 1,8—2 м и представлял собой углистый слой толщиной 0,15—0,2 м.

При расчистке верхнего горизонта пола в южной части жилища наблюдались углистые полосы, расположенные горизонтально и в основном с востока на запад. Получалось впечатление, что пол жилища в том месте был покрыт деревом (может быть, корой), сгоревшим и превратившимся в углистый слой.

К югу от большого очага, в середине северной части жилища, на углистом полу землянки ярко выделялось довольно крупное пятно светлого песка (рис. 16, *I*). Очевидно, здесь с самого начала существования жилища находились нары для спанья. Такое же пятно меньших размеров отмечено и недалеко от очага в юго-западной части землянки.

В раскопе I 1953 г. были вскрыты 3 землянки (I—III). Последняя из них отчасти была уничтожена весенними разливами р. Утки, так же как северная часть землянки VII.

От землянки I на поверхности сохранилась небольшая округлая впадина. Размеры ее следующие: длина — 6,5 м, ширина — 4,6 м, глубина от современной поверхности почвы в восточной части — около 0,9 м, в западной — около 1,5 м.

Землянка имела четырёхугольную форму с хорошо выраженными углами. У середины восточной стенки ее находился небольшой очаг в виде неправильного овала, вытянутого с востока на запад, длиной 80 см, шириной около 50 см. Очаг почти не углублялся в подстилающий слой (рис. 18, *I*). Второй очаг (длиной 1,2 м, шириной около 80 см) находился в яме глубиной около 0,5 м и имел форму неправильного четырёхугольника.

Кроме очагов, на полу землянки обнаружены 4 небольших округлых ямы диаметром от 50 до 80 см, различной, но в общем незначительной глубины, заполненных культурным слоем почти без находок. Недалеко от юго-западного угла землянки оказался узкий переход в землянку II; длина его — 1 м.

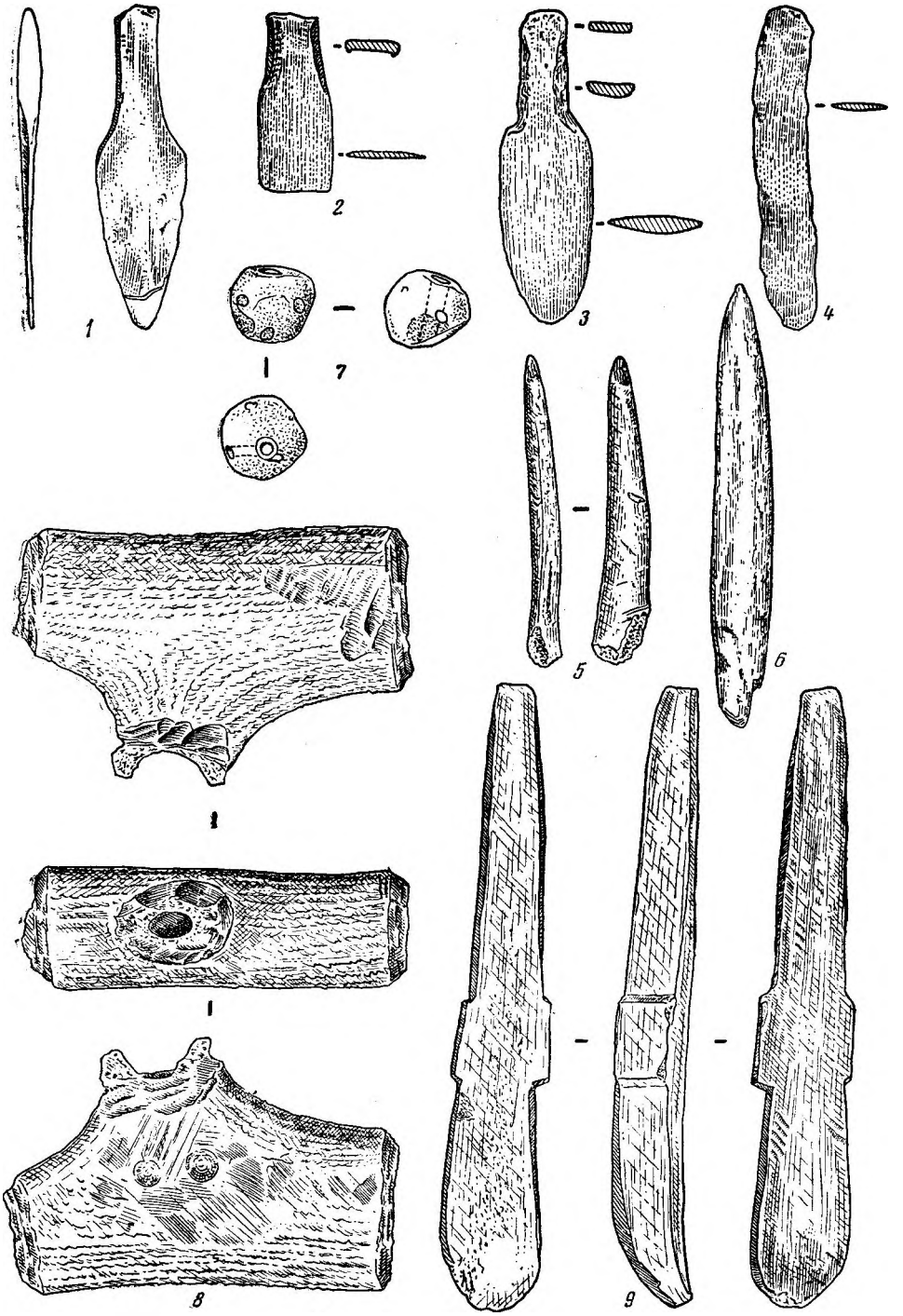


Рис. 17. Бронзовые, костяные и роговые предметы с Гулькинской стоянки:

1, *3* — бронзовые ножи; *2* — обломок бронзового предмета; *4* — бронзовая пластинка; *5*, *6* — костяные острия; *7* — каменная бусина; *8*, *9* — предметы неизвестного назначения из рога лося.

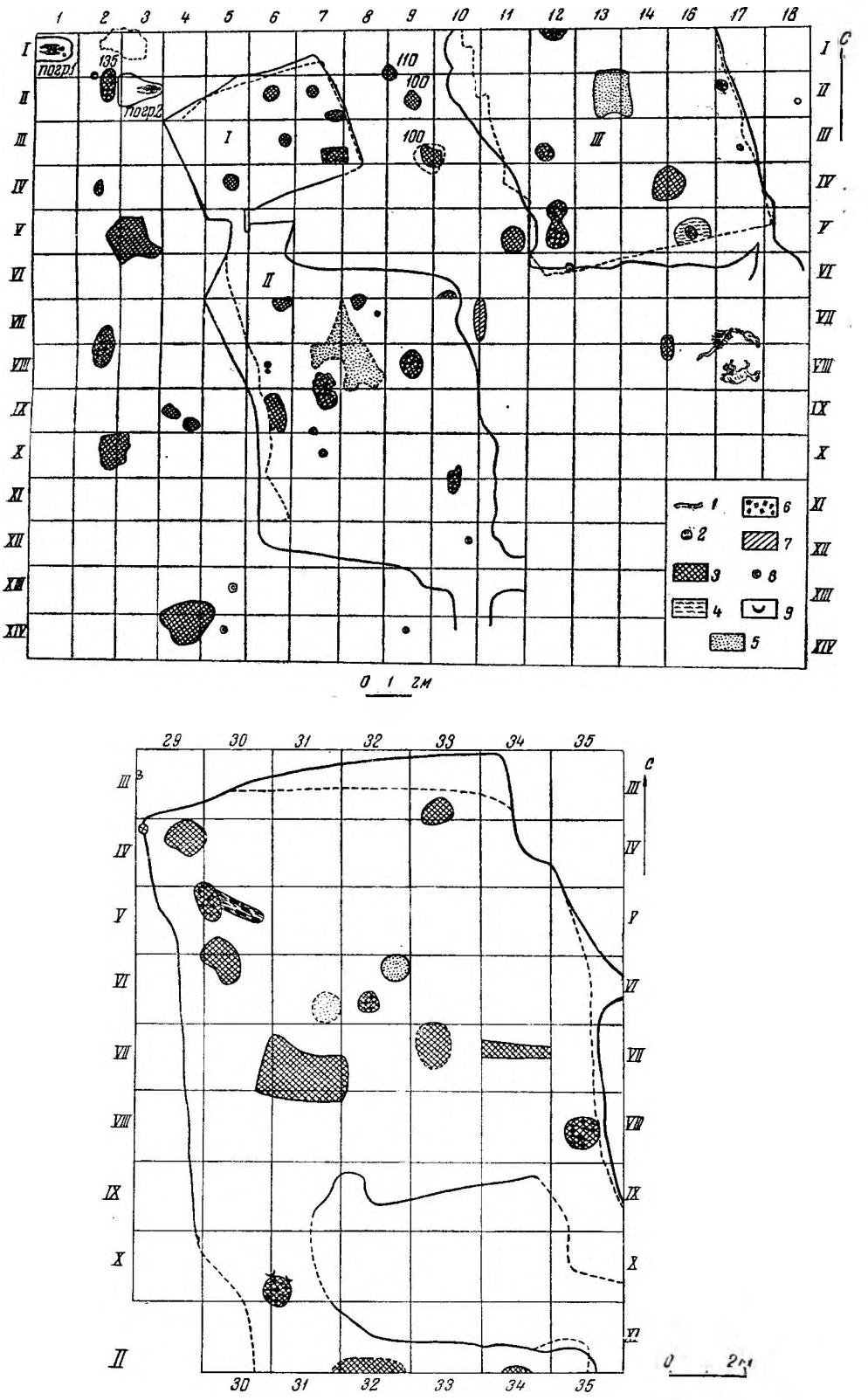


Рис. 18. Планы землянок:

I — план землянок I, II и III; *II* — план землянки IV; *1* — очертания землянок и ям; *2* — ямки от столбов; *3* — культурный слой; *4* — зола; *5* — угли; *6* — очаги; *7* — сосуды; *8* — череп человека; *9* — песок.

Вторая землянка имела форму неправильного четырёхугольника и была вытянута с севера на юг. Она была значительно больше и глубже первой: длина ее — около 15 м, ширина — примерно 10 м, глубина — свыше 1,5 м. Пол землянки II представлял собой темный углистый слой, который лежал на подстилающем песке с глинистыми прослойками. На полу были 3 постоянных очага, располагавшихся в неглубоких ямах (глубиной от 0,2 до 0,4 м), и несколько углистых пятен на полу — следы небольших очагов, где также горел огонь.

Наиболее крупный очаг находился примерно посередине западной части землянки. Он имел неправильную форму; длина его — свыше 1,5 м, ширина — около 1 м. Очажная яма достигала глубины около 0,3 м и была заполнена углистым слоем с золой. Два других очага имели меньшие размеры и располагались в восточной части землянки. Один из них лежал почти напротив первого очага; он имел округлую форму (диаметр — около 1,4 м). Очажная яма достигала глубины 0,25—0,3 м и была заполнена углистым слоем с золой, в котором встречались обломки глиняной посуды, кости (главным образом зубы) животных, небольшое количество кремневых и кварцитовых отщепов, часть глиняного пряслица. Между этими очагами и к северу от них находилось пятно чистого, светлого песка, неправильной формы, резко выделявшееся на темном фоне пола жилища. По-видимому, это место с самого начала было закрыто нарами.

Третий очаг в юго-восточном углу жилища имел неправильную форму; длина его — около 1 м, ширина — 50 см. Он также находился в неглубокой яме, заполненной углистым слоем с золой. В юго-восточном углу землянки II обнаружены выходы на юг и восток в виде двух широких коротких коридоров (шириной 1,8 и 1,4 м).

Во время раскопок землянки II, на глубине 20—50 см наблюдался углистый слой с кусками угля. За пределами землянки II этот слой не встречался. Это, видимо, следы сгоревшей деревянной кровли древнего жилища.

Землянка III находилась в северной части раскопа и частично была уже разрушена весенними разливами реки (рис. 18, *I*). Эта землянка имела четырёхугольную форму и была вытянута с северо-запада на юго-восток. Длина и ширина сохранившейся части жилища III равны примерно 10 м. Пол ее находился на глубине около 2 м от современной поверхности почвы. Особенной глубиной отличалась северо-западная часть, лежавшая вокруг очага, от которого сохранилась лишь южная половина, имевшая форму полукруга (около 1 м в поперечнике). Этот очаг, так же как и остальные 4 очага, располагался в яме, углубленной в материк на 0,4—0,5 м.

Особенно крупными размерами и глубиной очажной ямы отличался очаг в форме восьмерки, находившийся недалеко от юго-западного угла землянки. Длина его равнялась 2,2 м, наибольшая ширина — 1 м, а глубина очажной ямы достигала 0,6 м ниже уровня пола землянки. Против середины западной стенки землянки, на расстоянии 1 м от нее, обнаружен еще один, сравнительно небольшой очаг округлой формы; диаметр его — около 80 см, глубина очажной ямы — около 30 см. Вокруг очага и в очажной яме также были сделаны обычные находки — обломки посуды и костей животных, редкие отщепы кремня и кварцита. Такой же характер имел и маленький круглый очаг у восточной стенки землянки; диаметр его — 40 см. Последний очаг, округлой формы, располагался близ южной стенки; диаметр его — около 50 см. Его окружало широкое кольцо золы, пятна которой наблюдались и в очажной яме (глубина последней — 0,3 м).

Севернее последнего очага, недалеко от него, располагалась небольшая округлая яма диаметром около 1,5 м, углубленная в материк примерно на 0,4 м. В средней части землянки находилось пятно чистого подстилающего песка, четырёхугольной формы, резко выделявшееся среди темного пола жилища. По-видимому, это место было чем-то прикрыто и, может быть, здесь находились деревянный помост или шкуры животных, служившие для спанья, как в наиболее теплом месте жилища,— между очагами. Выход из землянки III был в юго-восточном углу и имел вид узкого коридора, расширявшегося к югу (рис. 18, *I*).

Землянка IV была расположена в 28 м к востоку от землянки III. На поверхности земли ей соответствовала округлая впадина глубиной около 0,5 м. Северный край ее находился на расстоянии полуметра от обрыва берега р. Утки. Это была крупная четырёхугольная землянка; длина и ширина ее

равнялись 12 м (рис. 18, *II*). Пол жилища был на глубине 1—1,2 м; местами, главным образом вокруг очагов и в средней части, он углублялся несколько ниже — до 1,4 м.

В землянке было 4 постоянных очага, помещавшихся в ямах, углублявшихся в материк на 0,4—0,5 м. Самый большой из них (длина — 1,5 м, ширина — 1,15 м) находился в северо-западной части жилища. Округлая очажная яма была заполнена углистым слоем с золой, в котором, так же как и вокруг очага, найдены обломки глиняной посуды и костей животных. Возле очага лежал кусок обугленного дерева. Второй небольшой очаг такого же вида находился почти в центре землянки. Он был круглой формы, с диаметром 60 см. К северо-востоку, западу и юго-западу от него наблюдались участки чистого песка, ярко выделявшиеся на темном полу; один из них (юго-западный) имел четырёхугольную форму и занимал площадь около 2 кв. м. (рис. 18, *II*). Эти места были с самого начала существования жилища чем-то прикрыты; может быть, здесь находилось место для спанья.

Третий очаг был расположен в юго-восточном углу землянки. Он был круглым (диаметр — около 1 м, глубина — приблизительно 0,4 м), заполнен углистым слоем с золой, обломками костей животных и глиняной посуды. Кроме очагов и пятен светлого песка, внутри жилища оказались 4 округлых и 1 четырёхугольная ямы, заполненные до 1,5—1,8 м темным культурным слоем с мелкими обломками посуды и костей животных. В северо-западном углу обнаружены следы круглого столба (диаметр — 20 см). В восточной стенке, примерно посередине, находился выход из жилищ или, может быть, переход в другую землянку. Следы второго выхода выявлены в юго-восточном углу (рис. 18, *II*). В юго-западном углу, по-видимому, был широкий переход в другое жилище или подсобное помещение, как это наблюдалось в землянке V, вскрытой в 1950 г. Границы перехода не совсем ясны, особенно с западной стороны. Посередине перехода, в ямке находился небольшой очаг (диаметр его — около 80 см). Возле него на глубине около 1 м в углистом слое обнаружены части 2 черепов человека, много костей животных и обломки глиняной посуды. Переход в юго-западном углу землянки вел в какое-то другое помещение, от которого был вскрыт лишь небольшой участок, примыкавший к северной стенке.

Кроме описанных 4 землянок, в 1953 г. в урочище Гулькин Бугор в северо-западной части раскопа I были обнаружены 2 могилы. Оба скелета лежали в вытянутом положении на спине, головой на восток, ногами на запад. Руки, насколько оказалось возможным проследить, у одного скелета были вытянуты вдоль тела, а у другого кисти рук находились под костями таза. Кости носили слабые следы посыпки красной охрой, а в головах погребения 1 обнаружена небольшая круглая ямка (диаметром около 15 см), заполненная красной охрой.

Следует отметить, что у обоих скелетов отсутствовали кости нижних частей ног — берцовые и кости ступней. Если в первом погребении, находившемся возле самого обрыва к реке и на границе старого раскопа, мог быть смыв костей (хотя это и маловероятно), то во втором погребении, лежавшем в непотревоженном слое на глубине около 0,8 м в большой, хорошо очерченной могиле, на расстоянии свыше 2 м от берегового обрыва,— смыв был невозможен. Поэтому приходится отнести отсутствие костей нижней части ног скелетов или к особенностям погребального обряда, что тоже маловероятно, или к каким-то пока необъяснимым случайностям.

При первом погребении (в области шеи и под черепом) найдены очень мелкие желтоватые каменные бусы в виде плоских кружков диаметром около 2,5 мм, а в нижней части могилы — две плоских каменных привески овальной формы с небольшими отверстиями для привешивания в узкой части (рис. 19, *Б*); материал бус — молочно-белый и сероватый мягкий камень (яшма?).

При втором погребении никаких вещей не обнаружено. Чрезвычайно важно, что оба погребения располагались в подстилающем слое, ниже культурного слоя стоянки. В профиле западной стенки раскопка I (1953 г.) культурный слой стоянки шел до глубины около 0,4 м, а могила для первого погребения была вырыта, начиная с глубины 0,59 м, в качестве древнего дневного уровня (рис. 19, *А*). Первый скелет был обнаружен на глубине примерно 0,8 м. Дно могилы находилось на глубине около 0,9 м. В том же слое и на той же глубине был

захоронен и второй скелет. Следовательно, погребения древнее, чем стоянка, к которой относятся описанные выше жилища.

Кости людей из 2 погребений, вскрытых в 1953 г., согласно предварительному определению антрополога М. М. Герасимова, принадлежат мужчине и женщине. Мужской череп имеет европеоидный вид, а в женском наблюдается некоторый налет монголоидности.

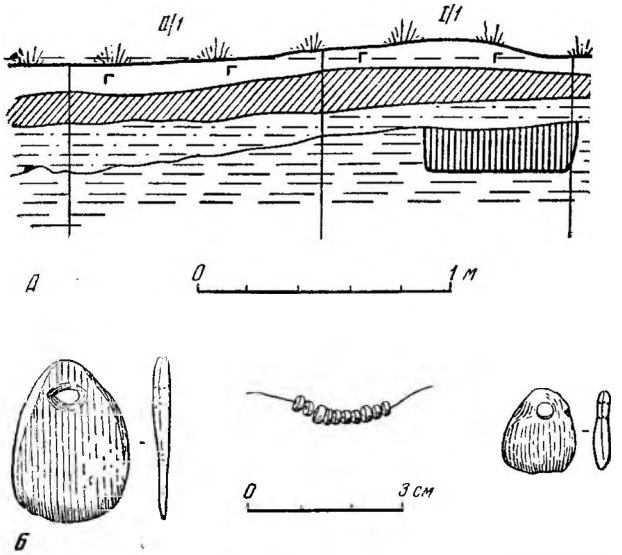


Рис. 19. Разрез могилы 1 (*А*) и вещи из погребения (*Б*).

В тех же условиях, как и погребения, и примерно на той же глубине, недалеко от восточной границы раскопа I вскрыты скелеты 2 телят — один из них неполный.

В культурном слое стоянки была найдена довольно большая группа предметов, может быть, относящихся к еще более раннему времени, чем описанные погребения и скелеты животных,— это каменные орудия и глиняная посуда более древнего типа, чем в инвентаре стоянки с жилищами. По-видимому, эти вещи остались от еще более раннего, совершенно разрушенного поселения древних обитателей этого района, которое относится примерно к первой половине II тысячелетия до н. э.; стоянку же с исследованными нами жилищами можно датировать концом II тысячелетия — началом I тысячелетия до н. э., а два раскопанных в 1953 г. погребения, может быть, следует поместить где-то посередине, хотя вопрос о датировке погребений и их отнесении к ранним находкам еще не может быть решен окончательно.

К северу от раскопа I, на пашне, через 10 м один от другого, были заложены 10 шурфов размером 1×1 м и к западу от северо-западного угла того же раскопа — 12 шурфов размером 2×2 м. Выяснилось, что слой с культурными остатками, постепенно выклиниваясь, становился все тоньше к северу и западу от границ раскопов в прибрежной полосе, а в последних шурфах в том и другом направлении он отсутствовал совершенно.

Как уже говорилось, находки в культурном слое стоянки и в заполнении жилищ были неоднородны. Их можно разбить на 3 комплекса. Следует отметить, что если обломки глиняной посуды выделяются сравнительно легко, то каменные орудия разделить на различные хронологические группы очень трудно, а иногда невозможно. Отчасти могут помочь стратиграфические наблюдения, сделанные в западной части стоянки — на территории могильника ананьинского времени. Здесь были вскрыты не связанные с погребениями большие ямы, в которых до глубины 1,35 м были найдены обломки глиняной посуды, относящейся к началу бронзовой эпохи, и кремневые орудия. Особенно интересны находки в яме № 1 (раскопки 1950 г.), которая углублялась до 1,35 м. В этой яме на дне были обнаружены обломки глиняного сосуда и 2 кремневых наконечника стрелы. Сосуд представляет собой небольшую круглодонную чашку с прямым краем, сделанную от руки из глины с примесью дробленой раковины. Внутренняя поверхность сначала была заглажена. С одной стороны внутри чашки имеются следы елочного орнамента. Обрез края и внешняя поверхность сплошь покрыты орнаментом (рис. 21, *6*). Наконечники стрелы изготовлены из сероватого кремня с белыми пятнами; первый имеет листовидную форму (рис. 21, *2*), второй — форму ивового листа (рис. 21, *3*).

В яме № 4 также найден наконечник стрелы листовидной формы, сделанный из ножевидной пластинки (рис. 21, *4*).

В западной части стоянки на глубине 1 м, в небольшой ямке под погребениями 5 и 6 Гулькинского могильника лежал кремневый топорик светло-серого цвета

(рис. 21, *5*). Остальные каменные орудия, а также их обломки и отщепы кремня и кварцита встречались в разных горизонтах культурного слоя, в заполнении жилища и даже на поверхности стоянки.

Рассмотрим керамику. Все 16 сосудов первой группы сделаны от руки, ленточной техникой. Сосуды этой группы находились в разных горизонтах культурного слоя на территории могильника. Не встречались они лишь на полу землянок. К более ранней группе относятся фрагменты крупного толстостенного сосуда с растительной примесью и шамотом. Поверхности его заглажены и покрыты орнаментом из чередующихся горизонтальных зон, «шагающей гребенки» и 3—4 горизонтальных полос, нанесенных зубчатым штампом. Судить о форме сосуда трудно, но, по-видимому, он был яйцевидным (рис. 20, *7*). Орнамент, нанесенный так называемой «шагающей гребенкой», известен из поселения у Полуденки на Урале, стоянки Боровое Озеро I на р. Чусовой и других памятников Урала и Приуралья, относящихся к эпохе неолита и ранней бронзы (рис. 20, *7*).

К наиболее раннему слою Гулькинской стоянки принадлежит довольно большое количество обломков сосуда средней величины, сделанного от руки из глины с примесью дробленой раковины и, может быть, с растительной примесью, следы которых в виде многочисленных углублений находятся на внутренней, а отчасти и на внешней поверхности сосуда. Форма его, видимо, яйцевидная, с приостренным дном. Внутренняя поверхность заглажена. Внешняя поверхность покрыта орнаментом, нанесенным зубчатым штампом с довольно большим количеством зубчиков (около десяти). На дне сосуда находится круг, образованный расходящимися в виде радиусов отдельными отпечатками зубчатого штампа (внутренняя часть круга не сохранилась). Выше расположено не меньше 10 горизонтальных поясков из вдавлений того же штампа. Еще выше идет зона гладких ромбов различной величины, окаймленных косыми отпечатками того же штампа (рис. 20, *3, 4, 6*).

К этому же слою относятся:

1. Обломки верхней части довольно толстостенного сосуда с прямым краем; внутренняя поверхность его сглажена, на обрезе края и внешней поверхности — орнамент (рис. 20, *1*).

2. Обломок верхней части сосуда с прямым краем, с примесью шамота в глине, сплошь покрытый орнаментом из вертикальных вдавлений, нанесенным узким зубчатым штампом с мелкими четырехугольными зубчиками (рис. 20, *2*).

3. Фрагменты довольно толстостенного, видимо, крупного сосуда с примесью песка и шамота в глине; внутренняя поверхность его была сглажена, наружная — сплошь покрыта орнаментом из горизонтальных поясков — отпечатков зубчатого штампа.

4. Обломок верхней части небольшого сосуда, по-видимому, круглодонного, с прямым краем и с примесью раковины в глине. Внутренняя поверхность сглажена, обрез края и наружная поверхность сплошь покрыты орнаментом (рис. 20, *5*).

5. Мелкие обломки сосуда с примесью шамота. Внутренняя поверхность имеет следы сглаживания. На внешней поверхности находится гребенчатый орнамент из горизонтального пояска и параллельных линий, от которых вверх и вниз отходят вертикальные или косые линии.

6. Небольшой обломок прямого края сосуда с примесью дробленой раковины в глине. Внутренняя поверхность заглажена при помощи ткани или кожи, на внешней — расположен орнамент из глубокой круглой ямки с плоским дном и отпечатков зубчатого штампа, образующих елочки и параллельные ряды.

7. Обломки придонной части круглодонного или яйцевидного толстостенного, очень грубого сосуда из глины с шамотом и растительной примесью. На внешней поверхности — орнамент из довольно редких отпечатков небольшого ладьевидного трехзубчатого штампа, покрывающих всю поверхность.

8. Часть дна круглодонного толстостенного грубого сосуда из глины с шамотом, песком и растительной примесью. На дне нанесен орнамент из расходящихся в виде радиусов отпечатков узкого зубчатого штампа с длинными четырехугольными зубцами.

9. Небольшой обломок прямой шейки сосуда. В глине — примесь шамота. Внутренняя поверхность заглажена, на наружной — орнамент, состоящий из горизонтальных рядов косых вдавлений, сделанных ладьевидным зубчатым штампом (с 3 зубчиками).

10. Небольшой обломок стенки сосуда с примесью дробленой раковины (?) в глине. Поверхность сглажена. На внешней стороне расположен орнамент из редких ладьевидных вдавлений зубчатого штампа с 4 зубчиками и неясные следы елочного орнамента.

орнамент из мелких вдавлений гладкого овального штампа, покрывающий всю внешнюю поверхность.

12. Небольшой обломок стенки сосуда с шамотом и растительной примесью в глине. На внутренней поверхности — следы заглаживания, на внешней — расположен орнамент из перпендикулярных рядов отпечатков неясного зубчатого штампа и «шагающей гребенки».

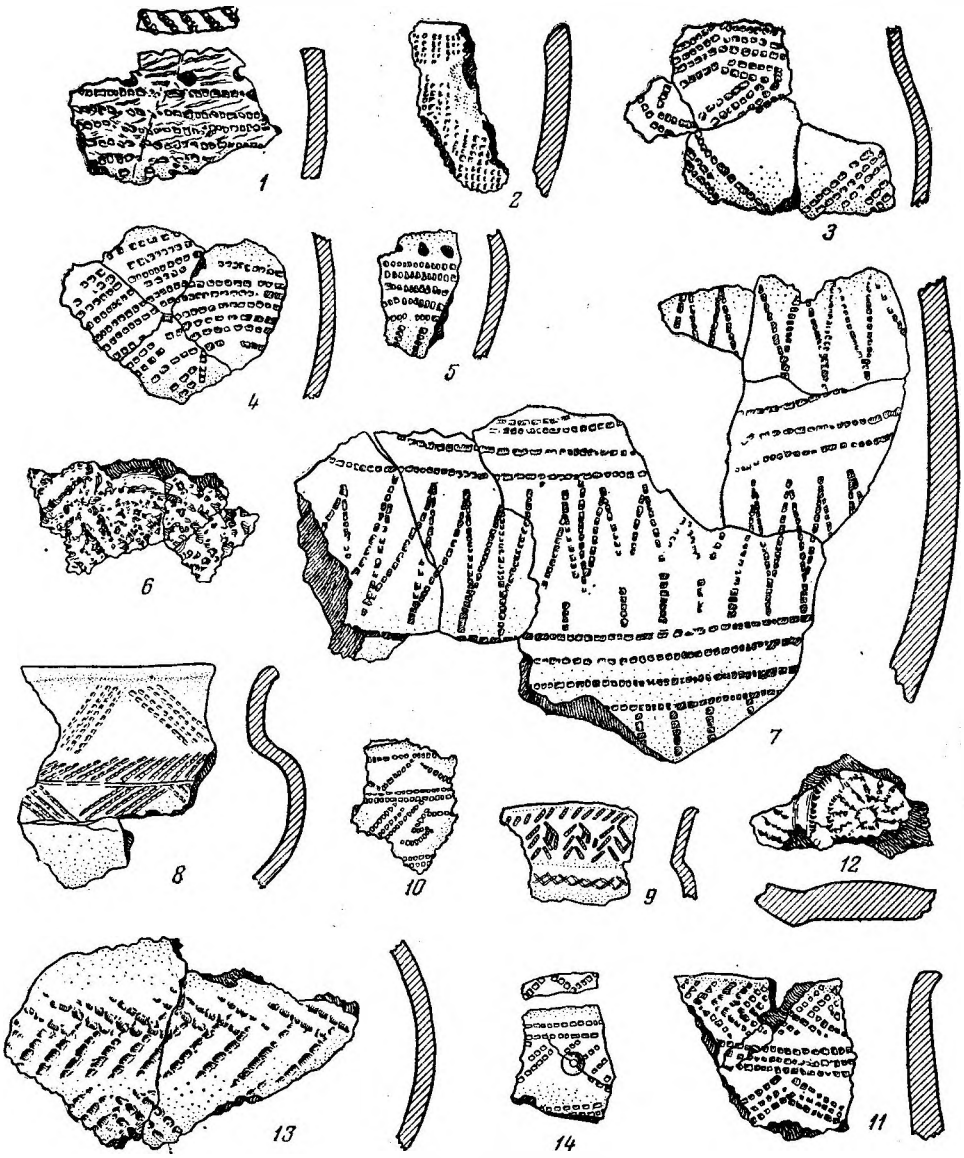


Рис. 20. Керамика

1—7 — первой группы; *8—14* — второй группы.

11. Обломок стенки толстостенного, грубого, по-видимому крупного сосуда из глины с шамотом и растительной примесью. Обе поверхности заглажены. Снаружи находится

13. Фрагмент стенки сосуда с примесью шамота в глине. Обе поверхности заглажены; на наружной — орнамент из расходящихся отпечатков довольно длинного зубчатого штампа (не менее 9 зубчиков), расширяющегося к одному концу.

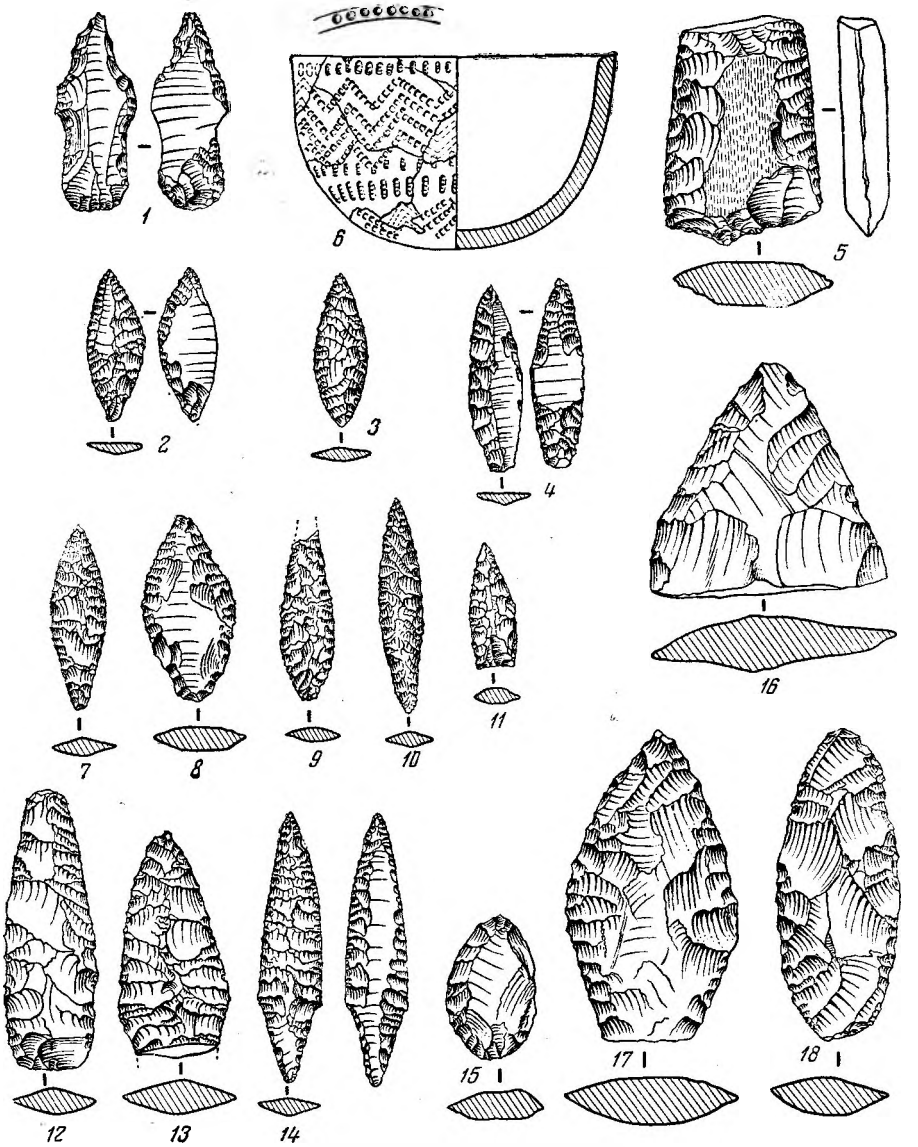


Рис. 21. Изделия из кремня и глины:

1 — фигурный кремень; *2—5, 7—14* — кремневые стрелы; *6* — глиняный сосуд; *15—18* — кремневые орудия.

Второй комплекс глиняной посуды можно синхронизировать с фатьяновской культурой. Все сосуды лепные и, как установлено, в некоторых случаях сделаны ленточной техникой. К этой группе относится небольшое количество сосудов и прежде всего обломки их, которые имеют точную аналогию в фатьяновских могильниках:

1. Сосудик с высокой, слегка отогнутой шейкой, с резким перегибом к выпуклым стенкам, сделанный от руки из хорошо отмученной глины с примесью (может быть, — в глине) очень мелкого песка. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда хорошо за-

глажены. На наружной стороне, на шейке и в верхней части плечиков — орнамент, нанесенный мелким зубчатым штампом и движением острого предмета (рис. 20, *9*).

2. Другой сосуд фатьяновского типа также небольшой, вероятно, круглодонный. У него слегка отогнутая, сравнительно высокая шейка; перегиб стенок очень резкий, так что тулово сосуда, видимо, бомбовидное; днище не сохранилось. Сосуд вылеплен из хорошо отмученной глины с примесью очень мелкого песка. На обеих поверхностях — следы лощения; на шейке и в верхней части стенок — орнамент (рис. 20, *8*).

3. Небольшой обломок верхней части сосуда с примесью шамота в глине. Внутренняя поверхность покрыта грубыми штрихами от заглаживания, на обрезе края и на внешней поверхности — орнамент. По обрезу края идут косые отпечатки трехзубого штампа; в верхней части шейки — тройные косые вдавления того же штампа, ниже — поясок из круглых ямок с плоским дном, под ямками — отпечатки зубчатого штампа, образующие три горизонтальных параллельных линии.

4. Фрагменты лепного сосуда с шамотом и растительной примесью в глине. Внутренняя поверхность покрыта следами исчезнувшей обмазки и кое-где — полосами от заглаживания, на внешней — елочный орнамент, нанесенный ладьевидным зубчатым штампом с 6 зубцами. Возможно, что к этому же сосуду относится часть слегка вогнутого плоского дна, на внешней поверхности которого нанесен описанный выше орнамент из небольшого кружка с лучами, окаймленного двумя кругами (рис. 20, *12*).

5. Часть выпуклой стенки, по-видимому, довольно крупного сосуда с примесью шамота в глине. Внутренняя поверхность заглажена, на внешней — елочный орнамент, нанесенный зубчатым штампом с довольно крупными зубцами (рис. 20, *13*).

6. Мелкие обломки шейки и стенок лепного сосуда с елочным орнаментом. Внутренняя и частично внешняя поверхность их заглажена щепкой или травой.

7. Обломок слегка отогнутой шейки лепного сосуда средней величины с примесью дробленой раковины и шамота в глине. Внутренняя поверхность заглажена, а на наружной зубчатым штампом нанесен орнамент (рис. 20, *11*).

8. Фрагменты шейки и стенок крупного лепного сосуда с примесью шамота в глине. Обе поверхности заглажены. Шейка прямая, стенки слабо выпуклые. По обрезу края и на внешней поверхности расположен орнамент, нанесенный овальным штампом с 3—4 зубцами.

9. Небольшие обломки слегка отогнутой шейки сосуда средней величины с примесью мелкого песка в глине, сглаженные. На обрезе края и на шейке — орнамент, нанесенный зубчатым штампом (рис. 20, *14*).

10. Мелкие обломки слегка отогнутой шейки, стенок и днища сосуда (с примесью шамота в глине), заглаженного снаружи тканью. По обрезу края, на шейке и стенках при помощи штампа с мелкими и узкими четырёхугольными зубчиками нанесен орнамент: по обрезу — косые отпечатки штампа, в верхней части шейки — поясок из трех параллельных полос с выпуклинами в нижней части; ниже узор состоит из гладких треугольников, окаймленных с боков 5 полосами из отпечатков того же штампа.

11. Часть стенки сосуда с примесью мелкого песка в глиняном тесте, хорошо промешенного. На наружной поверхности — орнамент, нанесенный зубчатым штампом с довольно мелкими квадратными зубчиками (рис. 20, *10*).

12. Два небольших обломка стенок сосуда с примесью раковины в глиняном тесте. Внутренняя поверхность их заглажена, наружная — сплошь покрыта елочным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом с очень мелкими зубчиками.

13. Обломки стенок сосуда с примесью шамота в глине. Наружная сторона заглажена тканью, на внешней — расположен орнамент, нанесенный узким, может быть, зубчатым штампом. Узор состоит из горизонтальных поясков вертикальных отпечатков штампа, между которыми находятся косые крестики.

14. Небольшие обломки стенок сосуда с примесью шамота в глине. Обе поверхности заглажены. Снаружи нанесен орнамент зубчатым штампом с пирамидальными концами зубчиков. Узор состоит из горизонтальных или косых полос и двойных косых крестиков на гладком поле.

Каменные орудия из двух ранних комплексов изготовлены из кремня, кварцита, гранита и других пород камня. Кроме опи-

санных, на стоянке найдены наконечники стрел, дротиков и копий, топоры, ножи, долота, сверла, скребки, скребла, молоты и другие орудия труда. Из них наконечников стрел — 12, наконечников дротиков и копий — по два и несколько обломков заготовок этих типов орудий.

Наконечники стрел относятся к следующим типам.

1. К листовидному типу принадлежат 5 наконечников стрел и 1 наконечник дротика (рис. 21, *7*). Второй наконечник сделан из желтоватого кремня, плоский, в разрезе овальный. Третий наконечник стрелы в разрезе овальный, с обломанными острием и концом черешка; обработан с обеих сторон сплошной мелкой отжимной ретушью (рис. 21, *9*). Четвертый и пятый экземпляры наконечников стрел этого типа не закончены обработкой (рис. 21, *8*).

К листовидному типу принадлежат также один наконечник дротика и наконечники копий (рис. 21, *13, 16—18*).

2. Иволистный тип наконечников стрел (4 экземпляра; рис. 21, *10*).

3. Треугольный с треугольным черешком наконечник, сделанный из плоской ножевидной пластинки светлого кремня, в разрезе овальный (рис. 21, *14*).

4. Треугольный наконечник без черешка, сделанный из серого кремня с прямым нижним краем, более толстый, в разрезе овальный (рис. 21, *11*). К этому типу принадлежит дротик плоский, в разрезе овальный, с обломанными острием и черешком (рис. 21, *12*).

5. Наконечник миндалевидный, из сероватого кварцита с белыми пятнами, плоский (рис. 21, *15*).

Найден каменный топор из зеленоватого сланца, прекрасно заполированный, трапециевидной формы, в разрезе четырёхугольный (рис. 22, *4*). Второй топор, несколько более крупный, сделан из светло-серого кремня. Лезвие и прилегающая к нему половина орудия заполированы. Лезвие дуговидное и имеет следы работы. Обух узкий, массивный (рис. 22, *1*). Из такого же кремня с темными пятнами сделано небольшое тесло, имеющее форму, близкую к равновершиной. Участки, прилегающие к дуговидному рабочему краю, заполированы (рис. 22, *2*).

Каменных долот — 8 экземпляров (все — из светлого кремня и кремнистого известняка) и 4 обломка. Одни более плоские и широкие (рис. 22, *6*), другие более узкие и высокие (рис. 22, *5*). Некоторые экземпляры заполированы, особенно — более плоское долото. У всех долот нижняя поверхность плоская, а на верхней — высокое ребро, так что в разрезе орудия подтреугольные. Рабочий край их массивный, дуговидный. На обухах заметны следы ударов.

Ножи сделаны из кремня и кварцита. Это отчасти ножевидные пластинки с ретушью (7 экземпляров; рис. 22, *3*) и без ретуши (14 экземпляров; в основном — обломки пластинок), отчасти кремневые и кварцитовые отщепы с заостряющей ретушью (13 экземпляров). Особенно интересен крупный кварцитовый нож листовидной формы, с очень острыми и крепкими краями (рис. 22, *9*) и большой нож из светлого кремня с рабочим дуговидным краем (рис. 22, *8*). Наиболее интересен экземпляр из светлого кремня, четырёхугольной формы, плоский, узкий и длинный, обработанный сплошь отжимной ретушью, с очень острыми и крепкими краями-лезвиями (рис. 22, *9*).

Скребков — 30 экземпляров и 3 обломка. Эти орудия принадлежат к нескольким типам:

1. Двенадцать скребков на удлиненных массивных, преимущественно кремневых отщепах (из кварцита сделан лишь один скребок этого типа). Рабочий край их почти всегда дуговидный, обработан крутой ретушью (рис. 23, *1, 3*).

2. Четыре скребка на более тонких удлиненных отщепах. Этот тип отличается от первого более прямым рабочим краем, обработанным довольно пологой ретушью (рис. 23, *2, 6*).

3. Один скребок круглый, на тонком, слегка изогнутом отщепе светлого кремня с темными пятнами. Рабочий край дуговидный (рис. 23, *4*).

4. Одиннадцать скребков на коротких отщепах неправильной формы. Рабочий край орудий имеет различную, в большинстве случаев дуговидную форму и обработан отлогой ретушью (рис. 23, *7, 8*).

5. Два угловых скребка, сделанных из неправильных отщепов, имеют изогнутый профиль. Рабочий край их представляет собой угол и обработан в одном случае плоской, в другом — более крутой ретушью (рис. 23, *5*). Возможно, что к этому же типу

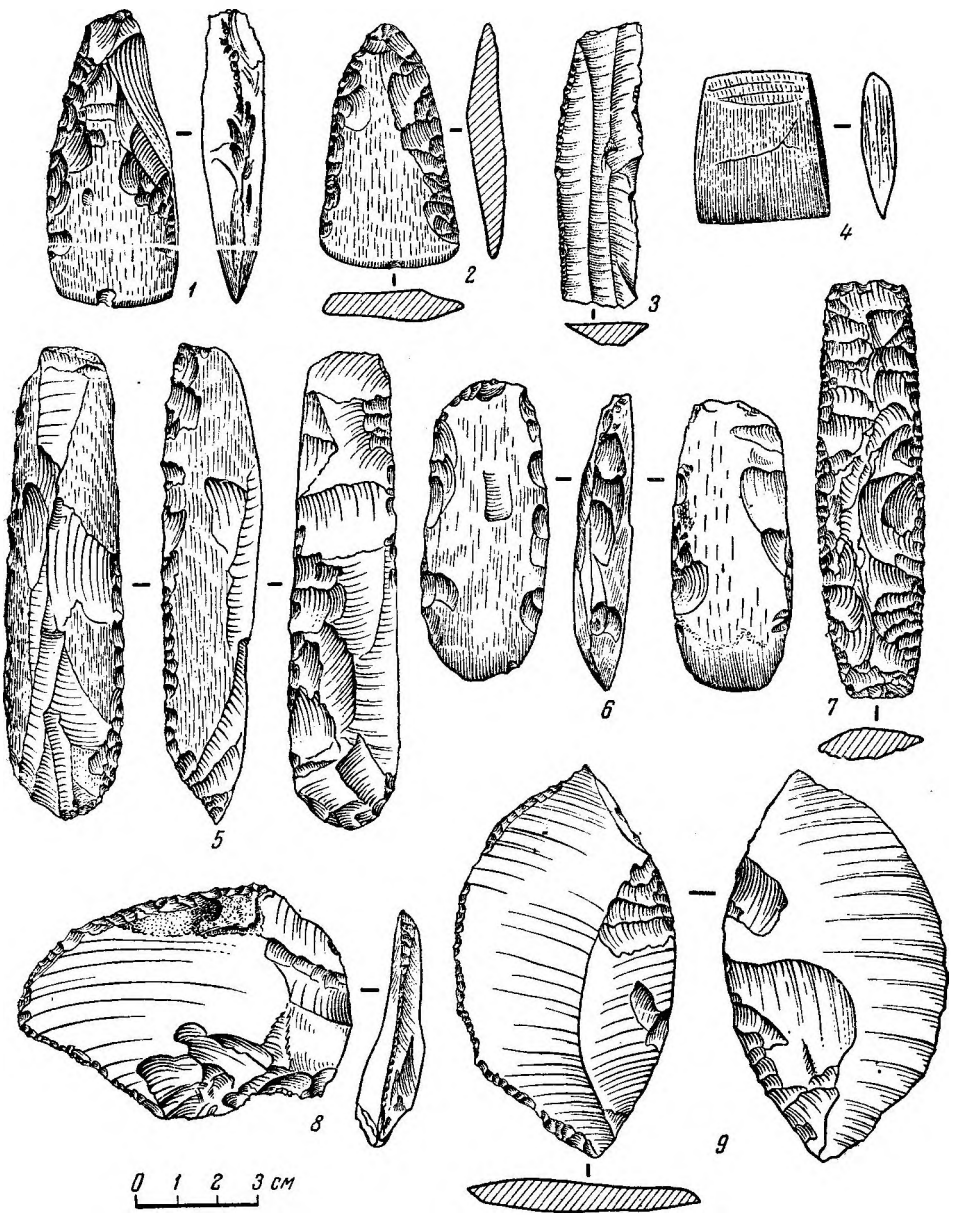


Рис. 22. Кремневые орудия.

1, 2 — топоры; *3* — ножевидная пластинка; *4* — тесло; *5, 6* — долота; *7—9* — ножи.

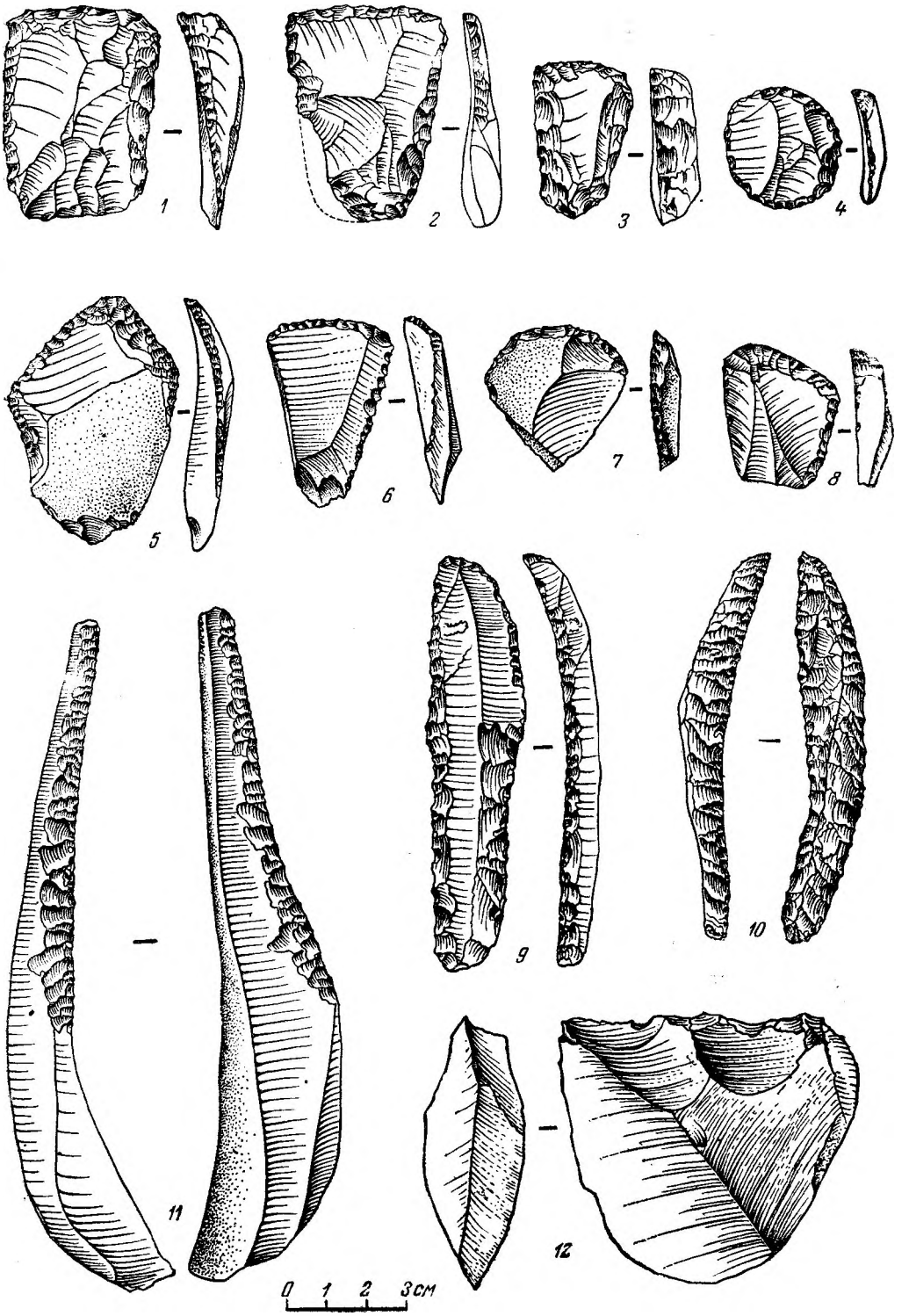


Рис. 23. Кремневые орудия.

1—8 — скребки; *9 — 10* — резчики; *11* — нож; *12* — скребло;

относится орудие с небольшим угловым рабочим краем на сравнительно большом отщепе неправильной формы.

Очень интересны прекрасно обработанные орудия на изогнутых кремневых пластинках с угловым рабочим краем. В коллекции их 3 экземпляра; два из них имеют сплошь обработанную спинку, с частичной подправкой на брюшке, а у одного обработаны лишь края спинки (рис. 23, *9, 10*).

По-видимому, эти орудия служили для обработки дерева, а может быть, и кости в тех случаях, когда нужно было отделывать округлую поверхность. Для обработки дерева предназначался, вероятно, и кремневый нож с очень массивным лезвием и довольно крутой ретушью (рис. 23, *11*). Целый экземпляр скребла имеет форму полуовала. Рабочий край — прямой, обработан крупными сколами (рис. 23, *12*). К этой же группе следует отнести менее массивные орудия из отщепа светло-серого камня, неправильной формы. Рабочий край дуговидный, обработан отчасти довольно крутой, отчасти пологой ретушью.

Кроме скребков и скребел, в коллекции имеются скребковидные орудия и обломки каменных орудий.

В инвентаре находок со стоянки есть также небольшое количество крупных каменных орудий — 2 молота, гладилка, песты и терки. Молоты сделаны из гранита и принадлежат к одному типу — с двумя ударными поверхностями и углубленной бороздой, предназначенной для привязывания орудия к рукоятке. Массивная гладилка из мелкозернистого песчаника имеет полукруглую форму. Рабочая поверхность плоская, заполированная. Боковые поверхности, а также ограничивающая их сверху и с боков узкая плоскость местами тоже заполированы. Песты представляют собой округлые, преимущественно небольшие гальки со стертыми или обитыми верхней и нижней плоскостями. Интересно орудие из мягкого мергелевидного камня серо-желтого цвета, состоящее из массивной, в разрезе овальной рукоятки и рабочей части. Орудие хорошо заглажено. Верхняя часть обломана. Назначение его неясно. Одна из терок — это плоская округлая, довольно толстая галька с обитыми и стертыми краями. Верхняя и нижняя плоскости слегка заполированы.

Среди кремневых вещей из раскопок стоянки обращает на себя внимание так называемый «фигурный кремень», представляющий собой, по-видимому, фигурку человека. Она сделана из отщепа светлого, желтоватого кремня с черными точками, обработана с обеих сторон довольно крупной ретушью. Головка фигурки изображена треугольным выступом, руки не показаны (вместо них слегка выдаются дуговидные расширения). Нижняя часть округлая. Детали лица и человеческого тела отсутствуют (рис. 21, *1*). Среди обломков орудий со стоянки имеется фрагмент, видимо, такой же фигурки из полупрозрачного дымчатого кремня: часть треугольного выступа — головы и одного плеча.

Интересны заготовки топора или тесла из кремнистого сланца дымчатого цвета, на которых уже сняты участки корки с широких сторон, обрезаны нижний край и обух.

Из предметов, связанных с производством каменных орудий, в коллекции стоянки имеются обломки нуклеусов, ножевидные пластинки, многочисленные отщепы кремня и кварцита, отбойники, отжимники (2 экземпляра), употреблявшиеся для нанесения ретуши на обрабатываемые предметы, и небольшой обломок зернотерки.

Орудия, служившие для отбивания кремневых и кварцевых отщепов и пластинок,— это округлые желваки кремня, вся поверхность которых покрыта выбоинами — следами ударов. Отжимники для нанесения ретуши представляли собой отщепы кремня с крепким узким рабочим краем, которым при надавливании «отжимались» мелкие кусочки кремня или кварцита; в результате получался более прочный край орудия или его поверхности придавалась определенная форма. Ретушь наносили и костяными отжимниками, но на этой стоянке они могли не сохраниться, так как в ее рыхлом грунте костяные предметы легко разрушались, а из костей животных сохранялись лишь зубы.

Из каменный орудий остается упомянуть лишь о нескольких окатанных водой гальках со следами работы и о части каменной зернотерки или полировальной плиты.

Костяные орудия обнаружены в золистом слое очага землянки V, где было найдено костяное сверло — одно из единичных костяных орудий стоянки, сохранившееся благодаря консервирующим свойствам золы; оно сделано из узкого куска трубчатой кости

крупного животного. Рабочий край (острие) довольно массивный и слегка заполировавшийся от работы; противоположный край частично обломан.

Небольшое костяное шило найдено также в золе у очага в землянке III (рис. 17, *5*). Кроме того, в коллекции из раскопок стоянки имеются еще 2 предмета из рога лося: массивная ручка (?, рис. 17, *8*) и орудие неизвестного назначения (рис. 17, *9*).

В северо-восточной части землянки обнаружен втоптанный в пол небольшой бронзовый обоюдоострый нож, плоский, листовидный, с довольно длинным черешком. Край острия обломан (рис. 17, *1*). Бронзовый нож близкой формы (рис. 17, *3*) найден в заполнении жилища IV, обломок бронзового орудия (рис. 17, 2) — в верхнем горизонте культурного слоя, бронзовая пластинка (рис. 17, *4*) — в заполнении жилища III на глубине около 0,8 м.

Древнее население стоянки уже широко употребляло металлические орудия труда. Небольшие куски бронзового шлака, найденные при раскопках стоянки, свидетельствуют о местной металлургии меди.

Керамика позднего периода существования стоянки представлена обломками сосудов, изготовленных при помощи ленточной техники. В эту группу входит свыше 300 сосудов различной величины. Преобладающей примесью в глине посуды данной группы был шамот, затем раковина и мелкая светлая примесь (мергель?). У отдельных сосудов наблюдались лишь следы исчезнувшей примеси. Наиболее редкой примесью был песок. В некоторых сосудах примесь установить не удалось. Иногда в глиняном тесте посуды этой группы находились одновременно шамот и раковина или мелкая светлая примесь. В общем глиняное тесто большей части сосудов довольно грубое. Тонкостенных сосудов сравнительно мало.

Поверхности сосудов выравнивали чаще всего при помощи ткани или кожи, а также зубчатых штампов; реже сглаживали щепкой или травой. Иногда наблюдались снаружи и внутри отдельные широкие полосы, один раз на шейке сосуда обнаружены следы среза; несколько раз на внешней и внутренней поверхностях сосудов можно было заметить следы лощения, но лишь один небольшой обломок шейки сосуда имел прекрасную лощеную поверхность и снаружи, и внутри.

Довольно часто встречались обломки плоских днищ. Бомбовидные сосуды, по-видимому, были круглодонными. Удалось реставрировать нижнюю часть сосуда с яйцевидным дном, но связать такую форму днищ с определенной формой сосудов не представляется возможным.

Глиняные сосуды рассматриваемой группы имеют следующие формы:

1. Банки (25—26 экземпляров) с прямыми стенками и плоским дном, с прямыми или загнутыми внутрь краями, в большинстве случаев орнаментированные (рис. 24, *1*). У одной банки имеется лишь насечка по верхнему краю; есть экземпляры без орнамента. Возможно, что некоторые из сосудов этой группы представляют собой невысокие и, может быть, частично круглодонные небольшие чашки, как, например показанные на рис. 24, *2* и рис. 26, *2*.

2. Горшки с отогнутой шейкой и слабо выраженными плечиками (105 экземпляров), с плоским дном, большей частью орнаментированные. Почти у трети из них по обрезу края имеется выпуклый валик. Следует отметить, что в большинстве случаев валик по толщине слабо отличается от стенок, иногда же лишь отделен от них резной чертой (рис. 24, *3*).

Горшки 2-го типа — с отогнутой шейкой и хорошо выраженными плечиками (87 экземпляров). Все они орнаментированные, больше половины сосудов имеют выпуклый валик на шейке такого же характера, как и горшки 1-го типа (рис. 25, *4*).

3-й тип — горшки с невысокой прямой шейкой и резким переходом к стенкам, бомбовидные (?), по-видимому, круглодонные (5 экземпляров). Орнамент расположен на обрезе края, на шейке и под ней (рис. 24, 7).

К 4-му типу относятся горшки, близкие к остроребериым (2 экземпляра). Один — с ямочным и нарезным орнаментом на обрезе края и шейке, со сложным рисунком из ямок и резных зигзагов (рис. 24, *5*).

3. Сосуд с налепом ниже края шейки (1 экземпляр). Орнамент его состоит из горизонтального ряда круглых ямок в нижней части шейки (рис. 24, *8*).

Некоторые из сосудов удалось реставрировать, в их числе — плоскодонный горшок крупных размеров, по форме близкий сосуду

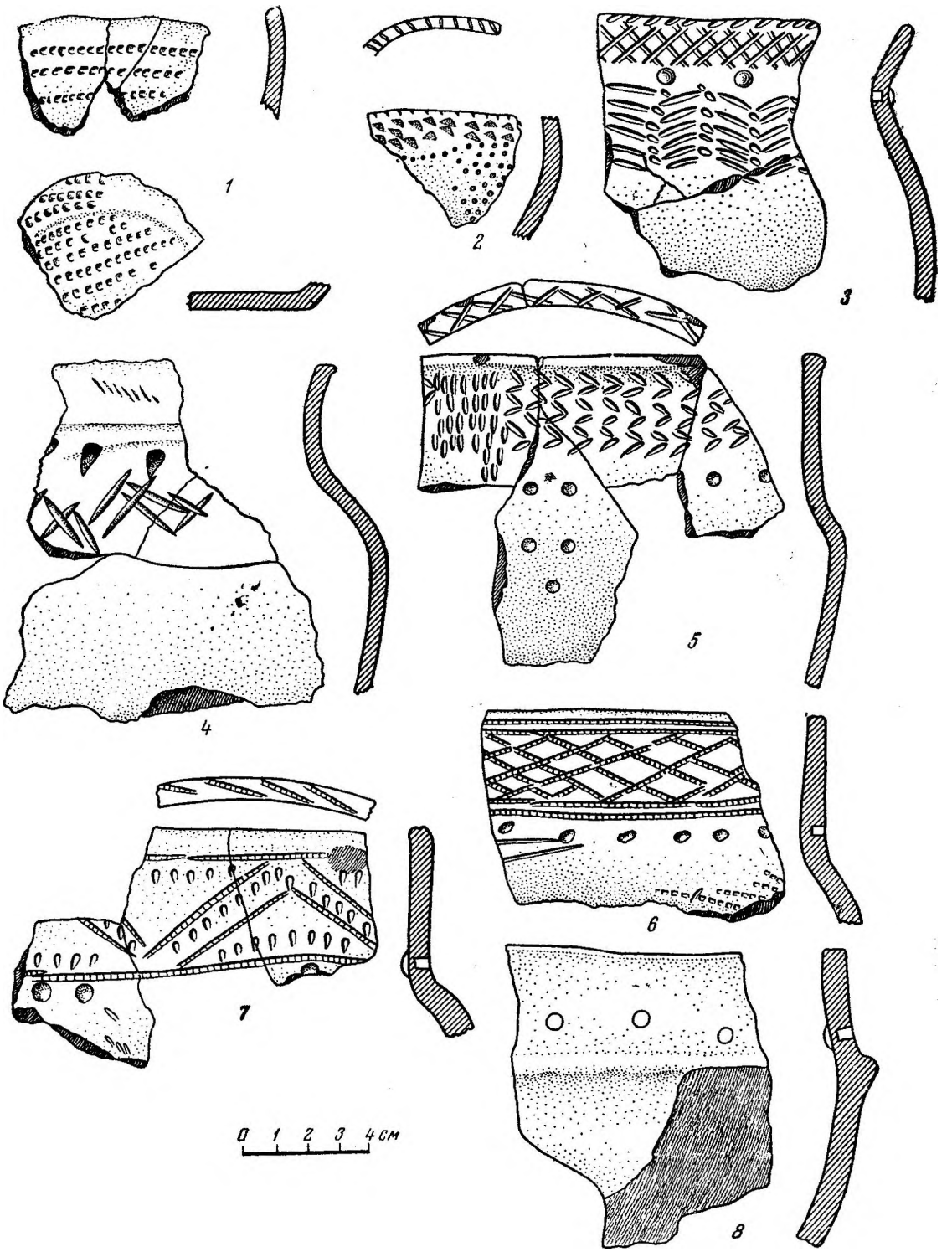


Рис. 24. Керамика:

1 — банка; *2* — чашечка; *3* — баночный сосуд; *4* — сосуд с выпуклыми стенками; *5* — сосуд, близкий к остроребер-ному; *6* — сосуд с более высокой шейкой; *7* — бомбовидный сосуд; *8* — сосуд с налепом.

Рис. 25. Керамика. Виды орнамента на сосудах третьей группы (*1—9*).

с Луговской стоянки. В глине — примесь шамота. Заглажен снаружи тканью или кожей, внутри — щепкой (рис. 26, *3*, *4*). Второй реставрированный сосуд отличается от первого размерами величиной дна и орнаментом. Последний состоит из ряда угловых ямок под шейкой и пояска из резных косых пересекающихся линий, образующих решетку из ромбов на плечиках (рис. 26, *4*). Третий сосуд имеет яйцевидную форму, с небольшой слегка отогнутой шейкой. Он сделан из грубого теста с примесью шамота. Внутренняя поверхность заглажена тканью или кожей; снаружи сосуд орнаментирован круглыми ямками и штрихами, идущими в разных направлениях (рис. 26, *1*).

Около большой ямы, расположенной к западу от жилища II, на глубине около 0,7 м найден небольшой сосудик в виде чашечки с уплощенным дном, сделанный от руки из глины с примесью шамота. Внутренняя и наружная поверхности его сглажены тканью или кожей не особенно тщательно. В верхней части сосуда — орнамент (рис. 26, *2*). Еще один небольшой сосудик представляет собой плоскодонную банку с немного загнутыми краями, без орнамента. Из общего количества сосудов этой группы меньше 10% не имели орнамента, остальные орнаментированы.

Выделено 35 видов орнамента — ямочного (20) и гребенчатого (15), 3 типа ногтевых вдавлений, 5 видов шнура. Кроме того, наблюдались крестики, треугольники, ромбы, флажки, лесенки, горизонтальная и вертикальная елочка.

По орнаменту сосуды можно разделить на следующие группы.

Обнаружено около 20 сосудов с орнаментом из углов и треугольников. Последние в большинстве случаев заштрихованы и иногда окаймлены «бахромой» из мелких овальных ямок (рис. 25, *1*). Иногда орнамент из заштрихованных треугольников сочетается с горизонтальными полосами отпечатков шнура (рис. 25, *5*). Узор из двойных углов, нанесенных зубчатым штампом, находится на шейке сосуда с резким переходом от шейки к стенкам (рис. 24, *7*). Между отпечатками зубчатого штампа, образующего углы, и в основании гладких треугольников, расположенных в верхней и нижней частях шейки, помещены треугольные ямки. В самой нижней части шейки — поясок из круглых глубоких ямок с плоским дном, а по обрезу края — косые вдавления зубчатого штампа.

Шнуровые узоры, в сочетании с ямочными и гребенчатыми, покрывают поверхность около 40 сосудов, которые представлены большей частью мелкими обломками шеек (рис. 25, *2*, *3*). Среди них имеется часть крупного сосуда, на которой отпечатки шнура образуют горизонтальный поясок из 3 полос; последний разделяет тоже горизонтальные пояски зубчатых вдавлений, расположенных ниже шейки.

Довольно широко распространен узор из елочек, нанесенных почти всегда при помощи разных зубчатых штампов, часто в сочетании с ямками (рис. 25, *8*). Елочный орнамент находится на обломках шеек различных сосудов, иногда — на выпуклом валике, «воротничке».

Имеются сосуды, орнаментированные узором из пересекающихся резких линий или отпечатков зубчатых штампов, образующих сетку из ромбов или крестики на шейке либо ниже ее и сочетающихся обычно с ямками. К этой группе принадлежит свыше 40 сосудов (рис. 24, *3*, *6*; рис. 25, *2*).

Небольшое количество сосудов (около 10 экземпляров) орнаментировано так называемыми «флажками», нанесенными зубчатым штампом или нарезкой (рис. 25, *7*). Полный узор имеется лишь на одном-двух обломках и состоит из сочетания «флажков» с ямками, нарезками и отпечатками зубчатого штампа.

Есть сосуды с орнаментом из лесенок; у них часто на шейке сделан выпуклый валик — «воротничок». Орнамент состоит из косых нарезных линий, между которыми помещаются более короткие отпечатки зубчатого штампа — «ступеньки лестницы». Последние сочетаются с резными ромбами и нарезками по обрезу края (рис. 26, *3*). Из мелких обломков сосудов с таким же узором интересен фрагмент шейки, на которой «ступеньки лестницы» нанесены ямками (рис. 25, *9*).

У немногочисленной группы сосудов, орнаментированных горизонтальными полосами, иногда имеются внутри косые линии. Весь орнамент нанесен зубчатым штампом.

Большая группа сосудов орнаментирована ямками, иногда в сочетании с отпечатками зубчатого штампа. Ямки на сосудах

различные; круглые, овальные, четырехугольные, треугольные, удлиненные, ладьевидные с острым дном, неправильные — всего 10 видов ямочных вдавлений. Круглые ямки также (рис. 25, *6*). Иногда треугольные или четырёхугольные ямки в несколько рядов покрывают шейку или верхнюю часть сосудов (рис. 24, 2). Более сложные ямочные узоры

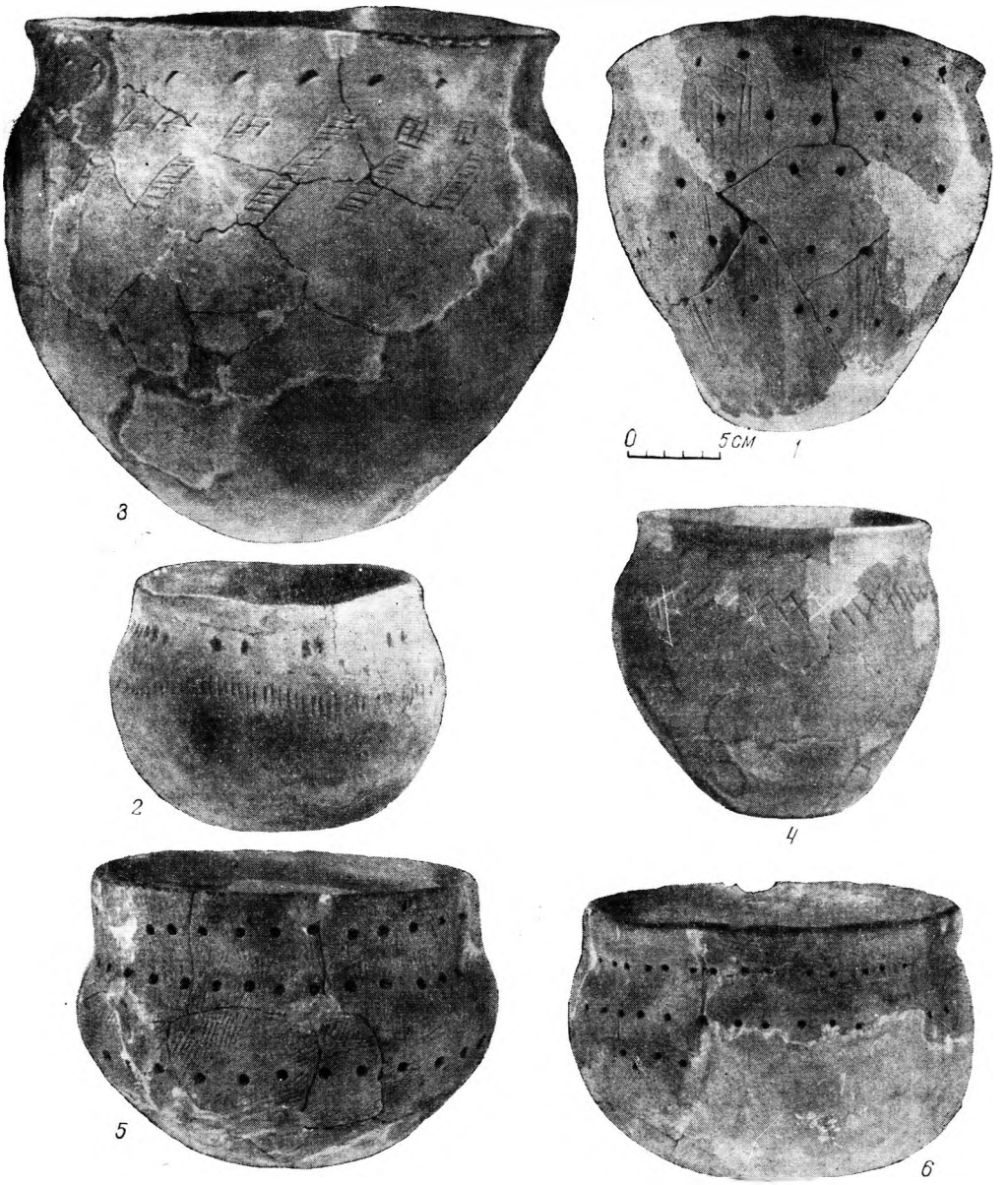


Рис. 26. Реставрированные сосуды (*1—6*).

неодинаковы; наряду с глубокими, имеющими небольшое плоское дно, отмечены ямки, нанесенные полым предметом и совсем плоские. Наиболее простой узор образует поясок из круглых ямок под шейкой сосуда состоят из сочетания различных ямок, или ямок и отпечатков зубчатого штампа, или ямок и резных узоров (рис. 24, *5*).

Невелика группа (3 сосуда) с ногтевым узором. Наиболее интересна часть неболь-

шой банки, описанной выше, по-видимому, сплошь покрытой горизонтальными рядами косых ногтевых вдавлений. Из других обломков любопытна шейка с 3 рядами почти горизонтальных ногтевых вдавлений вдоль верхней части сосуда.

На нескольких небольших обломках имеется орнамент из выпуклостей в виде полушарий — «жемчужин», обычно занимающих место ямок в верхней части сосудов. Наиболее крупный из них — обломок верхней части сосуда с отогнутой шейкой и гребенчатым орнаментом из горизонтальной елочки в верхней части шейки. Остальной орнамент не ясен. «Жемчужины» выдавлены изнутри четырёхугольной палочкой (рис. 24, *3*).

Кроме описанных, в третью группу керамики входят сосуды с так называемым «сетчатым» орнаментом. Всего удалось выделить около 40 сосудов, причем обломки их находились преимущественно или в верхних горизонтах культурного слоя, или в заполнении и на полу землянок. Следовательно, эти сосуды относятся к наиболее позднему времени существования стоянки. Среди «сетчатой» керамики имеются плоскодонные и круглодонные формы. К последним принадлежат два реставрированных сосуда.

Следует отметить, что «сетчатый» орнамент, покрывающий внешнюю поверхность сосудов, неоднороден: имеются более крупные отпечатки, напоминающие рогожу, и более мелкие, похожие на оттиски плетенки и шнура [9]. Преобладающая примесь на глине — шамот. Сосуды с примесью раковины или кусочков мергеля (?) единичны. «Сетчатый» орнамент обычно покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, иногда за исключением шейки или гладкой (изредка лощеной) полосы под ней. Внутренняя поверхность заглажена тканью, кожей или при помощи зубчатого штампа (почти поровну), в единичных случаях — лопаточкой или щепкой.

Среди «сетчатой» посуды встречаются те же формы — банки (7 экземпляров), горшки первого типа (16 экземпляров), горшки второго типа (1 экземпляр), близкие к остроребериым (5 экземпляров), бомбовидные (12 экземпляров). Последние, по-видимому, круглодонные с прямой или слегка отогнутой шейкой и резким переходом к выпуклым стенкам. Один из этих сосудов снаружи сплошь покрыт «сетчатым» орнаментом, напоминающим оттиски шнура, по которому нанесен ямочный орнамент, состоящий из 3 горизонтальных рядов ямок с плоским дном. Внутренняя поверхность сосуда заглажена, вероятно, щепкой и затем тканью или кожей. Второй сосуд — с более низкой шейкой — снаружи покрыт орнаментом, напоминающим плетенку, за исключением узкой полосы под шейкой. Орнамент также состоит из 3 горизонтальных поясков круглых ямок (рис. 26, *6*).

Остается сказать несколько слов о хозяйстве древних обитателей Гулькинской стоянки. Кости животных, согласно определению В. И. Цалкина, принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту, лошади, свинье, собаке. Из костных остатков диких животных найдены кости медведя, лося, кабана, бобра, зайца, выдры, куницы. Преобладающие в стаде животные — крупный рогатый скот. Охота на диких животных, особенно на мясных, и на дикую птицу должна была играть немалую роль в хозяйстве. Большое количество рыбьей чешуи, лежавшей в очагах, щитки и челюстные кости осетров говорят о рыболовстве, которое, вероятно, также имело большое значение. К сожалению, у нас мало данных для суждения о земледелии; есть только обломки каменных плит с шероховатой поверхностью — зернотерок,— есть округлые камни со стертой поверхностью, служившие, может быть, для растирания зерна. Кроме того, оседлое (так называемое домашнее) скотоводство обычно неразрывно связано с земледелием, поэтому мы вправе предполагать, что земледелие существовало у древнего населения стоянки, но еще не являлось ведущей отраслью хозяйства.

Следует еще раз подчеркнуть, что древнее население не только было знакомо с металлом и имело металлические орудия, но находки медных шлаков свидетельствуют о знакомстве с металлургией меди.

Поселение в урочище Гулькин Бугор существовало в течение очень долгого времени, хотя, вероятно, с перерывами. Наиболее раннее поселение, для которого характерны каменные орудия из ям и архаическая глиняная посуда, изображенные на рис. 20 и 21,

[9] Н. В. Трубникова убедительно доказала, что «рогожный» орнамент наносился при помощи штампа; С. А. Семенов не менее убедительно доказал, что «сетчатый» орнамент также наносился штампами из шнура и дерева.

можно отнести к началу II тысячелетия до н. э. Целый ряд каменных орудий с Гулькинской стоянки — некоторые наконечники стрел и дротиков, топоры, угловые скребки и тесло — близки к соответствующим формам орудий стоянки Обсерватория III, которую ее исследователи Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков считают неолитической.

Во второй раз стоянка была обитаема примерно около середины II тысячелетия до н. э., когда бытовали наконечники стрел с черешком в виде треугольного выступа (рис. 21, *14*) и бомбовидные формы сосудов фатьяновского типа (рис. 25, *1, 2*). К этому времени, может быть, относятся и могилы, вскрытые в 1953 г.

В третий раз Гулькин Бугор был заселен еще позже. Форма бронзовых ножей, аналогичных ножу с Ананьинской дюны, сходство каменных орудий — топоров, молотов, пестов, скребков, с соответствующими орудиями Луговской стоянки, появление сосудов с налепом ниже шейки, малое количество остроребердных форм и, напротив, наличие горшков позднесрубного типа — позволяют датировать стоянку концом эпохи бронзы — XI—IX вв. до н. э., предананьинским временем, когда уже складывались типичные элементы ананьинской посуды — «воротничок» на шейке сосудов, ряд круглых ямок под шейкой и шнуровые узоры.

Сходство форм жилищ, каменных орудий, форм и орнаментации глиняной посуды на Гулькинской и Луговских стоянках — четырёхугольные, обложенные деревом жилища-полуземлянки с очагами и переходами из одной в другую, с площадками чистого песка среди темного углистого пола и небольшим количеством столбов; глиняная посуда — банки, чашки, горшки 1 и 2-го типов, бомбовидные и близкие к остроребердным формы; наличие «воротничков» на шейках сосудов и орнамент в виде ряда круглых ямок под шейкой, шнуровые узоры, орнамент из «лесенок», «флажков», елочек — все это заставляет отнести Гулькинскую стоянку к той же культуре, что и Луговские стоянки.

Своеобразие этих памятников — наличие на Гулькинской стоянке «сетчатой» керамики, а на Луговской — посуды андроновского типа — объясняется их географическим положением: Гулькинской стоянки — на западной границе, а Луговских — ближе к восточной границе расселения местных племен, живших на нижней Каме и ближайших к устью Камы участках Поволжья, хотя слабое андроновское влияние заметно также и на посуде Гулькинской стоянки.

4. СТОЯНКА СТЕПНОЕ ОЗЕРО

Стоянка расположена на высоком восточном берегу пойменного Степного озера в 4 км к западу от с. Болгары Куйбышевского района Татарской АССР. Озеро имеет форму неправильной дуги, вытянутой с севера на юг. Края его заросли камышом и кое-где, особенно в северной части, заболочены. Лишь на одном сравнительно небольшом участке к воде подходит песок. Глубина озера довольно значительная. Вода в нем, благодаря обилию на дне ключей, холодная и чистая. Берега озера заросли лиственным лесом и кустарником, иногда образующим непроходимые заросли.

Стоянка простирается вдоль берега озера примерно на 160 м, а в глубину (к востоку) — на 50—60 м.

Раскопками 1954 г. было вскрыто 200 кв. м.

Девять участков размером 2 × 2 м были заложены в 3 ряда вдоль обрыва берега, там, где можно было проследить наиболее мощный культурный слой; затем по первой линии перпендикулярно обрыву берега была проведена траншея (участки IV—X), которая прорезала небольшое жилище. Для его исследования были дополнительно раскопаны еще 14 участков к северо-востоку и юго-западу от траншеи.

Стратиграфия изучена на ряде участков. На срезе северо-восточного берега Степного озера наблюдалась наиболее сложная картина. Здесь под дерном находилось несколько слоев супеси, различавшейся по цвету — от темной, сильно гумированной до светлой, гумированной слабо; в одном месте была видна прослойка золы; ниже шла супесь желтого цвета, которую на глубине от 1 до 1,5 м подстилал материк — песок с прослойками и пятнами глины. Кремневые отщепы, кости животных и обломки глиняной посуды обнаружены во всех слоях супеси.

В профиле стенок раскопа I/1—9, кроме дерна и слоев светлой и темной супеси, находились слои золы и прослойки древесного тлена. По направлению к западу стратиграфия становилась менее сложной. Под дерновым слоем лежал слой темной супеси, ниже шел слой светлой супеси (оба с культурными остатками); еще ниже залегала прослойка гумуса, а затем плотный суглинок — материковый слой.

Культурный слой разделялся на 2 горизонта темной и светлой супеси. Последний, более мощный, содержал большее число находок. В дерновом слое и гумусных прослойках находок почти не было.

Жилище — полуземлянка, открытая на участках V—VIII/А—1—2,— имело четырёхугольную, почти квадратную форму (рис. 27, *А*). Длина его — 5,6 м, ширина — 5,2 м, глубина в восточной части — около 0,7 м от современной поверхности, в западной — примерно 0,8 м, в средней части — около 0,9 м. Жилище было ориентировано по странам света.

Заполнение землянки следующее. Сверху лежал дерновый слой толщиной от 0,15 до 0,3 м, под ним (за исключением восточного края землянки) шла тонкая темная прослойка, которая подстилалась также довольно тонкой прослойкой светлой супеси; ниже до самого дна землянки, во всю ее ширину, залегал слой темной супеси. Ниже шел материковый слой — светлый песок с прослойками глины (рис. 27, *Б*).

С северной и западной сторон землянка имела 2 широких перехода в другие жилища (длина переходов — около 3 м, ширина — 1,5—1,8 м). Земляные стены в нижней части были обложены деревом, сохранившимся в виде углистых полос вдоль северной, восточной, части южной и западной стен и восточной стенки северного перехода. Очень хорошо выражены северо-западный и юго-западный углы.

На глубине 0,7—0,9 м от поверхности пол землянки был покрыт тонким углистым слоем — остатками дерева, может быть,— коры. Постоянного очага в жилище не было, но небольшие углистые пятна незначительной толщины (меньше 10 см) наблюдались в начале северного перехода и возле ямы в середине жилища. Выхода наружу не было. Это было, скорее, подсобное сооружение или, может быть, летнее жилище. При зачистке пола были обнаружены следы 6 столбов и 2 хозяйственных ям. Следы столбов, в виде круглых темных пятен среди светлого подстилающего песка (диаметром 12—20 см), были обнаружены в переходах и у восточной стенки жилища. Они прослеживались до глубины 0,21—0,68 м и в 4 случаях имели конусообразное окончание. Особенно интересны 2 столба у начала северного перехода. Следы их в песке имели вид темных цилиндров с плоским дном диаметром 24—25 см и глубиной до 0,52 м ниже пола жилища. По-видимому, это были короткие столбики, служившие не для поддержки кровли, а для сидения.

Ям обнаружено две: одна, округлая (диаметром около 40 см) — в средней части землянки, другая, овальная (длиной 88 см, шириной 48 см) — у южной стенки восточного перехода. Глубина первой — 0,57 м, второй — около 0,86 м ниже пола землянки. Ямы были заполнены темным слоем, почти не содержавшим находок.

На основании имеющихся данных реконструировать кровлю землянки трудно, даже если представить себе, что яма в центре землянки является местом, где был врыт большой столб, поддерживавший крышу. Последняя была, скорее всего, двускатная, опиравшаяся краями на землю.

Четырёхугольные землянки, связанные переходами, типичны для поселений конца бронзовой эпохи в Прикамье как на севере — в Пермской области, по р. Чусовой и в районе слияния ее с р. Камой, так и на юге — в окрестностях г. Елабуги и в районе устья Камы.

Хозяйство древнего населения стоянки может быть реконструировано на основе находок и прежде всего — сохранившихся орудий труда. Каменных орудий в коллекции из раскопок стоянки сравнительно немного. Они сделаны из валунного кремня, доломита, яшмы, кварцита и других пород камня. Кроме нескольких довольно массивных отбойников из твердых пород камня, иногда имеющих следы долговременного употребления в виде многочисленных мелких выбоин, при раскопках найдены долота из доломита и окремнелого известняка (2 экземпляра), ножи и ножевидные пластинки (5 целых и 1 обломок), наконечники стрел (часть одного, незаконченный второй и заготовка для третьего), скребла (4 экземпляра),

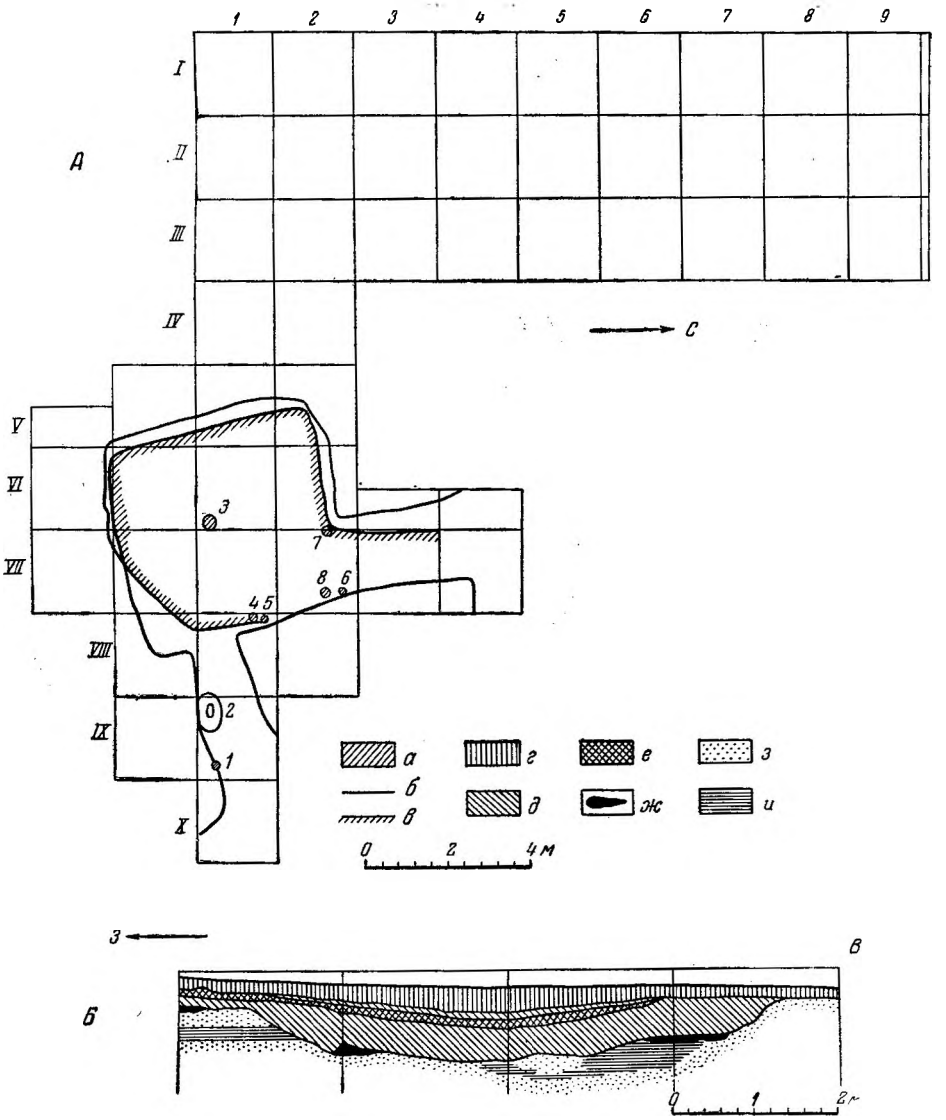


Рис. 27. *А* — план раскопа и жилища; *Б* — северная стенка южной части жилища:

а — углистые полосы и пятна: *1* — глубина 21 см; *2* — глубина 56 см, диаметр 88 и 48 см; *3* — глубина 57 см, диаметр 40 и 17 см; *4* — глубина 68 см, диаметр 20 и 13 см; *5* — глубина 35 см, диаметр 16 и 7 см; *6*—глубина 54 см, диаметр 33 и 20 см; *7*—глубина 52 см, диаметр 27 и 25 см; *8* — глубина 52 см, диаметр 32 и 30 см; *б* — граница пятна, глубина 50 см; *в*— граница пятна, глубина 70 см; *г* — почвенный слой; *д* — супесь светлая; *е* — супесь темная; *ж* — углистый слой; *з* — песок; *и* — глина.

скребки (9 экземпляров) и ретушер (1 экземпляр).

Каменные долота типичны для стоянок эпохи поздней бронзы данной области, так же как и материал, из которого они сделаны. Доломиты, окремнелый известняк — местные породы, которые в других областях встречаются сравнительно редко.

Долота имеют вид расширяющихся к рабочему краю массивных пластин. Одна из широких сторон — плоская, другая имеет посередине довольно высокое выпуклое ребро, по краю нанесена ретушь (рис. 28, *5. 6*). Длина орудий — 11 и 6,5 см, наибольшая ширина — 4 и 2,7 см. Меньшее долото — не совсем правильной формы; возможно, оно еще не было закончено обработкой.

Ножи и ножевидные пластинки также сделаны из доломита и кремня. Ножевидных пластинок — две. Одна из них (кремневая) обломана, вторая (доломитовая) почти целая; длина последней — 7 см (рис. 28, *1*). Ножи на тонких отщепах имеют дуговидное лезвие с одной или двух сторон. Таких ножей — 3 экземпляра разной величины. Лезвия обработаны тонкой ретушью обычно с одной, иногда с двух сторон (рис. 28, *1*). Один из ножей — особого типа. Он сделан из довольно толстой узкой пластины, сужающейся к концам; обработан кругом (по краям и на широких плоскостях) и имеет очень правильную, симметричную форму. Длина его — 6,5 см, наибольшая ширина — 2 см. Такие ножи встречаются в Турбинском могильнике (рис. 28, *2*).

Стрелы представлены обломком наконечника из светлого кремня, обработанного довольно грубо. По-видимому, орудие сломалось в процессе изготовления. Поперечный разрез овальный, черешок уплощенный (рис. 28, *3, 4*). Второй экземпляр из такого же кремня обработан лишь с одной стороны. Заготовка представляет собой миндалевидный отщеп без обработки.

Скребла сделаны на крупных массивных отщепах неправильной формы: три — из кремня, одно — из доломита и одно — из кварцита. Наиболее симметричное скребло из светлого кремня имеет округлую форму и обработано со спинки, с одной стороны довольно крутой ретушью, а с другой — более отлогой. Рабочий край дуговидный. Брюшко гладкое, кое-где со следами заломов. Последние наблюдаются и на спинке. Длина — около 7 см, наибольшая ширина — 5,6 см (рис. 28, *7*). Рабочий край второго кремневого скребла, имеющего подтреугольную форму, массивный, неровный, обработан и со стороны спинки, и со стороны брюшка неровными сколами. Длина рабочего края — 6,5 см, высота — 5,5 см.

Скребки принадлежат к нескольким типам:

1. Небольшой продолговато-округлый скребок из серого камня, обработанный на коротких сторонах крутой ретушью (1 экземпляр). Длина — 2,6 см, ширина — 2 см (рис. 28, *8*).

2. Скребок на отщепе из серого кремня с очень массивным высоким рабочим краем (1 экземпляр). Длина и ширина — около 3,5 см (рис. 28, *9*).

3. Круглый скребок из светлой полосатой яшмы с крутым дуговидным рабочим краем (1 экземпляр). Диаметр — 3 см (рис. 28, *12*).

4. Довольно плоские скребки на неправильных кремневых отщепах с дуговидным рабочим краем (6 экземпляров). Длина — от 4 до 2,5 см, ширина — от 4 до 2 см (рис. 28, *10, 11*).

В коллекции есть еще 4 экземпляра неправильных отщепов с участками скребковой ретуши, которые могли употребляться как скребки, и часть какого-то орудия из серого камня; последняя имеет дуговидную, укрепленную ретушью выемку и могла служить ретушером.

В общем каменных орудий немного, и у всех поздний облик. Однако наличие нуклеусов (2 экземпляра) и нуклевидных обломков свидетельствует о том, что кремневые орудия еще производились древним населением стоянки, хотя ему были известны и, вероятно, уже широко употреблялись орудия из меди и бронзы.

Следует отметить отсутствие необходимых для обработки дерева топоров. Между тем дерево, несомненно, обрабатывалось древним населением стоянки, на что указывают описанные выше долота.

Глиняная посуда представлена большим числом фрагментов, что позволяет применить статистический метод, особенно при определении форм сосудов. Целых сосудов не найдено, кроме круглодонной чашечки. Среди находок встречены плоские днища.

Всего оказалось возможным выделить около 160 сосудов следующих форм: банки,

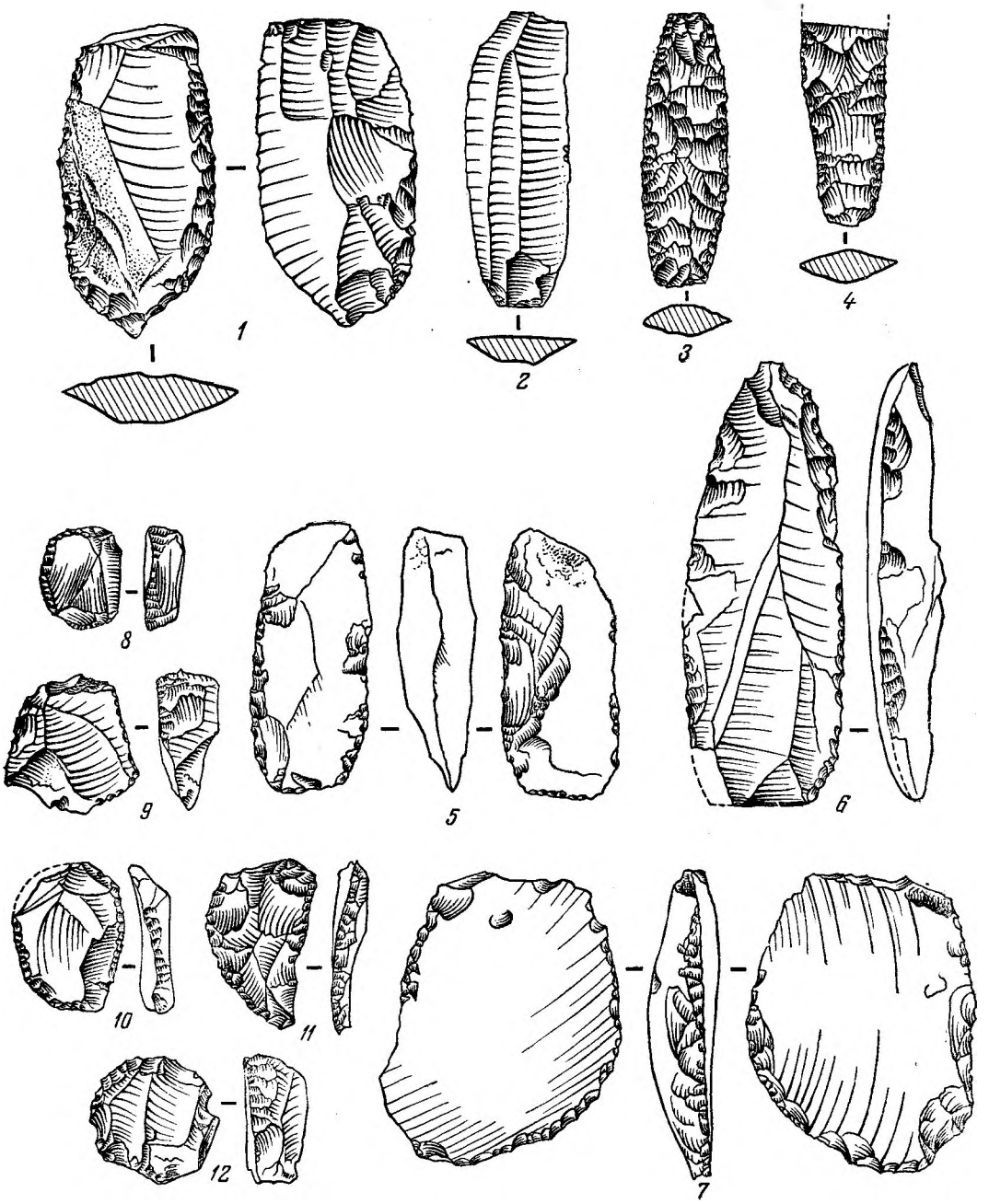


Рис. 28. Кремневые орудия:

1,2 — ножи; *3,4* — обломки наконечников стрел; *5,6* — долота; *7* — скребло; *8—12* — скребки.

баночные горшки, горшки с выпуклыми стенками, сосуды с выпуклым валиком вокруг обреза края — «воротничком» и единичные сосуды с валиком ниже края шейки (3 экземпляра), с высокой шейкой (2 экземпляра), с «сетчатым» орнаментом (1—2 экземпляра), 1 экземпляр, близкий к остроребердным формам, и 2—3 экземпляра крупных сосудов с загнутыми внутрь краями.

Очень трудно выделить из первых 4 форм преобладающую форму, так как обломки посуды невелики. Во всяком случае, при сравнении с посудой срубного типа бросается в глаза довольно большая группа сосудов с «воротничком» (около 30 экземпляров),— как широким, так и узким,— характерных для керамики Прикамья. Судя по некоторым изломам, посуда производилась техникой кольцевого налепа. Примеси в глине — шамот, песок, дробленая раковина, дресва. Поверхность сосудов сглажена при помощи ткани или кожи, щепки или зубчатого штампа.

Глиняная посуда в общем близка к посуде Гулькинской и Луговской стоянок. Отличительная черта посуды со стоянки Степное Озеро — почти полное отсутствие оттисков шнура в орнаменте.

Неорнаментированных сосудов очень мало — всего несколько экземпляров. Некоторые из них лощеные. Подавляющее большинство сосудов орнаментировано. Элементы орнамента — ямочные вдавления, отпечатки зубчатого штампа, резные линии, каннелюры и выпуклости. Узоры — горизонтальные пояски из ямок и выпуклостей, косые ряды и треугольники из ямок; крестики, углы и треугольники, зигзаги, елочки, «лесенки» и «галочки», косые полосы, нанесенные зубчатым штампом или движением острого предмета. Простые узоры, состоящие из одного элемента орнамента, сравнительно редки (рис. 29). Интересны мелкие обломки нескольких сосудов, напоминающих андроновские и обработкой поверхности, и орнаментом из косых заштрихованных треугольников, нанесенных мелкозубчатым штампом.

Анализ орудий труда, костей животных, найденных в культурном слое, и других находок дает возможность представить себе хозяйство древнего населения стоянки. Расположение поселка на берегу пойменного озера, до сих пор богатого рыбой, и находки при раскопках костей рыб говорят о занятии рыболовством. Наконечники стрел и кости диких животных в культурном слое указывают на занятие охотой на лося, кабана, медведя, бобра, дикую птицу. Кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади и свиньи свидетельствуют о разведении населением стоянки домашних животных[10]. На занятие земледелием прямых указаний в материале из раскопок стоянки нет, но его можно предполагать на основании находок единичных экземпляров фрагментов посуды со шнуровым узором и обломков от зернотерок.

Стоянка Степное Озеро входит в большую группу поселений, расположенных на нижней Каме и на примыкающей к устью Камы части средней Волги, которые относятся к концу II тысячелетия и началу I тысячелетия до н. э.

Сравнение комплексов находок стоянок Степное Озеро и Луговской на нижней Каме позволяет поставить стоянку Степное Озеро ближе к более поздней части Луговской стоянки, но сравнительно небольшая часть сосудов с «воротничком» и почти полное отсутствие типичных для ананьинской посуды шнуровых узоров заставляют отнести время существования населения у Степного озера к рубежу II и I тысячелетий до н. э.

5. ЛУГОВСКОЙ МОГИЛЬНИК

Раскопки Луговского могильника, расположенного в Елабужском районе Татарской АССР близ поселка Луговского, дали большой и очень ценный материал для определения хронологии и погребального обряда ананьинских могильников, а также для представления о физическом типе людей и общественном устройстве населения обширной территории, где в VIII—III вв. до н. э. жили ананьинские племена.

[10] Согласно определению костей, произведенному В. И. Цалкиным, при раскопках стоянки были найдены кости домашних животных: крупного рогатого скота (128 костей от 6 особей), лошади (83 кости от 3 особей), свиньи (20 костей от 3 особей), мелкого рогатого скота (28 костей от 3 особей) и 2 кости рыбы.

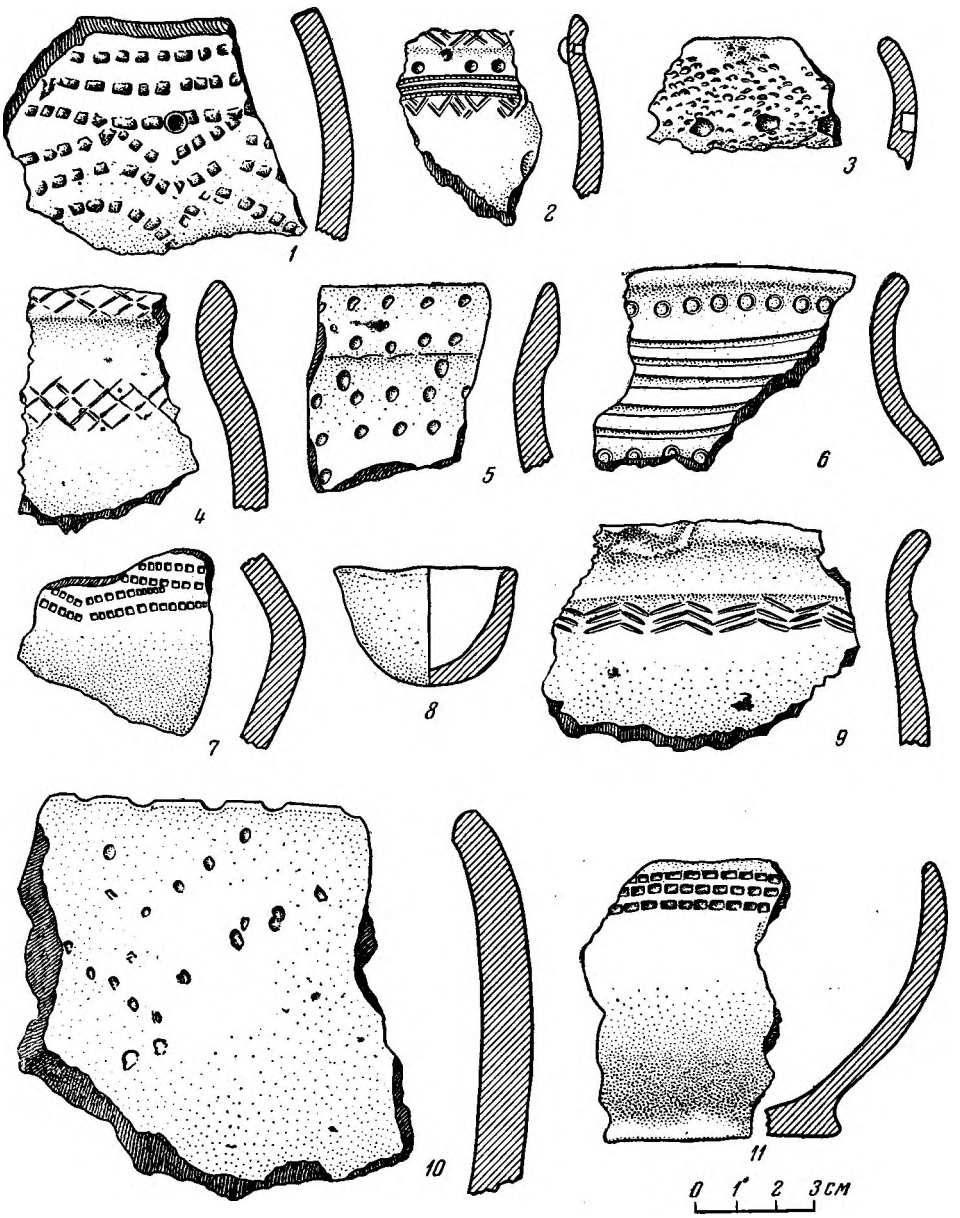


Рис. 29. Керамика (*1—11*).

Луговской могильник был открыт местными колхозниками в 1938 г. во время земляных работ. Ими было разрушено 4 погребения (№ 1—4). Одно из них — богатое женское (№ 3) — было раскопано в присутствии членов сельсовета, и сопровождавшие погребение предметы хранились в помещении сельсовета. Затем они были переданы Центральному музею Татарской АССР в г. Казани, где и хранятся в настоящее время.

В 1938—1940 гг. могильник раскапывался камским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под моим руководством. В эти годы были вскрыты 57 погребений (№ 5—61). Археологический материал из этих раскопок хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Костный материал находится в Музее антропологии МГУ.

В 1943 г., во время Великой Отечественной войны, раскопки могильника продолжались под руководством П. П. Ефименко. Тогда было раскопано еще 13 погребений (№ 62—74). П. П. Ефименко любезно передал мне весь полевой материал, за что приношу ему большую благодарность. Коллекция из раскопок П. П. Ефименко хранится в музее имени И. И. Шишкина в г. Елабуге, а костный материал — в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде.

Черепа и кости из раскопок могильника в 1938—1940 и 1943 гг. обработаны антропологом Т. А. Трофимовой, и результаты ее исследования были опубликованы [11].

По одному из черепов Луговского могильника М. М. Герасимов воспроизвел внешний облик человека того времени [12], отличавшийся ярко выраженными монголоидными чертами.

Всего во время раскопок Луговского могильника в 1938—1940 и 1943 гг. вскрыто 74 погребения: 37 мужских, 17 женских, 7 погребений подростков и 5 детских; остальные погребения, вследствие плохой сохранности костей и отсутствия характерных предметов, определить не удалось (рис. 30).

В погребальном обряде Луговского могильника наблюдались следующие черты: 1) как и другие ананьинские могильники, он расположен на краю надпойменной террасы — на древнем берегу р. Камы; 2) никаких надмогильных сооружений не сохранилось; 3) умерших клали в четырёхугольные или овальные могилы; 4) никаких остатков деревянных или каменных сооружений, а также следов подстилки или покрова из растительных волокон в могилах не обнаружено; 5) погребения Луговского могильника располагались в двух горизонтах — на глубине 0,2—0,3 м в темном пахотном слое и на глубине 0,5—0,8 м в слое светлой супеси с линзами красной глины (в обоих случаях встречались мужские, женские и детские погребения, богатые и бедные, так что никакой закономерности расположения тех или иных погребений в этих слоях проследить не удалось); 6) могилы были расположены двумя-тремя более или менее параллельными рядами, вытянутыми примерно вдоль обрыва берега надпойменной террасы; 7) неоднократно наблюдались вводные захоронения в одной могиле (по-видимому, так хоронили близких родственников); 8) среди погребений встречались коллективные: детские, взрослых с детьми, мужчин с женщинами; 9) обнаружены 2 мужских погребения без черепов; 10) в 2 случаях при раскопках 1938—1940 гг. и 3 раза в 1943 г. на костях погребенных наблюдались следы огня; 11) засыпка могил в большинстве случаев состояла из темного слоя с угольками; иногда могилы были заполнены черным углистым слоем с более крупными углями, и лишь изредка могильные ямы были слабо окрашены и потому трудно различимы.

На краю надпойменной террасы у обрыва берега находились остатки костров, среди которых были обнаружены обгорелые кости животных — челюсти и зубы лошади, кости коровы, свиньи, медведя, лося.

Очевидно, огонь играл большую роль в погребальном обряде ананьинцев. Где-то поблизости от могилы приносили заупокойную жертву умершему, которую сжигали на костре, и затем, когда огонь потухал, в могилу подсыпáли углистый слой из очага. Поэтому очертания большинства могил ярко

[11] Т. А. Трофимова. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. КСИИМК, IX, 1941, стр. 42 и сл.; е е ж е. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья. МИА, № 29, 1952, стр. 97 и сл.; е е ж е. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Материалы по археологии Восточной Европы. Ученые записки МГУ, т. 63, 1941, стр. 175 и сл.

[12] КСИИМК, IX, 1941, стр. 46, рис. 5.

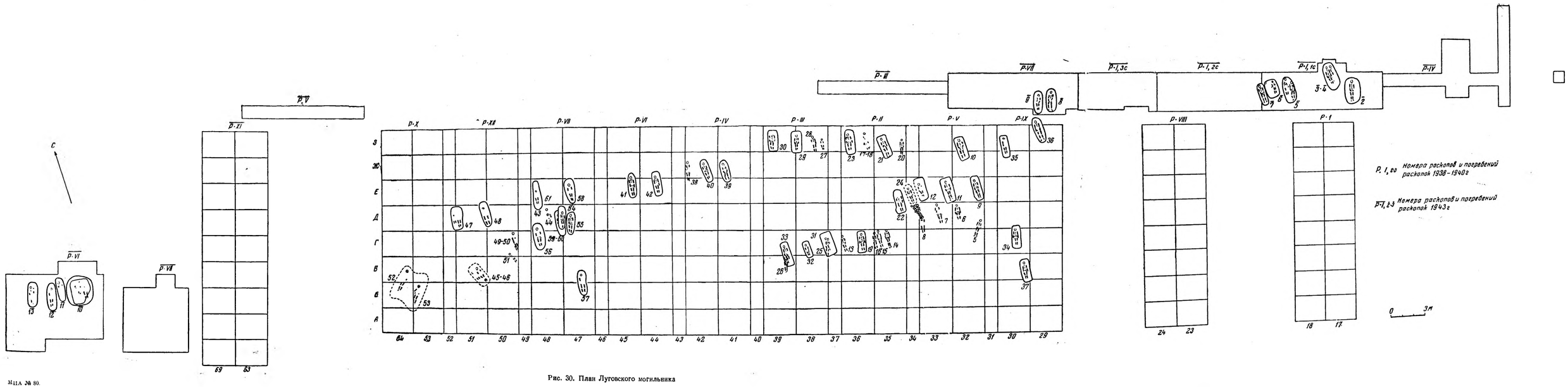


Рис. 30. План Луговского могильника

выделялись на фоне подстилающей светлой супеси. Умершим также клали части жертвенных животных — плечевые кости лошади, лопатки свиньи [13].

Основным обрядом погребения и в Луговском, и в других ананьинских могильниках было трупоположение, а самый обряд представляется следующим образом: умершего клали в вырытую в земле могилу в вытянутом положении на спине, ногами к реке, головой на север (с небольшими отклонениями на восток или запад), со всеми сопровождавшими его вещами. После этого ему приносилась кровавая жертва. Затем умершего засыпáли тонким слоем земли, иногда опускали в могилу некоторые предметы — бляшки, сосуды. Потом подсыпался углистый слой из очага, где была принесена заупокойная жертва, и могила засыпалась окончательно. Такова картина обряда погребения, которую можно себе представить на основании археологических данных.

Остановимся на некоторых особенностях погребального ритуала Луговского могильника. Как объяснить следы огня на костях некоторых скелетов? С моей точки зрения, это происходило в тех случаях, когда могила засыпáлась черным углистым слоем с углями. Возможно, что при этом некоторые не совсем угасшие угли разгорались в неглубокой могиле, обжигая некоторые части тела умерших. Так, например, могила 40 из моих раскопок была заполнена черным слоем с углями, который в средней части могилы доходил до самых костей, и следы ожога наблюдались как раз на нижней части правой плечевой кости, обеих локтевых и на нижней части левого бедра скелета. В погребении 24 могила была разрушена при посадке яблони, но фаланги пальцев ног, лежавшие на краю гряды камней со следами горевшего на них огня, были окрашены в черный цвет, хотя и не имели характерной для перегоревших костей трещиноватости.

Углистое заполнение могилы отмечено и в погребении 71/10 [14] из раскопок П. П. Ефименко, тогда как засыпка погребения 74/13 не указана в полевых материалах, и объяснить следы огня на костях черепа взрослого человека затруднительно; но указание в полевых записях, что под обломками детских костей из той же могилы, не имевших следов огня, лежали угли и обожженные черепки, заставляет предполагать углистое заполнение могилы.

Попытаемся объяснить некоторые другие особенности отдельных погребений Луговского могильника. Костяки из мужских погребений 22 и 30 не имели черепов. Можно ли это считать обычаем расчленения трупов, как и в погребениях черепов в Ананьинском могильнике, о которых писал еще П. В. Алабин? Мне кажется, что такие явления закономерны в ту эпоху, когда, по словам Геродота, скифские воины могли получить свою долю добычи лишь при условии представления царю голов убитых врагов [15] и когда обычай скальпирования последних был широко распространен.

Как объяснить совместные захоронения женщин с мужчинами? Таких случаев наблюдалось два — погребения 15-16 и 45-46. В первом случае взрослый мужчина был погребен со старой женщиной. Оба костяка лежали вытянуто, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Лица их были обращены друг к другу. При мужчине лежали бронзовый кельт и лопатка свиньи, при женщине никаких вещей не обнаружено. Во втором случае оба погребенных были в пожилом возрасте. На черепе мужчины найден клык волка, по-видимому, от головного убора. У черепа женщины лежали бронзовое шильце (или булавка) и небольшой глиняный сосуд. Бронзовый кельт обнаружен несколько выше скелетов, между ними.

Возможно, что в первом случае был погребен мужчина с рабыней, а во втором — имела место одновременная смерть пожилых людей. В ананьинском обществе такие погребения являются исключением, поэтому трудно предположить насильственное умерщвление женщин, потерявших мужей.

Детские погребения изредка (2 случая — № 47 и 50) сопровождали и женщину (№ 50), и мужчину (№ 47). В одном случае (погребение 17-18) были захоронены двое детей 7—8 лет, головой на север, причем один детский костяк лежал, видимо, с подогнутыми ногами; кости второго были в беспорядке — череп оказался в южной части могилы; глубина последней — 0,25—0,3 м. При каж-

[13] Согласно определению В. И. Громова.

[14] В числителе указывается общий номер погребения, в знаменателе — номер его из раскопок П. П. Ефименко.

[15] Геродот. История, кн. IV, гл. 64, 65.

дом из детей находилась глиняная чашечка. Вероятно, кости детей были потревожены при пахоте. Очевидно, детей хоронили вместе со взрослыми — и с женщинами, и с мужчинами — при одновременной смерти, так как в других случаях подростки были погребены отдельно (погребения 13, 27, 29, 32, 34, 61, 67/6 и 70/9; рис. 30).

П. П. Ефименко после раскопок 1943 г. внес следующие дополнения к погребальному обряду Луговского и других ананьинских могильников:

1. Неглубокие захоронения Луговского и других ананьинских могильников позволяют предполагать существование прикрывавших и защищавших могильные ямы надмогильных сооружений.

2. Могилы Луговского могильника расположены не индивидуально, а группами тесно сближенных погребений, между которыми наблюдаются более или менее значительные интервалы.

3. Существовали «частичные» погребения, которые «обычно сопровождают основное, лучше сохранившееся погребение. Но и эти основные погребения носят признаки того, что они полагались в могилу уже не в совершенно целом виде. На это указывает в особенности полное отсутствие или потревоженное состояние легче всего распадающихся частей тела, в особенности костей стоп нижних конечностей при прекрасном сохранении скелета в целом»[16]. При этом, по мнению П. П. Ефименко, полуразложившиеся трупы обжигались и затем уже хоронились.

Разберем дополнения П. П. Ефименко. Что касается надмогильных сооружений, следует сказать, что они нам известны на Ананьинском могильнике, где некоторые (а может быть, и все) могилы были прикрыты каменными плитами; одна из этих плит с изображением воина сохранилась до наших дней (выставлена в зале № 5 Государственного Исторического музея в Москве). На других могильниках ананьинской культуры, в том числе и на Луговском, никаких надмогильных сооружений не сохранилось, и мы можем их лишь предполагать.

Погребения, действительно, располагались компактными группами с интервалами между ними. Такое явление наблюдалось в Луговском могильнике, хотя и не всегда.

[16] Из полевых неопубликованных материалов П. П. Ефименко.

Вопрос о расчлененных погребениях и обряде сожжения у ананьинцев далеко не нов. Его впервые поднял П. В. Алабин при описании раскопок Ананьинского могильника в 1858 г.[17]. Затем об этом писал П. А. Пономарев[18], исследовавший тот же могильник. Более подробно эти явления освещены в моей упомянутой выше сводной работе об ананьинской культуре[19]. П. П. Ефименко также изложил свою точку зрения по этому вопросу в печати[20].

Многие костяки из моих раскопок совсем не отличались прекрасной сохранностью, о которой писал П. П. Ефименко. У некоторых из них уцелели лишь черепа (чаще всего раздавленные) и части длинных костей рук и ног. У тех же скелетов, которые хорошо сохранились, все кости, в том числе мелкие кости рук и ног, были налицо. Трудно представить себе, чтобы в могилы клали полуразложившиеся трупы, которые к тому же обжигались, так как в ряде случаев сохранились остатки головных уборов, нагрудных и других украшений, ножи у пояса и пр. Кроме того, известно, что мелкие кости рук и ног, а также ребра скорее других разрушаются в могилах.

Рассмотрение некоторых погребений из раскопок П. П. Ефименко дает основание говорить о том, что костяки были потревожены. Таковы, например, погребения 66/5 и 67/6 из раскопок 1943 г. Отсутствие же некоторых мелких костей рук, ноги ребер [в погребениях 64/3, 65/4 (верхний костяк) и 68/7], с моей точки зрения, нельзя считать признаком расчленения трупов, так как мелкие кости прежде всего истлевают не только на поверхности, но и в могилах. Чем объяснить частичную потревоженность верхнего костяка из погребения 66/5 (где отсутствуют левая локтевая и лучевая кости, фаланги пальцев рук и правой ноги скелета, где кости таза, ребра и позвонки костяка были смещены и лежали в беспорядке в области груди и живота) и верхнего костяка из погребения 69/8 (где 3 фаланги пальцев рук находились поблизости от черепа),— для меня неясно.

[17] П. В. Алабин. Ананьинский могильник. Вестник Географического общества, 1860, № 6.

[18] П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. ИОАЭ, т. X, вып. 4, Казань, 1892, стр. 405 и сл.

[19] МИА, № 30, 1952, глава VI, стр. 11 и сл.

[20] П. П. Ефименко. Допитання про джерела культури пизньої бронзи на териториї Волго-Кам'я. «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 3 и сл.

Объяснить эти явления обычаем повторного захоронения, когда трупы долгое время лежали на поверхности земли, а затем обжигались и хоронились, как это утверждает П. П. Ефименко,— трудно, так как вряд ли родственники умерших не положили бы в могилу кости руки скелета (погребение 66/5) и положили бы кости таза, ребра и позвонки в беспорядке в области груди и живота (погребение 68/7) или фаланги пальцев у черепа (погребение 69/8).

Кроме того, трудно представить себе, что люди, верившие в продолжение жизни умерших в загробном мире и поэтому клавшие в могилы вещи, необходимые покойным как при жизни, так и на том свете, могли допустить, чтобы их родичи являлись туда без руки или ноги, если эти члены тела не были утрачены при жизни.

Таким образом, следует признать, что господствующим погребальным обычаем у населения, хоронившего умерших в Луговском могильнике, было трупоположение. Можно ли выделять в особую группу могилы, засыпанные черным слоем с углем, где костяки имели следы ожога,— для меня неясно.

Анализ погребального инвентаря Луговского могильника дает интересные результаты. Прежде всего он указывает на большую древность памятника. При мужских погребениях еще отсутствовали бронзовые наконечники скифских стрел, которые позже часто встречались в ананьинских могильниках. Наконечники стрел были или костяные, или кремневые. В северном ряду погребений — и в нижнем, и в верхнем горизонтах — почти не было железных предметов; лишь при погребении 48 находилось копье с небольшим несимметричным железным наконечником, по-видимому, местной работы. Здесь отсутствовали даже железные ножи, довольно часто попадавшиеся в погребениях южного ряда, а также вещи, указывающие на скифское влияние, которые изредка встречались в могилах южного ряда.

В южном ряду могил уже были обнаружены вещи, свидетельствующие о скифском влиянии в начале VI в. до н. э., так как этим временем датируются меч-акинак и железное копье из погребения 57. Следовательно, северный ряд погребений Луговского могильника нужно отнести к VII в. до н. э. и этим же временем датировать появление железных предметов на Каме, а южный ряд и начало скифского влияния отнести к первой половине VI в. до н. э. В это же время (VI в. до н. э.), по-видимому, установился торговый путь из Ольвии на северо-восток, описанный Геродотом. Косвенное подтверждение этой даты дает и известная крестообразная бляха из Зуевского могильника.

Переходя к описанию погребального инвентаря Луговского могильника, следует отметить несколько общих явлений:

1) наряду с богатыми погребениями, сопровождавшимися довольно большим количеством предметов, встречались погребения, очень бедные и даже совсем лишенные вещей; это особенно заметно на мужских погребениях.

2) женские погребения в общем беднее мужских;

3) при женских погребениях отсутствовали оружие и орудия труда, за исключением пряслиц (1 или 2 экземпляра из погребения 8а и, может быть, из погребения 19), бронзового шильца (или булавки) при погребении 46 и железного шила при погребении 49.

Первое явление — неравномерность в распределении погребального инвентаря среди мужчин — указывает на экономическое расслоение в ананьинском обществе и на существование патриархального рабства [21].

Бо́льшая бедность женских погребений по сравнению с мужскими и отсутствие в них оружия и орудий труда свидетельствуют о подчиненном положении женщин в ананьинском обществе и о господстве в нем патриархальных отношений, хотя материалы поселений и указывают на пережитки матриархата.

Погребения подростков и детей еще более бедны. При них изредка встречались бронзовые украшения (погребения 13 и 61) и глиняные сосуды. Чаще они сопровождались лишь костями животных, а в ряде случаев при детских погребениях не было приношений.

Из оружия и орудий труда при мужских погребениях Луговского могильника были найдены наконечники стрел и копий, кельты, боевой топор, меч, стамески, мотыга, шилья,

[21] Более подробно этот вопрос освещен в моей работе о погребальном обряде Луговского могильника.— Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая, т. II, 1947, стр. 257 и сл.

ножи, орудия из кости и округлых галек. Основными и наиболее типичными орудиями ананьинцев являются бронзовые копья и кельты. Наконечники стрел были сделаны из кости и кремня. Последних сравнительно немного — 3 экземпляра (из погребений 33, 41 и 53). Они принадлежат к разным типам. Наконечник стрелы из погребения 33 ланцетовидный, довольно крупный и массивный; хорошо обработан по всей поверхности отжимной ретушью; поперечный разрез близок к ромбу; наибольшая ширина — в средней части, откуда орудие постепенно суживается к концам, образуя с одной стороны узкое острие, с другой — более широкий и плоский черешок.

Второй тип — листовидный (погребение 53). Наконечник довольно плоский, в разрезе овальный, хорошо обработанный по всей поверхности с обеих сторон; наиболее широкий посередине, откуда он постепенно суживается к острию и к нижней части.

Третий наконечник стрелы (из погребения 41) отличается от второго большей массивностью; средняя часть обеих поверхностей выпуклая и в разрезе близка к ромбовидной. Края обработаны довольно крутой ретушью.

Костяных наконечников стрел в погребениях Луговского могильника найдено 22 экземпляра. Часть из них плохо сохранилась, поэтому в ряде случаев нельзя было точно установить их форму. Все они черешковые, хорошей обработки и принадлежат к следующим 5 типам.

Тип первый — трехгранные наконечники. Сюда относятся около 10 наконечников довольно крупного размера (из погребений 22, 23, 39, 41 и 57). Наиболее крупные экземпляры имеют на одной из граней продольную выемку, соответствующую внутренней поверхности трубчатой кости. Самая широкая часть наконечников находится у основания черешка, затем они постепенно суживаются к острию. Небольшой черешок образован срезом одной из граней и противоположного ребра.

Ко второму типу принадлежит один наконечник стрелы из погребения 41. Он отличается от наконечников первого типа тем, что ребра внизу образуют небольшие острые шипы, выступающие над черешком. Черешок значительно более длинный, чем у наконечников первого типа, в разрезе подтреугольный и уплощен только в самой нижней части.

Третий тип — два четырёхгранных наконечника из погребения 22, различающихся между собой только размерами. Оба они довольно плоские, в разрезе ромбические, с небольшими черешками, образованными путем среза средних ребер.

К четвертому типу относится один крупный наконечник, находившийся при погребении 63/2 из раскопок П. П. Ефименко. Этот наконечник в верхней части четырёхгранный, довольно плоский, а в нижней части разрез его овальный. По всей поверхности имеются следы скобления — тонкие параллельные штрихи, кое-где более грубые.

К пятому типу принадлежат наконечник из погребения 24, а также 2 экземпляра из погребения 69/8 (раскопки П. П. Ефименко) — плоские, листовидные, не совсем симметричные. Обработаны довольно грубо; иногда они выпукло-вогнутые или в разрезе овальные.

Таким образом, в вооружении мужчин преобладали костяные наконечники стрел, главным образом крупные трехгранные черешковые. Кремневых наконечников стрел сравнительно мало (около 14%). Они уже выходили из употребления, тогда как металлические наконечники стрел еще не были известны.

Из приведенных примеров видно, что кремневые наконечники имеют средние, а бóльшая часть костяных — крупные размеры, значительно превосходящие бронзовые наконечники стрел скифских типов. Отсюда можно сделать вывод, что и луки по большей части были крупные. По-видимому, примерно до начала V в. до н. э. легкие скифские луки, знакомые нам по целому ряду изображений, были известны ананьинцам, которые являлись пешими охотниками и воинами. Правда, кости домашней лошади встречаются, изредка находят также части упряжи, что указывает на употребление лошади в качестве ездового животного.

Копья встречены в 13 могилах. Среди них были кремневые (1 экземпляр, погребение 56), бронзовые (10 экземпляров, погребения 12, 14, 23, 25, 26, 31, 33, 36, 54 и 58) и железные (2 экземпляра, погребения 48 и 57) наконечники.

Кремневый наконечник копья из погребения 56 лежал у правого локтя скелета.

Он листовидный, черешковый, в разрезе овальный. Обработан отжимной ретушью с обеих сторон. Все бронзовые наконечники копий — литые, втульчатые, имеют прорези; их всего 10 экземпляров — 3 экземпляра в северном (из погребений 23, 36 и 58) и 7 экземпляров в южном ряду (из погребений 12, 14, 25, 26, 31, 33 и 54).

Все они принадлежат к одному типу и различаются лишь по длине и характеру втулки, размерам прорезей и орнаменту. У всех наконечников, кроме двух (из погребений 14 и 54), втулка внизу круглая, а в верхней части в разрезе ромбическая, тогда как у этих двух, особенно у наконечника из погребения 54, она вся круглая. Орнамент на более тонких частях пера и втулке отсутствует у наконечников из погребений 14, 23, 31 и 54; на экземплярах из погребений 12 и 33 хорошо выражен орнамент на втулке, а на крыльях пера почти незаметен.

По-видимому, форма ананьинского бронзового прорезного наконечника копья окончательно сложилась к VI в. до н. э., и типичным его представителем является экземпляр из погребения 26 в южном ряду могил. Наиболее ранняя форма наконечника в данном памятнике — небольшой экземпляр из погребения 36 северного ряда могил, с крупными прорезями крыльев пера. Сравнение обоих наконечников позволяет установить, что развитие типичного ананьинского наконечника шло по линии укрупнения орудия, увеличения втулки и уменьшения прорезей. К VI в. до н. э.— к началу скифского влияния — формы типичного бронзового наконечника копья сложились окончательно.

Железных наконечников копий в погребениях Луговского могильника найдено всего 2 экземпляра — по одному в северном и южном рядах могил. Но в то время как наконечник из погребения 48 северного ряда отличается небольшими размерами, несимметричной формой и, можно думать, вышел из рук местных мастеров и был одной из наиболее ранних железных вещей на Каме,— наконечник из погребения 57 имеет форму, типичную для ранних скифских экземпляров, причем он лежал в одной могиле с акинаком раннескифского типа, документируя начало скифского влияния на Каме[22].

[22] А. В. Збруева. О датировке акинака из Луговского могильника. КСИИМК, XV, 1947, стр. 142.

В одном погребении с акинаком обнаружен железный наконечник копья такой же формы, как в ранних скифских могилах.

Одним из наиболее типичных орудий ананьинской культуры являются бронзовые кельты местного производства, которые могли служить и орудием труда, и оружием ближнего боя. На многих кельтах можно наблюдать особые приемы в технике литья. Так, почти у всех орудий из Луговского могильника на дне втулки имеются небольшие стерженьки, соединяющие стенки кельтов у лезвия,— следы особого способа закрепления глиняного сердечника в нижней части литейной формы.

Бронзовые кельты, шестигранные и овальные в разрезе, найдены в могилах обоих горизонтов северного и южного рядов. Всего обнаружено 24 кельта; из них 9 шестигранных (из погребений 1, 2, 25, 26, 31, 44, 54, 63/2 и 68/9) и 15 овальных (из погребений 6, 7, 10, 12, 15, 23, 33, 36, 42, 46, 47, 48, 56, 57 и 71/10).

Для кельтов с овальной втулкой очень характерен рельефный орнамент, состоящий из одной или нескольких горизонтальных полос вокруг втулки, от которых к концам лезвия спускаются такие же полоски, образующие как бы ребра средних граней; на кельтах с овальной втулкой орнамент одинаковый с обеих сторон.

На шестигранных кельтах рельефный орнамент несколько более сложен: он не одинаков на средних гранях одного и того же орудия; на одной стороне он состоит из 3 вертикальных полосок, спускающихся вниз до двух третей или трех четвертей всей длины кельта, на другой — из двух пар расходящихся полосок. Кроме того, горизонтальные полоски вокруг края втулки имеются только на средних гранях, а на боковых полосы образуют острые углы.

Железные ножи или их фрагменты найдены исключительно в могилах южного ряда — в погребениях 7, 12, 14, 25, 26, 33, 38, 53, 57 и 62/1, всего 10 экземпляров. Это типичные ананьинские однолезвийные ножи с дуговидной спинкой и небольшим широким черенком. Ножи находились под черепом (погребения 25, 26 и 33), в головах (погребения 12 и 62/1), у правого плеча (погребение 57), в области груди (погребения 14 и 53), в области пояса (погребение 7) и у правой кисти (погребение 37). Положение ножей в

головах, особенно под черепом, указывает на ценность этих орудий для их владельцев.

Очевидно, захоронения северных рядов могил были произведены раньше, чем у древнего населения появились такие необходимые железные орудия, как ножи; это еще раз подтверждает более раннюю дату этих захоронений.

Шильев при погребениях Луговского могильника найдено всего 2—3 экземпляра: костяное шило с довольно массивным острием из мужского погребения 10 (рис. 31, *14*), железные шилья из мужского погребения 24 и женского погребения 49 и миниатюрное бронзовое, круглое в разрезе шильце (или булавка) из женского погребения 46. Железные шилья — четырёхгранные.

При погребении 10 обнаружено несколько костяных и бронзовых орудий. Бронзовые орудия представляют собой две миниатюрных стамески с дуговидными режущими рабочими краями (рис. 31, *4, 5*); среди костяных — обращает на себя внимание мотыга из трубчатой кости, с двумя противолежащими отверстиями в верхней части и хорошо заполировавшейся в процессе работы внешней поверхностью, особенно — рабочим краем. С одной стороны мотыги имеется длинная трещина. Край втулки и конец рабочей части обломаны (рис. 31, *8*).

Кроме мотыги и шила, в погребении 10 оказались 4 острия на концах довольно широких частей трубчатых костей,— может быть, так называемые кочедыки (рис. 31, *9, 11, 12*). Все они выпукло-вогнутые. На вогнутых поверхностях 3 экземпляров сохранилась губчатая масса кости; 3 экземпляра — более узкие и симметричные (рис. 31, *10, 13, 14*). Кроме описанных, имеются еще 2 обломка костяных орудий.

Все орудия лежали у правой голени покойного. Выше их, у правого колена находилась округлая галька с обитыми и обтертыми краями,— возможно, точильный камень (рис. 31, *6*). Такое предположение возникает потому, что точильные камни в виде брусков, обычные в более поздних мужских погребениях других ананьинских могильников, здесь еще отсутствуют. Округлые гальки со следами работы (а в одном случае — без этих следов) найдены при погребениях 10, 33, 42 и 70/9). Округлые гальки с обитыми и обтертыми краями лежали на груди (погребение 70/9), у правого плеча (погребение 42), над левым плечом (погребение 33), у правой голени (погребение 10), к востоку от правого плеча (погребение 56). Галька без следов работы находилась в погребении 42.

Очень интересна муфта из рога лося для ударного орудия из погребения 37. В средней части муфты было прорезано четырёхугольное отверстие для рукоятки, от которого шла узкая щель к одному из концов. В эту щель и вставлялся каменный или металлический боек — рабочая часть. Противоположный конец был округлый. В общем орудие, в зависимости от формы бойка, могло служить топором или мотыгой, причем округлый конец мог употребляться как молоток. Длина муфты — 15 см.

Украшения мужского и женского костюма (вернее,— их бронзовые части) еще немногочисленны, причем мужские погребения в общем богаче женских. Шейные и поясные украшения отсутствовали: ни разу не было найдено бус, гривен или поясных наборов, характерных для более позднего времени.

При мужских погребениях (№ 23, 33, 36, 54, 57, 58, 64/3 и 68/7) встречались украшения головных уборов — главным образом круглые и четырёхугольные бронзовые бляшки, найденные на черепе, под черепом или возле него (лишь в одном случае — в погребении 46 — на черепе лежал клык волка), и височные кольца.

Круглая литая бляшка из погребения 57 представляет собой слегка выпуклый щиток с 6 круглыми прорезями, окруженными резными линиями. Центр щитка также обведен двумя концентрическими кружками. По краям бляшки находится узкий поясок с орнаментом из косых насечек, подражающим витью. На оборотной стороне — петля для прикрепления. Совсем другой орнамент нанесен на лицевой стороне круглой литой бляшки из погребения 68/7: он состоит из рельефного кружка в центре, заключенного в углубленную фигуру в виде четырёхконечной звезды; на оборотной стороне — петля для прикрепления (рис. 32, *9*).

Круглые бляшки из погребений 33, 36, 54 и 68/7 не орнаментированы и имеют гладкую, слегка выпуклую лицевую поверхность. На оборотной стороне их также находится петля для прикрепления.

Четырёхугольные бронзовые бляшки из погребений 23, 44 и 58 сделаны из тонкой листовой бронзы и сильно разрушены.

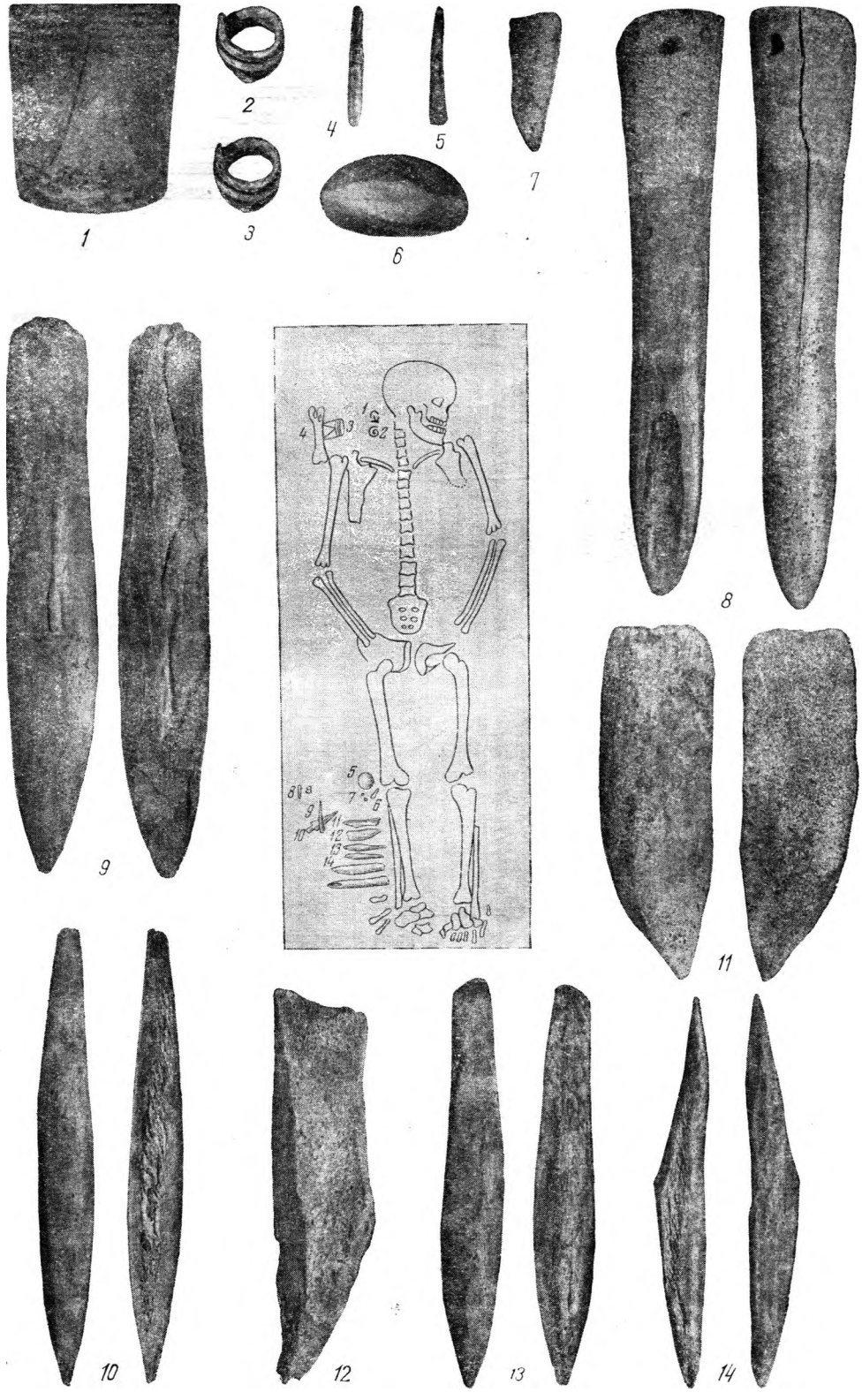


Рис. 31. Вещи из мужского погребения 10.

1 — кельт (бронза); *2,3* — височные кольца (бронза); *4,5* — стамески (бронза); *6* — точильный камень (?); *7,12* — обломки костяных орудий; *8* — костяная мотыга; *9—11,13,14* — костяные орудия.

По-видимому, они имели отверстия для прикрепления по углам. Точные размеры их установить трудно. Длина и ширина их была примерно около 3 см. При погребении 64/3 под черепом лежала сильно разрушенная бронзовая бляшка, видимо, также четырёхугольная.

Спиральные височные кольца большего диаметра (из 2—3 оборотов спирали четырёхугольного сечения) находят ближайшие аналогии в могильнике близ с. Полянки Куйбышевского района Татарской АССР, относящемся к концу эпохи бронзы, и в могильнике Маклашеевка II — раннеананьинском

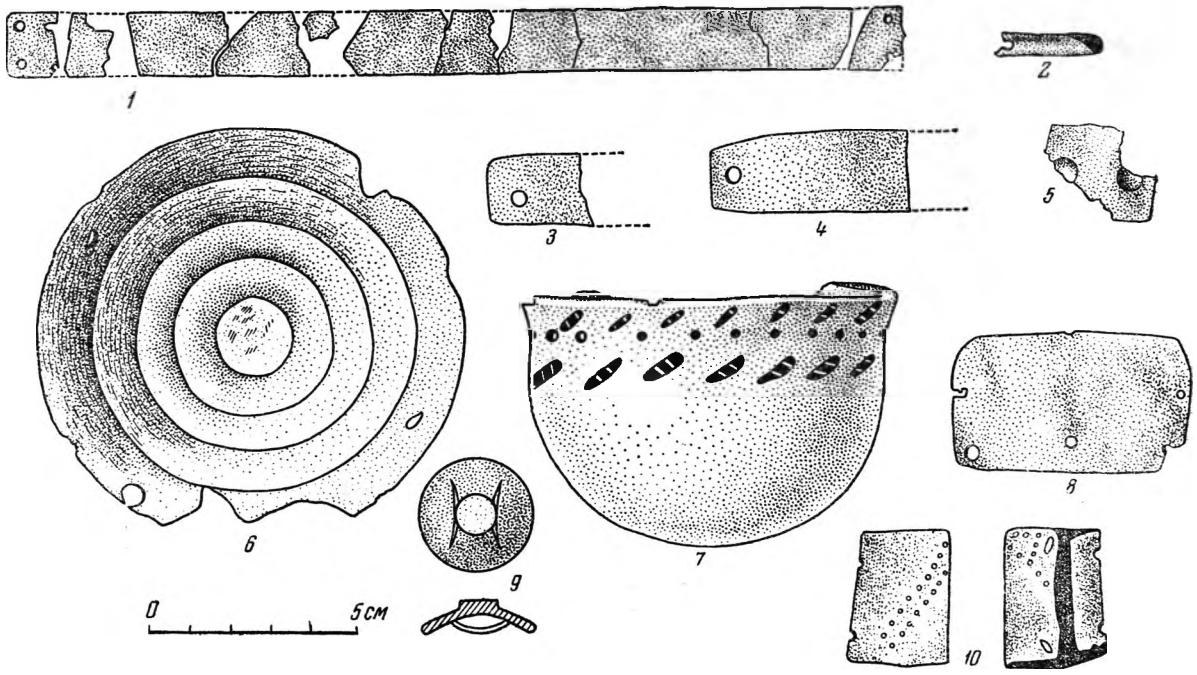


Рис. 32. Предметы из погребений 3,68/7 и 66/5.

1 — венчик от головного убора; *2* — проницка; *3,4* — обломки 2 браслетов; *5* — бляшка; *6* — ступенчатая бляха; *7* — глиняный сосуд; *8* — бляшка; *9* — бляшка от головного убора из погребения 68/7; *10* — бляшка от головного убора из погребения 66/5.

Вероятно, к головному убору принадлежат так называемые височные кольца из погребений 10, 44, 47 и 48. Эти кольца также неоднородны; они относятся к 3 типам. Первые 2 типа представляют собой спирали из четырёхугольных в сечении бронзовых полосок, различаясь между собой лишь диаметром и числом оборотов. Кольца третьего типа состоят из проволочной (круглой в разрезе) спирали с колоколовидным окончанием. Чашечка колокольчика очень неглубокая, без язычка. На плохо сохранившемся черепе из погребения 44 найдены остатки головного убора, состоявшего из тонкой четырёхугольной бронзовой бляшки и височного кольца третьего типа.

памятнике, расположенном недалеко от Полянок. В других могильниках ананьинского типа височные кольца из мужских погребений имеют вид более длинных спиралей меньшего диаметра.

Таким образом, можно думать, что мужчины раннеананьинского времени носили головные уборы, иногда украшавшиеся бронзовыми бляшками и височными кольцами.

Несмотря на почти полное отсутствие данных об одежде мужчин в материале Луговского могильника, мы все же находим некоторые указания на существование поясов. Здесь еще не встречаются ни поясные наборы, состоящие из металлических пластинок, прикрепленных к ремню, ни застежки поясов,

но в области поясницы при некоторых погребениях обнаружено несколько предметов, заткнутых за пояс, привешенных к поясу или лежавших в сумочке, подвешенной к поясу. Эти предметы следующие: при погребении 15 в области поясницы находился бронзовый кельт, при погребении 7 лежал железный нож, при погребении 11 — бронзовая спираль, при погребении 14 — резец бобра, при погребении 61 — бронзовая бляшка.

На основании рассмотрения материала из Луговского могильника мы можем иметь лишь представление об украшениях мужских головных уборов, о форме которых пока ничего сказать нельзя, и считать, что одежда мужчин стягивалась поясом.

По материалу Луговского могильника также можно судить и о женской одежде. Бронзовые полосы или бляшки, находившиеся на черепах в женских погребениях (или возле черепов), указывают на существование женских головных уборов. Но следы от головных уборов в виде бронзовых украшений встречались далеко не во всех женских погребениях. Возможно, что большинство уборов украшалось вышивкой или полосами цветной материи либо кожи, следов которых не сохранилось.

Бронзовые украшения головных уборов были различны. Иногда они состояли из тонкой полосы листовой бронзы, которая охватывала голову (погребение 3). На концах полосы находились небольшие отверстия, куда продевался шнур или ремешок, соединявший оба конца и завязывавшийся на затылке (рис. 32, *1*). Иногда вместо цельной полосы на материю или кожу нашивали ряд бронзовых бляшек и привесок (погребения 19 и 49). И, наконец, к головным уборам из материи или кожи прикреплялись отдельные бронзовые бляшки (погребение 66/5, верхний костяк; рис. 32, *10*).

Очень интересны ступенчатые бронзовые бляшки (12 экземпляров) от головного убора из погребения 19. Анализ бронзы показал, что в сплаве их содержится 17% олова. Техника изготовления бляшек такова: сначала приготовляли тонкие плоские кружки, к которым с обратной стороны приделывали маленькое ушко для продевания нитки; затем из кружка на твердой основе выбивали 3 ступеньки, причем самая верхняя имела наименьший диаметр. На головном уборе из погребения 19 было нашито 12 таких бляшек. Удивительна точная и тонкая работа древних мастеров[23]. Эти бляшки указывают на древние культурные связи Нижнего Прикамья с Кавказом, где встречались украшения такого типа.

Кроме ступенчатых бляшек, в головной убор из погребения 19 входили крупные трубочки, свернутые из листовой бронзы, без орнамента, и трубчатые пронизки. На головном уборе из погребения 49 были прикреплены небольшие круглые бляшки без орнамента, с петлей на обратной стороне. Бляшка от головного убора из погребения 66/5 — четырехугольная, с отверстиями по углам и орнаментом из мелких бугорков в форме полушарий; свернута в виде пронизки (рис. 32, *10*).

В одежде женщин существовали нагрудные украшения. Остатки их в виде бронзовых предметов сохранились на груди в погребениях 20 и 49. Особенно интересна бронзовая конусообразная трубочка из погребения 20, сделанная из листовой бронзы и покрытая горизонтальными рядами резного и рельефного орнамента. Трубочка сохранилась в обломках и была реставрирована в лаборатории Государственного Исторического музея. Внутри трубочки уцелели остатки тонкого ремешка с узлом. Такое украшение впервые встречается в ананьинских могильниках и больше не повторяется. Особенно интересен орнамент, покрывающий всю поверхность ее семью горизонтальными зонами нарезного и рельефного узора, разделенного гладкими полосками.

К нагрудному украшению принадлежат 2 бронзовых конических колокольчика из погребения 49. Они имеют прорези по сторонам и круглые ушки для подвешивания. Длина их — около 4 см.

Нужно полагать, что нагрудные украшения имели все женщины. Часть украшений была отделана вышивкой или аппликацией из полосок цветной ткани либо кожи, от которых ничего не сохранилось до наших дней.

Одежда женщин также стягивалась поясами. Бо́льшая часть поясов делалась, вероятно, из материи или кожи, от которых почти ничего не уцелело в могилах, и лишь изредка на поясах были бронзовые украшения, или к ним привешивались металлические подвески.

[23] Подробнее см. МИА, № 30, 1952, глава IX, стр. 164 и сл.

В погребении 19 Луговского могильника на скелете в области пояса найдена небольшая круглая ступенчатая бляшка, такая же, как на головном уборе, а в погребениях 50 и 60 того же могильника — бронзовая пронизка и обломки тонкой бронзовой бляшки.

Итак, на основании изучения инвентаря погребений Луговского могильника, можно лишь установить, что мужчины и женщины раннеананьинского времени, жившие в Южном Прикамье, носили головные уборы, и одежда их стягивалась поясами. В одежде женщин, а может быть, и мужчин существовали нагрудные украшения.

Женщины носили, кроме того, накосники или затылочные серьги в виде браслетообразных бронзовых полос с отверстиями на концах. Два таких украшения найдены по сторонам черепа при погребении 19. При этом же погребении обнаружено ручное кольцо из гладкой бронзовой полоски. Еще несколько украшений находилось при погребении 3, вскрытом колхозниками: венчик от головного убора в виде четырёхугольной полосы бронзы с отверстиями на концах (рис. 32, *1*); бляшки из бронзовой пластинки четырёхугольной формы с отверстиями по краям (рис. 32, *8*); часть бронзовой бляшки с двумя бугорками в форме полушарий; трубочка, свернутая из листовой бронзы (рис. 32, *2*) и большая круглая бронзовая ступенчатая бляха с 4 отверстиями по краям, лежавшая, судя по пятну на кости, на правом бедре; по-видимому, это было украшение или амулет, привешивавшийся к поясу, как на одежде из могильника Чеганда, реконструированной Генингом (рис. *32*, 6).

Из предметов культово-магического значения встречены лишь просверленный клык волка (на черепе из мужского погребения 46), просверленный клык медведя (у пояса из мужского погребения 25), резец бобра (у правого колена в женском погребении 19 и у левого локтя из мужского погребения 14) и бронзовая литая, довольно массивная птичка (над грудью в мужском погребении 54). Последняя изображена с развернутыми крыльями и длинным хвостом. Головка ее дана рельефом, но клюв не показан; у начала хвоста находятся 2 небольших выпуклости, которые должны изображать ножки. Это, пожалуй, наиболее древняя металлическая птичка, известная в Прикамье.

Погребения детей и подростков сопровождались очень бедным инвентарем. Детское погребение в сущности обнаружено лишь одно, и оно коллективное (№ 17-18). При каждом из детей 7—8 лет стоял глиняный сосуд. Остальные детские погребения наблюдались только вместе с погребениями взрослых (погребения 47, 50-51, 63/2, 68/7 и 74/13) или подростков (погребение 29), по-видимому, в случае одновременной смерти. Вероятно, детей хоронили где-то отдельно, так как трудно предположить, что на несколько десятков (около 60) погребений взрослых приходится лишь семь детских.

В детских погребениях при взрослых и подростках или вовсе не было вещей или изредка встречались небольшие сосуды (погребения 13, 27, 29, 32, 34, 61, 67/6 и 70/9).

Погребения подростков несколько богаче: при погребении 13 находилась круглая бляшка из листовой бронзы, с 2 отверстиями для прикрепления; при погребении 61 — две разрушенные бронзовые бляшки; при погребении 70/9 — орудие из гальки; при погребениях 27 и 67/6 — сосуд и кости животных; при погребениях 32 и 34 — лишь фрагменты костей животных.

Глиняные сосуды сопровождали погребения взрослых — мужские (погребения 7, 23, 39, 47, 52, 53 и 54) и женские [погребения 3, 5, 9, 19, 21 (2 экземпляра), 45, 49, 50, 54, 65, и 66/5], а также погребения подростков (погребения 27, 67/6, 61 и 67/6) и детей (погребения 17-16 и 51),— всего 25 экземпляров. Все сосуды содержат примеси дробленой раковины в глине.

Сосуды разделяются на 2 группы. К первой из них относятся небольшие круглодонные или конусовидные чашечки, небрежно сделанные, неорнаментированные или с орнаментом из одного ряда круглых ямок по краю; лишь в одном случае орнамент состоял из ямок и отпечатков зубчатого штампа (рис. 32, *7*). Таковы горшочки из погребений 3, 5, 9, 17, 18, 21, 45, 47, 49, 50, 54, 65/4 и 67/6. Ко второй группе принадлежат сосуды с хорошо выраженной шейкой и орнаментом из шнуровых и ямочных вдавлений и резных узоров, расположенным в верхней части. Эти сосуды сделаны из хорошо отмученной глины, аккуратно заглажены и симметричны. Такие сосуды сопровождали погребения 7, 19, 21б, 23, 51, 52, 53, 66/5, 67/6 и 74/13. Последние 3 сосуда довольно плохо обожжены.

Таблица 5

Коллективные погребения Луговского могильника

Горизонты	Погребения мужчин и женщин	Погребения мужчин и детей	Погребения женщин и детей	Детские погребения
Верхний . .	Северный ряд	Северный ряд, погребение 63 2 (?)	Северный ряд	Северный ряд, погребение 17-18
» . .	Южный ряд, погребение 15-16	Южный ряд	Южный ряд, погребение 50-51 (?)	Южный ряд
Нижний . .	Северный ряд	Северный ряд, погребения 47, 68 7	Северный ряд	Северный ряд
» . .	Южный ряд, погребение 45-46	Южный ряд	Южный »	Южный »
Итого	4	3	1	1

Примечания: 1. При погребении подростка (№ 29) обнаружен череп маленького ребенка.
2. Погребение 47 принадлежало, по-видимому, мужчине, так как его сопровождал бронзовый кельт.
3. От скелета из погребения 50 сохранились лишь кости ног, но находка бронзовой пронизки позволяет предполагать, что оно принадлежало женщине.
4. Череп ребенка лежал в северо-восточной части могилы [погребение 63/2 (?)] и неизвестно, относился ли он к данному мужскому погребению.
5. Кости из погребений 73/12 и 74/13 — очень плохой сохранности; нельзя определить, мужское это погребение или женское.

Таблица 6

Группы мужских погребений Луговского могильника по погребальному инвентарю

Горизонты	С копьями, кельтами, стрелами и украшениями	С копьями и кельтами	С кельтами и стрелами	С копьями	С кельтами и муфтой для ударного орудия	Со стрелами	Без орудий труда
Верхний . .	Северный ряд	Северный ряд	Северный ряд, погребение 63 2	Северный ряд	Северный ряд, погребения 1 (?), 2 (?) и 69 8 (верхний костяк)	Северный ряд	Северный ряд
»	Южный ряд, погребение 25	Южный ряд, погребение 26	Южный ряд	Южный ряд, погребение 14	Южный ряд, погребения 6, 7 и 15	Южный »	Южный »
Нижний	Северный ряд, погребения 23 и 36	Северный ряд, погребение 48	Северный ряд	Северный ряд, погребение 58	Северный ряд, погребения 10, 42, 44 и 47	Северный ряд, погребения 39, 41, 68, 7 и 68, 8 (нижний костяк)	Северный ряд, погребение 30
»	Южный ряд, погребения 33 и 57	Южный ряд, погребения 12, 31, 54 и 56	Южный »	Южный ряд	Южный ряд, погребения 37, 46, 62, 1 и 71, 10	Южный ряд, погребения 22, 24 и 53	Южный ряд, погребения 11 и 55
Итого . . .	5	6	1	2	14	7	3

Примечания: 1. Погребения 1 и 2 были раскопаны колхозниками, и точное их местонахождение неизвестно.
2. При погребении 37 найдена муфта (из рога лося) для ударного орудия.
3. Точное местоположение погребения 62/1 выяснить не удалось.

Таблица 7

Группы женских погребений Луговского могильника по погребальному инвентарю

Горизонты	Богатые, с бронзовыми украшениями	С одним-двумя бронзовыми предметами	С пряслицами	С сосудами и костями животных	Без вещей
Верхний . .	Северный ряд	Северный ряд, погребения 20 и 66/5	Северный ряд	Северный ряд,	Северный ряд, погребение 28
»	Южный ряд, погребение 49	Южный ряд, погребение 50	Южный ряд, погребение 8	Южный ряд, погребение 5, 38	Южный ряд, погребение 16
Нижний . .	Северный ряд, погребение 3	Северный ряд	Северный ряд	Северный ряд, погребение 21	Северный ряд, погребение 40
»	Южный ряд, погребение 19	Южный ряд, погребения 45 и 64/3 (?)	Южный ряд	Южный ряд, погребения 5, 9 и 59	Южный ряд
Итого	3	5	1	5	3

Примечания: 1. Погребение 3 было вскрыто колхозниками под изгородью сада, отчасти — на деревенской улице, т. е. в северном ряду могил.
2. На принадлежность погребения 50 женщине указывает сопровождавшая его бронзовая пронизка.
3. Погребение 59 было сильно потревожено при рытье соседней могилы.

Рассмотрение сосудов и прежде всего их форм также указывает на сравнительную древность Луговского могильника. Маленькие конусообразные чашечки (погребения 17—18 и 27) в позднеананьинских памятниках не встречались. Сосуды из погребений 21, 66/5, 67/6, 74/13 отличаются формой дна, близкой к яйцевидной. Такая форма известна из раннеананьинского селища Отарка. В позднеананьинских памятниках сосуды с яйцевидным дном встречались редко (например известен единичный сосуд с Конецгорского селища), и преобладающей формой была низкая круглодонная чашка.

Следует отметить, что среди сосудов Луговского могильника имеется небольшая неорнаментированная чашка с загнутыми внутрь краями (погребения 37 и 63/2) — форма, которая в более поздних ананьинских могильниках не встречается.

Сравнение глиняной посуды из северного и южного рядов Луговского могильника указывает на бóльшую древность северного ряда. Сосуды с яйцевидным дном и конусообразные чашечки происходят из погребений северного ряда, в то время как в южном в большинстве случаев встречались типичные ананьинские низкие круглодонные чашки с орнаментом в верхней части и с «воротничком».

При многих погребениях находились кости животных или их фрагменты плохой сохранности. В тех случаях, когда кости можно было определить, они принадлежали лошади [плечевые кости из погребений 10, 12, 23, 55, 57 (2 экземпляра), 58], корове (плечевые кости и фаланги из погребений 11, 59, 73/13), свинье (лопатки из погребения 15-16). Неопределимые кости животных обнаружены при погребениях 21, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 59, 63/2, 66/5, 67/6 и 69/8. Согласно определению В. И. Громова, лошадь отличалась небольшими размерами. Обычно ее остатки представлены плечевыми костями без следов раскола; видимо, их положили в могилы еще в то время, когда они были покрыты мясом. Плечевые кости лошади находились исключительно при мужских погребениях. Кроме того, при погребениях 14 и 19 лежали резцы бобра, при погребении 46 — клык волка (на черепе) и при погребении 25 — привеска из клыка медведя, служившие, по-видимому, амулетами.

На краю надпойменной террасы в южной части могильника во время раскопок были обнаружены остатки костров с обожженными костями животных — и домашних, и диких. Из костей домашних животных здесь находились остатки лошади, коровы, свиньи, овцы или козы, причем преобладали кости

Таблица 8

№ погребения	Принадлежность (м. ж. п. д.)	Ряд	Глубина (см)	Оружие и орудия труда: наконечники стрел кремневые	наконечники стрел костяные	наконечники копий кремневые	наконечники копий бронзовые	наконечники копий железные	кельты бронзовые	меч железный	боевой топор железный	стамеска бронзовая	ножи железные	шилья костяные	шилья бронзовые	шилья железные	пряслица глиняные	пряслица костяные	мотыга костяная	муфта роговая	острия костяные	гальки округлые: точила	гальки округлые: без следов работы	костяные: кочедыки	костяные: заготовки	костяные: навершия	венчик	от головных уборов бляшки круглые: гладкие	с отверстием	орнаментированные	ступенчатые	бляшки 4-угольные	височные кольца: спираль	височные кольца: спираль с чашечкой	пронизки: рубчатые	пронизки: гладкие	нагрудные: трубочки	нагрудные: бубенчик	спирали	накосники	браслеты	ручные кольца	Бронзовые украшения: поясные: ступенчатые бляшки	поясные: спирали	бляха круглая ступенчатая	бляшки 4-угольные	бляшки с выпук остями-полушариями	пронизки	Амулеты: клыки медведя	клыки волка	резцы бобра	бронзовая птичка	Глиняные сосуды: конические	круглодонные	яйцевидные	глиняные полукруглые	Кости животных: лошади (плечевые)	коровы	свиньи	кости плохой сохранности	камни	береста
1	М(?)	(?)	(?)	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	М(?)	(?)	(?)	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	Ж	С	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	–	–	1	1	2	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
4	(?)	(?)	(?)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	Ж	Ю	25-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
6	М	Ю	25-30	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	М	Ю	25-30	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
8	Ж	Ю	25-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9	Ж	Ю	45-55	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
10	М	С	50-60	–	–	–	–	–	1	–	–	2	–	1	–	–	–	–	1	–	2	1	–	2	2	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
11	М	Ю	50-60	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–
12	М	Ю	50-60	–	–	–	1	–	1	–	–	–	1 обл.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1 (в ногах)	–
13	П	Ю	20-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14	М	Ю	25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
15	М	Ю	25-30	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
16	Ж	Ю	25-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
17-18	Дл. 7	С	25-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19	Ж	Ю	70-80	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1(?)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	12	–	–	–	6	–	–	–	–	2	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
20	Ж	С	20-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
21	Ж	С	55-65	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	1	–	–
22	М	Ю	50-60	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
23	М	С	60-70	–	3	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–
24	М	Ю	55-70	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
25	М	Ю	65-70	–	1 часть	–	1	–	1	–	1	–	Обл.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
26	М	Ю	Ок. 30	–	–	–	1	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1 фр.	–	–
27	П	G	Ок. 50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	–	–
28	Ж	С	Ок. 25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
29	П	С	50-60	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
30	М	С	Ок 70	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1 фр	–	–
31	М	Ю	60-70	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
32	П	Ю	Ок. 50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1 фр.	–	–
33	М	Ю	Ок. 75	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
34	П	Ю	Ок 55	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
35	(?)	С	Ок. 50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1 фр.	–	–
36	М	С	Ок. 55	–	2	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
37	М	Ю	Ок 70	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл.	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
38	Ж	Ю	Ок 25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл	–	–	–	1	–	–	Неск. мелких костей	–	–
39	М	С	Ок 50	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл.	–	–	–	–	–	–	–	–	–
40	Ж	С	45-50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
41	М	С	Ок. 50	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
42	М	С	(?)	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
43	(?)	С	20-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
44	М(?)	С	Ок. 50	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл.	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
45	Ж	Ю	Ок. 50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
46	(?)	Ю	Ок 50	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
47	М(?) с реб.	С	Ок 60	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
48	М	С	Ок 60	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
49	Ж	Ю	Ок 25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
50	Ж	Ю	Ок. 30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
51	Д	Ю	Ок 35	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
52	М	Ю	30-40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл.	–	–	–	–	–	–	–	–
53	М	Ю	45-50	1	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–
54	М	Ю	40-50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
55	М	Ю	25-30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
56	М	Ю	Ок. 60	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
57	М	Ю	50-60	–	4	–	–	1	1	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–
58	М	С	40-50	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	Неск	–	–
59	Ж	Ю	Ок. 60	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
60	М	Ю	Ок. 60	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
61	П	С	Ок. 60	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	(?)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Несколько разных	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
62	М(?)	Ю	70-95	–	–	–	–	–	1	–	–	–	Фр	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
63	М	С	Ок. 30	–	2	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	Неск	–	–
64	(?)	С	Ок 50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
65	(?)	С	Ок 50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
66а	Ж	С	34	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
66б	(?)	С	48	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–
67	П	С	Ок. 30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Неск	1	–
68	М	С	57	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
69а	М	С	29	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
69б	М(?)	С	55	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Кости мелк животных	–	–
70	П,М	С	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
71	М	–	40-52	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Обл	–	–	–	–	–	–	–	Куски
72	(?)	–	Ок. 40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
73	(?)	–	36	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
74	Взрослый с ребенком	–	(?)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2 обл.	–	–	–	–	–	–	–	–

крупного рогатого скота. Костей диких животных было значительно меньше; они принадлежали медведю, волку, лосю. Эти костры свидетельствуют о том, что здесь совершались тризны и приносились заупокойные жертвы, часть которых сжигали на кострах, а углистый слой из последних подсыпали в могилы.

В табл. 5, 6, 7 и 8 приводятся данные, характеризующие погребения Луговского могильника и сделанные в них находки. В приложении к статье помещено подробное описание всех погребений могильника.

Луговской могильник — наиболее ранний из ананьинских могильников; к тому же он исследован в недалеком прошлом, когда техника археологических раскопок позволила сделать ценные наблюдения, которые были невозможны во время более ранних раскопок ананьинских памятников. Будем надеяться, что дальнейшее изучение ананьинских комплексов сможет осветить пока еще не совсем ясные стороны быта и похоронного обряда ананьинских племен, а также наиболее трудный вопрос — о сложении ананьинской культуры, который сейчас является дискуссионным.

Приложение

Описание погребений Луговского могильника

Погребение 1. Обнаружено колхозниками в восточной части могильника. В головах находился шестигранный бронзовый кельт.

Погребение 2. Вскрыто колхозниками в средней части могильника. В могиле лежали 2 скелета в вытянутом положении на спине, с вытянутыми руками. При одном из них в головах бронзовый шестигранный кельт.

Погребение 3 (женское). Найдено колхозниками в северной части могильника. При погребении находились: пластинчатый бронзовый венчик от головного убора, 2 пластинчатых бронзовых браслета (или накосника), бляха круглая бронзовая с 4 уступами (на правом бедре), бляшка пластинчатая бронзовая четырёхугольная с 6 отверстиями по краям, фрагменты 2 бронзовых бляшек с выпуклостями в виде полушарий, трубочка из листовой бронзы с двумя противолежащими отверстиями, глиняный круглодонный сосудик с орнаментом из ямок и отпечатков гребенчатого штампа.

Погребение 4. Обнаружено колхозниками в западной части могильника. Вещей при погребении не оказалось.

Погребение 5 (женское, Ю [1]). Костяк лежал на глубине 0,25—0,35 м, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-восток. Длина его — около 150 см. Часть черепа, бо́льшая часть позвонков и ребер, мелкие кости кистей рук и стоп не сохранились. При погребении найдены 2 глиняных сосуда (один — целый, у левой кисти, другой — раздавленный, у правого плеча) и кость животного (у правого плеча).

Погребение 6 (мужское, Ю). Обнаружено на глубине около 0,25 м. Костяк был положен вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Череп раздавлен; позвонки, ребра, мелкие кости кистей рук и стоп, кости таза — почти не сохранились. На груди лежал бронзовый кельт.

Погребение 7 (мужское, Ю). Вскрыто на глубине около 0,25 м. Скелет взрослого мужчины лежал вытянуто, головой на север и был слегка повернут на левый бок. Череп раздавлен; сохранились лишь длинные кости ног и часть плечевых костей. В могиле найдены: бронзовый кельт — на груди, железный нож — в области пояса и обломки сосуда — у правого колена.

Погребение 8 (женское, Ю). Находилось на глубине около 0,25 м. Костяк был положен вытянуто, головой на север (с небольшим отклонением к востоку), и слегка повернут на левый бок. Кроме черепа, сохранились шейные позвонки и части длинных костей рук и ног. В ногах, примерно у левой ступни, найдено глиняное пряслице.

Погребение 9 (женское, Ю.) Обнаружено по могильному пятну, имевшему вид темного четырехугольника, вытянутого с севера на юг, со срезанными северо-восточным и юго-западным углами. Длина — 2 м, ширина — 80 см. Костяк лежал в могиле на

[1] Ряды могил обозначены буквами: С — северный ряд, Ю — южный.

глубине 0,45—0,55 м, вытянуто на спине, головой на север. Правая рука была протянута вдоль тела, левая — согнута в локте, так что фаланги пальцев покоились на костях таза. Мелкие кости почти не сохранились; разрушены также части длинных костей рук и ног. У правой кисти скелета найден глиняный сосуд.

Погребение 10 (мужское, С). На глубине около 0,4 м обнаружено могильное пятно, имевшее вид темного четырехугольника, вытянутого с севера на юг, с незначительным отклонением к востоку; длина его — 190 см, ширина — 75 см. Погребение находилось на глубине 0,5—0,6 м. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север, лицом на восток. Руки были согнуты в локтях, кисти лежали на тазе. Сохранность костей довольно хорошая, но мелкие кости и ребра почти не сохранились. При погребении найдены: у черепа — спиральное височное бронзовое кольцо и обломки такого же кольца; к западу от черепа — бронзовый кельт и плечевая кость лошади; у правого колена — точильный камень и миниатюрная бронзовая стамеска; несколько западнее — другая такая же стамеска; у правой голени — 8 костяных орудий (некоторые отчасти разрушены) и между ними — мотыги из трубчатой кости животного.

Погребение 11 (мужское, Ю). На глубине около 0,4 м оказалось могильное пятно в виде темного четырехугольника, вытянутого с севера на юг. Длина его — 220 см, ширина в северной части — 85 см, в южной — 90 см, углы могилы в северной части — слегка округленные. Погребение находилось на глубине 0,5—0,6 м. Костяк лежал вытянуто на спине, с протянутыми вдоль тела руками, головой на север. Череп, слегка повернутый к западу, сохранился хорошо, так же как и длинные кости ног. Мелкие кости почти не сохранились. Длина костяка — 165 см. При погребенном обнаружены: бронзовая спираль — у левого локтя, фаланга коровы — на груди, 2 плечевых кости — в правой части груди.

Погребение 12 (мужское, Ю). На глубине около 0,4 м находилось могильное пятно в виде темного четырехугольника, вытянутого с севера на юг; весь юго-западный угол пятна был неясен. Длина могилы — 190 см, ширина — 85 см. Костяк обнаружен на глубине 0,5—0,6 м на спине, в вытянутом положении, головой на север, с протянутой вдоль тела правой рукой, от которой сохранилась лишь верхняя часть плечевой кости. Череп раздавлен; длинные кости имеют вид фрагментов, мелкие — не сохранились. При погребении находились: в головах — бронзовый наконечник копья, к западу от черепа — бронзовый кельт, плечевая кость лошади и обломок железного предмета, вероятно, — ножа; в ногах — камень.

Погребение 13 (подростка, примерно 12 лет, Ю). Небольшой костяк лежал на глубине 0,2—0,3 м вытянуто на спине, с положенными вдоль тела руками, головой на север. Череп раздавлен; мелкие кости не сохранились, длинные кости рук и ног частично разрушены. На глубине 0,15 м над черепом встречена круглая бронзовая бляшка, по-видимому, относящаяся к головному убору.

Погребение 14 (мужское, Ю). Захоронение вскрыто на глубине около 0,25 м. Костяк старого мужчины был положен на спине, вытянуто, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север. Череп раздавлен; мелкие кости не уцелели. Из длинных костей лучше сохранились кости ног, деформированные от какой-то болезни. При погребении найдены: бронзовый наконечник копья — над правым плечом, часть железного ножа — на груди и резец бобра — у левого локтя.

Погребение 15-16 (коллективное, Ю). На глубине 0,25—0,3 м оказалось коллективное погребение — взрослого мужчины и старой женщины. Оба костяка лежали вытянуто на спине, головами на север, лицом друг к другу. Костяк мужчины — несколько крупнее, правая рука его согнута в локте, так что кисть руки покоилась на тазу; нижняя часть левой руки разрушена. Мелкие кости обоих костяков почти не сохранились, длинные кости рук и ног также частично разрушены, череп мужчины раздавлен. У левого локтя мужчины найден бронзовый кельт, а над правым плечом — лопатка свиньи. При женском погребении вещей не было.

Погребение 17-18 (детское, С). Вскрыты на глубине около 0,25 м. По-видимому, могилы были потревожены при пахоте. Кости сохранились далеко не все. Один костяк лежал, вероятно, головой на север (с отклонением к востоку) и, может быть, в скорченном положении — нога была согнута в колене; кости левой ноги отсутствовали. Кости второго скелета были разбросаны в беспорядке. Череп помещался к югу от них. При

каждом из погребений находилось по небольшой глиняной чашечке.

Погребение 19 (женское, Ю). Обнаружено по могильному пятну на глубине 0,4 м, которое имело вид четырехугольника с закругленными углами, вытянутого с севера на юг (с небольшим отклонением к западу). Длина могилы — 190 см, ширина северного края — 65 см, южного — 85 см. Костяк старой женщины лежал на глине, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север (с незначительным отклонением к западу); длина его — 165 см. Сохранность костей хорошая. При погребении находились: к западу от черепа — 12 круглых ступенчатых бронзовых бляшек и несколько цилиндрических бронзовых пронизок; под черепом — 2 бронзовых накосника (?); у пояса — круглая ступенчатая бронзовая бляшка; на одной из фаланг пальцев левой руки — пластинчатое бронзовое кольцо; у правого колена — головка бедра животного с отверстием в центре и резец бобра; у левой голени — глиняная чашка.

Погребение 20 (женское, С). Находилось на глубине 0,2—0,3 м. Скелет был вытянут на спине и обращен головой на север с небольшим отклонением к востоку. Череп разрушен, кости левой руки сохранились во фрагментах, мелкие кости не уцелели. Более или менее сохранились лишь оедренные и большие берцовые кости. На груди — фрагменты конусовидной бронзовой трубочки с «чеканным» рельефным орнаментом.

Погребение 21 (женское, С). Захоронение обнаружено по могильному пятну на глубине около 0,4 м. Пятно имело вид четырехугольника с закругленными в южной части углами. Длина могилы — 190 см, ширина — 85 см. Погребение находилось на глубине 0,55—0,65 м. Костяк старой женщины лежал вытянуто на спине, головой на север. Череп и ступни ноги были повернуты к востоку, левая рука протянута вдоль тела, правая — согнута в локте и положена на пояс; таким образом, лучевая и локтевая кости покоились на костях таза. Не сохранились ребра, нижняя часть левой руки, правая кисть и фаланги пальцев ног. В могиле найдены 2 глиняных чашечки, вложенных одна в другую и стоявших у правого плеча, и немного ниже — кость животного.

Погребение 22 (мужское, Ю). На глубине 0,4 м обнаружено могильное пятно в виде четырехугольника с закругленными углами (длиной 2,1 м, шириной 70—78 см), вытянутого с севера на юг. Костяк находился на глубине 0,5—0,6 м. Восточная часть дна могилы состояла из плотной красной глины. Положение — вытянутое, головой на север; руки вытянуты вдоль тела. Череп отсутствовал. Сохранность костей довольно хорошая. У левой голени оказались 2 костяных наконечника стрел.

Погребение 23 (мужское, С). Могильное пятно встречено на глубине 0,45 см. Оно было в виде темного четырехугольника, вытянутого с севера на юг с небольшим отклонением к западу; длина могилы — 2 м, ширина — 85 см. Костяк взрослого мужчины был положен на глине, на глубине 0,6—0,7 м, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север (с отклонением к западу). Череп и ступни ног были повернуты к западу. Сохранность костей довольно хорошая, хотя часть мелких костей не уцелела. При погребенном обнаружены: бронзовая бляшка — на лобной кости; бронзовый наконечник копья — на нижней части черепа; глиняная чашка — у правой плечевой кости и возле нее — бронзовый кельт; у правой локтевой кости — плечевая кость лошади; у правого бедра — 3 костяных наконечника стрел, остриями вниз.

Погребение 24 (мужское, Ю). Находилось на глубине 0,55—0,7 м. Могильную яму проследить не удалось, так как над погребением была посажена яблоня, и земля была перерыта до самых костей; вероятно, при этом была выброшена часть костей правой руки, а правая плечевая кость несколько смещена. На дне могилы в северной части была глина, в южной —песок. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, с вытянутой левой рукой, головой на северо-восток, лицом на восток. Позвоночник слегка изогнут, левая нога немного согнута в колене. К югу от костяка на расстоянии 180 см шла гряда камней и известняка (шириной около 50 см) со следами горевшего на них огня. Фаланги больших пальцев ног скелета лежали в черном углистом слое. Группы необожженных камней находились в головах и у правого плеча, отдельные камни — между ног и по бокам скелета. Найден костяной наконечник стрелы (слева у тазовых костей) и железное шильце (у правого локтя). В головах лежала небольшая кость.

Погребение 25 (мужское, Ю). Вытянутое с севера на юг могильное пятно было слабо окрашено и имело очень неясные очертания. Скелет старого мужчины лежал на песке, на глубине 0,65—0,7 м, вытянуто на спине, головой на север. Сохранность костей плохая; более или менее сохранились лишь череп и длинные кости ног. При погребенном найдены: железный боевой топор, бронзовый наконечник копья, бронзовый кельт и крупные кости животных (плохой сохранности) — над черепом; часть костяного наконечника стрелы — у левого плеча; под черепом — обломки железного предмета, скорее всего — ножа; у правого бедра — клык медведя. К востоку от левого плеча находился фрагмент второго черепа человека.

Погребение 26 (мужское, Ю). Встречено на глубине около 0,3 м. Костяк был вытянут на спине, руки положены вдоль тела, голова обращена на север, лицо — на восток. Череп раздавлен, мелкие кости не сохранились. В погребении обнаружены: над черепом — фрагмент крупной кости животного, над правым плечом — бронзовый наконечник копья, перед лицом — бронзовый кельт, под черепом — железный нож. В северо-западном углу могилы оказались фрагменты второго человеческого черепа, отгороженные с юга двумя небольшими камнями.

Погребение 27 (подростка, С). Обнаружено по вытянутому с севера на юг четырёхугольному могильному пятну, выявившемуся на глубине 0,25 м. Длина могилы — 180 см, ширина — 80 см. Детский костяк находился на глубине около 0,5 м в вытянутом положении, головой на север. Череп раздавлен, мелкие кости не сохранились, длинные кости рук и ног уцелели лишь частично. К западу от правого плеча найдена довольно крупная кость животного, у левой стопы — маленькая глиняная чашечка.

Погребение 28 (женское, С). Находилось на глубине около 0,25 м. Костяк лежал вытянуто на спине, с протянутой левой рукой (нижняя часть правой руки не сохранилась), головой на север (с отклонением к востоку). Череп раздавлен и слегка повернут к востоку. От правой плечевой кости остался лишь фрагмент, локтевая и лучевая кости не сохранились; отсутствуют также почти все ребра и мелкие кости рук и ног. Вещей не было.

Погребение 29 (подростка, С). Захоронение выявлено по могильному пятну на глубине 0,4 м, имевшему вид четырёхугольника длиной 180 см и шириной 110 см; оно было вытянуто с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Скелет подростка лежал в могиле в вытянутом положении на спине, с протянутыми руками, головой на север, лицом на восток. Череп раздавлен, мелкие кости почти не сохранились. Перед лицом находилась кость животного, плохо сохранившаяся. К западу от костяка подростка в той же могиле обнаружен череп маленького ребенка, очень плохо сохранившийся. Остальные кости не уцелели. Судя по ширине могилы, здесь было двойное захоронение — подростка и маленького ребенка.

Погребение 30 (мужское, С). Обнаружено по могильному пятну, выявившемуся на глубине около 0,5 м. Пятно имело вид четырёхугольника, вытянутого с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Длина его — 180 см, ширина — 80 см. Костяк мужчины лежал в могиле на глубине около 0,7 м, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп отсутствовал. Руки были согнуты в локтях и несколько расставлены. Кисти правой руки не оказалось. Сохранность костей довольно хорошая. Длинные кости правой ноги деформированы. Между правым боком и локтевой костью правой руки оказался человеческий череп, у левой плечевой кости и правого колена — мелкие кости и фаланга животного.

Погребение 31 (мужское, Ю). Фрагменты скелета мужчины находились в четырёхугольной могиле на глубине 0,6—0,7 м. Могила была вытянута с севера на юг с небольшим отклонением к востоку; длина ее — около 2 м, ширина — около 90 см. Сохранились лишь фрагменты черепа, нижней челюсти и длинных костей ног. При погребенном найдены следующие вещи: сильно разрушенная кость крупного животного — к востоку от черепа, бронзовый наконечник копья и кельт — в области груди.

Погребение 32 (подростка, Ю). Костяк подростка найден в четырёхугольной могиле, вытянутой с севера на юг, на глубине около 0,5 м. Длина могилы — 150 см, ширина — около 60 см. Скелет лежал вытянуто, головой на север. Сохранность костей плохая: череп раздавлен, нижние части костей рук и мелкие кости почти не сохранились, длинные кости ног уцелели частично. У правого локтя обнаружен фрагмент разложившейся кости животного.

Погребение 33 (мужское, Ю). Скелет мужчины находился в четырёхугольной могиле (длиной 210 см, шириной 80—90 см), ориентированной с севера на юг, на глубине около 0,75 м. Костяк был вытянут, обращен головой на север, с положенной вдоль тела правой рукой. Сохранность костей плохая. Череп пробит над левым глазом и раздавлен; мелкие кости, нижняя часть левой руки, берцовые кости почти не сохранились. При погребении найдены: к востоку от черепа — кость крупного животного и кремневый наконечник стрелы; у левого локтя — бронзовый наконечник копья и кельт; под черепом — железный нож и круглая бронзовая бляшка.

Погребение 34 (подростка, Ю). В четырёхугольной могиле, вытянутой с севера на юг, на глубине около 0,55 м найден скелет подростка. Длина могилы — 175 см, ширина — 60—70 см. С глубины 0,4 м и почти до дна могила была заполнена ярко-черным углистым слоем. Костяк лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Череп раздавлен, мелкие кости рук и ног почти не сохранились. У правой голени найден фрагмент кости животного, плохо сохранившийся.

Погребение 35 (С). Находилось в северном ряду могил и было вытянуто с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Фрагменты костяка взрослого человека (?) лежали в четырёхугольной могиле, заполненной почти до дна ярко-черным слоем с угольками. Вся поверхность могилы на глубине 0,4 м была покрыта угольками. Длина могилы — 180 см, ширина 60 см. Остатки костяка лежали вытянуто, головой на север. Сохранились лишь 2 фрагмента черепа, части правого плеча и длинных костей ног. Вещей при погребении не было.

Погребение 36 (мужское, С). Костяк мужчины лежал в овальной могиле, вытянутой с северо-северо-запада на юго-юго-восток, на глубине около 0,55 м. Длина могилы — 210 см, ширина — около 90 см. Скелет был вытянут на спине с положенными вдоль тела руками. Сохранность костей довольно хорошая. Не уцелели малые берцовые кости, позвонки, часть ребер и фаланги пальцев рук и ног. Кости ног деформированы в результате болезни. При погребении обнаружены: бронзовые кельт и наконечник копья, лежавшие к западу от черепа; бронзовая бляшка — к востоку от него; два разрушенных костяных наконечника стрелы — у правой плечевой кости.

Погребение 37 (мужское, Ю). Скелет мужчины лежал в четырёхугольной могиле (длина ее — 180 см, ширина — 70 см), вытянутой с севера на юг (с отклонением к востоку) на глубине около 0,7 м. Поверхность южной части могилы на глубине около 0,4 м была покрыта угольками. Положение костяка — вытянутое на спине, головой на север (с небольшим отклонением к востоку). Правая рука была вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и лежала на поясе. Сохранность костей плохая — череп разрушен, мелкие кости почти не сохранились. При погребении найдены: крупная костяная муфта от какого-то ударного орудия, обломки железного ножа (у правой кисти) и куски глиняного сосуда.

Погребение 38 (женское, Ю). На глубине около 0,25 м лежал костяк женщины, вытянутый на спине, обращенный головой на север с небольшим отклонением к востоку. Череп сильно разрушен; ребра, позвонки и мелкие кости не сохранились, так же как локтевые и лучевые кости рук. При погребении найдены: обломок глиняного сосуда — немного выше левого колена; плечевая кость лошади — у правого колена; плохо сохранившиеся мелкие кости животных — на груди. К востоку от черепа обнаружены фрагменты человеческого черепа, а к западу от правой плечевой кости — часть человеческой кости, не относящиеся к основному скелету.

Погребение 39 (мужское, С). Костяк мужчины находился в могиле (на глубине около 0,5 м), имевшей вид четырёхугольника с округлыми углами; длина ее — 190 см, ширина — 80 см. Могила была ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Костяк был вытянут на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на север (с отклонением к западу), лицом на восток. Правая нога была слегка согнута в колене. Сохранность костей хорошая, отсутствуют лишь фаланги пальцев правой руки и некоторые фаланги пальцев левой руки и ног. При погребении найдены: обломок каменного орудия (может быть, не относящийся к погребению) — к северо-западу от черепа; два трехгранных сильно разрушенных костяных наконечника стрелы (остриями вверх) — у правого локтя; обломок глиняного сосуда — у левой голени.

Погребение 40 (женское, С). Женский костяк обнаружен в четырёхугольной могиле с округлыми углами, вытянутой с севера на юг, на глубине около 0,55 м. Вся могила, начиная с глубины 0,35 м и почти до дна, была заполнена черным слоем с углем. Скелет лежал на глине в слое светлого песка, вытянуто на спине, головой на север, лицом на запад. Руки были согнуты в локтях и покоились на поясе. Нижняя часть правой плечевой кости и локтевые кости рук, а также нижняя часть правого бедра обожжены. Вещей не было.

Погребение 41 (мужское, С). Скелет мужчины лежал на глубине около 0,5 м в овальной могиле (длиной примерно 2 м, шириной 70 см), ориентированной с севера на юг с отклонением в 10° к востоку. Положение скелета — вытянутое на спине, с протянутыми вдоль тела руками, головой на север (с тем же отклонением к востоку). Череп сильно разрушен, так же как эпифизы длинных костей; мелкие кости не сохранились. На груди — 3 костяных наконечника стрел и один кремневый.

Погребение 42 (мужское, С). В овальной могиле, вытянутой с севера на юг с небольшим отклонением к востоку, на глубине около 0,5 м обнаружен мужской костяк. Начиная с глубины 0,2 м и почти до погребения, могила была заполнена черным углистым слоем, в котором все время встречались угли, иногда довольно крупные. Костяк находился в вытянутом положении, руки лежали вдоль тела, голова была обращена на север (с тем же отклонением). Череп разрушен сильно, длинные кости рук и ног — частично; некоторые мелкие кости отсутствовали. У левого плеча найден бронзовый кельт, у правого плеча — небольшое круглое каменное орудие (точильный камень?).

Погребение 43 (С). Остатки скелета находились на глубине 0,2—0,3 м и состояли из фрагмента черепа, возле него 2 глиняных сосуда и к югу от них — следы костей.

Погребение 44 (С). Костяк обнаружен в четырёхугольной могиле едва заметных очертаний, вытянутой с севера на юг, на глубине около 0,5 м. Сохранились лишь небольшие фрагменты черепа в северной части могилы и часть длинной кости левой ноги. На черепе найдены бронзовые бляшка и височное кольцо, а к северо-востоку от черепа — бронзовый кельт.

Погребение 45-46 (коллективное — мужчины и женщины пожилого возраста, Ю). Скелеты лежали в одной могиле неясных очертаний, вытянутой с севера на юг, на глубине 0,45—0,5 м. Положение костяков — вытянутое на спине, головой на север. Кроме черепов, сохранились части длинных костей рук и ног. При погребении 45 (женском) обнаружены: глиняная чашка — в головах, бронзовая булавка (или шильце) — у черепа; на черепе мужчины лежал клык волка, а у правой руки — бронзовый кельт.

Погребение 47 (по-видимому, взрослого мужчины с ребенком, С). Находилось в четырёхугольной могиле, вытянутой с севера на юг (с небольшим отклонением к востоку), на глубине около 0,6 м. Здесь оказались остатки 2 костяков — взрослого человека и ребенка. От первого сохранились лишь части длинных костей ног, от второго — зубы и фрагменты костей ног. В головах взрослого лежали 2 бронзовых височных кольца и бронзовый кельт, у левой ноги — глиняный сосуд. При детском скелете вещей не было.

Погребение 48 (С). В четырёхугольной могиле с округлыми углами, ориентированной с севера на юг, на глубине 0,6—0,7 м лежал костяк в вытянутом положении, на спине, головой на север. Сохранность костей плохая: уцелели лишь части нижней челюсти и длинных костей ног. В головах лежали бронзовое височное кольцо и железный наконечник копья, в области пояса — бронзовый кельт.

Погребение 49 (женское, Ю). Вскрыто на глубине около 0,25 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на север. Череп почти не сохранился; кроме длинных костей ног, уцелели только обломки таза и костей рук. При погребении найдены: к северу от черепа — 2 глиняных сосудика и железное шило; на черепе — 6 круглых бронзовых бляшек; под нижней челюстью — бронзовая трубочка; на груди — 2 бронзовых бубенчика.

Погребение 50 (женское, Ю). Обнаружено после расчистки погребения 49, на глубине около 0,3 м. От костяка частично сохранились только длинные кости ног, а верхняя часть его была уничтожена в связи с посадкой яблони. При погребенной в области пояса найдена разрушенная бронзовая пронизка, у правой голени — глиняный сосудик.

Погребение 51 (детское, Ю). Находилось ниже погребения 50, на глубине око-

ло 0,4 м. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на север, лицом на запад. Кроме черепа, сохранились кости длинных костей ног и несколько позвонков. В области пояса стоял глиняный сосуд.

Погребение 52 (мужское, Ю). В могиле неясных очертаний скелет находился на глубине 0,3—0,4 м в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп оказался довольно далеко от костей и был повернут к ним затылком (по-видимому, он был потревожен в связи с постройкой амбара, когда-то стоявшего на этом месте). Сохранились лишь части длинных костей ног и правой руки. В северо-восточной части могилы найдены бронзовая пронизка и мелкие обломки сосуда.

Погребение 53 (мужское, Ю). Обнаружено под погребением 52 на глубине 0,45—0,5 м. Костяк лежал, видимо, в вытянутом положении, головой на северо-восток. От него уцелели лишь череп и части длинных костей ног. В головах лежали кремневый наконечник стрелы, глиняный сосудик и полукруг, в области груди — обломки железного ножа.

Погребение 54 (мужское, Ю). Найдено на глубине 0,4—0,5 м. Костяк лежал в четырёхугольной могиле с закругленными углами (длина ее — 2 м, ширина — около 80 см), вытянуто на спине, с протянутыми вдоль тела руками, головой на север. Кроме черепа, сохранились фрагменты длинных костей конечностей и позвонки. При погребенном найдены следующие вещи: глиняный сосуд — в северной части могилы; бронзовые кельт и наконечник копья — к северо-западу от черепа; круглая бронзовая бляшка — на черепе; такая же бляшка — над правым плечом (на 0,4 м выше); осколок кварцита — на груди; бронзовая птичка — над нижней частью груди (на 0,3 м выше) и бронзовая спираль — в ногах.

Погребение 55 (мужское, Ю). Находилось на глубине 0,35—0,4 м. Скелет взрослого мужчины лежал в могиле овальной формы, вытянуто на спине, головой на север с небольшим отклонением (15°) к востоку. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте. Кроме фрагментов черепа, сохранились части длинных костей рук и ног, таза, позвонков и левой ключицы. Над правым плечом найдена плечевая кость лошади.

Погребение 56 (мужское, Ю). Обнаружено на глубине около 0,6 м в четырёхугольной могиле с округлыми углами (длина ее — 190 см, ширина — 75 см). Костяк взрослого мужчины был вытянут на спине, головой на север, с вытянутыми вдоль тела руками. Уцелели лишь фрагменты черепа, таза и длинных костей рук и ног. При погребенном находились: бронзовый кельт — к западу от черепа; кремневый наконечник копья — к западу от правого локтя; округлая галька — к востоку от левого плеча.

Погребение 57 (мужское, Ю). В четырёхугольной могиле с округлыми углами (длина ее — около 190 см, ширина — около 75 см) на глубине 0,5—0,6 м лежал костяк пожилого мужчины в вытянутом положении, на спине, головой на северо-северо-восток. Кроме черепа, сохранились части длинных костей ног и правой руки. При погребенном находились: круглая бронзовая бляшка — на черепе; костяные наконечники стрел и костяное навершие — к западу от черепа; у правого плеча был воткнут железный акинак, а несколько выше его лежал железный наконечник копья; рядом с акинаком — фрагменты железного ножа; немного выше наконечника копья — бронзовый кельт; у пояса слева — 2 плечевых кости лошади.

Погребение 58 (мужское, С). Обнаружено в четырёхугольной могиле (с округлыми углами) на глубине 0,4—0,5 м. Скелет пожилого мужчины находился в вытянутом положении, на спине, головой на север. Помимо черепа, уцелели только части длинных костей рук и ног. В могиле найдены: бронзовая бляшка — у правой глазницы; бронзовый наконечник копья — у левого плеча; плечевая кость лошади — на левой плечевой кости.

Погребения 59 (женское) и 60 (мужское, Ю). Захоронение 59 было обнаружено в той же могиле, что и 60-е, немного ниже последнего, на глубине около 0,6 м. При расчистке женского костяка выяснилось, что он лежал в беспорядке (длинные кости ног примыкали к черепу, ниже находились фрагменты таза), и весь скелет был сдвинут к западному краю могилы. Сохранность костей довольно хорошая. На черепе и возле него найдены кости животных. Погребение 60 вскрыто к востоку от 59-го, в той же могиле. От костяка сохранились только череп и части длинных костей ног. Вещей при нем не было.

Погребение 61 (подростка, С). Найдено на глубине около 0,6 м в четырёхуголь-

ной могиле с округлыми углами (длина ее — около 2 м, ширина — 60—70 см). От скелета сохранились часть нижней челюсти с зубами и фрагменты длинных костей ног. При погребении найдены глиняный сосуд и две сильно разрушенных медных бляшки (одна — у черепа, другая — в области пояса).

Погребение 62/1 [2] (Ю). Обнаружено в юго-западной части могильника на глубине 0,7—0,95 м в могиле, вытянутой с севера на юг (длина ее — 185 см, ширина — 70 см). От костяка сохранились фрагменты черепной крышки и нижней челюсти, зубы и едва различимые остатки длинных костей. В головах найдены бронзовый кельт и фрагменты железного предмета, вероятно,— ножа.

Погребение 63/2 (мужское, С). Находилось на глубине около 0,3 м в могиле неясных очертаний. Костяк лежал вытянуто на спине, руки были вытянуты вдоль тела, голова обращена на север с небольшим отклонением к востоку. Сохранность костей довольно хорошая. При скелете обнаружены: небольшой сосудик — у черепа; бронзовый кельт — над левым плечом; костяной наконечник стрелы — на груди и в области пояса; кости животных — около правого локтя и у левого колена. В северо-восточной части могилы лежал череп ребенка.

Погребения 64/3 и 65/4 (С). Вскрыты на глубине около 0,5 м. В могиле неясных очертаний находились 2 скелета, один над другим. Хорошо сохранившийся верхний скелет (меньших размеров) лежал вытянуто на спине, с вытянутыми руками, головой на север. Под черепом найдена разрушенная бронзовая бляха с остатками ткани на стороне, прилегающей к черепу. Нижний костяк (более крупный) имел ту же ориентировку. От него сохранились: череп, лежавший к северу от верхнего скелета, в перевернутом виде; левое бедро и берцовые кости, находившиеся по сторонам ног верхнего скелета в анатомическом положении. Остальные кости почти не сохранились; части их разбросаны по всей могиле.

Погребение 66/5 (двойное, С). В могиле неясных очертаний на глубине 0,34 м и 0,4 м обнаружены 2 костяка. Верхний (восточный), принадлежавший женщине, был вытянут на спине и несколько склонен на правый бок; головой он был обращен на северо-северо-восток. Кости — хорошей сохранности; отсутствовали левая локтевая и лучевая кости и фаланги пальцев рук и правой ноги. На черепе находилась бронзовая обоймица, около лицевых костей — небольшой сосудик. Второй скелет лежал западнее и на 10 см ниже первого. От него сохранились в анатомическом положении череп, бедро, голени обеих ног; остальные кости лежали кучкой в области груди. Между скелетами найдена кость крупного животного.

Погребение 67/6 (подростка, С). Находилось на глубине около 0,3 м в могиле неясных очертаний. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север, по-видимому, с вытянутыми руками. Череп был повернут вправо. Анатомический порядок сохранили кости ног и плечевого пояса. Кости таза, ребра и позвонки были смещены и лежали в беспорядке в области груди и живота. Позвоночник, фаланги рук и ног не сохранились. Около правой плечевой кости находился глиняный сосуд; недалеко от левой берцовой кости — пережженные кости животных; у левой ступени — камень.

Погребение 68/7 (мужчины с ребенком, С). Обнаружено на глубине 0,57 м в могиле неясных очертаний. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-северо-восток. Положение левой ключицы и ребер левой стороны нарушено. На лобной кости найдена круглая бронзовая бляха, у левой ноги — костяной наконечник стрелы. К востоку от костяка взрослого находился сильно разрушенный скелет ребенка. Раздавленный череп лежал у левого плеча первого скелета. Кроме черепа, сохранились 4 обломка длинных костей ребенка.

Погребение 69/8 (двойное в верхнем и нижнем горизонтах могилы, С). Верхний костяк (мужской) обнаружен на глубине 0,29 м, в вытянутом положении, на спине, головой на северо-северо-восток. Ноги были плотно прижаты одна к другой; левая рука согнута в локте, положение правой — неясно. Череп раздавлен; ребра, бо́льшая часть позвонков, фаланг рук и ног отсутствовали; тазовые кости были сильно разрушены. Костяк имел следы действия огня. В области пояса найден бронзовый кельт. Засыпка могилы, восточная граница которой хорошо просле-

[2] Цифры в знаменателе соответствуют номерам погребений из раскопок П. П. Ефименко в 1943 г.

живалась, отличалась интенсивно черной окраской. В ней попадались угли, фрагменты керамики и пережженные кости. Между верхним и нижним костяками находился слой черной земли мощностью около 0,25 м.

Нижний костяк найден в той же могиле на глубине около 0,55 м. Он лежал вытянуто на спине, головой на северо-северо-восток. Череп был раздавлен на мелкие куски; руки слегка согнуты в локтях и широко расставлены; правая нога согнута в колене и отодвинута от левой. На левой части костяка ясно были видны следы воздействия огня: левая половина таза и левая нога кверху и книзу от колена имели черный цвет и трещиноватость. Некоторые обломки черепа были обожжены снаружи и изнутри. Обожженные кости — очень плохой сохранности; мелкие кости рук, верхняя половина позвоночника и бо́льшая часть ребер не уцелели. Несколько ниже колена правой ноги лежал костяной наконечник стрелы; за правой плечевой костью и между ступнями — кости мелких животных; у обожженного левого колена — коленная чашечка, совершенно лишенная следов воздействия огня.

Погребение 70/9 (подростка-мужчины, С). Вскрыто на глубине 0,5 м в могиле неясных очертаний. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-северо-восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте, и конец ее предплечья лежал на поясничных позвонках. Грудная клетка раздавлена. Мелкие кости и фаланги рук и ног смещены. На правой стороне груди найдено орудие из крупной круглой гальки, а под правым предплечьем — 2 обломка черепа человека.

Погребение 71/10 (мужское?, Ю). Обнаружено на глубине 0,4 м в ясно очерченной (благодаря углистому заполнению) могиле длиной 230 см, шириной 180 см. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на северо-северо-восток; от него сохранились лишь обломки черепа и длинных костей ног. Мелкие обломки черепа, найденные в северо-западном углу могилы на углистом слое толщиной 10 см, имели следы действия огня, тогда как на черепных костях к востоку от них не было этих следов. Под обожженными костями черепа, а также к западу от них и от длинных костей ног обнаружены куски бересты. Кости ног, лежавшие на черном углистом слое, носили следы огня. В области пояса найден бронзовый кельт, около бедренных костей, — обломок сосуда. Дно могильной ямы находилось на глубине 0,52 м.

Погребение 72/11 (Ю). Остатки погребения, нарушенного столбом современной постройки, были вскрыты в могиле неясных очертаний на глубине около 0,4 м. От костяка сохранились лишь череп, находившийся в северной части могилы, и несколько отдельных костей и их обломков; к востоку от черепа найдена плечевая кость левой руки и над ней — лежавший на боку сосуд; в южной части могилы — обломок одной (по-видимому, длинной) кости ноги.

Погребение 73/12 (Ю). Находилось в могиле овальной формы, на глубине 0,36 м. Костяк лежал вытянуто, головой на северо-северо-восток. Кости ног были расположены близко одна от другой. Сохранность костей очень плохая. К западу от правой бедренной кости встречены также плохо сохранившиеся молочные зубы. Вещей при погребении не обнаружено.

Погребение 74/13 (Ю). В центре северной части могилы овальной формы (длина ее — 190 см, ширина — 80 см) найдены глиняный сосуд и рядом — несколько обломков маленького сосудика; под сосудом — черепные кости взрослого человека со следами огня, к северу от сосуда — еще несколько обожженных костей черепа, к западу от них — остатки половины детской нижней челюсти и зубы. К югу от сосуда находились обломки детского черепа без следов огня, к востоку от сосуда — обломки детских черепных костей без следов огня и молочные зубы, под ними — угли. Еще южнее обнаружены обломки костей и среди них — обломок длинной кости, детские зубы и черепки; к востоку от них — тазовая и бедренная кости, под ними — обожженные черепки.

А. Е. Алихова

ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ЛУКИ

Исследование памятников срубной культуры, проведенное на строительстве Куйбышевского гидроузла, дало богатейший археологический материал, позволяющий судить об экономике и быте, об общественных отношениях населения эпохи бронзы. Основные работы 3-го отряда Куйбышевской археологической экспедиции были сосредоточены в районе Самарской луки — в долине р. Усы, ограничивающей с запада массив Жигулевских гор.

В 20-х годах под руководством В. В. Гольмстен были проведены большие обследовательские работы в центральных и прибрежных районах Самарской луки[1]. В 1936 г., в связи со строительством Куйбышевского гидроузла, экспедицией ГАИМК, под руководством Г. П. Гроздилова, были обследованы берега Волги и долины р. Усы до с. Комаровка[2]; зарегистрировано несколько поселений эпохи бронзы и раскопаны 3 кургана у с. Комаровка. В 1950 г. 3-й отряд Куйбышевской экспедиции начал свои работы значительно выше с. Комаровка вверх по течению р. Усы — от с. Муранки. В результате раскопаны несколько поселений и 2 кургана эпохи бронзы.

В центральных и прибрежных районах Самарской луки, как было отмечено В. В. Гольмстен, наблюдалась слабая заселенность в эпоху бронзы. Совершенно иную картину мы видим в районах, прилегающих к Жигулевским горам. Широкая долина р. Усы с прекрасными луговыми пастбищами привлекала к себе население, которое селилось небольшими родовыми группами по ее берегам, часто непосредственно у воды — на первой надпойменной террасе или на расположенных на ней дюнах[3]. Различие в местоположении поселений сопровождается и некоторыми особенностями в их стратиграфии. На дюнных поселениях чаще всего культурный слой почти отсутствует и сосредоточен главным образом в толще заполнения землянок. Это прослежено на I Воскресенском поселении и на II Моечном поселении (раскоп 27). В таких случаях бывает трудно обнаружить поселение, особенно если оно прикрыто толщей песчаных наносов. Вероятно, часть дюнных поселений носила временный характер, связанный с весенними паводками. На поверхности или под тонким дерновым слоем обычно встречаются отдельные фрагменты керамики и кремневые отщепы и чаще всего совершенно отсутствует культурный слой. К таким памятникам мы относим поселения против с. Воскресенка на левом берегу Усы

[1] В. В. Гольмстен. Керамика древних мест поселений Самарской луки. Бюлл. Об-ва археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете, 1925, № 3, стр. 6.

[2] Г. П. Гроздилов. Жигулевский массив, 1936 г. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 145—148.

[3] Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской. КСИИМК, 50, 1953, стр. 2 и сл.; ее же. Некоторые поселения эпохи бронзы по течению реки Усы в Куйбышевском Поволжье. МИА, № 42, 1954 г, стр. 21 и сл.; А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у села Комаровки КСИИМК, 59, 1955, стр. 91 и сл.; ее же. Комаровское поселение у Моечного озера (I Моечное поселение). МИА, № 61, 1958, стр. 157 и сл.; Н. В. Трубникова. Некоторые итоги археологических исследований по реке Усе. МИА, № 61, 1958, стр. 181.

и на том же берегу —у сел Анновка и Комаровка [4], поселение на дюне Борок (см. ниже) и в урочище Подбухерево близ с. Березовка [5].

Второй тип поселений, т. е. на краю надпойменной террасы, встреченный на II Воскресенском и I Моечном [6] поселениях характеризуется довольно толстым культурным слоем, равномерно залегающим по всей площади и прикрытым сверху слоем чернозема. Наиболее яркую картину дает стратиграфия I Моечного поселения. Здесь культурный слой толщиной в среднем 0,4 м прикрыт слоем чернозема мощностью 0,3—0,4 м и подстилается в значительной части поселения черным суглинком. На профиле при высыхании культурный слой резко выделяется более светлой, серо-пепельной окраской. Подобная стратиграфия наблюдается не только на описываемом нами поселении, но распространена значительно шире. Она была отмечена А. А. Спицыным в его краткой характеристике саратовских поселений [7].

Размеры вскрытых нами поселений обычно невелики. Здесь преобладают большие жилища. По размерам и конструктивным особенностям эти жилища типичны для племен срубно-хвалынской культуры.

Для суждения о хозяйственной деятельности населения, оставившего поселения вдоль берегов р. Усы, дает большой материал I Моечное поселение. Основой хозяйства было скотоводство. Обширные луга в долине р. Усы служили прекрасным пастбищем для скота. Разводили коров, лошадей, мелкий рогатый скот и свиней.

В качестве убойного животного на первом месте стоял рогатый скот, на последнем — лошадь [8]. Это объясняется тем, что лошадь стала транспортным животным. В связи с этим, как еще заметил И. В. Синицын на материалах Заволжья, на убой шел лишь молодняк [9]. Находки костяных псалиев в Комаровском кургане [10] и на I Моечном поселении свидетельствуют о важном этапе в истории Поволжья. В результате использования лошади для транспорта появились предпосылки для большей подвижности населения, что привело несколько позже к кочевому образу жизни.

Скотоводство вполне обеспечивало население мясной пищей, поэтому охота потеряла почти всякое значение. Среди большого количества костей животных, собранных на Моечном поселении, костей диких животных встречено крайне мало. Эта черта также свойственна всем поселениям срубной культуры.

О роли земледелия в описываемую эпоху судить значительно труднее, так как находки, свидетельствующие об этом, редки; тем не менее и они позволяют говорить о большом значении земледелия. Из прилегающих к исследованному нами району мест известны многочисленные находки бронзовых серпов, каменных мотыг и остатков хлебных злаков [11]. Среди изученных нами памятников материал этого рода представлен лишь на I Моечном поселении. Здесь найдено бронзовое тесло, которое также могло быть использовано и в качестве мотыги [12]; обнаружены обломок серпа и кремневые ножевидные пластинки с ретушью, по-видимому,— вкладыши от серпа.

Подсобное значение в хозяйстве имела рыбная ловля. Во время весеннего паводка, длящегося здесь вплоть до июня, была возможна ловля крупной рыбы, проникавшей сюда из Волги. После спада воды много рыбы оставалось в озерах и глубоких местах реки. Одним из способов ловли рыбы на этом поселении, судя по материалу, было «лучение». При этом способе, согласно современному описанию, ловля производится ночью с лодки, на которой зажигают факелы. Рыба, привлеченная ярким светом, подплывает к лодке, и ее здесь убивают. На Моечном поселении для этого использовали гарпуны, а вытаскивали рыбу бронзовым крюком-подсадкой, укрепленным на длинной палке. Помимо перечисленных бронзовых орудий,— таких,

[4] Н. В. Трубникова. Некоторые поселения, стр. 21.

[5] Там же, стр. 33.

[6] А. Е. Алихова. Комаровское поселение..., стр. 157 и сл.

[7] А. А. Спицын. Саратовские стоянки медного века. Труды Об-ва истории, археологии и этнографии при Саратовском университете, 1923, вып. 34, ч. 1, стр. 32 и 34 (№ 10, с. Ивановка).

[8] В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 221 и сл.

[9] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 221.

[10] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у села Комаровки, стр. 91 и сл.

[11] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 221.

[12] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Известия ГАИМК, 119, 1936, стр. 73.

как тесло, серп, крюк-подсадка,— на I Моечном поселении найдены несколько ножей, шилья разных размеров, игла и косторезный инструмент. Эти находки указывают на широкое применение в быту различных бронзовых изделий. Их изготовлением, очевидно, занимались на месте. Отчасти об этом говорят находки обломков 2 льячек в жилище I Воскресенского поселения [13]. Кроме того, известны находки частей литейных форм в Хвалынском и Аткарском районах [14], а также остатки медного литья в Заволжье, на Успенском поселении [15]. Во всяком случае, после богатых находок литейных форм для отливки бронзовых вещей в Сталинградском Поволжье [16] больше не возникает сомнений в местном изготовлении бронзовых орудий племенами срубной культуры.

Однако далеко не на всех поселениях удается найти бронзовые предметы. Бесспорно, они представляли большую ценность, которую берегли и при переселении уносили с собой. Косвенным доказательством этого является полное отсутствие на поселениях также и кремневых орудий, заменявших бронзовые, как, например, на I Воскресенском поселении. На I Моечном поселении найдены лишь 3 вкладыша серпа и обломок шлифованного сверленного топора при полном отсутствии кремневых отщепов.

С развитием металлургии костяные изделия приобретают подсобное значение. Несмотря на хорошую сохранность костного материала, на Моечном поселении костяных предметов встречено немного. Однако и найденные указывают на их широкое и разнообразное применение. Здесь обнаружены костяной псалий, обломки двух гарпунов, лощило или гладилка для разглаживания швов на меховой одежде. Найдены несколько довольно грубо сделанных проколок, 2 кочедыка, роговой костылек, служивший, вероятно, для застегивания меховой одежды, несколько костяных стругов из челюстей коровы или лошади и несколько костяных пряслиц.

Раскопки одного из курганов у с. Воскресенка (см. ниже), оставленных жителями расположенного рядом поселения эпохи бронзы, показали, что это — обычное родовое кладбище, типичное для срубной культуры. Такая же картина была прослежена в двух Комаровских курганах [17], находящихся близ поселений у Моечного озера. Однако два других кургана из той же группы выделялись единичными захоронениями, а также погребениями лошадей [18]. По этим двум признакам отмеченные захоронения резко отличаются от типичных срубных. Один из этих курганов (№ 5) представляет большой интерес. В нем был погребен, по-видимому, родовой старейшина. Его сопровождали два убитых коня, из которых один был взнуздан. Курган был обложен массивными бревнами и сверху присыпан землей. Ряд черт в обряде погребения и в первую очередь захоронения коней являются новыми и чуждыми для племен срубной культуры этой части Поволжья; в то же время они прослеживаются далее к югу, например в кургане близ с. Усатово [19] Саратовской области, в Быковском кургане [20] Астраханской области. Отмеченный выше курган, судя по находкам совершенно однотипных костяных псалиев, был оставлен населением I Моечного поселения.

Богатая и яркая культура этого поселения, связанная многими чертами в керамическом материале с западноказахстанскими памятниками, а в металлических изделиях — с северокавказскими, заметно отличается от других поселений долины р. Усы. Можно высказать предположение, что жители этого поселения, уже владевшие верховым конем, продвинулись на Усу из южных районов. Для выявления локальных особенностей, позволяющих говорить о племенном членении территории срубной культуры, большое значение имеет изучение керамического материала.

В вопросах синхронизации отдельных поселений долины р. Усы помогает Комаровское поселение у Моечного озера (I Моечное поселение). Его единый, относительно мощ-

[13] Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской, стр. 24, 25; рис. 9, *2*, *3*.
[14] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 222, 223.
[15] Там же, стр. 213.
[16] В. П. Шилов. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, 59, 1955, стр. 118 и сл.; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 126, 127.
[17] Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 145 и сл.
[18] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, стр. 91 и сл.
[19] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Ученые записки Саратовского университета, т. XVII (вып. историч.), 1947, стр. 98.
[20] К. Ф. Смирнов. О погребении с конями и трупосожжениях в эпоху бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXXVII, 1957, стр. 209.

ный культурный слой, расчлененный по глубинам (по штыкам в 20 см), позволил в общих чертах выявить ряд хронологических изменений в керамическом материале [21]. Сравнительный анализ других поселений дает возможность определить специфические черты для данного района.

Пользуясь имеющимися в настоящее время характеристиками отдельных стадий срубной культуры [22], предварительно наметим хронологическое членение описываемых ниже поселений. Наиболее древнее из них, возможно, относящееся к рубежу полтавкинской и срубной культур, расположено на дюне Борок. К развитой срубной культуре принадлежат 2 поселения — Анновское и II Воскресенское, к хвалынскому периоду — Муранское поселение.

Для выявления специфических особенностей в керамике отдельных поселений применен статистический метод. В подсчет вошли только орнаментированные обломки шеек от заведомо разных сосудов. Поэтому материал оказался не столь значительным. Несомненно, при накоплении материала неорнаментированные сосуды также покажут ряд хронологических особенностей. Следует лишь отметить, что в нижних горизонтах культурного слоя (штыки 4—6) I Моечного поселения неорнаментированных фрагментов шеек было заметно больше, чем орнаментированных.

Прежде чем перейти к характеристике каждого из поселений, попытаемся выявить путем сопоставлений специфические черты в орнаментации сосудов каждого из них. Подсчет количества сосудов с тем или иным элементом орнамента показал некоторую хронологическую закономерность. В табл. 1 к рубрике «Ямочный орнамент» отнесены сосуды, не имеющие другого орнамента; в другие же рубрики включены сосуды с одним элементом орнамента, а также и в сочетании с другими (ямочным или нарезным), но не являющимися доминирующими в узоре.

Из табл. 1 видно, что количество сосудов, орнаментированных только ямками и зубчатыми штампами с квадратными, четко разграниченными зубцами крупного и среднего размера (рис. 2, *8;* рис. 1, *9*), в более древних напластованиях больше, чем в более поздних (в штыке 2 I Моечного и Муранского поселений). Особенно показателен крупнозубчатый орнамент: в поздних слоях он встречается значительно реже; изменился и характер его зубцов — они стали плоскими и низкими. Мелкозубчатый орнамент также заметно изменился. Очевидно, это связано с применением штампа иного типа. На керамике более древних слоев мелкозубчатый орнамент нанесен гребенчатым штампом с одинаковыми зубцами (рис. 1, *1*). В более поздних слоях на сосудах часто бывают зубцы разного размера, или имеется узкая углубленная полоса с узкими же перегородками на дне. Изменился и характер ямочного орнамента: крупные миндалевидные или удлиненные ямки (рис. 2, *2, 3*) в более позднее время стали неправильно округлыми (рис. 2, *4*) или подтреугольными, нанесенными углом плоского предмета. Распространились в составе сложного узора ямки, сделанные концом гребенчатого или нарезного штампа. В более поздних слоях обращает на себя внимание некоторое уменьшение количества сосудов с нарезным орнаментом.

Как известно, одним из характерных признаков, позволяющих относить тот или иной керамический комплекс к хвалынской стадии срубной культуры, является орнаментация сосудов валиками. Из табл. 1 видно, что на I Моечном поселении начиная с нижних горизонтов культурного слоя, относящихся к развитой срубной культуре, прослеживается постепенное увеличение количества сосудов с этим видом орнамента. Появление сосудов с валиками в столь раннее время представляет большой интерес. Однако для каких-либо выводов требуются дополнительные наблюдения. Очевидно, также поздним признаком следует считать орнаментацию только обреза сосуда (Муранка). В этом отношении верхний горизонт I Моечного поселения не показателен, так как здесь распространены шейки с утонченным и заостренным краем. Переход орнамента с шейки на край сосуда является признаком начавшейся редукции орнамента. Подтверждение этому можно найти в нижнем горизонте I Моечного поселения, где, несмотря на большое количество неорнаментированных шеек, ни на одной из них нет орнамента по обрезу, в то время как почти на одной трети орнаментированных сосудов они имеются (табл. 2).

[21] А. Е. Алихова. Комаровское поселение..., стр. 157 и сл.

[22] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье... МИА, № 46, 1955, стр. 9 и сл.

Таблица 1

Распространенность элементов орнамента
(в процентах)

Орнамент	I Моечное поселение			Борок	Анновка	II Воскресенское поселение	Муранка
	штыки						
	4—6	3	2				
Ямочный	22	14	14	31	26	35	14
Крупнозубчатый	29	36	10	33	24	25	8
То же, слабо выраженный	—	2	2	—	—	6	2
» » с частыми зубцами	—	—	5	—	—	—	2
Среднезубчатый	2	8	—	—	14	—	8
То же, слабо выраженный	—	5	2	—	—	—	17
» » с частыми зубцами	—	—	5	—	—	—	2
Мелкозубчатый	5	—	12	13	—	3	—
Зубчатый нечеткий	2	6	2	—	—	3	5
Гладкий (заглаженный щепкой)	7	5	12	—	5	3	—
Шнуровой	3	—	—	—	—	—	—
Нарезной	24	7	10	21	26	25	12
Валик гладкий	2	5	5	—	—	—	—
» с насечками	—	—	2	—	—	—	—
» с зубчатым орнаментом	—	—	2	—	—	—	—
Кольцевой	2	1	—	2	—	—	—
Бугорковый	—	1	3	—	—	—	—
Желобчатый	2	—	10	—	—	—	—
Только по краю:							
пальцевой	—	1	2	—	—	—	5
насечки	—	1	2	—	—	—	—
зубчатый	—	2	—	—	—	—	7
ямки	—	—	—	—	5	—	3
перевитая веревочка	—	—	—	—	—	—	2

В орнаменте по обрезу края обращает на себя внимание в древних напластованиях орнаментация рядами параллельных насечек, а в более позднем Муранском поселении — зигзагами — узором, наиболее типичным для предшествующего времени и перешедшим позже на обрез сосуда. Знаменательно появление орнамента в виде пальцевых вдавлений, характерных для последующего скифского времени.

Хронологические особенности выявляются также в типе узора, нанесенного на шейке сосуда. К основным типам узора относятся зигзагообразные линии (рис. 3, *9*), параллельные наклонные линии (рис. 2, *13*), горизонтально расположенный елочный узор (рис. 1, *9*), фигуры ромбов и ряды заштрихованных треугольников (рис. 1, *1*).

Табл. 3 отражает хронологические особенности и специфику каждого из поселений. Отмечается распространенность елочного узора, типичного для полтавкинской культуры, в более древнем поселении Борок, а в нижнем горизонте I Моечного поселения — мало типичных для срубной культуры ромбов и треугольников. Прослеживается распространенность в более древних комплексах зигзагообразного узора, а в более поздних (Муранском и во 2 штыке I Моечного поселения) — узора из наклонных линий.

Указанные в табл. 3 узоры часто встречаются в комбинации с линейным или ямочным орнаментом, нередко нанесенным концом того же штампа, что и основной узор. Крайне редко попадаются комбинации двух или трех основных узоров. Степень распространенности простого (ямочного, линейного,

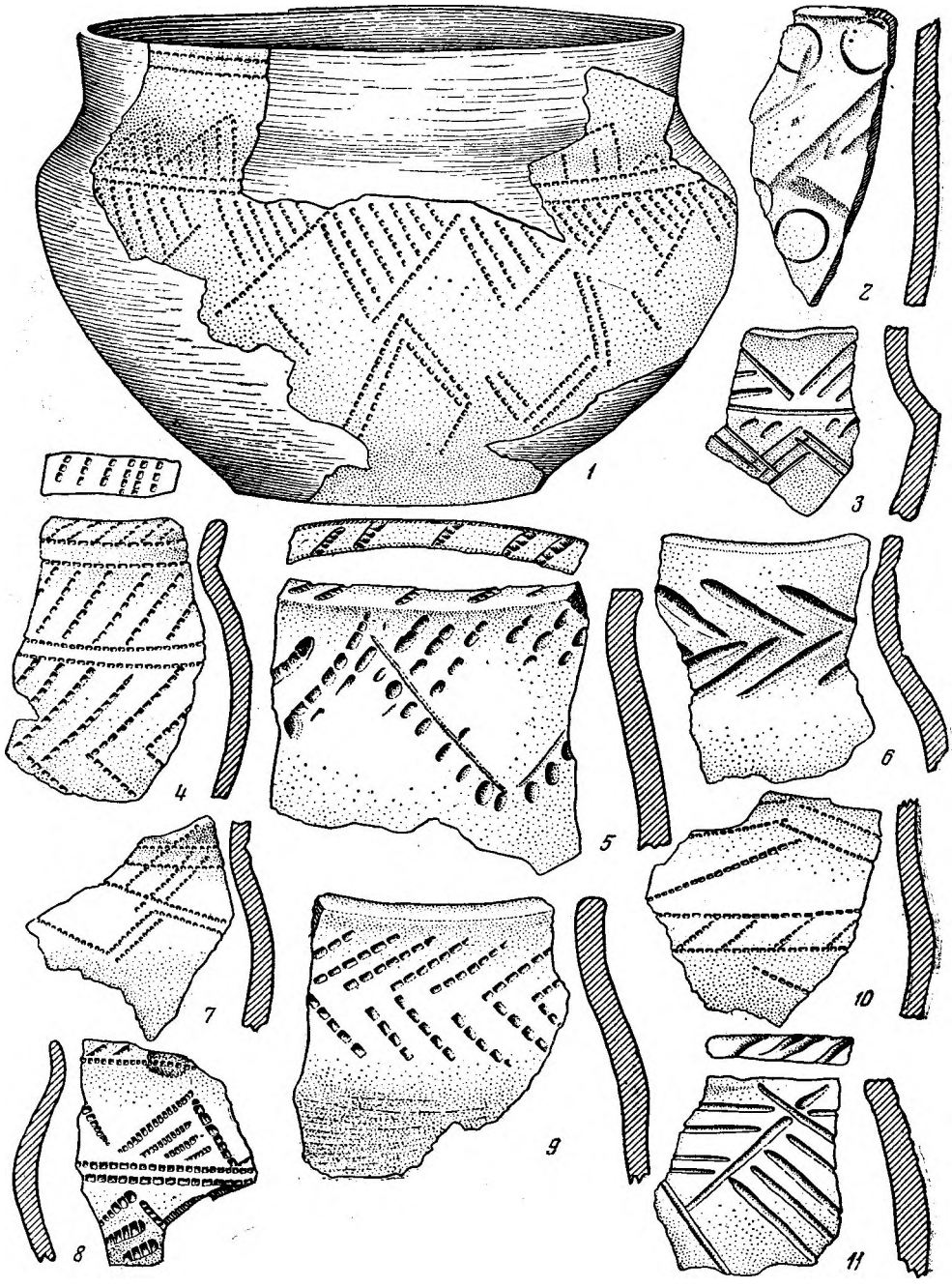


Рис. 1. Керамика поселения Борок (*1—11*).

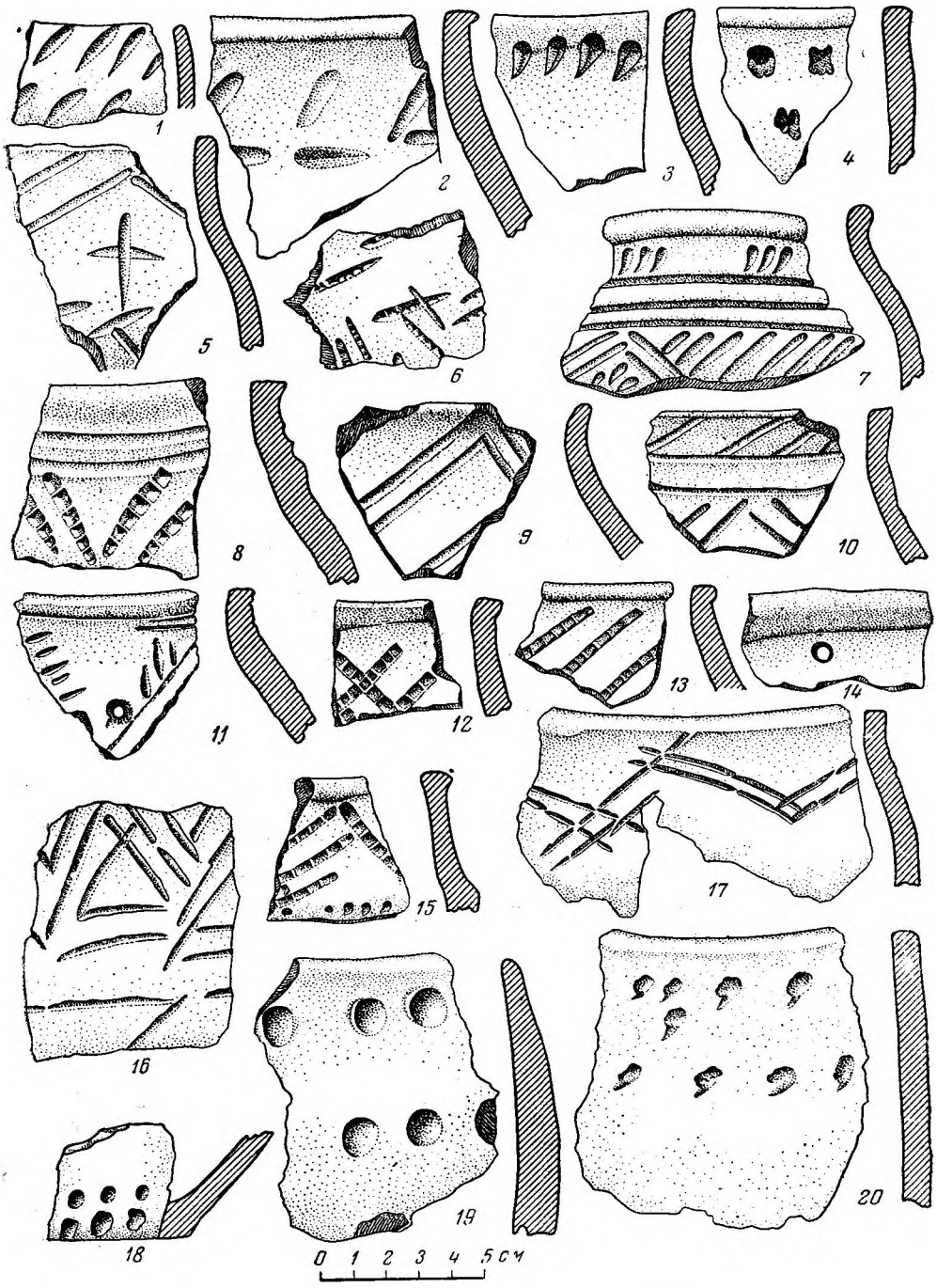


Рис. 2. Керамика Анновского поселения (*1—15*).
Керамика поселения Борок (*16—20*)

Таблица 2

Узор по обрезу орнаментированных шеек сосудов
(в процентах)

Узор	I Моечное поселение			Борок	Анновка	II Воскресенское поселение	Муранка
	штыки						
	4—6	3	2				
Зигзаг зубчатый	4	3	2	—	3	—	9
» нарезной	—	—	4	—	—	—	2
Насечки зубчатые	2	9	—	6	8	—	2
» гладкие	22	2	—	4	3	—	—
Ямки	2	—	4	—	8	—	2
» пальцевые	—	2	—	—	—	—	2
Елочка	—	—	—	—	—	—	2
Перевитая веревочка	—	—	—	—	—	—	2
Итого	30	16	10	10	22	—	21

зигзагообразного и т. д.) и комбинированного узора на керамике различных поселений приведена в табл. 4.

Табл. 4 дает наглядное представление о своеобразии I Моечного поселения, выделяющегося большим богатством узоров. Здесь количество сосудов с более сложными узорами заметно преобладает. Остальные поселения, за исключением Муранского, наоборот, отличаются простотой узоров на сосудах. На Муранском поселении число сосудов с комбинированным узором больше, чем с простым. Однако обращают на себя внимание отсутствие более сложных узоров, состоящих из комбинации 3 узоров, и высокий процент сосудов, орнаментированных только по краю. По сравнению с I Моечным поселением Муранское выделяется довольно большим количеством сосудов, украшенных валиками.

Из всех встреченных комбинаций орнамента следует остановиться на очень распространенном на Усинских поселениях узоре, почти стандартном для остроребериых сосудов и производных от них форм, не имеющих ясно выраженного ребра. Для этого узора характерна одна особенность — размещение его по плечу и тулову ниже ребра или самого широкого места. По этому поводу О. А. Кривцова-Гракова пишет в своей работе: «Даже наиболее сложный орнамент остроребериых и некоторых баночных сосудов почти никогда не спускается ниже ребра» [23].

Описываемый нами узор состоит из одной, но чаще всего из двух горизонтальных полос, расположенных по ребру или самому широкому месту сосуда; выше их — по шейке и ниже — по тулову размещены треугольники, иногда дополненные другими узорами [поселение Борок (рис. 1, *3, 8, 10*)], I Моечное поселение [24]; из памятников в других районах Куйбышевской области можно указать на Кинель-Черкасы [25] и Солонцовское селище [26]. Изредка выше и ниже двух горизонтальных линий располагается какой-либо другой узор [поселение Борок (рис. 1, *4*), Воскресенский курган (рис. 6, *5*), I Моечное поселение [27]]. Значительная часть остроребериых сосудов на I Моечном поселении орнаментирована по этой схеме. Возможно, в эту же группу следует включить 2 сосуда из Чкаловской области, по поводу которых О. А. Кривцова-Гракова пишет: «Два крупных остроребериых сосуда имеют более

[23] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 30.
[24] А. Е. Алихова. Комаровское поселение..., рис. 13,*1*; рис. 14, *1, 4*.
[25] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 32, рис. 5, *20*.
[26] Там же, стр. 34, рис. 6, *11*.
[27] А. Е. Алихова. Комаровское поселение..., стр. 163, рис. 5, *4*.

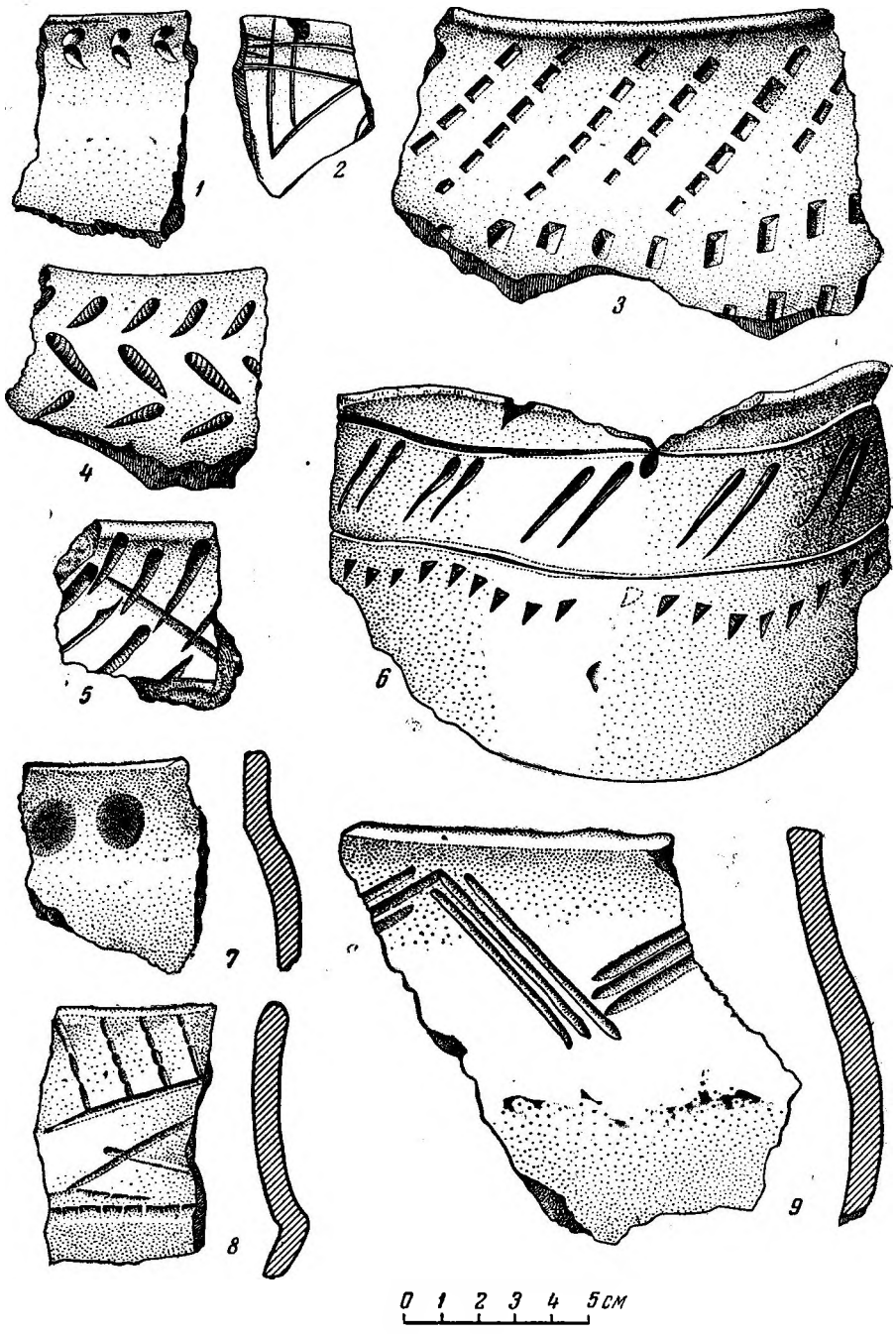


Рис. 3. Керамика II Воскресенского поселения (*1—9*).

Таблица 3

Распространенность основных типов узора на сосудах
(в процентах)

Тип узора	I Моечное поселение			Борок	Анновка	II Воскресенское поселение	Муранка
	штыки						
	4–6	3	2				
Зигзагообразный узор:							
ямочный	—	—	—	—	—	3	—
зубчатый	5	30	2	8	14	12	6
нарезной	10	—	—	11	20	9	2
нанесенный щепкой	5	1	2	—	—	—	—
Итого	20	31	4	19	34	24	8
Елочный узор:							
ямочный	—	1	—	—	8	6	—
зубчатый	—	9	—	15	—	3	—
нарезной	—	—	4	2	—	3	3
нанесенный щепкой	—	—	2	—	—	—	—
Итого	—	10	6	17	8	12	3
Наклонные линии:							
ямочные	—	—	—	—	—	—	—
зубчатые	—	5	7	11	10	8	10
нарезные	—	—	—	4	—	3	3
нанесенные щепкой	—	1	2	—	5	3	—
Итого	—	6	11	15	15	14	13
Треугольники:							
зубчатые	7	5	10	2	5	3	—
нарезные	5	2	—	—	—	—	—
Итого	13	7	10	2	5	3	—
Ромбы:							
зубчатые	10	4	2	4	2	3	—
нарезные	2	—	—	—	—	3	—
Итого	12	4	2	4	2	6	—

сложный орнамент, расположенный, как обычно, выше ребра»[28]. Но, учитывая, что излом прошел как раз под ребром сосуда, не исключено, что узор продолжался и ниже по тулову. Проведенный анализ орнаментации керамики части Усинских поселений дает наглядное представление о ее хронологических вариациях и выявляет особенности отдельных поселений.

Керамика поселения Борок, выделяющаяся некоторым количеством сосудов, близких по форме полтавкинским (см. ниже), сближается с ними и другими чертами. К этим особенностям следует отнести орнаментацию сосудов гребенчатым штампом с четко выраженными зубцами, а также сохранение

[28] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 36 и 37, рис. 6 и 7.

Таблица 4

Характер узора на сосудах

(в процентах)

Узор	I Моечное поселение			Борок	Анновка	II Воскресенское поселение	Муранка
	штыки						
	4–6	3	2				
Простой:							
ямочный	22	15	14	31	26	35	14
1 тип узора	19 } 41	29 } 44	19 } 33	40 } 71	43 } 69	44 } 79	12 } 26
Комбинированный:							
2 типа узора	39	33	31	10	11	12	29
3 » »	12 } 51	8 } 44	10 } 51	8 } 22	5 } 18	3 } 15	— } 31
сложный узор	—	3	10	4	2	—	2
Орнамент только по венчику	—	4	4	—	5	—	17
Валик	2	5	10	—	—	—	15
Другой орнамент	2	3	2	2	—	—	—
Узор неясен	6	—	—	5	8	6	11

мелкозубчатого орнамента (см. табл. 1) и елочного узора, нанесенного гребенчатым штампом. Правда, елочный узор сохранился здесь уже в редуцированном виде — в качестве горизонтальной полосы, расположенной в верхней части сосуда (см. табл. 3). Обращает на себя внимание также меньшая, по сравнению с другими рассмотренными поселениями р. Усы, распространенность зигзагообразного узора, который, очевидно, стал широко применяться в памятниках развитой срубной культуры (см. табл. 3).

Особенно наглядно выступает из всех приведенных таблиц своеобразие в орнаментации сосудов хвалынского периода (Муранское и штык 2 I Моечного поселения): уменьшение количества сосудов, орнаментированных только ямками и крупнозубчатым штампом; распространение нового вида орнамента в виде валиков; значительное уменьшение числа сосудов, украшенных зигзагами (см. табл. 3); более широкое использование орнамента в виде горизонтальных и наклонных линий; изменение соотношения количества сосудов с простым и комбинированным узорами (см. табл. 4).

Следует заметить, что процент комбинированных узоров значительно выше, чем указано в табл. 4, так как сюда должны быть включены и сосуды с валиками, орнаментированными также насечками или гребенкой.

Очевидно, средневолжской особенностью нужно считать довольно распространенную орнаментацию обреза сосудов (см. табл. 2), которая, как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, в срубной культуре встречается редко [29]. Нельзя также не указать еще на две особенности — утолщение края венчика снаружи и небольшое лощение сосудов, встречаемое по краю сосуда и на боках (табл. 5). Эта черта, как считает О. А. Кривцова-Гракова, совершенно отсутствует на сосудах всех срубных поселений — и ранних, и поздних [30].

При анализе материала с Усинских поселений четко выступает своеобразие I Моечного поселения. Начнем с формы сосудов.

Ниже дано распределение сосудов горшечной формы по поселениям (в %):

I Моечное поселение			Борок	Анновка	II Воскресенское поселение	Муранка
штыки 4–6	штык 3	штык 2				
30	18	38	12	—	—	20

Эти данные, как и данные в приведенных выше таблицах, четко делятся на две части. На поселениях Борок I, Анновском, II Воскресенском и Муранском прослеживается

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 37.

[30] Там же, стр. 28.

Таблица 5

Распространенность утолщения края венчика и лощения сосудов
(в процентах)

Утолщение края венчика снаружи (А) и лощение сосудов (Б)	I Моечное поселение			Анновка	II Воскресенское поселение	Муранка
	штыки					
	4–6	3	2			
А	7	13	7	26	15	17
Б	5	1	9	—	9	2

единая линия в развитии орнаментики сосудов, заметно отличающаяся от наблюдаемой на I Моечном поселении, правда, во многом выявляющая одни и те же хронологические изменения. Своеобразие керамики I Моечного поселения выражается в распространении сосудов горшечной формы с четко выраженной шейкой [31] или с отогнутым краем и сильно расширенным туловом [32], в наличии сосудов с «воротничком» [33] и одного сосуда с уступчиком на плече [34], в присутствии в одном случае орнамента, нанесенного белой пастой, в узорах, имеющих вид каннелюр и жемчужин, и особенно в богатстве орнамента (см. табл. 4).

Своеобразие этого поселения заключается не только в формах и орнаменте сосудов, но также в обилии бронзовых изделий и в характере культурного слоя, выделяющегося более светлой, пепельной окраской. Однако самая главная особенность I Моечного поселения — это резко отличающийся погребальный обряд, с захоронениями коней, совершенно отсутствующий в памятниках срубной культуры. Это захоронение, а также форма костяных псалиев, встреченных в нем и на поселении, находят параллели на нижней Волге. Возможно, I Моечное поселение принадлежало одному из расположенных южнее племен срубной культуры, продвинувшемуся к северу.

Для решения этого вопроса, так же как для выяснения границ распространения племени, оставившего усинские памятники, необходимо провести аналогичный анализ материалов из памятников соседних областей.

Изучение орнаментации в первую очередь позволяет установить определенную хронологическую последовательность существования рассматриваемых памятников. Наиболее древним из них следует считать поселение на дюне Борок (это мнение обосновывается ниже, при описании памятника); Анновское и II Воскресенское поселения синхронизируются с четвертым и — отчасти — третьим штыками I Моечного поселения; Муранское поселение, судя по всему, немного древнее верхнего слоя Моечного поселения.

ПОСЕЛЕНИЕ НА ДЮНЕ БОРОК

Дюна Борок расположена северо-восточнее с. Комаровка, на расстоянии 3 км от I Моечного поселения, вниз по течению реки. На юго-западном конце дюны, имеющей в этом месте высоту 4 м, на южном склоне были обнаружены следы поселения эпохи бронзы. Здесь перед дюной расположена небольшая площадка шириной 60 м (в самом широком месте), по-видимому, являющаяся остатком надлуговой террасы, возвышающейся на 3 м. По ее краю протекает пересыхающий летом ручей. Вероятно, когда поселение было обитаемо, здесь протекала р. Уса, от которой сохранились недалеко от поселения большое Боровое озеро и цепь более мелких озер, вытянутых вдоль дюны.

Тонкий культурный слой (толщиной 0,15—0,2 м) залегал непосредственно под дерновым слоем. Он прослеживался лишь в средней части склона и представлял, возможно, остаток жилища. Ни на верхней части дюны, ни на площадке перед ней культурного слоя нет. На последней в шурфах встречены лишь отдельные кремневые отщепы. Поселение удалось найти в заключительный день работы экспедиции, поэтому была вскрыта лишь незначительная площадь (32 кв. м). Слой, несмотря на малую толщину, был насыщен керамическим материа-

[31] А. Е. Алихова. Комаровское поселение..., стр. 170, рис. 10, *2*; рис. 16.
[32] Там же, рис. 10, *1, 3*.
[33] Там же, рис. 11, *3, 5*.
[34] Там же, рис. 11, *6*.

лом. Здесь собраны шейки от 57 сосудов, из которых удалось реставрировать один (рис. 1, *1*). Основную массу составляют крупные толстостенные (8—10 мм) сосуды со сравнительно гладкой поверхностью. Сосудов с поверхностью, заглаженной зубчатым штампом, обнаружено очень мало. Преобладающее большинство сосудов вылеплено из глины с незначительной примесью угловатых прокопченных зерен,— возможно, мергеля, который прослежен в нескольких случаях; судя по материалам соседнего поселения у Моечного озера, расположенного в 3 км, эта примесь довольно типична для описываемого района. В единичных случаях встречены сосуды из хорошо промешанной глины без примеси.

По форме сосуды распадаются на следующие 3 группы: баночные, остроребериые и горшки. Баночные сосуды по форме края в свою очередь могут быть разделены на следующие виды: 1) с невыделенной шейкой (условно назовем их сосудами с прямым краем); 2) с загнутым внутрь краем; 3) со слабо отогнутым краем и мало расширенным туловом. О сосудах горшечной формы дает наглядное представление единственный реставрированный сосуд. Это низкий широкогорлый горшок со сравнительно высокой шейкой и округлыми, хорошо выраженными плечиками, орнаментированный по всей поверхности мелкозубчатой гребенкой (рис. 1, *1*). Из всей серии сосудов горшечной формы выделяются 2 сосуда с резко отогнутой наружу шейкой и хорошо выраженными плечиками. У них внутри, в месте перегиба шейки, проходит острая грань (типа керамики I Моечного поселения, рис. 16, *5*).

Наиболее распространенной формой являются баночные сосуды с невыделенной шейкой и прямым краем; они составляют больше половины всех встреченных сосудов (табл. 6). Преобладающее большинство сосудов орнаментировано. У баночных сосудов орнамент украшает лишь верхнюю часть и изредка — край; у остроребериых и горшечных сосудов орнамент располагается по шейке и спускается на тулово (рис. 1, *1, 3, 4, 8, 10*). В одном случае сосуд был украшен у дна 2 рядами ямок (рис. 2, *18*).

Из табл. 6 видно, что наиболее распространенный элемент орнамента — ямочный. На втором месте — крупнозубчатая гребенка. Следует обратить внимание также на

Таблица 6

Соотношение различных форм сосудов и типов орнамента

Орнамент	Общее количество		Баночные сосуды			Остроребериые сосуды	Горшки
	штук	%	с прямым краем	с загнутым внутрь краем	с отогнутым наружу краем		
Ямочный	16	28	15	1	—	—	—
Крупнозубчатый	15	26	7	6	2	—	—
Двузубчатый	1	2	1	—	—	—	—
Мелкозубчатый	7	12	—	—	—	1	6
Нарезной	11	20	4	3	2	1	1
Кольцевой	1	2	1	—	—	—	—
* * *							
Сосуды без орнамента	5	10	3	1	1	—	—
	—	—	56%	20%	8,5%	3,5%	12%

сочетание определенной формы сосудов и элементов орнамента. Так, ямочный орнамент характерен исключительно для баночных сосудов с прямым краем, а мелкозубчатый — для горшечной формы. Остроребериые сосуды украшались мелкозубчатым или нарезным орнаментом.

Ямочный орнамент обычно состоит из одного и — значительно реже — из двух рядов косо расположенных овальных или удлиненных ямок, нанесенных косо поставленным к поверхности сосуда штампом (типа керамики Анновского поселения; рис. 2, *1, 3*). В двух случаях орнамент был выполнен тем же способом, но круглым штампом, причем у углубленного края образовался валик из глины (рис. 2, *19*). В одном случае орнамент был нанесен предметом неправильной формы (рис. 2, *20*).

Орнамент, выполненный гребенчатым крупнозубчатым штампом, представляет собой чаще всего елочный горизонтальный узор (рис. 1, *9*), несколько реже — ряды косо расположенных параллельных отпечатков и еще реже — узор в виде зигзага. Лишь в одном случае наблюдался более сложный и в то же время довольно четкий узор, состоявший из выполненного, по-видимому, гладким штампом зигзага, обрамленного снаружи ямками и отчасти заполненного косо расположен-

ными рядами гребенчатого орнамента (рис. 1, *5*). Орнамент, нанесенный мелкозубчатым штампом, по своей композиции у большей части сосудов напоминает характерный для остроребериых сосудов узор: по плечу идут 2 горизонтальных полосы, а вверх и вниз от них располагаются часто заштрихованные треугольники (рис. 1, *1, 8, 10*). Из этой группы выделяется один сосуд, у которого вместо треугольников в верхней части сосуда нанесен ряд наклонных параллельных линий, а внизу — елочный узор; но главное его отличие заключается в орнаментации внутренней стороны отогнутого венчика (рис. 1, *4*).

Нарезной орнамент представлен в виде расположенного на шейке горизонтального елочного узора (рис. 1, *6*), зигзагообразной полосы (рис. 2, *17*), заштрихованных треугольников и ромбов (рис. 1, *3, 11*). Степень распространения различных узоров показана в табл. 3.

Переходя к датировке описанного поселения, следует обратить внимание на реставрированный сосуд. По форме, характеру орнамента и его распределению на всей площади сосуда последний может быть отнесен к раннему этапу срубной культуры, возможно,— к самому концу полтавкинской стадии. Сравнительно большой процент близких по форме сосудов (рис. 1, *4, 6, 7, 8*), распространенность мелкозубчатого и наличие кольцевого орнамента (рис. 1, *2*) — признаков, характерных для полтавкинской стадии,— позволяют считать поселение Борок одним из более ранних в числе известных на Усе и датировать его самым концом полтавкинской стадии или началом срубной.

I АННОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение находится на левом берегу р. Усы с восточной стороны дер. Анновка, на небольшой дюне площадью 160×130 м. На одном из выдувов в северной части дюны на поверхности встречено большое количество обломков керамики, осколков кремня и фрагментов костей. Культурный слой обнаружен в юго-западной части дюны; он был прикрыт тонким слоем наносного песка толщиной 0,1—0,3 м. Под слоем балласта залегал темный песчаный культурный слой мощностью 0,6—0,7 м. Его подстилала темно-серая супесь, постепенно переходившая в красновато-коричневую. Шурфы дали незначительное количество преимущественно неорнаментированной керамики и обломков костей. Материал настолько незначителен, что на основании его трудно решить вопрос, являются ли два исследованных пункта остатками одного и того же поселения, или они разновременны.

Судя по обломкам керамики, все сосуды сделаны из глины с примесью шамота и небольшого количества мелкого песка. Часть сосудов сглажена при формовке мягким предметом, поэтому поверхность у них гладкая; другие же несут следы сглаживания зубчатым штампом. Толщина стенок различных сосудов колеблется в пределах 6—10 см.

Основная форма сосудов — баночная, лишь различно оформленная в верхней части. Первое место по количеству занимают сосуды с короткой, слабо выраженной шейкой и низко опущенными плечиками (рис. 2, *2, 8, 11*). Это преимущественно большие толстостенные сосуды (8—10 мм), мало отличающиеся от типичных баночных сосудов.

Бо́льшая часть сосудов орнаментирована, причем орнамент располагался по верху стенки и по обрезу сосуда (табл. 2 и 7). К наиболее распространенным элементам орнамента относятся гребенчатый и ямочный, на третьем месте — нарезной (табл. 1).

Ямочный орнамент представляет обычно один или два ряда ямок, опоясывающих сосуд близ края (рис. 2, *1, 2*). В зависимости от характера штампа и способа нанесения орнамента намечается несколько типов ямочного орнамента. Чаще всего встречаются ладьевидные ямки, т. е. удлиненные, остродонные и суженные к концам (рис. 2, *1*), в одном случае был орнаментирован лишь срез венчика.

Другой тип ямок — это миндалевидные с округлым дном, распространенные на крупных толстостенных сосудах (рис. 2, *2*). Третий тип ямок — редкий и, по-видимому, более поздний: ямки — неправильно округлой формы, с неровным мелким дном (рис. 2, *4*).

Подобный орнамент отмечен всего в двух случаях на одном крупном сосуде баночной формы, найденном в шурфе 1, а в другом случае им был украшен только обрез венчика.

Четвертый тип ямок встречается в памятниках этого времени довольно редко. Ямки наносили концом палочки или гребенчатого штампа, расположенным под углом к поверхности сосуда. В результате получалась ямка с одним более углубленным концом и другим — пологим (рис. 2, *7, 11*). Этот тип ямок попадается в сочетании с нарезным и гребенчатым орнаментом и входит обычно в состав более сложного узора.

Гребенчатый орнамент встречен на половине всего количества сосудов. Наиболее типичен орнамент, нанесенный крупнозубчатым штампом; изредка бывают отпечатки и мелкозубчатого. Иногда гребенчатый орнамент едва различим, и его можно спутать с нарезным. В этом случае он имеет вид глубокой линии с чуть заметными частыми зубцами на дне (рис. 2, *6*). Орнамент обычно располагается на шейке, но изредка он спускается и на плечики. Простейший вид узора — это ряд наклонных параллельных отпечатков гребенки, опоясывающий горло сосуда (рис. 2, *13*). Другой тип узора — однорядная или двурядная зигзагообразная линия, иногда образующая при пересечении концов фигуру ромба (рис. 2, *8, 12, 15*). Изредка встречается сочетание обоих типов узора. В некоторых случаях узор усложняется тем, что углы, образованные зигзагообразной линией, заполняются параллельными отпечатками, и получаются заштрихованные треугольники (рис. 2, *15*). Иногда гребенчатый орнамент сочетается с нарезным и ямочным (рис. 2, *8, 15*). В 3 случаях на сосудах с гребенчатым орнаментом был также орнаментирован и обрез венчика.

Нарезной орнамент представлен на сравнительно небольшом количестве сосудов. Наиболее распространенный тип узора — одинарная или парная зигзагообразная линия (рис. 2, *9*). В углах, образованных зигзагами, иногда располагается какой-либо рисунок (рис. 2, *11*); в одном случае это была фигура креста (рис. 2, *5*). Нарезной орнамент, в сочетании с другим типом орнамента, чаще всего представляет собой одну или несколько горизонтальных линий, опоясывающих сосуд по границе шейки и стенки (рис. 2, *7, 8, 11*).

Отмечен еще один редкий тип орнамента — в виде мазков. Аналогичный орнамент встречен на 2 сосудах на I Моечном поселении.

Таблица 7

Соотношение различных типов орнамента

Тип орнамента	Общее количество	Баночные сосуды				Остроребер-ные сосуды	Горшки
		с прямым краем	с загнутым внутрь краем	со слабо выраженной шейкой	с отогнутым краем		
Ямочный	10	6	—	4	—	—	—
Крупнозубчатый	9	2	—	7	—	—	—
Среднезубчатый	7	3	—	3	1	—	—
Со слабо выраженными зубцами	2	—	—	2	—	—	—
Нарезной	3	2	—	1	—	—	—
Мазки	5	2	—	3	—	—	—
Итого	36	15	—	20	1	—	—

Приведенный анализ керамики показывает, что на I Анновском поселении распространены сосуды, украшенные крупными ямками и крупнозубчатой гребенкой, причем для последних характерен утолщенный и оттянутый кнаружи край сосуда.

Время существования этого поселения относится к развитой срубной культуре, к ее 1-му этапу, по О. А. Кривцовой-Граковой [35].

II ВОСКРЕСЕНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Расположено на правом берегу р. Усы, несколько выше I Воскресенского поселения по ее течению, на расстоянии $^3/_4$ км от последнего, на первой надпойменной террасе на высоте около 4 м от современной поймы, близко от русла реки. Селище обнаружено

[35] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., гл. 1.

участником Куйбышевской археологической экспедиции старшим научным сотрудником Куйбышевского музея К. Н. Муромцевой.

Раскопки поселения носили разведочный характер. Здесь были заложены 2 шурфа и произведена зачистка края террасы для выяснения размеров памятника. Выявилась довольно однообразная стратиграфия: культурный слой, сильно изрытый кротовинами, представляет собой темно-серую супесь, доходящую до глубины 0,9—1 м; его подстилает плотный серовато-желтый суглинок. В целом поселение очень небольшое: в длину оно занимает всего около 80 м. В результате раскопок собран керамический материал.

Для описываемого поселения характерны сосуды, вылепленные из глины с примесью значительного количества крупнотолченого шамота и изредка — мергеля, придававших поверхности несколько грубоватый вид. Некоторые сосуды, преимущественно украшенные гребенчатым орнаментом, были сглажены и снаружи, и внутри тем же штампом. Сглаживание мелкозубчатым штампом носило орнаментальный характер.

Большую группу образуют сосуды со сравнительно гладкой поверхностью. Чрезвычайно редко применялось лощение сосудов; оно прослежено всего на 3 фрагментах. Сосуды отличались довольно большой толщиной стенок, преимущественно 8—10 мм. Очень редко встречались более тонкостенные (до 6 мм) и более толстостенные (до 1,5 см) сосуды.

Основная форма сосудов баночная (табл. 8). Размеры сосудов, судя по диаметру горла, колебались от 14 до 35 см при довольно широком днище (11—13 см). Почти все сосуды орнаментированы.

Наиболее многочисленную группу составляют сосуды с гребенчатым орнаментом, который отличается большим разнообразием, зависящим от характера штампа. Наиболее распространен штамп с крупными, квадратными или прямоугольными зубцами типа характерного для Анновского поселения (рис. 2, *8, 12, 13*). На некоторых сосудах орнамент, по-видимому, наносили деревянным штампом. В этом случае он имеет вид гладкого штампованного орнамента, но с едва заметными зубцами на его стенках, точнее,— следами волокон дерева (рис. 3, *5*). Мелкозубчатый штамп встречается сравнительно редко. На сосудах с гребенчатым орнаментом наиболее распространен узор в виде зигзагообразной линии. Иногда попадаются заштрихованные треугольники типа орнаментики на поселении Борок (рис. 2, *1*).

Изредка отмечается узор из ряда вертикальных или наклонных параллельных отпечатков гребенки (рис. 3, *3*). На некоторых мелких фрагментах сосудов бывает трудно уловить характер узора (рис. 3, *8*).

Ямочный орнамент наносили чаще всего углом какого-либо предмета, возможно,— гребенчатого штампа, так как в некоторых случаях на дне ямок можно проследить слабые отпечатки зубчиков. Ямки на этих сосудах обычно миндалевидной или удлиненной формы, со стенками, сходящимися под острым углом ко дну (рис. 3, *4*). От этого типа ямок резко отличаются встреченные на двух толстостенных сосудах крупные, неправильно-круглые неглубокие ямки с неровным округлым дном — типа, отмеченного на I Анновском поселении (рис. 2, *4*). Особую группу образуют ямки, нанесенные справа налево, типа орнаментики посуды на поселении Борок (рис. 2, *19*). В одном случае ямки были сделаны тем же способом — концом крупнозубчатого штампа (типа керамической орнаментики I Моечного поселения) [36]. Округлые ямки опоясывали сосуд по краю (рис. 3, *7*). Удлиненные ямки располагались обычно наклонно, под углом, к краю сосуда, в один, два или три ряда (рис. 3, *1, 4*).

Следующую группу образуют сосуды, украшенные нарезным орнаментом. Однако следует заранее оговориться, что под нарезным орнаментом мы также подразумеваем и штампованный орнамент. Здесь встречаются узор в виде зигзагообразной линии, опоясывающей сосуд (рис. 3, *9*), и изредка — заштрихованные треугольники. В некоторых случаях концы штрихов зигзагообразной линии пересекаются, образуя более сложный узор (рис. 3, *2*). На одном сосуде встречен орнамент в виде елочки, на другом — нарезной орнамент в сочетании с ямками, нанесенными углом того же штампа (рис. 3, *6*). Следует отметить один фрагмент каннелированного сосуда.

---

[36] А. Е. Алихова. Комаровское поселение..., стр. 167, рис. 8, *1*.

Таблица 8

Соотношение различных типов орнамента

Тип орнамента	Общее количество	Баночные сосуды			Остроребер-ные сосуды	Горшки
		с прямым краем	с загнутым краем	с отогнутым краем		
Ямочный	9	8	—	1	—	—
Крупнозубчатый	9	7 [из них галькой (?)—2, с узкими длинными зубцами — 1, со слабо выраженными частыми зубцами — 1]	—	1	1	—
Среднезубчатый	1	1	—	—	—	—
Мелкозубчатый	4	4 [из них галькой (?) — 1, с узкими длинными зубцами — 2]	—	—	—	—
Нарезной	9	5	1	3	—	—
Нанесенный щепкой, с лощением	1	1	—	—	—	—
* * *						
Сосуды без орнамента	3	2	—	1	—	—
Итого	36	28	1	6	1	—

Анализ керамического материала показывает, что для данного поселения преобладающей формой являются баночные сосуды с прямым краем. Среди штампов следует отметить гребенчатый, возможно, сделанный из гальки, а также, по-видимому, деревянные. Преобладающий тип узора — зигзагообразная линия. Весь приведенный материал типичен для 1-го периода срубной культуры [37].

МУРАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение расположено по среднему течению р. Усы, на ее левом берегу, в 3 км к юго-юго-востоку от с. Муранки. Оно занимает небольшую площадь на мысу, образованном современным руслом реки и ложбинкой, которая представляет собой старое русло Усы [38]. Позже это поселение было дважды заселено. В XIV в. здесь возник крупный мордовский поселок, занявший площадь около 2 кв. км. Вторично это место было заселено в XIX в. хуторянами с. Муранки, сильно попортившими поселение эпохи бронзы. Это поселение было обнаружено по культурному слою, ясно выступавшему в обрыве берега. В заложенном здесь раскопе (раскоп Д), по-видимому, была открыта часть разрушенного рекой, слегка углубленного жилища, уходившего в стенки раскопа. Оно было отчасти нарушено более поздними сооружениями, поэтому трудно было определить его размеры. В раскопе найдена только керамика. Сосуды сделаны из глины с примесью шамота и изредка — мелкотолченой раковины; они отличаются, по сравнению с посудой с других, ранее рассмотренных поселений, меньшей толщиной стенок, колеблющейся в пределах 5—10 см (максимум приходится на 6—7 см). О степени распространения различных элементов орнамента на сосудах различной формы дает представление табл. 9.

[37] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., гл. 1, стр. 13 и сл., рис. 1.

[38] В. Н. Поливанов. Муранский могильник. Археологичеекий очерк. Симбирск, 1893, стр. 2.

Таблица 9

Распространенность элементов орнамента

Орнамент	Общее количество	Баночные сосуды			Горшки	Форма не ясна
		с прямым краем	с загнутым внутрь краем	с отогнутым наружу краем		
Ямочный	8	7	—	—	—	1
Крупнозубчатый	5	3	—	—	1	1
То же, слабо выраженный	1	1	—	—	—	—
Среднезубчатый	5	5	—	—	—	—
То же, слабо выраженный	10	7	—	1	—	2
То же, с частыми зубцами	1	1	—	—	—	—
Подобный нарезному	2	2	—	—	—	—
Зубчатый неопределенный	1	1	—	—	—	—
Нарезной	7	6	—	—	1	—
Орнамент только по краю	10	2	—	—	8	—
Валик	9	4	1	—	4	—

Из табл. 9 видно, что появились новые, по сравнению с другими описанными поселениями, типы керамики — сосуды горшечной формы, украшенные орнаментированными валиками, а также сосуды с узором только по обрезу. Довольно большое количество сосудов орнаментировано среднезубчатым штампом со слабо выраженными зубцами. Орнамент располагается в верхней части сосуда, спускаясь изредка и на плечики.

Ямочный орнамент обычно нанесен либо углом какого-нибудь предмета, в результате чего получается ямка подтреугольной формы, либо наклонно расположенной круглой палочкой, либо просто пальцем. Узор состоит из одного или двух рядов ямок, иногда в сочетании с нарезным или гребенчатым орнаментом. В одном случае по обрезу венчика были нанесены крупные подпрямоугольные ямки с острым дном, а в другом — пальцевые вдавления. Обращают на себя внимание два обломка сосудов, сплошь покрытых ямочным орнаментом. На более крупном фрагменте ямки довольно глубокие, неправильно округлые, с несколько уплощенным дном. Был ли орнаментирован подобным способом весь сосуд,— сказать трудно; во всяком случае, он несколько напоминает сосуд с I Воскресенского поселения [39].

Гребенчатый орнамент чаще всего бывает крайне нечетким. В этом случае на дне углубленной линии едва прослеживаются слабые следы частых зубцов. На таких сосудах чаще всего встречаются более сложные узоры.

К наиболее распространенным узорам относятся линейный, состоящий из одной или нескольких горизонтальных линий, а также ряда параллельных наклонных отпечатков (см. табл. 3) либо близ края сосуда, либо по валику, либо по тулову сосуда. Довольно часто встречается сочетание горизонтальных линий с зигзагообразными, елочными и наклонными параллельными линиями. В одном случае отмечен елочный узор, расположенный по скатам валика (рис. 4, *3*).

Распространен узор пересекающихся линий и крестов. Этот тип узора обычно сочетается с линейным, нанесенным нарезкой или гребенкой со слабо выраженными зубцами. На одном из сосудов, от которого, к сожалению, не сохранилась шейка, орнамент размещается следующим образом (считая сверху): две близко расположенных нарезных линии; под ними — пересекающиеся линии, образующие ромбы, кресты; ниже — две нарезных линии, еще ниже — ряд параллельных косых отпечатков и под ними — одинарный зигзаг. Иногда гребенчатый орнамент сочетается с ямочным, который был нанесен, по-видимому, углом того же штампа. Интересен орнамент сосуда, от которого сохранился лишь край со следами крупного гребенчатого орнамента: по обрезу венчика нанесены зигзагом нарезки, а в образованных таким образом углах помещено по одной кольцевой ямке.

Нарезной орнамент в основном представлен теми же типами узора — линейным, елочным, зигзагообразным, а также сочетанием линейного с рядами параллельных наклонных отпечатков. Здесь, подобно тому как это отмечала О. А. Кривцова-Гракова при анализе керамики с Алексеевского поселения [40], встречается нарезной орнамент, состоящий из тонких, подчас небрежных

[39] Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской, стр. 25, рис. 9, *7*.

[40] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 126 и сл.

линий, который легко принять за следы сглаживания поверхности. На одном из сосудов подобный орнамент состоял из чередования одинарных горизонтальных линий и вертикальных, расположенных между ними. В одном случае нарезной орнамент сочетался с ямочным, нанесенным, по-видимому, углом гребенчатого штампа со слабо выраженными зубцами.

стенке сосуда. Валики обычно орнаментированы наклонными или пересекающимися насечками (рис. 4, *4, 5*) либо елочным узором (рис. 4, *3*). В одном случае по валику нанесены косые насечки, а под ними — ряд вертикальных параллельных отпечатков гребенчатого штампа. Особый интерес представляет часть сосуда, найденного в жилище. Это гладкий, местами лощеный широкогорлый

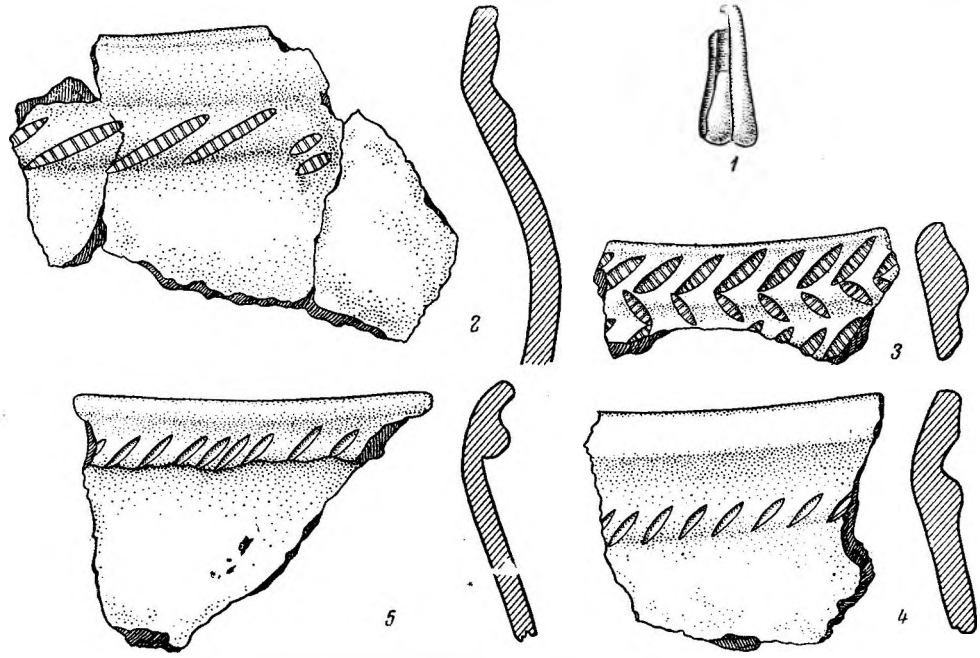


Рис. 4. Керамика Муранского поселения

1 — височное кольцо из Воскресенского кургана, погр. 5; *2 — 5* — керамика

В двух случаях был встречен каннелированный орнамент на толстостенных сосудах, вылепленных из глины с раковиной в примеси. На одном из них сохранились 3 глубоких желоба, орнамент другого несколько своеобразен и напоминает абашевский. Остановимся на нем подробнее, так как орнамент нечеткий и на снимке плохо различимый. По краю сосуда располагаются в ряд мелкие подтреугольные ямки. Ниже, между двух небольших валиков, идет слабо углубленный волнистый желобок; подобный желобок располагался и под нижним валиком.

Главная отличительная особенность керамики Муранского поселения — это довольно большой процент сосудов, орнаментированных валиками. Следует отметить, что ни разу не удалось проследить их прилепа к горшок (диаметр плеч — 30 см, дна — 14 см, высота — примерно 25 см), украшенный валиком с разомкнутыми концами, опущенными в виде уса вниз (рис. 4, *2*). Этот сосуд близок по ряду признаков одному из сосудов, найденных в Ивановке [41].

К редким находкам относится также маленький фрагмент поддона сосуда (диаметром 8 см). Сосуды с поддонами в Поволжье до сих пор не встречались, что, как объясняет О. А. Кривцова-Гракова, является следствием слабой изученности поселений хвалынского периода. В качестве параллели можно указать близкий по размерам и форме поддон, найденный на Алексеевском

[41] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 41, рис. 7.

поселении в землянке № 1 [42]. Распространенность сосудов, украшенных валиками, и присутствие сосудов с поддонами являются неопровержимым доказательством более позднего времени существования Муранского поселения, которое может быть отнесено к хвалынскому периоду срубной культуры.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА

Курганная группа расположена на плато к западу от I Воскресенского поселения, на расстоянии около 1 км от него. Все курганы сильно распаханы, и из них выделяются два — курганы № 1 и 5; остальные же можно заметить только после вспашки. Возможно, что курганная группа первоначально состояла из большего количества курганов, теперь совершенно нивелированных. С другой стороны, курган № 5, расположенный на расстоянии 324 м к северо-северо-востоку от основной группы, вероятно, с ней не связан и, возможно, является остатком другого курганного поля.

Трудно судить о первоначальных размерах насыпей. Современные размеры их следующие:

Курганы	Диаметр, м	Высота, м
№ 1	28	1,4
№ 2	12	0,5
№ 3	24	0,5
№ 4	12	0,5
№ 5	20	1,5

Раскопке был подвергнут курган № 3 (рис. 5). В нем обнаружено 7 погребений: шесть относилось к эпохе бронзы и одно (№ 6), более позднее, без вещей,— впускное.

Погребения эпохи бронзы были в неглубоких могилах, расположенных в черноземном слое и лишь в некоторых случаях едва углублявшихся в очень плотный суглинистый материк. Вследствие этого контуры могильных ям полностью проследить не удалось; они выступали частично и только на уровне расположения костяков. Выявлению контуров могил мешало также то, что курган сильно изрыт грызунами, которые потревожили, а в некоторых случаях совершенно разрушили часть погребений (№ 7).

Курган был насыпан на толстом черноземном слое, что не позволило определить уровень древнего горизонта. Стратиграфия здесь была следующая: сверху залегал слой гумированной супеси в 0,7—0,8 м, доходивший местами до 1 м; ниже — слой плотной светло-серой супеси, сильно изрытый норами; под ним — слой светлой материковой супеси. При рассмотрении профилей двух центральных бровок можно заметить, что мощность второго слоя различна в разных местах кургана. Так, в южной и северной частях кургана верхняя граница этого слоя на 0,2—0,4 м ниже, чем в середине кургана. В северной части слой по направлению к краю кургана постепенно утончается и исчезает. Создается впечатление, что в этом месте он был срыт во время насыпки кургана. Утончение слоя также прослеживается и в южной части кургана. Исходя из этого, можно предположить, что граница кургана с северной и южной сторон была на 5 м ближе к центру; иначе говоря, курган был удлиненной формы. Это отчасти подтверждается также расположением самих погребений по одной линии с запада-северо-запада на восток-юго-восток.

Все погребения были ориентированы головой на север с отклонением в некоторых случаях к востоку или западу. Покойники, как правило, лежали на левом боку в скорченном положении. Руки,— в тех случаях, когда удавалось проследить их положение,— располагались перед лицом. Перед умершим ставили горшок, очевидно, с пищей; его не было лишь в погребении 3. В детском погребении 1 обнаружены 2 сосудика, поставленные в ногах. Только в одном погребении (№ 5), помимо сосуда, найдены также и украшения. Здесь была похоронена беременная женщина. У нее на правой скуловой дуге черепа лежало бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота (рис. 4, *1*) — типа, широко известного во второй половине II тысячелетия до н. э. на Кавказе, а также в районе распространения срубно-хвалынской и отчасти андроновской культур. На предплечье правой руки найден полуразрушенный желобчатый браслет. Область рас-

[42] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 140, рис. 60.

пространения браслета этого типа та же, что и описанного только что височного кольца.

Почти все сосуды, найденные в этом кургане,— баночной формы, небольшого размера и преимущественно без орнамента. Поверхность их несколько шероховатая, местами заметны следы сглаживания зубчатым предметом. Орнамент нанесен преимущественно гребенчатым штампом. На сосуде из погребения 7 узор располагается в верхней части, в виде трех опоясывающих сосуд линий, между которыми — 2 ряда ямок, нанесенных углом того же гребенчатого штампа (рис. 6, 7). На другом сосуде (погребение 5) орнамент находится и в верхней части сосуда, и внизу, близ дна. Узор образует крестообразно пересекающиеся линии (рис. 6, *9*). Особый интерес представляет третий сосудик. Его узор состоит из двух зон, разделенных горизонтальной линией, идущей по границе плеч и стенок. В верхней части сосуда, у самого края, проходит линия шнурового

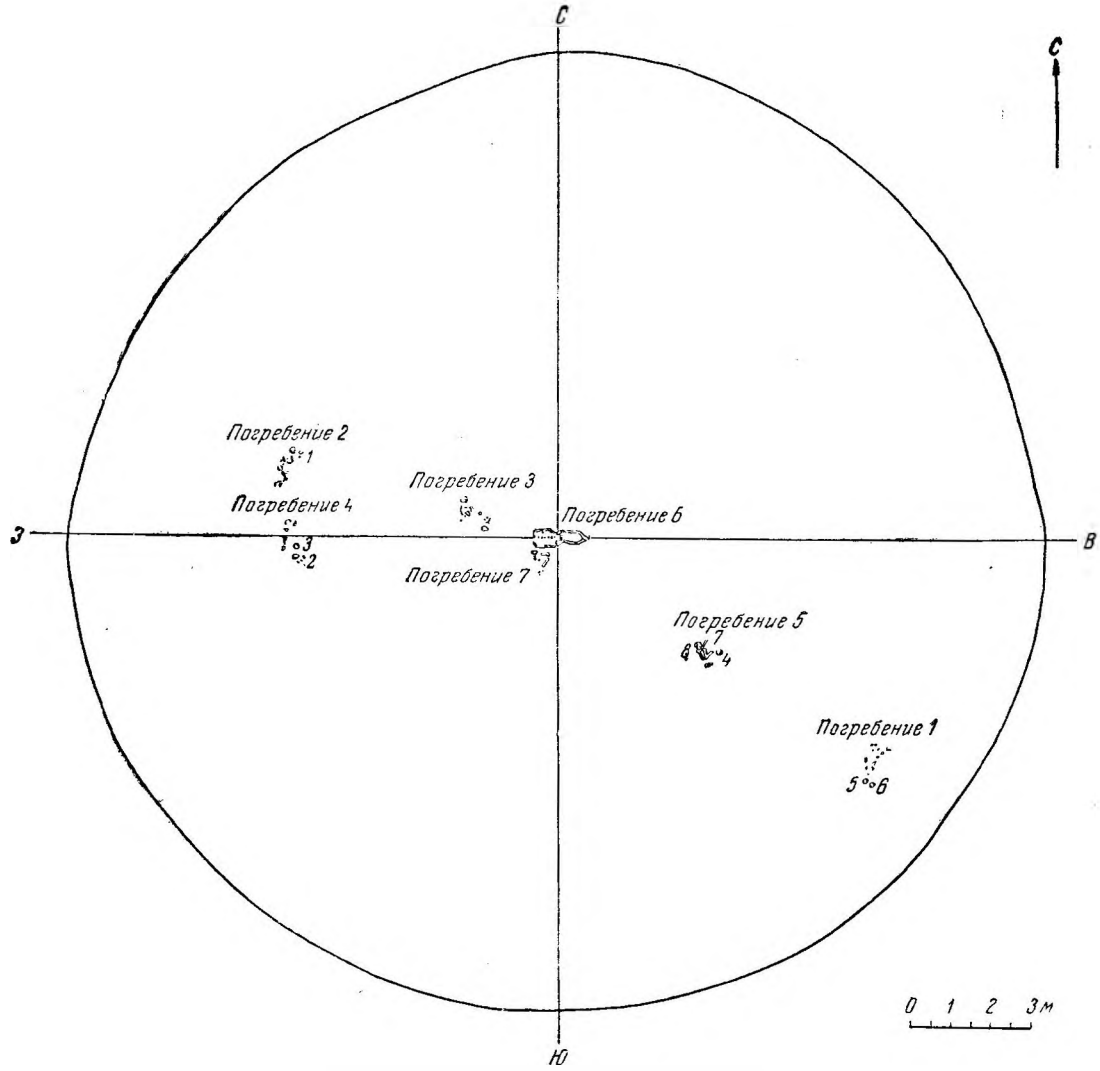


Рис. 5. План Воскресенского кургана № 3.

1 — 6 — сосуды при погребениях; *7* — браслет; *8* — привеска

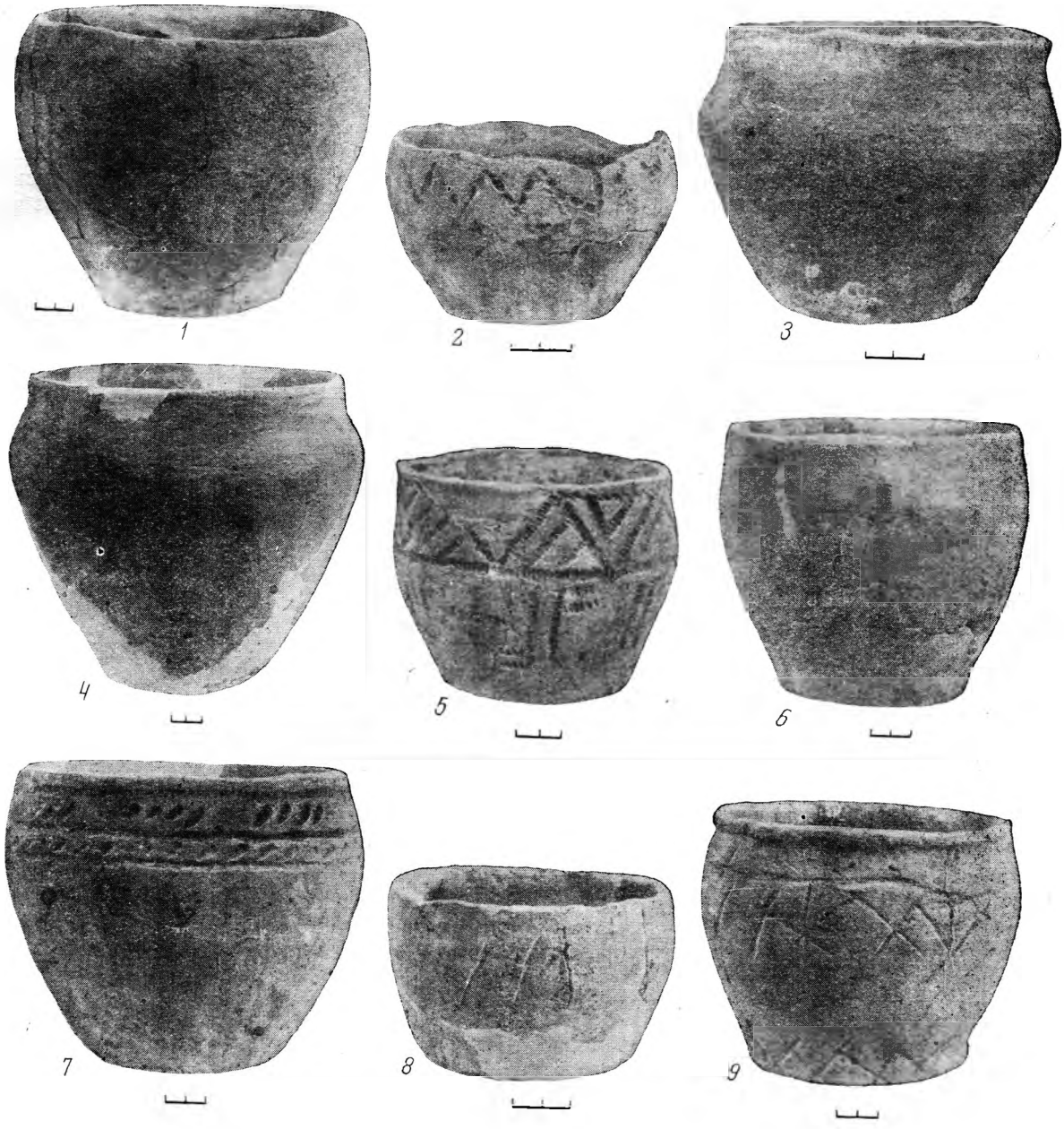


Рис. 6. Керамика Воскресенского кургана (*1—9*).

орнамента. Ниже орнамент нанесен гребенчатым штампом; он состоит из крупной зигзагообразной линии, нижние углы которой заполнены двумя параллельными чертами, а верхние — двумя чертами, расположенными под углом. Ниже плеч сосуд опоясывает ряд «уточек», прерванный в одном месте (очевидно,— в конце) крестом (рис. 6, *5*). Орнамент из «уточек», распространенный в более позднее время, известен на городищах Прикамья и Поветлужья [43].

Как мы отмечали выше, погребения размещались в кургане вытянуто, по линии с юго-востока на северо-запад. Крайним юго-восточным погребением было детское погребение 1; значительно ближе к центру находилось женское погребение 5. В центре кургана встречены 2 захоронения: одно — в верхней части (№ 6) насыпи, другое — в неглубокой могиле на материковом суглинке (№ 7). Недалеко от него — к северо-западу — обнаружено погребение 3; далее к западу под бровкой вскрыто погребение 4 и к северу от последнего — погребение 2, крайнее, замыкавшее с северо-запада эту цепь захоронений.

Погребение 1 (детское). Находилось в юго-восточной части кургана на расстоянии 10 м от центра, в нижней части гумированного слоя, на глубине 1,3 м. Костяк был обращен головой на север, положение же остальных костей выяснить не удалось, так как они были смещены. В ногах у погребенного стояли 2 сосуда баночной формы. Один из них — очень маленький сосудик (рис. 6, *2*; диаметр горла — 7,5 см, высота —3 см), грубо вылепленный, с шероховатой поверхностью. По краю сосудик орнаментирован зигзагообразной линией, нанесенной гребенчатым штампом, с крупными зубцами. Второй сосуд баночной формы был значительно лучше сделан (диаметр горла — 14,3 см, дна — 8,7 см; высота — 13,7); однако поверхность была все же несколько грубовата. Это один из наиболее крупных сосудов, встреченных в описываемом могильнике (рис. 6, *1*).

Погребение 2. Располагалось в северо-западной части кургана на расстоянии 7 м от центра, в гумированном слое, на глубине 0,85 м. Костяк, ориентированный головой на северо-восток, лежал на левом боку в скорченном положении. Кости туловища и руки сильно смещены; удалось лишь установить, что правая рука была согнута в локте. Кисть одной из рук располагалась у лица. Перед лицом умершего был поставлен небольшой (диаметр горла — 11,8 см, дна — 7,5 см; высота — 10 см) сосудик, по форме близкий к остроребериым, с грубой поверхностью, плохо вылепленный и кривобокий (рис. 6, *3*).

Погребение 3. Обнаружено к северо-западу от центра кургана, на расстоянии 2,6 м от него, в гумированном слое, на глубине 1,18 м. Скелет был ориентирован головой на север и лежал на левом боку, обращенный грудью вниз. Тазовые кости и кости ног отсутствовали. Близ того места, где должны были быть ноги, найдена черепная крышка человека, обращенная внутренней поверхностью кверху, а под ней — лопатка человека. При погребении никаких вещей не обнаружено.

Погребение 4 (детское). Вскрыто в западной части кургана на расстоянии 6,5 м от его центра, на глубине 1,25 м. Могила была слегка углублена в плотный желтый материковый слой и вся изрыта кротовинами. Насколько можно было установить, могильная яма в нижней части имела подпрямоугольные очертания. Погребение было сильно разрушено. Костяк, обращенный головой на север, лежал на левом боку, с несколько согнутыми в коленях ногами. Перед скелетом на линии тазовых костей был поставлен описанный выше (рис. 6, *5*) маленький сосудик (диаметр горла — 10 см, дна — 8 см; высота — 8,6 см) с узором в виде «уточек». Перед голенью стоял второй, сравнительно крупный сосуд (диаметр горла — 19 см, дна 9,5 см; высота — 17 см); в верхней части с одной стороны было 2 отверстия (рис. 6, *4*).

Погребение 5 (женское). Обнаружено на расстоянии 4,95 м к юго-востоку от центра, на глубине 1,6 м. Костяк лежал на левом боку, ориентированный головой на северо-северо-запад. Насколько можно судить по обломку бедра, ноги были в скорченном положении; руки согнуты в локте и располагались у лица. У правого локтя в области живота лежал скелет утробного ребенка. Данное погребение выделяется среди остальных в этом кургане тем, что здесь найдены бронзовые украшения: на правой скуловой

[43] М. В. Воеводский. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи. МИА, № 22, 1951, стр. 165, рис. 7, *1*.

дуге черепа — височное кольцо в 1,5 оборота (рис. 4, *1*), у лица, на предплечье правой руки — сильно разрушенный желобчатый браслет. Перед умершей был поставлен на уровне нижней части груди небольшой сосуд (диаметр горла — 13 см, дна — 10 см; высота — 11,5 см) с короткой, ясно выраженной шейкой. Орнамент был нанесен тонким гребенчатым штампом со слабо заметными зубцами (возможно,— щепкой); поэтому создается впечатление, что сосуд орнаментирован гладким штампом. Узор состоит из линии, расположенной в верхней части плеч, под которой небрежно нанесены пересекающиеся линии, образующие местами кресты, а в других случаях — зигзаги. Подобным же образом выполнен орнамент и у дна сосуда (рис. 6, *9*).

Погребение 6 (впускное). Относится к более позднему времени и не связано с основными захоронениями. Костяк, обращенный лицом вниз и ориентированный головой на запад, лежал в центре кургана на глубине 0,35 м. Кости ног в области щиколоток были перекрещены, руки вытянуты вдоль туловища. Нижняя челюсть лежала на правом плече близ локтевого сочленения. От черепа сохранились лишь 2 обломка. Возможно, что часть черепа, найденная близ погребения 3, принадлежала этому же скелету. Никаких вещей при погребении не было.

Погребение 7. Располагалось в центре кургана, на глубине 1,75 м, в могиле, прорезавшей чернозем и едва углубившейся в плотный слой материкового суглинка. Могила имела прямоугольные очертания; длина ее 1,45 м, ширина свыше 90 см. Почти все погребение было разрушено грызунами. От костяка сохранились голень, части бедер и стопы. Судя по ним, погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, обращенный головой на северо-восток. Перед его лицом был поставлен небольшой сосуд баночной формы (диаметр горла — 13,5 см, дна — 8,5 см; высота — 13,2 см). В верхней части сосуда — орнамент в виде 3 полос, исполненный гребенчатым штампом. Полосы разделены рядами ямок, нанесенных углом, по-видимому, того же гребенчатого штампа (рис. 6, *7*).

Н. В. Трубникова

ПОСЕЛЕНИЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ И НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

В Куйбышевском Поволжье до последнего времени остаются недостаточно исследованными памятники раннего железного века. Большие археологические работы, проведенные в этих местах в связи со строительством Куйбышевской ГЭС, почти не затронули их. Это объясняется местоположением большинства городищ, лежащих обычно очень высоко, значительно выше зоны затопления. Поэтому имеющиеся в нашем распоряжении материалы получены не путем больших раскопочных работ, а являются результатом небольших разведочных осмотров памятников, расположенных поблизости; тем не менее эти материалы представляют значительный интерес.

Работы проводились на городище Задельная Гора (близ Молодецкого кургана), в котором найдена характерная керамика, придающая специфический облик этому городищу. Обследованы памятники конца I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э.: многослойное селище Уркина Гора, городище у дер. Большая Рязань, городище на Ионином хребте, у нефтяной скважины № 10 (давшее, наряду с более ранним материалом, и более поздний — болгарский), болгарское селище у колхозного сада в с. Усолье и очень любопытное городище у Белого Камня (окрестности с. Усолье). В этом последнем обнаружен совершенно своеобразный материал, отличающийся от всех известных памятников Самарской луки и по орнаментации посуды, сближающийся с памятниками Прикамья конца I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. Одновременное существование этого городища рядом с памятниками раннеболгарскими заставляет искать причину этого явления; она, как мне кажется, подсказывается самим местоположением городища непосредственно вблизи соляных варниц на р. Усолке и значением, какое имели добыча соли и торговля ею в то время. К сожалению, этот весьма интересный комплекс самых различных памятников вокруг соляных источников, расположенных вблизи с. Усолье, остался почти не исследованным.

«ГОРОДИЩЕ БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ КУРГАНЫ» НА ЗАДЕЛЬНОЙ ГОРЕ

Задельная Гора находится в Сосново-Солонецком районе Куйбышевской области, на берегу Волги, близ устья р. Усы (ближайшие современные населенные пункты — села Старая Жигулиха и Березовка). Эта гора представляет собой расположенную в виде двух уступов скалу, возвышающуюся на 200 мм над уровнем Волги. Верхний уступ или терраса у местного населения носит название Большого кургана, нижний — Малого.

Городище расположено на площадках обоих уступов; на каждом из них сохранились земляные укрепления в виде валов и рвов. Оно занимает площадку на скалистом утесе с обрывом на восточной стороне, ниже

которого находится поросшее лесом глубокое ущелье.

Два ряда валов и рвов защищают эту часть городища с юга. Валы невысокие, насыпаны из взятых тут же мелких камней с землей. В валах есть проход; сейчас здесь идет тропа из дер. Старая Жигулиха через городище к Волге.

Площадка городища имеет форму вытянутого овала, покрыта высокой густой травой и кустарником и с севера также ограждена валом. Размеры ее — 32 × 40 м; высота вала — 2 м, ширина его — 4 м; ширина рва — 6 м.

На поверхности сохранились неясные следы заплывших ям. Повсюду в траве в большом количестве встречаются обломки керамики и кости животных, но культурный слой слабый, почти совершенно сползший с возвышенного восточного края.

К северу за валом, на следующей террасе Задельной Горы, расположена вторая площадка, имеющая форму вытянутого мыса. Два ряда валов с проходом в середине отделяют эту часть от южной. Валы невысокие. С севера мыс городища, по-видимому, также был укреплен небольшим валом, неясные следы которого сохранились. Размеры этой площадки — 30 × 14 м, высота вала — 2 м, ширина рва — 5 м.

Подъемный материал на поверхности почти не встречается, а заложенный в 1952 г. в северной части площадки небольшой раскоп дал очень мало находок. Обломки керамики находились и ниже, по склону горы. Здесь же в ряде мест были замечены следы ям, а на одном из уступов по склону к Волге зафиксирована большая, сильно заплывшая канава-ров.

На поверхности городища были произведены раскопки.

Раскоп I (3 × 2 м) был заложен в 1952 г. в западной части верхней площадки, у вала, раскоп II (4 × 2 м) — в 1953 г. в северной части мыса, у тропы.

Культурный слой черного цвета, с большим количеством камней, начинался прямо с поверхности, но глубина его не превышала 0,2—0,3 м. Встречены обломки керамики и кости животных.

Вероятно, первая площадка была жилой частью городища; в пользу этого предположения говорят найденные в большом количестве обломки сосудов и кости животных, наличие культурного слоя и следы ям на поверхности. Крайне небольшое число находок на нижней площадке указывает на кратковременность заселения или, что вероятнее, на использование площадки в качестве убежища либо загона для скота.

С южной, тыловой стороны городище возвышается над узкой скалистой перемычкой, соединяющей Задельную Гору с цепью Жигулевского массива. С юго-западной стороны городище сравнительно легко доступно; довольно отлогий спуск ведет в ущелье, где, видимо, проходила дорога и из родников брали воду. Из находок на городище следует отметить большую каменную уплощенную плиту для растирания зерна, а также костяной предмет, напоминающий черпак, сделанный из лопатки какого-то животного.

Керамика представлена обломками сосудов, вылепленных от руки из глины с примесью толченой раковины. Большая часть их имела очень тонкие стенки, не превышающие 0,4—0,5 см. Поверхность их хорошо сглажена, обычно имеет слабую мелкую штриховку на внутренней стороне; на этой же стороне часто встречается нагар, что свидетельствует об употреблении горшков для варки пищи.

Формы сосудов не разнообразны. Имеются венчики, обычно с отогнутым краем и с прямым или косым срезом внутрь. На многих из фрагментов — сквозные отверстия. Очень характерен орнамент из различных углублений, нанесенных острием. Углубления эти — овальные, круглые, треугольные — покрывают стенки сосуда, обычно в верхней его части (рис. 1, *1, 5, 6, 10—16*).

Подобные узоры характерны для городищ Самарской луки эпохи раннего железа. В. В. Гольмстен даже выделяет особо 2-й тип узоров, встречающийся на сосудах с этих городищ[1]. Керамика с таким орнаментом найдена на городищах: Лысая Гора у дер. Моркваши, Белая Гора у с. Подгоры, на Вислом камне между селами Шелехметью и Винновкой, в саду совхоза близ. с. Сосновый Солонец. Повсюду указанная керамика обнаружена вместе с обломками сосудов, украшенных

[1] В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. Керамика древних мест поселений Самарской луки. Бюлл. Об-ва археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете, 1925, № 3, стр. 16.

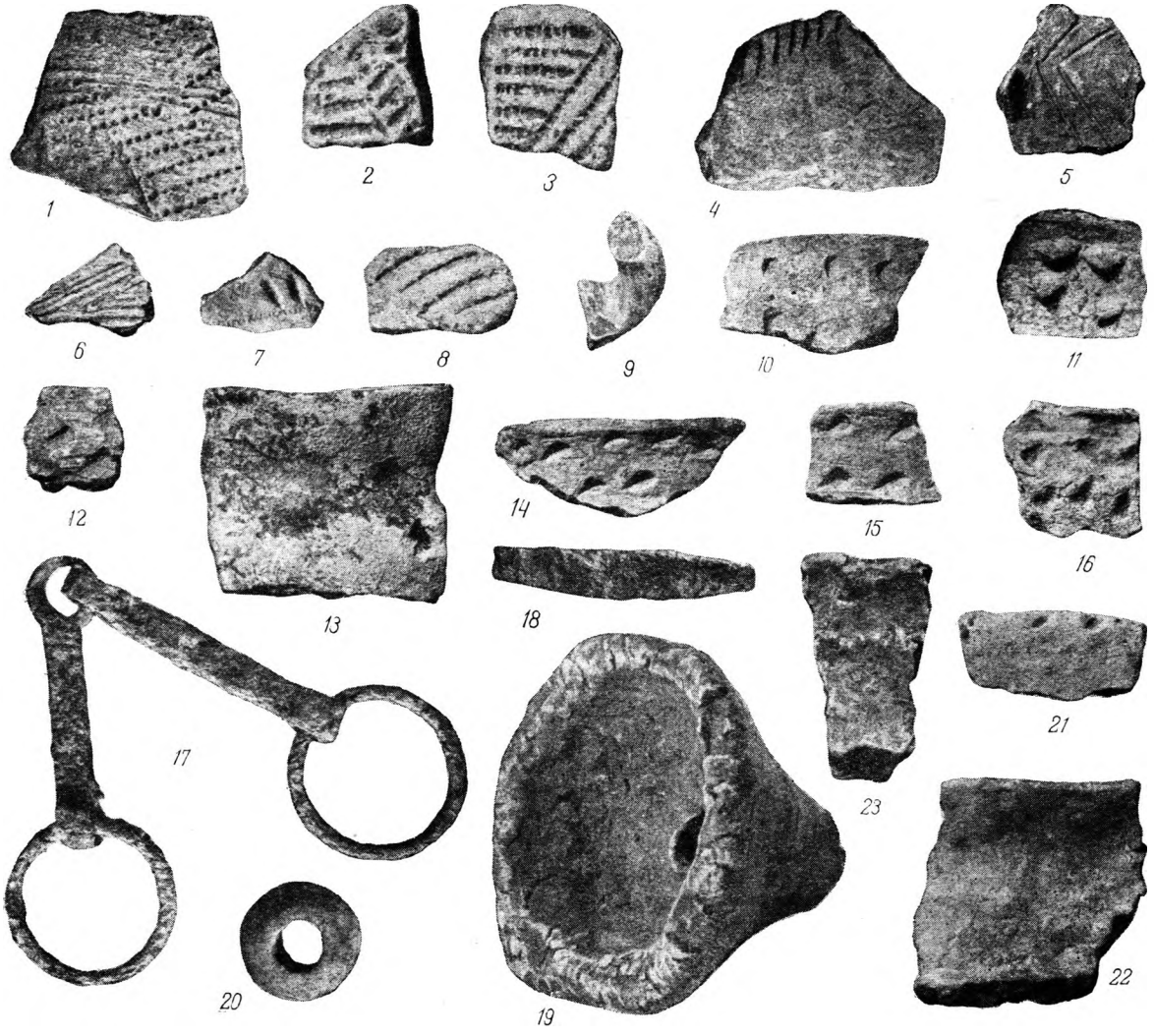


Рис. 1. Изделия из глины и железа.

1, 5, 6, 10—16 — обломки керамики с городища Задельная Гора; *2—4, 7—9* — обломки керамики с городища у Белого Камня; *17* — удила с поселения Уркина Гора; *18* — нож с поселения Уркина Гора; *19* — глиняная воронка с поселения Уркина Гора; *20* — глиняное пряслице с поселения Уркина Гора; *21, 22* — обломки керамики с городища Большая Рязань; *23* — обломок сосуда с городища на Ионином хребте.

рогожным орнаментом, что позволяет отнести эти городища к городецкой культуре.

Материал с поселений хранится в Куйбышевском областном музее краеведения. Особенно близко Задельной Горе городище, расположенное к северу от дер. Подгоры, на Белой Горе. Керамика этого городища также содержит примесь толченой раковины в тесте; часто встречаются и тонкие стенки, и близкие керамике Задельной Горы формы, но орнамент более разнообразен. Попадаются венчики сосудов с нарезками по краю, с рогожным орнаментом, с поверхностью, покрытой вертикальными бороздками; особенно многочисленны узоры из всевозможных ямок и углублений —круглых, овальных, треугольных. Можно насчитать до 10 типов встреченных здесь различных орнаментов. Несколько фрагментов гончарной керамики указывают на то, что городище посещалось и в более позднее время.

Городище Белая Гора отличается от го-

родища Задельная Гора большим разнообразием типов керамических орнаментов, наличием рогожных узоров. Близок также материал с городища Мончиха, расположенного на крутой вершине одноименной горы, к северо-западу от с. Подгоры.

Схожий материал обнаружен недалеко от Задельной Горы на правом берегу р. Усы, неподалеку от нее устья, на большом каменном утесе, так называемом Усинском кургане (иногда именуемом «Лепешкой»). Там, наряду с обломками гончарной керамики XIV—XV вв., встречаются и более древние экземпляры лепной техники, с примесями к глине толченой раковины; там же был найден обломок сосуда с рогожным орнаментом. Эти находки свидетельствуют о том, что Усинский курган был тоже древним городищем, близким по типу городищу Задельная Гора.

О городище на Молодецком кургане пишет В. В. Гольмстен [2]. В настоящее время на его вершине нет никаких признаков ни культурного слоя, ни укреплений. Все описанные городища, по характеру сделанных на них находок, относятся ко времени городецкой культуры. По мнению В. В. Гольмстен, более ранним из них является городище у с. Сосновый Солонец, где обнаружены почти исключительно рогожная керамика и более примитивные типы укреплений Городища Задельная Гора, Белая Гора и Лысая Гора, по-видимому, относятся к более позднему периоду этой культуры, о чем свидетельствуют большое количество керамики с разнообразными узорами из углублений и малое количество или полное отсутствие керамики с рогожным орнаментом.

В. В. Гольмстен обращала внимание на черты, сближающие Куйбышевские городища с городищами по Вятке и Каме. Она указывала на Б. Сухаревское городище, где среди узоров на керамике ей удалось выделить сходные типы и обнаружить аналогичную примесь толченой раковины к глине [3].

Но следует отметить и другой момент: все эти характерные узоры из углублений и глиняное тесто с примесью раковины встречаются в этих же местах также в более раннее время — в эпоху бронзы. Для поселений этого времени, расположенных по течению р. Усы, типичны те же признаки. Примером могут служить поселение в урочище Подбухерово близ дер. Березовка, недалеко от устья Усы, поселения на Моечном озере и Воскресенское. К сожалению, малая исследованность Куйбышевских городищ не дает оснований для их точной датировки; это положение пока остается в силе и для городища Задельная Гора, где нет ни одного датирующего предмета, но на основании отсутствия рогожной керамики мне кажется возможным датировать городище серединой I тысячелетия н. э.

На обеих площадках городища Задельная Гора найдено довольно много костей животных [4]. Среди них — кости лощади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи.

ГОРОДИЩЕ СТЕНЬКИН ГОРОДОК У СЕЛА БОЛЬШАЯ РЯЗАНЬ

Городище расположено в лесу, на расстоянии около 2,5 км к востоку от с. Большая Рязань в Сосново-Солонецком районе Куйбышевской области. Сведения о городище были получены от местного населения, а городище показано жителем с. Большая Рязань С. Г. Кувиткиным. Им же было указано и второе городище, рядом с первым, составлявшее с ним единый комплекс укреплений.

Городище расположено на горе и окружено оврагами: с востока — Аринкиным оврагом, переходящим в «сухой» овраг, а дальше, у с. Брусяны, выходящим к Волге. С одной стороны горы имеется отлогая дорога, ведущая на городище. Обе площадки расположены примерно на одной высоте и окружены высокими валами и рвами. Их поверхность, склоны и соседние ущелья покрыты густым лесом. На поверхности довольно много ям, по словам С. Г. Кувиткина, вырытых кладоискателями.

Валом и рвом городище делится на две площадки. Первая расположена на небольшом мысу и окружена с двух сторон глубокими оврагами, а с третьей—укреплена высоким валом и глубоким рвом. Высота площадки над уровнем дна рва, расположенного

[2] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 145—148.

[3] В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 16.

[4] Остеологический материал определен в лаборатории ИИМК В. И. Цалкиным.

между двумя городищами,— 4 м. Площадь ее — 36 × 28 м, т. е. 1010 кв. м.

Культурный слой на площадке отсутствует совершенно, и заложенные на ее поверхности шурфы не дали никакого материала. Находки сделаны только на западном валу. Был зачищен южный конец вала у обрыва и прослежена его конструкция. Вал насыпан выкинутой из рва землей и укреплен камнем. Последний уложен настолько плотно, что весь вал кажется каменным. Сверху вал был обмазан глиной и сильно обожжен. И вот здесь, под глиняной обмазкой, на глубине 0,4 м, между камнями были найдены обломки сосудов грубой ручной работы, без орнамента. Лишь на одном фрагменте венчика имелись зарубки по краю (рис. 1, *21*).

За валом, к юго-востоку от первой площадки, расположена вторая. Окружающий другое городище вал местами достигает 4 м в высоту и около 7 м в ширину. С юга имеются небольшой проход и крутой спуск вниз. Конструкция этого вала, по-видимому, несколько отличается от конструкции описанного выше. Судя по осыпям и обнажениям, имеющимся в северной части вала и с юга, он был насыпан из глины и укреплен камнем. Площадь второй площадки равняется 32 × × 80 м или 2560 кв. м.

На поверхности, поросшей густым лесом, во многих местах обнаружены большие ямы. Культурный слой черного цвета прослежен на глубину до 0,36 м. Ниже его подстилает глина.

В разных местах были заложены 3 шурфа (1 × 1 м), обнаружившие кости животных и обломки сосудов. Керамика вся однотипная, ручная, тождественная с найденной на первой площадке (рис. 1, *21, 22*). Подобная керамика обычно встречается в памятниках конца I тысячелетия н. э.; к этому времени можно условно отнести и данное городище.

ПОСЕЛЕНИЕ УРКИНА ГОРА

Расположено в небольшой долине у подножия Уркиной Горы, на правом берегу р. Усы, недалеко от ее устья, близ дер. Жигулиха, в пределах Сосново-Солонецкого района Куйбышевской области.

Древнее поселение находилось в северо-восточной части долины между горами и занимало площадь приблизительно 200 × × 150 м.

Место поселения ровное, поросшее густой травой, а у подножия гор — лесом. От реки с запада на восток площадку пересекают небольшие, но глубокие овраги, а через всю долину и площадь древнего поселения с севера на юг, загибаясь углом с запада на восток, проходит ров военного времени.

Поселение обнаружено в 1953 г., но к его исследованию приступили в 1954 г., когда здесь были заложены несколько раскопов и шурфов, выявивших культурный слой наиболее мощный в середине площадки (раскоп IV) и во рву, достигающий толщины 2 м.

Как показали работы, между рекой и противотанковым рвом в недалеком прошлом были строения. Заложенный здесь шурф в двух верхних штыках дал остатки новых по времени сооружений, вроде пода печи, сложенного из современных кирпичей. Здесь же на поверхности встречались задернованные большие кучи камней. Именно на этом участке селища между рекой и рвом, в нижних штыках, на глубине 1,5—2 м были прослежены напластования, относящиеся к эпохе бронзы. Вся центральная часть площадки оказалась прикрытой выброшенной из рва очень плотной красной материковой глиной, слой которой достигал местами 0,4 м.

Место для раскопа было выбрано ровное, у леса, где никаких остатков новых строений не было замечено.

Судя по найденному материалу и профилям, поселение было двуслойным. Верхнее напластование (до глубины 0,5 м, а на квадратах 13—14 — до 0,8 м) характеризуется присутствием гончарной керамики XI—XII вв. и жилищем с большим, сложенным из камней очагом.

Нижний слой, с лепной керамикой (штыки 3 и 4), вероятно, относится к VIII—IX вв.

Остатки жилища верхнего культурного напластования занимали квадраты 10—14, а квадраты 13 и — частично — 14 занимал развал большого очага, имевшего в диаметре до 2 м. Очаг был сложен в виде круга из двух рядов камней (один поверх другого), идущих на глубину от 0,2 до 0,4 м. Камни

очага были расположены так, что сверху лежали более плоские плиты. Поверх них найдены большое количество обломков керамики, кости животных, мелкие угли. Среди керамических остатков обнаружены обломки 4 гончарных сосудов из красной глины, с лощеной поверхностью. Рядом с очагом (на квадрате 14) в профиле прослеживалось снижение слоя и соответственно гончарной керамики. Видимо, рядом с очагом была яма, современная ему и шедшая на глубину до 0,8 м. К сожалению, раскоп захватил только часть ее; другая часть уходила в нераскопанный участок. Никаких следов бревен или столбов не замечено. Слой темно-коричневого цвета, очень ровный по окраске, в профиле давал чуть заметную разницу в цвете и его границах.

Вся гончарная керамика сделана из хорошо промешанного глиняного теста; обжиг ровный, «звонкий»; иногда наблюдается примесь толченой раковины в тесте. Поверхность по большей части сглаженная, лощеная, иногда — сплошь, иногда — вертикальными полосами, красными у красных сосудов и черными — у коричневых. Размеры сосудов различные; встречаются и крупные экземпляры. Имеется один фрагмент с узором из нарезных прямых и волнистых линий и сердцевидных углублений, нанесенных поверх светло-коричневой лощеной поверхности. Наряду с гончарной керамикой встречена и ручная, грубая, без орнамента.

Жилища с подобными очагами,— круглыми, сложенными из камня,— обнаружены на поселениях XIII—XIV вв.; примером может служить поселение Исава близ дер. Березовка. Сходные типы лощеной корамики известны в памятниках Поволжья этого времени. По-видимому, небольшой поселок в долине между гор существовал одновременно с более крупным поселком Исава, расположенным на другом берегу реки.

Нижнее культурное напластование содержит исключительно ручную керамику. Этот слой залегает с глубины 0,4 м. На квадратах 5 и 6 к нему относится яма, идущая на глубину до 1,2 м и имеющая в поперечнике 1,1 м. Яма заполнена остатками второго слоя. Наряду с обломками костей животных и рыб здесь встречены фрагменты керамики исключительно ручной лепки. К этому слою относятся железные кольчатые удила (квадрат 8, штык 3; рис. 1, *17*), обломки железного ножа и грубо слепленная из глины воронка (квадрат 8, штык 3; рис. 1, *18, 19*). Помимо этих предметов, в раскопе найдено большое количество керамики.

Керамика — темно-коричневого или серого цвета, вылеплена из глины с примесями шамота, толченой раковины или толченого известняка. Обжиг слабый и неравномерный. Поверхность обычно грубо сглаженная, шероховатая, иногда со следами сглаживания пальцами, изредка покрытая внутри мелкими полузатертыми штрихами, реже — снаружи. Сосуды этого типа преимущественно небольшие или даже маленькие.

Встречены горшки с отогнутым краем, сосуды со слегка отогнутым и закругленным краем или с невысоким, слабо выраженным венчиком, иногда близкие к баночным; изредка попадались миски. Характерны во обще слабая выпуклость тулова и некоторая удлиненность пропорций сосудов. У днищ часто встречаются небольшие выступы глины.

Из узоров можно отметить прямой венчик с косыми нарезами по краю, в другом случае — обломок венчика с несколько отогнутым краем и сквозным отверстием вблизи него. Один раз отмечен стертый гребенчатый узор, а также остатки узора в виде лощеных полос, расположенных клеткой.

Подобная грубая лепная керамика, иногда с нарезками по краю, со сглаженной поверхностью, встречается в Поволжье в памятниках конца I тысячелетия н. э., в нижних слоях Болгарского городища в Балымере (раскопки А. П. Смирнова), на поселении у дер. Пальцыно, исследованном Т. А. Хлебниковой [5].

Небезынтересно, что сходная профилировка сосудов, обработка поверхности и орнаментация имеются среди находок Армиевского селища и могильника [6]. Последняя аналогия указывает на местные корни этой культуры, на ее широкое распространение и время существования, падающее на последние столетия I тысячелетия н. э.

---

[5] ГИМ, № 84800 и 84802.

[6] Саратовский музей, № 750 (могилы № 7, 41, 87, 112).

ГОРОДИЩЕ У НЕФТЯНОЙ СКВАЖИНЫ № 10

Городище находится на высокой горе Жигулевского массива — Ионином хребте и известно у местных жителей под названием «Городок».

В первоначальном виде городище имело округлую форму и было укреплено валом и рвом по всей окружности. Его размеры — 200 × 150 м. Сейчас оно сильно разрушено. Почти вся его северная часть занята нефтеразработкой (там расположена нефтяная скважина № 10); вся центральная часть городища испорчена линией высокого напряжения, проложенной на Куйбышевскую ГЭС. В непотревоженном виде сохранились лишь южная часть городища, покрытая густым лесом, и северо-восточная часть, где видны вал и ров. С севера и запада высота вала достигает 4 м. Ров расположен с внутренней стороны, а снаружи — очень крутые склоны.

Культурный слой на площади городища распределяется неравномерно. Небольшой шурф, заложенный в юго-западной части, почти не дал материала. Под слоем лесного перегноя, иногда доходившим до 0,4 м, встречены обломок сосуда грубой ручной работы и кость мелкого рогатого животного. В восточной части городища, на просеке, у столбов высоковольтной линии собран подъемный материал в виде 20 обломков керамики ручной лепки. Один венчик имеет защипы по краю (рис. 1, *23*). В западной части, вблизи нефтяной вышки, прямо на поверхности найден обломок гончарного сосуда с красным вертикальным лощением.

Исходя из характера керамических находок, возникновение городища можно связывать с самым концом I тысячелетия н. э., а его дальнейшее существование — с первой половиной II тысячелетия н. э. Этому не противоречат ни размеры городища, ни характер укреплений.

ГОРОДИЩЕ БЛИЗ ДЕРЕВНИ АЛЕКСАНДРОВКА

Между дер. Александровка и Жигулевском, справа от шоссе, в лесу на Чиликиной горе, близ дороги расположено городище. Оно очень большое, укреплено высоким валом и рвом (в нескольких местах имеются проезды). На поверхности заметны заплывшие ямы. Вся площадь поросла лесом.

Заложенные шурфы не дали материала. Лишь вблизи городища, у межевого столба найден обломок гончарного сосуда с узором из косых полос штампа, близкий подобным изделиям XIV—XV вв.

Городище, вероятно, являлось укреплением, а культурный слой или отсутствует вовсе, или занимает очень небольшую часть площади.

ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ СЕЛА УСОЛЬЕ У КОЛХОЗНОГО САДА

У юго-восточной, старой границы с. Усолье расположен колхозный фруктовый сад. Здесь, на склоне горы, близ горной дороги в Березовку и Жигули находятся остатки древнего поселения. Весь склон горы в этом месте покрыт обломками керамики, причем наибольшее количество ее концентрируется у овражка. Общие размеры площади, занятой находками, составляют 400 × 200 м. Вся керамика — гончарной работы, часто с нарезными узорами из линий и полукружий, иногда с вертикальным лощением.

Для уточнения характера поселения и глубины залегания культурного слоя были заложены 3 шурфа размером 1 × 1 м и один — размером 2 × 4 м. Раскопками вскрыт небольшой мощности культурный слой — до 0,2 м и только у оврага, в месте наибольшего скопления находок — до 0,4 м. Культурный слой здесь оказался очень насыщенным. Помимо гончарной керамики, встречены 2 фрагмента посуды ручной работы: один — со шнуровым узором, другой — с кружковым. В юго-восточном углу раскопа (квадрат 2) обнаружено скопление битого камня, а под ним — прослойка глины, но все это в бесформенном, разбросанном состоянии. С глубины 0,4 м началась материковая глина, и работы были закончены. Судя по найденному керамическому материалу, поселение существовало в XIV—XV вв.

ГОРОДИЩЕ «ГОРОДОК СТЕНЬКИ РАЗИНА» БЛИЗ СЕЛА УСОЛЬЕ

Небольшие работы были проведены на городище близ с. Усолье. Оно расположено на одной из гор, у так называемого Белого Камня, в горной цепи близ с. Усолье Шигонского района Куйбышевской области.

С севера городище возвышается над Воложкой и ее поймой и речкой Усолкой, впадающей здесь в Воложку. С этой стороны оно почти недоступно из-за крутизны склона. С запада и востока городище окружено глубоким ущельем, а с юга — так называемым Кобацким оврагом. Здесь склоны не так круты, и к городищу ведет отлогая дорога, возможно, бывшая в свое время въездом на городище. Поверхность городища, склоны гор, ущелья, тропа — все покрыто густым лесом. Сведения о Городке Стеньки Разина были получены от местных жителей с. Березовка Н. С. Севастьяновой и С. В. Безвестного.

При осмотре обнаружились две площадки, имеющие оборонительные укрепления. Первая площадка, отделенная от второй валом, составляет около 490 кв. м, площадь второй равна примерно 840 кв. м. Небольшие разведочные раскопы были заложены на обеих площадках. Оказалось, что культурный слой имеет очень небольшую мощность — 0,15—0,2—0,3 м[7]. В нем найдены обломки костей животных и керамики.

Керамика на обеих площадках городища одинаковая, ручной работы, двух типов: более грубая, с большой примесью толченой раковины, без орнамента, или же с очень мелкой затертой штриховкой на поверхности, иногда с гребенчатым орнаментом. Встречаются также экземпляры лучшей работы, из тщательно промешанной глины, хорошо обожженные. Найдена небольшая ручка от сосуда (рис. 1, *2—4, 7—9*).

По этим находкам городище, казалось бы, относится к одной определенной эпохе. Тем более неожиданными являются аналогии, возникающие при взгляде на керамику. Подобные узоры в сочетании с такой же фактурой поверхности и техникой выработки изделий встречаются среди находок в Приуралье, в памятниках конца I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. Абсолютно сходные экземпляры известны из нижних слоев Роданова городища в раскопках М. В. Талицкого[8].

Наличие слоя с подобной керамикой на городище, существующем одновременно с памятниками болгарскими и памятниками иного характера (напоминающими Приуральские) в пределах одного и того же района, заставляет задуматься о причинах этого явления. Мне кажется, объяснение следует искать в существующих здесь издавна соляных разработках, расположенных на берегу р. Усолки, при впадении ее в Воложку, под самым городищем.

Существование соляных варниц вблизи современного с. Усолье, по-видимому, вообще является причиной наличия здесь многочисленных разновременных памятников — и непосредственно у мест выработки соли, и несколько поодаль. К сожалению, этот интересный пункт остался до конца не исследованным. Находки болгарской керамики в верхних слоях поселения у Данилова озера, на нижних улицах с. Усолье и у колхозного сада свидетельствуют о существовании здесь поселений, связанных с разработкой соли, о вывозе ее и соляной торговле, производившейся с давних времен.

---

[7] Площадка 1. Шурф 1 заложен в 300 м от южного вала (размеры его — 2 × 1,5 м.). Под растительным слоем обнаружен культурный слой мощностью 0,2—0,3 м. Он имел черную окраску и включал большое количество каменного щебня. Ниже 0,3 м шел сплошной камень скалы. Находками культурный слой насыщен слабо. Встречены обломки керамики, мелкие осколки костей животных. Шурф 4 (1,5×1,5 м) заложен в середине площади городища. Так же как и в шурфе 1, культурный слой не был мощным, и находки не шли глубже 0,2 м. Найдено 10 обломков керамики и 2 кости. Шурф 8 (1×1 м) — у южного края городища. Как и всюду, глубже штыка 1 находок не было. Найдены 2 обломка сосудов и 2 кости.

Площадка 2. Шурф 2 (нумерация единая) размером 1×1 м заложен в 20 м от южного вала. под растительным слоем располагался культурный слой черного цвета. Ниже штыка 1 тоже шел каменный грунт. Найдены обломок керамики с гребенчатым узором, сходный с такими же обломками, обнаруженными на площадке 1, и фрагмент кости животного. Раскоп III (4×2 м) заложен в средней части городища, в виде двух квадратов размером 2 × 2 м каждый. Как и везде, культурный слой имел черную окраску и включал огромное количество каменной щебенки. Глубина его залегания не превышала 0,2—0,3 м. На квадрате 1 в штыке 1 найдены 10 фрагментов керамики и обломки костей животных; в штыке 2, в его верхней части — 3 маленьких осколка косточек; в квадрате 2, расположенном ближе к краю городища,— очень маленький обломок сосуда.

[8] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, 22, 1951, стр. 33—88.

А. Е. Алихова

ПОСЕЛЕНИЕ У СЕЛА РУССКАЯ БЕКТЯШКА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Поселение расположено на правом берегу Волги у самой пристани Русская Бектяшка (Ульяновской области, Сенгилеевского района) и впервые было обследовано П. Д. Степановым. Оно занимает небольшую, вытянутую с северо-востока на юго-запад площадку, по-видимому, останец первой надпойменной террасы, не заливаемой в половодье. Поселение разделено на две части молодым оврагом. С северной стороны площадка сравнительно круто поднимается к следующей террасе, а с юго-западной она ограничена большим, глубоким оврагом, носящим название «Кувай».

На краю поселения, обращенного к Волге и подмываемого весенними водами, были заложены небольшой раскоп (4 × 6 м) и 6 шурфов по двум взаимно перпендикулярным линиям; из них четыре — вдоль поселения на расстоянии 10—14 м от берегового края и два — в глубь поселения на расстоянии 24 и 44 м, считая от того же края на одной линии с раскопом и с одним из 4 шурфов. Выяснилось, что стратиграфия в разных частях поселения различна. В юго-западной части, расположенной между оврагом Кувай и овражком, культурный слой (за исключением самого удаленного вглубь поселения шурфа XXXVIII/22) был прикрыт слоем рыхлого чернозема (в среднем толщиной 0,5 м), не содержавшего находок. Этот слой образовался в результате смыва с участков, расположенных выше; он переходил без резких границ в серый золистый культурный слой толщиной в среднем 0,5 м. В раскопе и ближайших к нему 2 шурфах культурный слой также без резких границ переходил на глубине 1,1 м в слой черного суглинка, очевидно, являющегося остатком погребенного чернозема. В шурфах, удаленных от берега, находившихся ближе к горе, этот слой отсутствовал; видимо, он был смыт в древности. Культурный слой там лежал на материковом желтом суглинке.

В шурфе XXXVIII/22, расположенном ближе к горе, отсутствовал также и верхний, покрывающий слой чернозема. Культурный слой здесь начинался прямо с поверхности и шел до глубины 1,15 м. По другую сторону овражка серый культурный слой прослеживался лишь в ближайшем к нему шурфе в виде слабо выраженной прослойки на глубине 0,8—1 м, а в крайнем северо-восточном шурфе его совсем не было. Здесь в слое чернозема толщиной 2 м редкие находки встречались до глубины 1,3 м.

В одном из шурфов размером 2 × 4 м (XXXVIII/12, XXXIX/12) на глубине 0,6—0,8 м встречены, по-видимому, остатки очага — скопление обломков печины, пода, обожженной земли и обломков керамики. Здесь же, несколько выше, на глубине 0,5 м найдена роговая лопаточка (рис. 1, 2). Аналогичное орудие обнаружено 2-м отрядом Куйбышевской экспедиции на Шейкинском поселении, расположенном на противоположном берегу Волги к югу от с. Хрящевка [1].

В другом шурфе (XXXI/7) в нижней части культурного слоя также встречены остатки очага и медный предмет в виде мотыжки

[1] Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевки. КСИИМК, 50, 1953, стр. 52, рис. 21, 7.

с утолщенным сработавшимся краем. По форме своей рабочей части он близок мотыжке, найденной в Поднепровье [2]. Находки очагов в культурном слое и производственного инвентаря около них позволяют заключить, что жилища на этом поселении были, по-видимому, наземными.

Из других предметов следует отметить одно большое круглое глиняное грузило (рис. 1, *11*) и второй грузик меньшего размера. Основную же массу составляют находки гладкой керамики, среди которой встречено 25 обломков орнаментированных сосудов. Бо́льшая часть этих сосудов сделана из довольно хорошей глины и сравнительно хорошо обожжена. Орнамент на них мелкоямочный (рис. 1, 7), нарезной, гладкий штампованный и мелкозубчатый (рис. 1, *6, 8*).

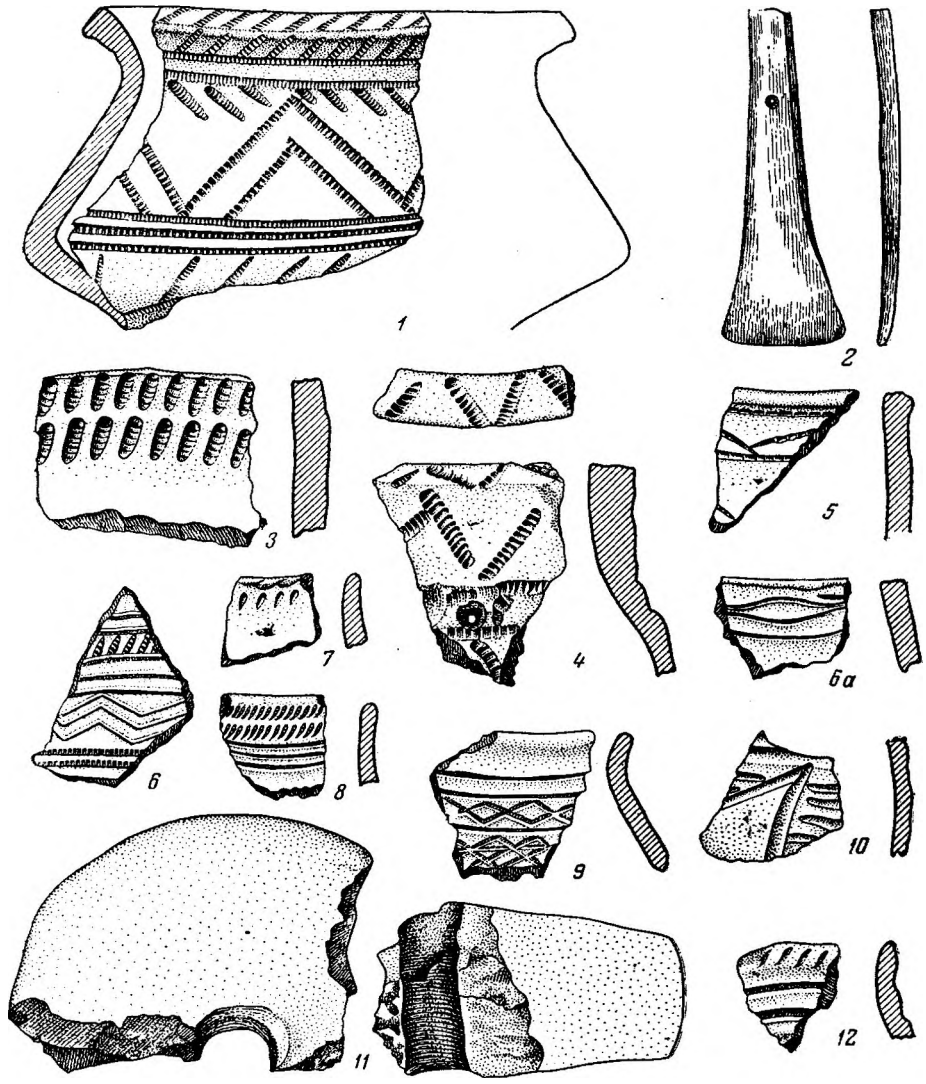


Рис. 1. Изделия из глины и рога с поселения у с. Русская Бектяшка (ум. вдвое).
1, 3—10, 12 — обломки сосудов; *2* — роговая лопаточка; *11* — грузило.

[2] A. Tallgren. La Pontide prèscythique après l'introduction des mètaux. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 177, рис. 104, *4*.

Вторую группу составляют толстостенные (рис. 1, *3, 4*) сосуды с утолщенной шейкой, иногда орнаментированной по краю. Следует заметить, что гребенчатый орнамент на всех сосудах нечеткий, со слабо выраженными зубцами. Среди этой керамики выделяется бок остроребериого сосуда (рис. 1, *1*) с сильно отогнутым краем, орнаментированный гребенкой с частыми зубцами. По форме этот сосуд совершенно тождественен известному сосуду из Верхне-Кизилского клада [3].

Сравнивая керамику Бектяшского поселения и Усинских поселений срубной культуры, можно проследить некоторые общие черты с материалом из более позднего Муранского поселения. Их сближают характер тонкого, как бы случайного, нарезного орнамента; распространенность узора из наклонных параллельных линий (Бектяшка, рис. 1, *3, 6, 8*), часто в сочетании с линейным; близкая профилировка и характер узора некоторых сосудов (Бектяшка, рис. 1, *9*). Все эти общие черты являются, с одной стороны, существенным хронологическим признаком, а с другой,— указывают на этнокультурную близость рассматриваемых памятников.

Однако, наряду с чертами, характерными для памятников позднесрубной культуры, выступают и иные. Самым ярким показателем является остроребериый сосуд (рис. 1, *1*), типичный для абашевской культуры. Очень своеобразен и сосуд с утолщенной шейкой (рис. 1, *4*), форма которого, к сожалению, не ясна. Резко отличается от срубной керамики и неорнаментированная посуда, среди которой преобладают сосуды с прямой, сравнительно высокой или более короткой шейкой. Лишь треть сосудов составляют баночные. Обращает на себя внимание форма некоторых днищ с закругленным краем, как бы округло-уплощенных. Так же не типична для соседних срубных поселений примесь раковины к глине.

Все вместе взятое указывает на смешанный культурный (срубно-абашевский) характер данного поселения, относящегося к эпохе поздней бронзы.

В заключение приведем данные о фауне, обработанные В. И. Цалкиным (см. таблицу).

Костные остатки животных и рыб

Штык	Рогатый скот		Лошадь	Свинья	Собака	Лисица	Рыбы
	крупный	мелкий					
1	6/1	4/1	1/1	—	—	—	1
2	3/2	5/2	2/1	—	—	1/1	1
3	17/3	1/1	6/2	1/1	—	—	—
4	23/3	4/3	9/1	2/1	1/1	—	—
5	21/4	4/1	4/2	4/2	—	—	—
6	2/1	—	—	—	—	—	—
	72/14	22/7	—	—	—	—	—

Примечание. В числителе указано количество костей, в знаменателе — особей.

Таблица дает наглядное представление о характере хозяйства. Ведущую роль в пищевом рационе занимает крупный рогатый скот Лошадь как убойное животное имеет второстепенное значение; она используется теперь в качестве тягловой силы. Приведенные данные свидетельствуют о развитом характере скотоводства. Наряду с последним, известную роль играло, очевидно, и земледелие.

[3] N. M. Bortvin. The Verkhny-Kizil Find. ESA, III, Helsinki, 1928, стр. 126, рис. 3a, 3b.

В. Ф. Генинг

СЕЛИЩЕ И МОГИЛЬНИК С ОБРЯДОМ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ ДОБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛА РОЖДЕСТВЕНО В ТАТАРИИ

Летом 1948 г. экспедицией Казанского филиала Академии наук СССР под руководством Н. Ф. Калинина был открыт интересный комплекс памятников у с. Рождествено Лаишевского района Татарской АССР [1]. В 1956—1957 гг. на этих памятниках под руководством автора были проведены рекогносцировочные раскопки, давшие новый, чрезвычайно любопытный материал.

Памятники у с. Рождествено расположены на третьей террасе правого берега р. Меши — правого притока Камы. На северной окраине террасы находятся селище доболгарского времени и мусульманский могильник; в северо-западной стороне — селище доболгарского и домонгольского и к югу от них — могильник с обрядом трупосожжения. Во всех 3 пунктах были заложены небольшие раскопы общей площадью 594 кв. м.

Хронологически эти материалы относятся к 2 периодам — доболгарскому и к XII—XIII вв. Памятники XII—XIII вв. представлены землянкой прекрасной сохранности с двумя глинобитными печами и погребениями в деревянных гробах, сколоченными коваными гвоздями. Костяки слегка повернуты на правый бок и обращены головой на запад, лицом — к югу.

Это краткое сообщение посвящено памятникам доболгарского времени.

I

На селищах доболгарского времени раскопками вскрыты остатки 4 землянок: одной — на раскопе I и трех — на раскопе II. Все землянки частично разрушены, но это не препятствует восстановлению их формы и размеров. Две землянки имеют совершенно одинаковые размеры и конструкцию. Приведем для примера описание остатков землянки I из раскопа I (рис. 1).

Котлован землянки имеет четырёхугольную форму, размер его — 6 × 5,7 м; ориентирован углами по сторонам света. Глубина дна от современной поверхности — 1,25—1,32 м, а от уровня древней поверхности, времени сооружения землянки,— 1—1,1 м. У верхнего края котлован расширяется ступенькой (ширина ее 30—40 см, глубина — 25—30 см). В центре дна землянки вырыта яма *1* глубиной 45 см и диаметром (в верхней части) 36 см. В яму был вставлен деревянный столб диаметром 22—23 см.

Центральный столб являлся опорным для поддержания всей кровли землянки. Судя по наличию лишь одного центрального столба, землянка имела четырёхскатную крышу, которая упиралась нижней частью в ступенькообразное углубление вдоль котлована. Каркас крыши состоял, вероятно, из деревянных жердей, покрытых травой, соломой и ветками и присыпанных сверху слоем земли.

[1] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды Казанского филиала Академии наук СССР, Казань, 1954, стр. 54.

В заполнении котлована землянки, после ее разрушения, выделяется глинисто-землистый перемешанный слой (5-й), почти не содержащий культурных остатков (рис. 1, *2*); у края котлована толщина его доходит до 0,5—0,6 м, а к центру он выклинивается. Этот слой является, вероятно, остатками обвалившейся крыши землянки.

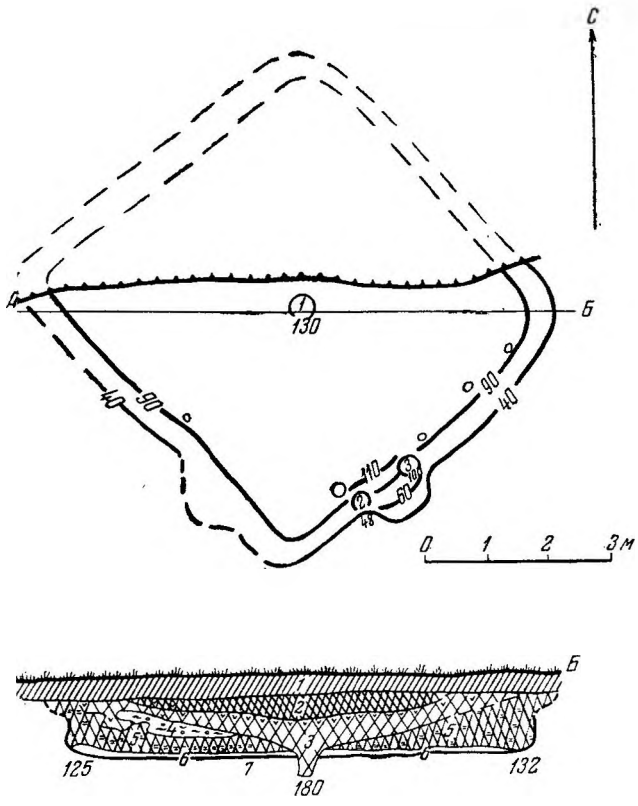


Рис. 1. План (*1*) и разрез (*2*) жилища 1.

В юго-восточной стенке, ближе к южному углу, находился вход в землянку. По обе стороны от него были вкопаны столбы на расстоянии 90 см друг от друга (ямы *2* и *3*). Эти столбы служили косяками дверей и одновременно поддерживали кровлю над входом. Вход в землянку, в виде лестницы из 4—5 ступенек, выступал на 35—40 см внутрь землянки. Ступеньки были сделаны из досок, уложенных в зарубки-пазы наклонных бревен. В период использования землянки под досками накопилась темная земля, сохранившая свое очертание и после разрушения, что и дало возможность достаточно четко проследить устройство лестницы.

На полу землянки находилась тонкая прослойка темной земли, почти не содержавшая культурных остатков. Здесь обнаружены лишь несколько мелких фрагментов керамики, усеченно-биконическое пряслице и колесовидная бусина из желто-оранжевого стекла.

Совершенно аналогичную конструкцию имела землянка IV в раскопе II. У этого жилища северный угол разрушен землянкой болгарского времени. Ни в землянке I, ни в землянке IV не обнаружено остатков очагов. Может быть, это объясняется тем, что северная половина, где они могли находиться, разрушена.

Землянки II и III на раскопе II сохранились очень плохо. По времени они более поздние, чем землянка IV, поскольку землянка III стратиграфически перекрывает ее. Котлованы у них несколько меньше: глубина — 0,7—0,8 м, ширина — 2,7 м. Может быть, это только наиболее углубленная часть землянки.

Кроме землянок, на площади раскопов обнаружено много ям-кладовок крупного и мелкого размера.

Основной материал, собранный на селище, состоит из обломков глиняной посуды. В абсолютном большинстве это очень грубые плоскодонные горшки с большой примесью дресвы и шамота в тесте (см. ниже рис. 6, *20*). Шейки у них всегда несколько отогнуты наружу, а горловина сосуда широко открыта. Сосуды подобного типа уже неоднократно описывались в литературе и не представляют чего-либо нового[2].

Но, наряду с этой керамикой, в материале селища встречается и несколько отличающаяся от нее посуда. Это тоже плоскодонные горшки, но профилировка их иная. Прямая, довольно высокая шейка резко переходит к сильно выпуклому тулову, которое суживается к очень небольшому днищу (рис. 6, *19*). Эти сосуды отличаются от предыдущих гораздо более тщательной формовкой, присутствием в глине лишь мелкого песка,

[2] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 45—51, рис. 17, *2* — *5*; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА. № 42, 1954, рис. 44, *2*; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище (статья в настоящем сборнике, стр. 225 и сл.).

а не дресвы и шамота, ровной, хорошо заглаженной поверхностью, нередко доходящей до лощения. Общее количество таких сосудов не превышает 5—7% всей керамики селища.

Комплекс селища, и в частности землянок, датируется по нескольким бусинам. Колесовидная бусина желто-оранжевого стекла из землянки I относится к IV—V вв. н. э. по аналогиям в могильниках харинского времени, где подобные бусы встречаются очень часто [3]. В яме около землянки I найдена четырнадцатигранная бусина из синего стекла, тождественная встречаемым в погребениях могильника (см. ниже рис. 4, *2*). В одной из ям раскопа II обнаружена бусина-подвеска колесовидной формы из оранжевой смолы. Подобные бусы-подвески очень часто находят в прикамских памятниках IV—V вв., особенно в харинских погребениях [4]. Таким образом, ранняя дата остатков селища относится к IV—V вв. н. э.

II

Могильник с трупосожжениями расположен в 200—300 м к югу от раскопа II, непосредственно близ границ распространения культурного слоя селища. На сравнительно ровной поверхности террасы здесь находится небольшое возвышение в виде гряды, вытянутой с запада на восток. В восточной стороне это возвышение выходит к береговому обрыву, где в отдельных местах можно заметить слабые углубления, содержащие у дна скопления мелких пережженных костей.

Площадь, занятая могилами, не установлена, но в раскопе III погребения встречались уже единично. Очевидно, здесь — северная окраина могильника. Площадка могильника распахивается, и никаких следов могил на поверхности нет. На пашне изредка встречаются обломки болгарской и грубой лепной посуды; болгарская относится к остаткам селения, на котором раскопом III вскрыты ямы-погреба и зерновые ямы. Установить принадлежность керамики второго типа пока не удалось. Очертания могильных ям обнаруживались обычно после снятия пахоты и подпахотного слоя (общей толщиной около 0,3 м). Иногда очертания ям не фиксировались, поскольку слой чернозема на площади раскопа достигал мощности 0,4—0,5 м; лишь в тех случаях, когда могильная яма прорезала чернозем и входила в подстилающий суглинок, последний, присутствуя в засыпи могилы, давал возможность определить очертания ямы (рис. 2).

Погребение 1 (РIII, участок Г/1). На глубине 0,37 м обнаружено скопление пережженных костей тремя кучками на площади 20 × 60 см, в направлении север — юг. В средней кучке различимы фрагменты черепных костей человека. Около северной кучки найден малый глиняный сосудик (№ 705; рис. 6, *4*), с юго-восточной стороны средней кучки — большой сосуд (№ 706; рис. 6, *7*), вокруг которого в беспорядке лежали бусы: крупная уплощенная четырнадцатигранная из белой массы (вероятно, обожженный сердолик; рис. 4, *1*), четырнадцатигранная из синего прозрачного стекла, цилиндрическая с округлыми концами из непрозрачного стекла бирюзового цвета (рис. *4, 2, 4*), а также куски сплавившихся бус последних двух типов, медная пластинка — обоймочка со шпеньком (рис. 4, *10*), кусочки и капли сплавившейся меди.

Погребение 2 (РIII, участок А/9) Остатки погребения. Найдены в береговом обнаружении на глубине 0,4 м. Могильная яма — овальной формы (в направлении север — юг), длиной около 100 см. На глубине 0,6 м вдоль восточной стенки ямы оказались 3 кучки пережженных костей, вдоль западной — две.

Погребение 3 (участок Ж/21 [5]). Прямоугольная могила размером 80 × 35—40 см была ориентирована в направлении север — юг. На глубине 0,35—0,36 м на дне ямы были равномерно рассыпаны пережженные косточки.

Погребение 4 (участок Ж/23). На глубине 0,45 м обнаружены скопление пережженных косточек и глиняный горшочек (№ 814; рис. 6, *5*).

---

[3] A. V. Schmidt. Kačka. ESA, т. I, Helsinki, 1927, стр. 22, рис. 3, *3*.

[4] В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, 57, 1955, стр. 117, рис. 42, *5, 6*.

[5] Раскоп IV; см. рис. 2.

Погребение 5 (участок Ж/22). Вскрытая на глубине 0,35 м могильная яма имела овальную форму и размер 100 × × 60 см; ориентировка ее — в направлении север — юг. Глубина основной части ямы — 0,5 м; размеры ее здесь — 93 × 50 см, дно слегка овальное. В южной стороне ямы,

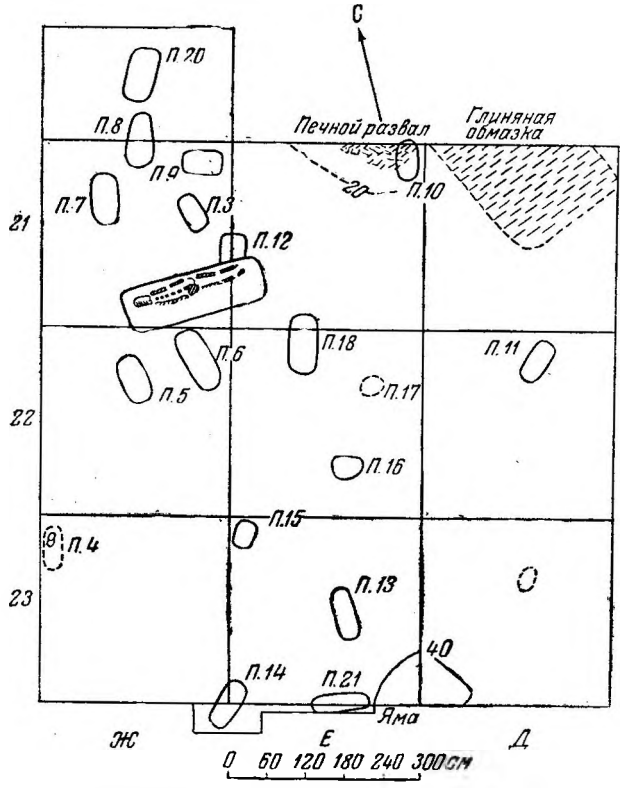


Рис. 2. План раскопа у с. Рождествено.

углубленной еще на 5—7 см, обнаружено скопление пережженных костей слоем 4—5 см, а рядом с ними — железные вещи: шило, пряжка и заклепка (рис. 4, *19, 20*). В засыпи могильной ямы с глубины 0,35 м попадались пережженные косточки и мелкие фрагменты грубой лепной керамики.

Погребение 6 (участок Ж/22; рис. 3, *1*). Могила прямоугольной формы, размером 110 × 55 см находилась на глубине 0,4 м и была ориентирована в направлении север — юг. С глубины 0,6 м и до дна (на глубине 0,8 м) длина могилы составляет 83 см, ширина в северном конце — 46 см, в южном — 36 см. В южном конце ямы, углубленном несколько больше, найден крупный глиняный сосуд (№ 845; рис. 5, *1*), к северу от него — второй сосуд меньшего размера (№ 844; рис. 6, *13*) и к востоку от последнего — на боку два одинаковых малых сосудика очень плохого обжига (№ 843; рис. 6, *9*). В северном конце ямы была кучка пережженных косточек, которые встречались изредка и в засыпи могилы.

Погребение 7 (участок Ж/21). На глубине 0,5 м вскрыта могильная яма подчетырёхугольных очертаний, размером 70 × 45 см, ориентированная в направлении север — юг. С глубины 0,6 м яма продолжалась лишь в северной половине (размером 45 × 38 см) до глубины 0,75 м от поверхности. У южной стенки углубленной части ямы встречен большой глиняный сосуд (№ 880; рис. 5, *6*), рядом (к северо-востоку) — второй сосуд меньшего размера (№ 846, рис. 6, *15*). В северной стороне оказалась кучка пережженных костей человека (судя по малым размерам отдельных косточек,— подростка или ребенка). В большом сосуде найдена медная бляшка-накладка (рис. 4, *8*), в засыпи могилы — мелкие фрагменты лепных сосудов, две стеклянные бусины и обломок медного браслета (рис. 4, *12*).

Погребение 8 (участок Ж/20—21). Могильная яма вытянутых (с севера на юг) очертаний имела длину 85 см, ширину 45 см у северного конца и у южного — 62 см. У дна, на глубине 0,41 м, размеры ямы были 75 × 35—50 см. В заполнении могилы встречены пережженные кости человека и железная пряжка (рис. 4, *18*).

Погребение 9 (участок Ж/21). Прямоугольная могила была ориентирована в направлении с запада — северо-запада на восток — юго-восток. На глубине 0,4 м размеры ее были 61 × 52 см, а у дна, на глубине 0,62 м — 50 × 50 см. В юго-западном углу ямы, в углублении найден глиняный сосуд (№ 955; рис. 5, *9*). В восточной стороне обнаружены пережженные кости человека и 2 медных пронизки (рис. 4, *13*), а в засыпи — глиняное пряслице и обломок кольцевой подвески (рис. 4, *11, 21*).

Погребение 10 (участок Е/21). Могильная яма размером 65 × 35 см и глубиной 65 см была ориентирована с севера на юг, с небольшим отклонением северного конца к востоку. В южном конце ямы, в неболь-

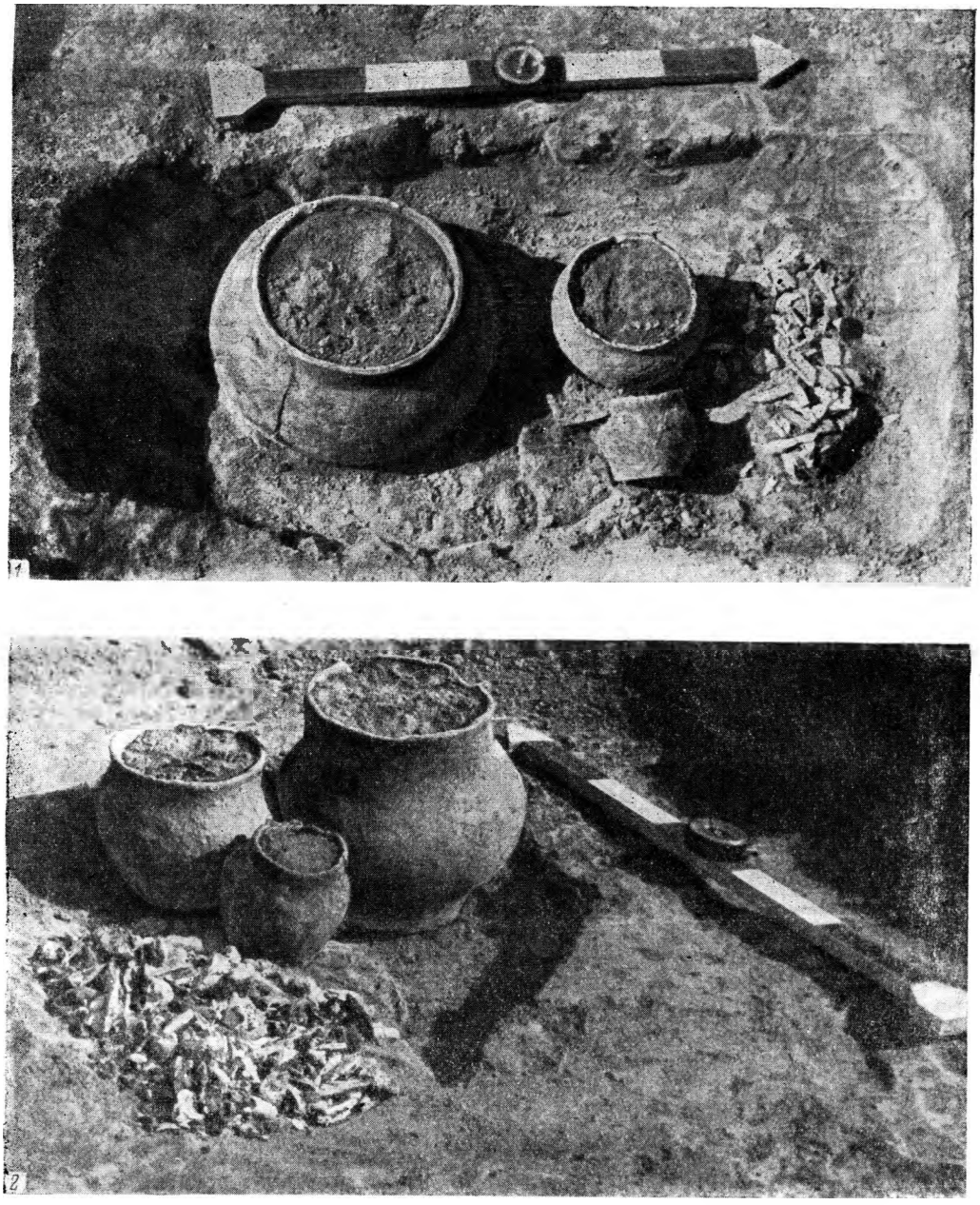


Рис. 3. Погребения (трупосожжения) из могильника у с. Рождествено.
1 — погребение 6; *2* — погребение 13.

шом углублении оказался большой глиняный сосуд (№ 975; рис. 5, *2*), у северного конца — меньший (№ 976; рис. 6, *17*). Между сосудами у восточной стенки ямы обнаружены кучка пережженных костей человека и железная пряжка (рис. 4, *17*). Сверху могила была перекрыта печным развалом болгарского времени.

Погребение 11 (участок Д/22). Ориентированная с северо-востока на юго-запад (38°) прямоугольная могильная яма была размером 62 × 42 см и глубиной 0,59 м.

У южной стенки в углублении найден большой глиняный сосуд (№ 980; рис. 5, *8*), в центре — второй, меньшего размера (№ 979; рис. 6, *8*). В северной половине ямы на дне (в южной половине) мусульманским погребением. Ширина могилы — 46 см, глубина — 0,72 м; ориентировка с северо-северо-востока на юго-юго-запад (15°). У северной стенки

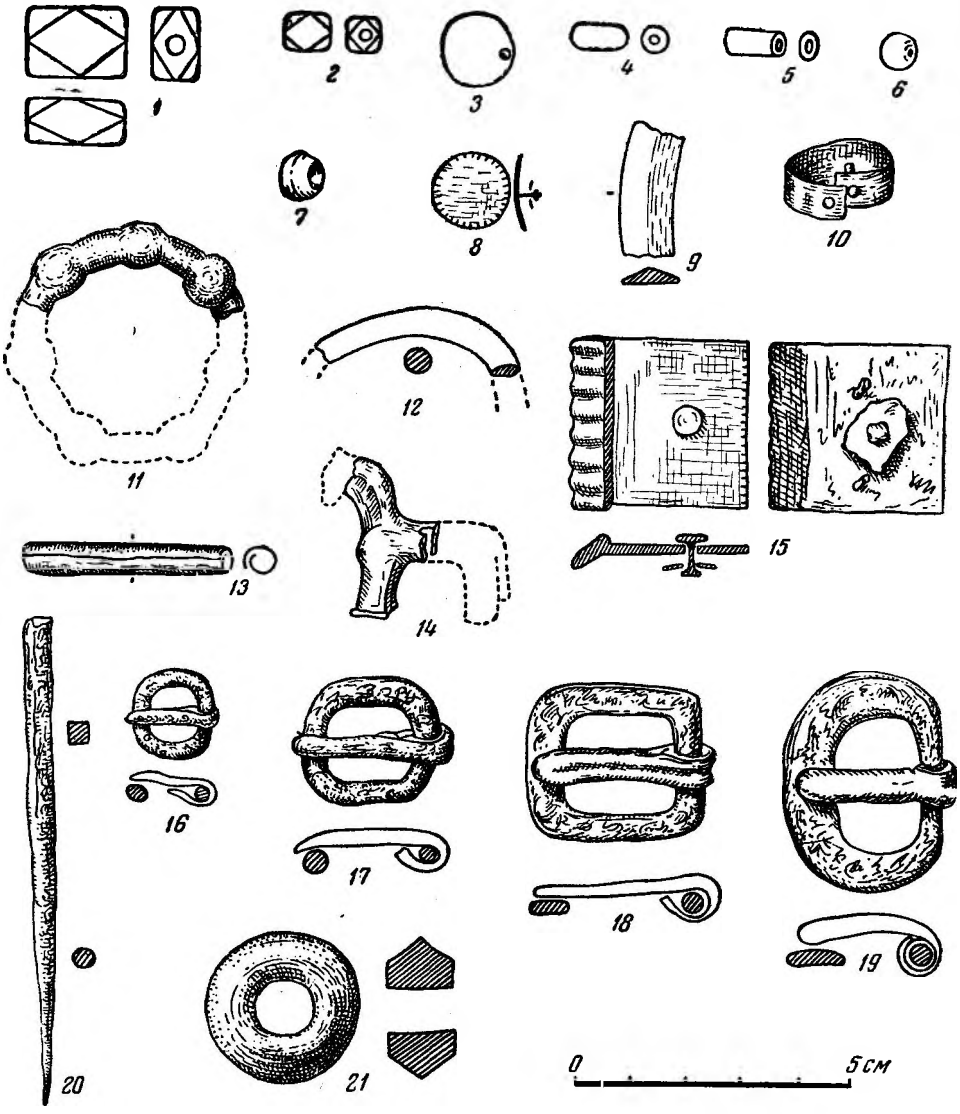


Рис. 4. Предметы из могильника у с. Рождествено.

1—7 — бусы; *8* — медная бляшка; *9* — обломок кольца; *10* — кольцо; *11* — кольцевая подвеска; *12* — обломок медного браслета; *13* — пронизка; *14* — металлическая фигурка животного; *15* — поясная бляшка; *16—19* — пряжки; *20*—шило; *21* — глиняное пряслице.

находилась кучка пережженных костей человека, в засыпи — обломок глиняного пряслица (рис. 4, *21*).

Погребение 12 (участок ЕЖ/21). Могила с трупосожжением была разрушена могилы в углублении обнаружен большой глиняный сосуд (№ 983; рис. 5, *5*), в середине, у западной стенки — второй сосуд, меньший (№ 984; рис. 6, *10*), наполовину срезанный при рытье могилы для

мусульманского погребения. По всему дну могилы и частично в засыпи встречены пережженные кости человека и следующие вещи: глиняное пряслице, медный наконечник пояса, цилиндрическая бусина из полупрозрачного стекла бирюзового цвета (рис. *4, 5, 15, 21*) обломки медной пластины (возможно,— накладки круглой формы, со шпеньком) и сплавившиеся полоски меди.

Погребение 13 (участок Е/23; рис. 3, *2*). Прямоугольная могильная яма размером 100 × 47 *см* была ориентирована в направлении север — юг. Южная половина углублена на 0,48 м, северная, двойной ступенькой — еще на 0,1 м. В углублении у западной стенки лежала кучка пережженных костей человека, а в восточной половине найдены 3 сосуда: большой — у стенки (№ 1000;

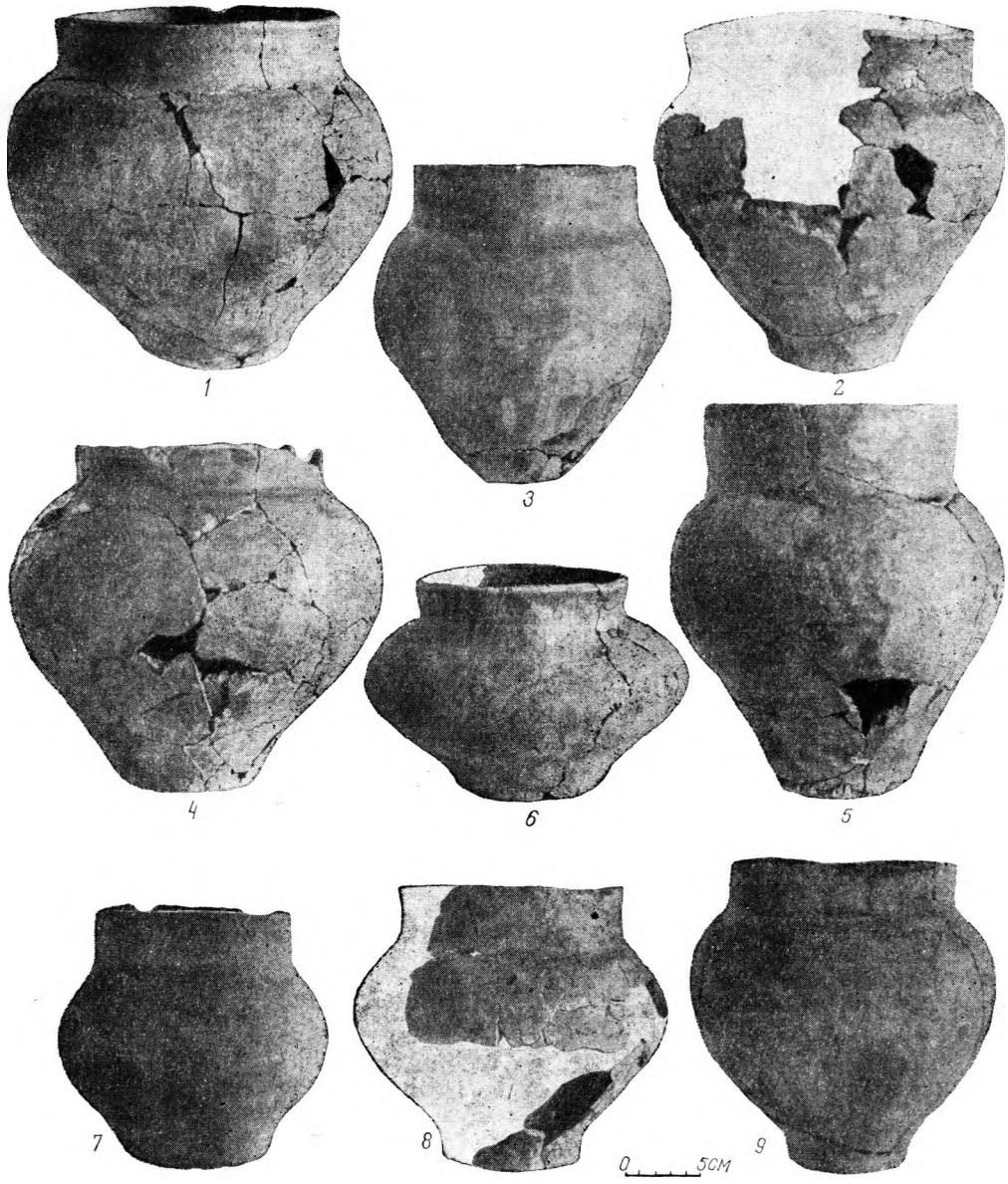


Рис. 5. Керамика (*1—9*) из могильника у с. Рождествено.

рис. 5, *7*), два меньших — в середине (№ 1001 и 1002; рис. 6, *3, 12*). В засыпи могильной ямы оказалось несколько сплавившихся стеклянных бус оранжевого и синего цвета (рис. 4, *3, 6*).

Погребение 14 (участок ЕЖ/23—24). Могила прямоугольных очертаний была размером 100 × 50 см и глубиной 0,45 м. Ориентировка — в направлении северо-восток — юго-запад (30°). У дна обнаружено скопление пережженных костей человека, а в засыпи, на глубине 0,25 м — железная пряжка (рис. 4, *16*).

Погребение 15 (участок Е/23). Вскрытая могильная яма имела прямоугольную форму, размер 59 × 46 см и глубину 0,45 м. Ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад (20°). В северной половине ямы, у восточной и западной стенок стояло по небольшому глиняному сосуду (№ 1007 и 1008; рис. 6, *2, 11*), между которыми (у северной стенки) находилась кучка пережженных костей человека. В засыпи могилы на глубине 0,3 м найдены глиняное пряслице (рис. 4, *21*), кусочки стекла от сплавившихся бус и несколько обломков глиняного сосуда грубой лепки.

Погребение 16 (участок Е/22). Могильная яма в слое чернозема не прослеживалась; зафиксирована лишь наиболее углубленная часть ямы размером 41 × 55 см и глубиной 0,5 м от поверхности. Эта часть ориентирована с востока на запад (105°). У северной стенки встречен глиняный сосудик (№ 1033; рис. 6, *6*), в центре — кучка пережженных костей человека (младенца). В засыпи могилы обнаружены глиняное пряслице (рис. 4, *21*) и 4 сплавившихся бусины из оранжевого стекла. Около сосуда — крупный черепок от грубого сосуда.

Погребение 17 (участок Е/22). На глубине 0,37 м найден глиняный сосуд (№ 1039; рис. 6, *18*); к югу от него в небольшом овальном углублении оказались кучки пережженных костей человека (младенца). В засыпи обнаружены фрагменты лепного сосуда и обломок медной подвески — конька (рис. 4, *14*).

Погребение 18 (участок Е/21—22). Могила прямоугольных очертаний, размером 103 × 52 см и глубиной 0,65 м была ориентирована в направлении север — юг (13°). Дно овальное, сильно суживающееся. В северной половине, в дополнительном углублении встречен большой сосуд (№ 1057; рис. 5, *3*), а к югу от него на боку лежал другой, меньший (№ 1058; рис. 6, *16*). В середине обнаружена кучка пережженных костей человека, у восточной стенки — 9 сплавившихся бусин из бирюзового и оранжевого стекла, сплавившиеся медные вещи и язычок от железной пряжки.

Погребение 19 (участок Д/23). На глубине 0,25—0,3 м найдено скопление пережженных костей человека.

Погребение 20 (участок Ж/20). Прямоугольная могильная яма размером 95 × 55 см и глубиной 0,38 м была ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад (20°). На дне — скопление пережженных костей человека, в засыпи — глиняное пряслице и медная бусина (рис. 4, *7*, 21).

Погребение 21 (участок Е/23—24). Могильная яма длиной 90 см, ориентированная с востока на запад, была разрушена в верхней части (в южной половине) позднейшей ямой. У дна, на глубине 0,67 м, размеры могилы составляли 86 × 57 см. Около западной стенки найден большой сосуд (№ 1071; рис. 5, *4*), в северо-восточном углу — малый (№ 1072; рис. 6, *14*); в середине, у северной стенки — кучки пережженных костей человека.

Погребение 22 (PIII, участок В/3). Ориентированная в направлении север — юг могила прямоугольной формы была размером 70 × 45 см и глубиной 0,67 м. Около западной стенки, ближе к северной стороне лежали кучка пережженных костей человека и 2 обломка медных пластинок.

Погребение 23 (PIII, участок Г/3). На глубине 0,25—0,3 м обнаружена кучка пережженных костей человека.

Раскопками могильника в 1957 г. вскрыто 23 погребения. Несколько погребений было раскопано здесь весной 1956 г. (из одного погребения происходит сосуд, изображенный на рис. 6, *1*) и ранее в разведках Н. Ф. Калинина [6]. Размеры могильных ям невелики, максимальная длина не превышает 1 м. Из 17 погребений, где удалось проследить очертания ям, такая длина была у шести; остальные могилы имели в длину от 60 до 90 см. Ширина могил соответственно была

---

[6] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ..., стр. 53, рис. 16, *7, 8, 15, 16*.

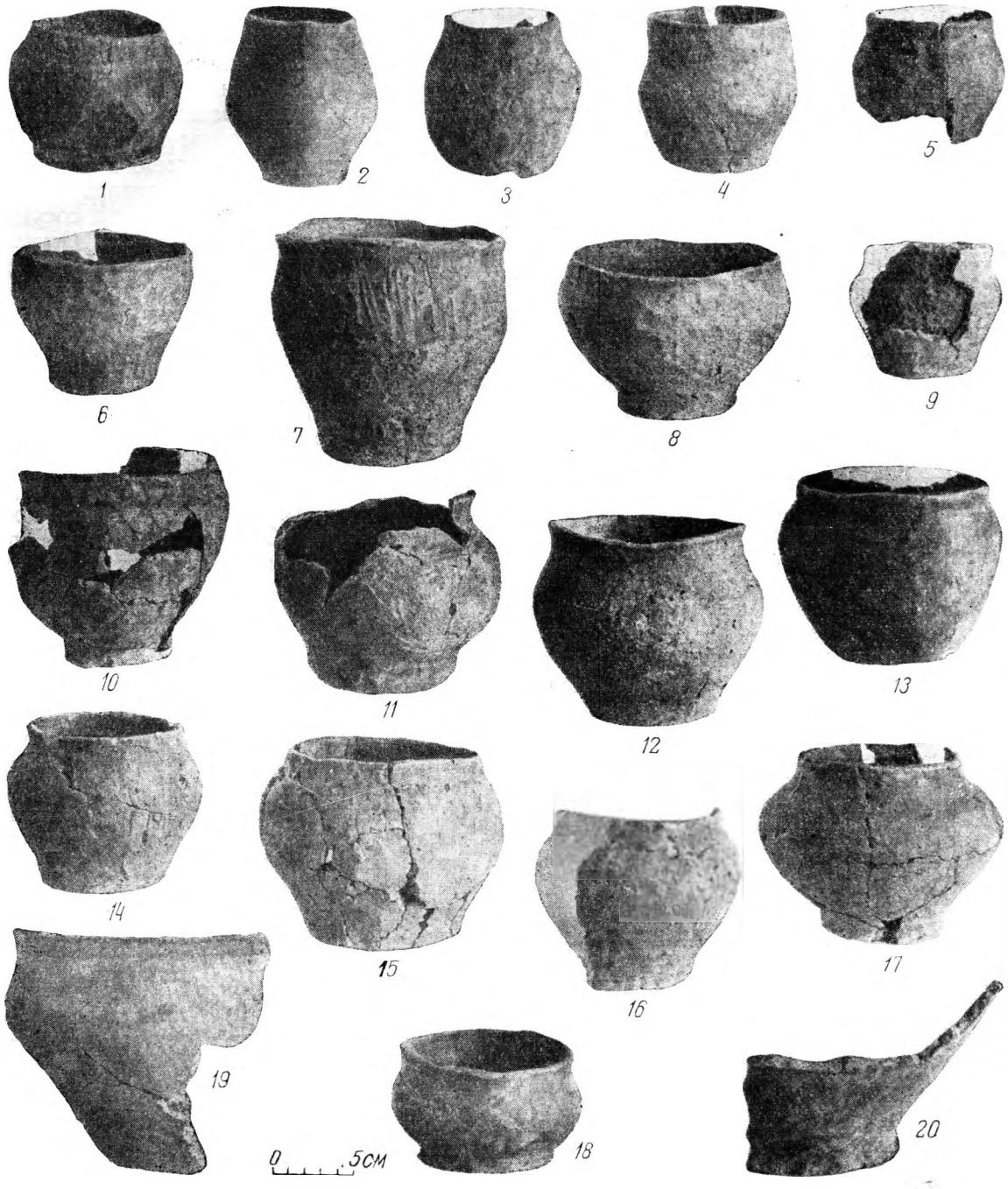


Рис. 6. Керамика из могильника (*1—18*) и селища (*19, 20*) у с. Рождествено.

у семи — 50—60 см, у восьми — 40—49 см и у двух — 35 см.

Форма ям чаще прямоугольная с округленными углами. В двух случаях (погребения 3 и 8) могилы в северных концах были несколько уже, чем в южных. У дна могильные ямы суживались, а дно у некоторых могил имело слегка овальную форму. Интересно отметить еще несколько характерных особенностей в форме могильных ям. В некоторых могилах один конец ямы был дополнительно углублен еще на 7—10 см, и в этих углублениях обычно находились сосуды и пережженные кости человека. Особенно хорошо такое двойное ступенеобразное углубление зафиксировано в погребении 13. Кроме того, во всех могилах, где находились крупные сосуды, под ними всегда была небольшая лунка, соответствующая форме дна сосуда, куда он и ставился.

Глубина могилы до основного дна также невелика. Из 23 погребений глубину 0,3—0,5 м имели 14 могил и 0,51—0,8 м — девять. Ориентированы могильные ямы чаще всего по линии север — юг (11 погребений) и с отклонением до линии северо-восток — юго-запад (5 погребений). Ориентировка с востока на запад и с запада — северо-запада на восток — юго-восток была всего у 3 погребений.

Мелкие пережженные кости, находившиеся в ямах, несомненно, принадлежат человеку. В нескольких случаях очень хорошо были различимы кости черепа, зубы и фаланги пальцев человека. Умерший сжигался где-то на стороне. Тщательно пережженные кости выбирали из костра и без каких-либо примесей (угля, золы) высыпáли кучкой в могильную яму. Чаще всего кости находились у северной стенки могильной ямы (6 случаев) и в середине (7 случаев). По 2—3 случая приходится на положение кучки костей у южной, восточной или западной стенок.

Основным инвентарем погребений являются глиняные сосуды, однако не во всех могилах (в 9 погребениях они отсутствовали). Количество их в одной могиле достигает четырех (погребение 6); 3 сосуда также были лишь в одной (погребение 13), два — в восьми и по одному — в 4 могилах. Сосуды резко различаются не только по размерам, но и по качеству. Крупные сосуды (с диаметром горловины 14—17 см и высотой 22—27 см) встречались не более одного в погребении. Интересно положение сосудов в могиле. Как правило, они стояли в южном конце могил, ориентированных по линии север-юг (5 погребений); в противоположном конце сосуды обнаружены всего два раза (погребения 12 и 18); в могилах, имевших ориентировку с востока на запад, сосуды находились в западной стороне. Остальные сосуды, меньшего размера, стояли всегда в центре могилы или у северной стенки (6 и 5 случаев).

Других вещей в погребениях найдено крайне мало. В 7 погребениях их вообще не было, из них в четырех не оказалось и сосудов. Стеклянные бусы и некоторые медные вещи обнаружены в большинстве случаев в виде сплавившихся капель и слитков. При сжигании трупа некоторые украшения, очевидно, оставались на умершем, и они пострадали от огня. Остальные предметы почти всегда сломаны, причем в погребениях находилась лишь часть обломков.

Для всех погребений характерно, что вещи лежали не вместе с кучкой пережженных костей, а рядом — или еще чаще — в засыпи могильной ямы. С вещами в заполнении могил нередко попадались отдельные пережженные кости. Может быть, наличие в засыпи косточек и вещей объясняется тем, что перед погребением костей в могильной яме их высыпáли около могилы при совершении какой-то тризны. После засыпки основной массы костей в могилу часть их оставалась на месте и попадала в засыпь. В это же время в яму бросали, вероятно, обломки вещей.

Пока не удалось установить происхождение фрагментов битой лепной посуды в засыпи могил: или это специально разбитые сосуды от тризны, или результат существования на площади могильника небольшого слоя селища.

Таков погребальный обряд, установленный первыми раскопками на могильнике.

Перейдем к характеристике вещевого материала погребений. Основную массу вещей составляют глиняные сосуды. Всего их собрано 26 экземпляров в 14 погребениях (см. таблицу).

Все сосуды по форме относятся к типу плоскодонных горшков (рис. 5, *б*), а отдельные даже приближаются к баночным (рис. 6, *б—8*).

Характеристика сосудов из погребений Рождественского могильника

Погребения	№ сосуда	Размеры (см)				Состав глины		Поверхность			№ рисунка
		диаметр			высота	шамот	песок	грубая	гладкая	лощеная	
		шейка	тулово	днище							
1	705	8	10,5	7	10		+			+	6, *4*
	706	13	14	8	14		+	+			6, *7*
4	814	8	9	?	9	+		+			6, *5*
6	843	8	9	6	8	+		+			6, *9*
	844	13	15	8	12	+		+			6, *13*
	845	20	27	10	25		+			+	5, *1*
7	846	11	14	9	12	+		+			6, *15*
	880	15	22	11	16		+		+		5, *6*
9	995	17	24	9	24		+		+		5, *9*
10	976	10	15	8	12		+	+			6, *17*
	975	17	23	10	23		+			+	5, *2*
11	979	13	14	7	12		+	+			6, *8*
	980	14	20	8	(?)		+	+			5, *8*
12	984	10	13	7	12	+		+			6, *10*
	983	18	24	10	27		+			+	5, *5*
13	1000	14	21	12	19		+		+		5, *7*
	1001	7	10	7	10	+		+			6, *3*
	1002	12	14	8	13	+		+			6, *12*
15	1008	7	10	6	11	+			+		6, *2*
	1007	9	13	8	20	+		+			6, *11*
16	1033	11	11	7	9	+		+			6, *6*
17	1039	10	11	8	7	+		+			6, *18*
18	1058	11	15	7	13	+		+			6, *16*
	1057	15	22	9	22		+			+	5, *3*
21	1072	10	12	8	10	+		+			6, *14*
	1071	17	26	10	23		+			+	5, *4*
—	—	—	—	—	—	13	13	16	4	6	—

Уже указывалось, что сосуды резко разделяются на 2 группы по размерам: крупные, с диаметром горловины 14—17 см и высотой 22—27 см (рис. 5) и мелкие, с диаметром горловины 7—13 см и высотой 7—14 см (рис. 6, *1—18*). Обе эти группы отличаются одна от другой и техникой изготовления, и формой. Крупные сосуды вылеплены из глины с примесью мелкого песка или растительности (рис. 5, *8*) и — изредка — небольшого количества шамота. Поверхность их тщательно заглажена (рис. 5, *6, 7, 9*), в большинстве случаев даже до лоска (рис. 5, *1—5*). Среди мелких сосудов подобной техникой изготовлено лишь два (рис. 6, *2, 4*), из них один залощен (рис. 6, *4*). Эти сосудики приближаются к крупным и по форме, для которых характерны высокие прямые шейки, сильно раздутое тулово и небольшое днище (рис. 5).

Мелкие сосуды изготовлены очень грубо, из глины с большим количеством примеси дресвы и шамота (рис. 6, *1—18*). По форме большинство сосудов относится к широко открытым горшкам. Разница между диаметром горловины, тулова и днища у них весьма незначительна (см. таблицу).

Обжиг сосудов обеих групп средний; лишь единичные экземпляры очень слабо обожжены (рис. 5, *8*; рис. 6, *9*).

Сохранившиеся бусы сравнительно немногочисленны. Среди них — крупная четырнадцатигранная плоская бусина из белой непрозрачной массы (рис. 4, *1*; обожженный сердолик?); из синего прозрачного стекла, круглая и четырнадцатигранная (рис. 4, *2,*

3); из бирюзового полупрозрачного стекла, цилиндрическо-приплюснутые (рис. 4, *4, 5*) и золоченая круглая, диаметром 4—6 мм (рис. 4, *6*). Несколько сплавившихся бус, форму которых установить не удалось, были сделаны из оранжевого стекла. Медная бусина (рис. 4, *7*) представлена всего одним экземпляром.

Среди медных вещей в материале 1957 г. имеются: круглая бляшка-накладка со шпеньком и шайбочкой, приклепывавшаяся, очевидно, к ремню; края ее украшены насечкой (погребение 7; рис. 4, *8*); обломок трехгранной в сечении пластинки, возможно, от какого-то украшения (погребение 22; рис. 4, *9*); обоймочка-оковка со шпенькомгвоздиком (погребение 1; рис. 4, *10*).

Для этих вещей трудно найти какие-либо аналогии. Обломок медного кольца с тремя шарообразными расширениями происходит от подвесок, имеющих обычно нечетное количество шарообразных выпуклостей по кольцу (рис. 4, *11*). Подобные подвески бытовали довольно широко, в том числе и в культурах Прикамья. Один экземпляр, лишь несколько меньшего размера, происходит с Корчейского городища VI—VIII вв.[7] Совершенно аналогичная подвеска найдена на Морочатском городище[8], откуда происходит монета Кавада (491—531 гг.)[9]. Некоторое сходство имеет также подвеска меньшего размера из Зародят[10]. Раскопки этого памятника в 1952—1953 гг. дали материалы, относящиеся к V—VI вв.

Обломок литой коньковой подвески (рис. 4, *14*) находит аналогии в многочисленных памятниках харинской культуры III—V вв. Подобные коньки найдены на Опутятском городище[11], в Грудятах[12], на Митинском могильнике[13] и в других памятниках.

Интересна массивная литая накладка с 3 шпеньками сзади. Скошенная передняя часть накладки имеет гофрированную поверхность, противоположный конец украшен насечкой (рис. 4, *15*). Накладка могла служить наконечником пояса. Подобные наконечники поясов нам не встречались, но близкие типы в виде обжимных пластин были широко распространены в прикамских культурах III—V вв. н. э. (правда, чаще всего они не литые, а пластинчатые, паяные)[14].

Обломок круглого медного прута происходит, очевидно, от браслета (рис. 4, *12*). Браслеты из круглых медных дротов распространены также в прикамских культурах III—VI вв. н. э. Подобные браслеты имелись в погребении 80 Поломского могильника[15]. Материал этого погребения обоснованно датируется IV—V вв. н. э.[16]

Из погребения 9 происходят две пронизки в виде трубочек, согнутых из тонких медных пластин (рис. 4, *13*). Подобная техника изготовления украшений изредка встречается в окских могильниках середины I тысячелетия н. э.[17]

Из железных вещей найдены пряжки небольших размеров с круглой, овальной, четырехугольной и шестиугольной рамками (рис. 4, *16, 19*), шило (рис. 4, *20*), обломки тонких пластин со шпеньками и заклепками, очевидно, от накладок (погребение 5) и железный стержень,— может быть, язычок от пряжки (погребение 18).

В 6 погребениях (9, 11, 12, 15, 16 и 20) встречены глиняные пряслица. Все они — усеченно-биконической формы и изготовлены из хорошо отмученной глины серого цвета (рис. 4, *21*).

Материал вскрытых погребений позволяет датировать их широко — III—VI вв. Более определенной, но менее точной датой, нам кажется, может быть VI в.

---

[7] А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, 1902, табл. III, *19*. Городище обследовано нами в 1956 г.

[8] Коллекция Пермского областного музея.

[9] Ф. А. Теплоухов. Древности пермской чуди из серебра и золота. Сб. «Пермский край», т. III, Пермь, 1895 г. стр. 271.

[10] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XXXVI, *17*.

[11] В. Ф. Генинг. Ук. соч., стр. 117, рис. 45, *3*.

[12] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. VI, 12. Многочисленные находки из Грудят и Зобачевой на р. Ломоватовке происходят из разрушенного могильника V—VI вв. Среди этих находок есть аффригидская монета (МАР, № 26, 1902, табл. VII, *18*) и подражание китайской монете V в. (в коллекции Пермско-Ильинского музея).

[13] Раскопки автора на могильнике в 1956 г. Материал датируется IV—V в. н. э.

[14] В. Ф. Генинг. Ук. соч., рис. 42, *4*.

[15] Коллекция Государственного Эрмитажа.

[16] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 92.

[17] Древности бассейнов рек Оки и Камы. В обработке А. А. Спицына. МАР, № 25, 1901, табл. XIX, *4, 5*.

III

Селища типа Рождественского на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья — в пределах Татарии и соседних областей — довольно многочисленны, хотя пока еще мало исследованы [18].

Совершенно иначе обстоит дело с могильниками. Рождественский могильник с трупосожжениями является пока почти единственным памятником этого рода. Некоторое сходство с Рождественским могильником, по нашему мнению, имеют остатки погребения, вскрытого еще в конце прошлого столетия П. А. Пономаревым у с. Балымеры (ныне Куйбышевский район Татарской АССР). Раскопки в этой местности производились дважды, но, к сожалению, авторы раскопок не опубликовали результатов, а описание их было дано А. А. Штукенбергом [19]. В 1870 г. А. И. Стоянов раскопал 6 курганов, расположенных в 1 км к северо-западу от дер. Балымеры, на высокой местности, поросшей дубовым лесом. Курганы, состоявшие из насыпи песка, перемешанного с черноземом, имели куполообразную форму диаметром 8, 5 м. «Во всех курганах на глубине 0,8—0,9 м были находимы зола, уголь, обгорелые кости домашних животных» [20]. Ничего другого в курганах не обнаружено. В конце 80-х или начале 90-х годов П. А. Пономарев раскопал вновь несколько курганов, но лишь «в одном из курганов, кроме золы, угля, кусков ошлакованной глины и обломков обгорелых костей, было найдено также несколько вещей, принадлежащих погребенному тут покойнику, очевидно, воину» [21].

Инвентарь этого погребения представляет значительный интерес [22]. Здесь обнаружен согнутый почти пополам железный меч, сильно обгоревший, побывавший, вероятно, в костре. Длина меча — 90 см, из которых 13 см приходятся на рукоять. Ширина обоюдоострого клинка, с плоским долом в середине, у рукояти равна 5 см. Книзу он суживается, но незначительно: ширина на расстоянии 10 см от конца равна 3,5 мм. Стержень рукояти плоский, шириной у основания 8 см, у конца — 1,5 см. Крестовина, надетая на стержень рукояти, имеет длину 9 см, высоту 2 см и толщину (в средней части) 1,5 см. Набалдашник, надетый также на стержень рукояти, конец которой слегка расклепан, состоит из двух частей: нижняя по форме соответствует крестовине, но несколько меньшего размера (длиной 7 см), верхняя (полуовальной формы, длиной 7 см и высотой 2,5 см) разделена на 3 части двумя глубокими бороздами, красиво оформляющими набалдашник. На поверхности крестовины и нижней части набалдашника выбит орнамент в виде поставленных на угол квадратов из точечных углублений (по 4 ямки в каждой стороне квадрата). Возможно, что в этих ямках находилась серебряная насечка. По обе стороны от рядов квадратов проведены неглубокие каннелюры.

Среди инвентаря погребения находились: железное кресало, «медная оправа (длина — 10 см), снабженная небольшим колечком для привешивания» [23] (может быть, это трубочка для трута?) и оригинальная вещица, сделанная «из меди и имеющая форму комбинации куба и октаэдра, находящихся в равновесии... На плоскостях этого кубика, имеющих четырёхугольное очертание, заметны небольшие борты (отделанные бороздками, в которых расположен ряд точечных наколов) и по три несколько вдавленных маленьких очка, расположенных треугольником... Эти очки совершенно сходны с очками современных игральных костей» [24].

Остальные медные вещи, представленные «2 круглыми бляшками, более чем 20 небольшими медными зажимами, в виде скобок, для скрепления ремней и 1 медной петлей...» [25], а также двумя плоскими медными оковками и двумя стерженьками с круглыми головками, А. А. Штукенберг относил к принадлежности пояса или перевязи. Однако аналогии в вятско-ветлужских могильниках IX—XI вв. поз-

[18] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ..., стр. 44 и сл.

[19] А. А. Штукенберг. Древняя курганная могила около деревни Балымер в Спасском уезде Казанской губернии. ИОАИЭ, т. X, вып. 2, Казань, 1892, стр. 155—166.

[20] Там же, стр. 156.

[21] Там же.

[22] В фондах Государственного музея Татарии в Казани нам удалось обнаружить лишь железный меч. Остальные вещи, вероятно, утеряны и нами воспроизводятся по фотографии.

[23] А. А. Штукенберг. Ук. соч., стр. 158.

[24] Там же, стр. 158, 159.

[25] Там же, стр. 156.

воляют все эти предметы считать украшениями кожаного кошелька. Подобные вещи хорошей сохранности неоднократно обнаружены при раскопках Юмского и Веселовского могильников [26].

Вместе с вещами и обгорелыми костями были найдены обломки небольшого глиняного «горшка, раздавленного насыпью или растрескавшегося во время сжигания трупа» [27]. А. А. Штукенберг дважды отмечает очень грубую выделку горшка, который имел плоское дно диаметром 8 см и «бокальчатую форму. Около верхнего края он был украшен орнаментом, состоявшим из трех рядов небольших углублений четырёхугольного очертания. Горшок этот при выделке не подвергался обжигу» [28].

Время этого погребения — IX—X вв.— с достаточной точностью определяется мечом, имеющим многочисленные аналогии не только в древнерусских комплексах [29], но и на Западе. Как известно, мечи так называемого каролингского типа были чрезвычайно широко распространены. Как уже указывалось, к этому же времени относится и своеобразный тип кожаных кошельков с медными украшениями.

Захоронение с трупосожжением, открытое у с. Балымеры, должно быть поставлено в один ряд с Рождественским могильником. На это с полной достоверностью может указывать не только обряд трупосожжения, но и глиняный горшок, совершенно той же формы и техники, что и рождественские. Единственное, что отличает балымерский горшок, — это орнамент, который не встречен на рождественской посуде. Но это лишь некоторое своеобразие, допустимое для разных районов. В связи с той картиной погребального обряда, которая вскрыта на Рождественском могильнике, становится ясным, почему меч согнут пополам. Могильные ямы были очень невелики и меч необходимо было согнуть, чтобы поместить в могилу.

Таким образом, обряд трупосожжения на данной территории просуществовал у местных племен вплоть до IX—X вв., когда там уже находились болгары и сложилось государство.

Трудно пока решить вопрос, был ли это повсеместно распространенный обряд, или он сосуществовал с обычным трупоположением и являлся, таким образом, лишь характерным для отдельных групп местного населения Нижнего Прикамья. Сведения, которыми мы пока располагаем, чрезвычайно скудны. Отнесение к этому же времени Куйбышевского, одного Рождественского и Измерского могильников с трупоположениями лишь потому, что в засыпях могильных ям найдена грубая лепная керамика,— малоубедительно [30]. Проверка на II Рождественском могильнике показала, что эти погребения относятся к болгарскому времени.

Вопрос о распространенности обряда трупосожжения среди местных племен в доболгарскую эпоху остается пока открытым за недостатком фактического материала. Однако обращает на себя внимание полное сходство керамики из могильника и не только рядом расположенного селища, но и с многочисленных других поселений этой эпохи. Выше нами уже отмечалось, что на селище имеется также небольшая группа лощеных сосудов (рис. 6, *19*), полностью сходных с сосудами из могильника и по технике изготовления, и по форме.

Могильник с трупосожжением, несомненно, оставлен населением, обитавшим на ближайшем селище, описанном выше.

Совершенно своеобразный погребальный обряд, обнаруженный на могильнике, требует тщательного анализа. Однако его нельзя отрывать от рассмотрения всего материала этого времени в Нижнем Прикамье и прилегающих частях Поволжья. Рано в настоящее время решать вопрос о происхождении этого обряда,— это может привести лишь к заблуждениям. В первую очередь сейчас необходимо пополнение наших знаний исследованием новых памятников.

[26] Раскопки В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова в 1957 г.

[27] А. А. Штукенберг. Ук. соч., стр. 159.

[28] А. А. Штукенберг. Ук. соч., стр. 159.

[29] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 223—228.

[30] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков Итоги археологических работ..., стр. 53, 54.

Н. В. Тухтина

РАСКОПКИ 1957 ГОДА БЛИЗ СЕЛА КРИУШИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В течение многих лет Куйбышевская археологическая экспедиция проводит работы по исследованию памятников волжских болгар. Основное место отводилось изучению городов. Однако для разрешения проблемы феодализма материал города недостаточен, поэтому в последние годы все больше внимания уделяется исследованию селищ.

В 1957 г. по инициативе Ульяновского музея были проведены раскопки на берегу р. Тушны — правом притоке Волги, против с. Криуши. Селище это было выбрано не случайно. В трудах I Археологического съезда в 1869 г. была опубликована статья К. И. Невоструева «О городах Волжско-Болгарского и Казанского царства»[1] с приложением письма криушинского священника, который дал очень точное описание местонахождения городища при впадении р. Арбушки в р. Тушну, против с. Криуши. Здесь же недалеко, на высоком мысу, на берегу Волги находилось другое городище, которое под названием «Арбуга» или «Арбухима» упоминалось еще Олеарием в 1636 г.[2] Эти же сведения, но уже менее конкретно, сообщает и В. Н. Поливанов[3].

Из этих двух городищ экспедицией 1957 г. обнаружено только одно, расположенное на мысу Волги; напротив же с. Криуши, на р. Тушне, открыто селище.

Основные работы экспедиции велись на селище. Произведен сбор подъемного материала и точно выявлена общая площадь сохранившейся части поселения, достигающая 120 000 кв. м.

Наиболее насыщенной находками оказалась территория возле Рейдового поста — единственного здания на этом берегу. В настоящее время селище быстро разрушается, размываемое с двух сторон реками Арбушкой и Тушной.

На селище были заложены 3 раскопа, общей площадью 300 кв. м. Все раскопы точно ориентированы в направлении север — юг и разбиты на 25 квадратов. Один из раскопов (раскоп III) находился за пределами селища и не содержал культурных остатков; его заложили в качестве контрольного для выяснения границ селища.

Раскоп I был разбит в центральной части селища, в 40 м к югу от левого берега р. Арбушки, на вспаханном и засеянном кукурузой поле. Стратиграфия залегания слоев следующая: первый, перепаханный слой толщиной 0,15—0,3 м оказался наиболее насыщенным различными находками; второй слой мощностью 0,5—0,6 м — темно-серая гумированная супесь — был также насыщен культурными остатками; в нижней части его местами прослеживалась погребенная почва; третий слой — материковая светло-желтая глина — не содержал никаких культурных остатков; начинался он на глубине 0,8—1,3 м от нулевой точки раскопа. Общая мощность культурного слоя — 0,8—1,3 м. Характер находок всюду одинаков; число их после 1-го штыка начинает резко

[1] К. И. Невоструев. О городах Волжско-Болгарского и Казанского царств. Труды I Археологического съезда, вып. II, М., 1869, стр. 592.

[2] Там же, стр. 555.

[3] В. Н. Поливанов. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900, стр. 9, 10.

сокращаться. Количество обнаруженных обломков керамики по штыкам изменяется следующим образом: 1-й штык — 762 обломка, 2-й — 226 обломков, 3-й — 109 обломков, 4-й — 54 обломка; в 5-м штыке находок не было.

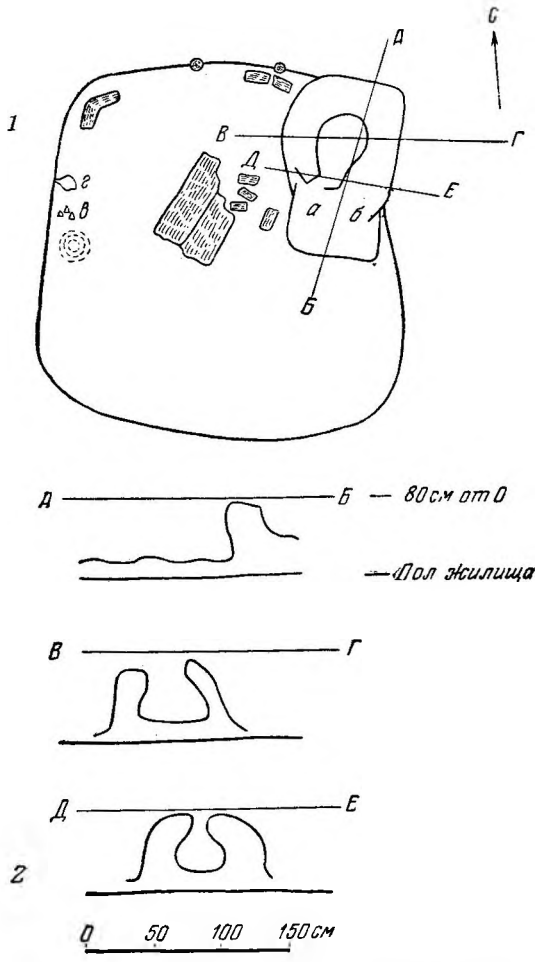


Рис. 1. План жилища (*1*) и сечения печи (*2*).
а, б — сосуды; *в, г* — фрагменты сосудов.

Раскоп I оказался наиболее насыщенным различными сооружениями, вероятно, благодаря его расположению в центре селища. На площади 100 кв. м обнаружено 5 ям, остатки жилища и развал печи. Жилище было открыто в юго-восточной части раскопа на глубине 0,7—0,8 м. Сначала появилось прямоугольное пятно, ограниченное полоской обожженной глины и угольков толщиной 2—4 см. Эта красновато-черная полоска очень четко выделяла границы жилища из остального культурного слоя. В процессе дальнейших раскопок выяснилось, что это прямоугольная полуземлянка размером 2,9 × 2,7 м, со слегка округлыми углами, ориентированная почти точно по странам света (рис. 1, *1*).

Основание жилища, углубленное в материк, оказалось на 0,7 м ниже тогдашней поверхности почвы. Вся подземная часть жилища была обшита деревом, от которого после пожара остались горизонтально расположенные угольки и вертикальные колышки, крепившие стены.

Некоторые конструктивные детали, обнаруженные при расчистке полуземлянки, дают основание для ее реконструкции. В центре южной стенки сохранилась часть центрального столба для крепления крыши, диаметром 20 см. На углах жилища никаких столбов нет. Это позволяет сделать вывод, что крыша была двускатная. Часть крыши упала на дно жилища при пожаре, и сверху эти обгорелые доски покрыты слоем глины; возможно, что крыша была обмазана глиной. Кровля опиралась, очевидно, не непосредственно на землю, а на стены, являвшиеся как бы продолжением деревянной обшивки.

Вход в жилище находился в западной стенке, где обнаружены 2 столбика на расстоянии 70 см друг от друга. Рядом с входом, в северо-западном углу жилища, вплотную со стенами стояла глинобитная печь овальной формы, обращенная устьем на восток (рис. 1, *2*). Верх печи обвалился при пожаре, хотя в основном она сделана очень тщательно и прочно. Наружные размеры печи вместе с шестком — 1,3 × 0,8 м, внутренние — 70 × 50 см. Толщина стенок — от 15 до 30 см. Шесток возвышается над полом на 0,07 м; на нем обнаружены 2 целых сосуда, одинаковых по форме, тесту и качеству обжига. Оба горшка сделаны из желтой глины на гончарном круге, без лощения. Венчики вертикальные, покрытые горизонтальным рифлением. На плечиках у одного сосуда — орнамент в виде фестонов, у другого — овальные наклонные вдавления. Оба сосуда — с очень широким туловом, суживающимся книзу. Высота их — 16,5 и 18 см (рис. 2, *1, 2*).

У южной стенки полуземлянки была полка для посуды, рухнувшая во время пожара

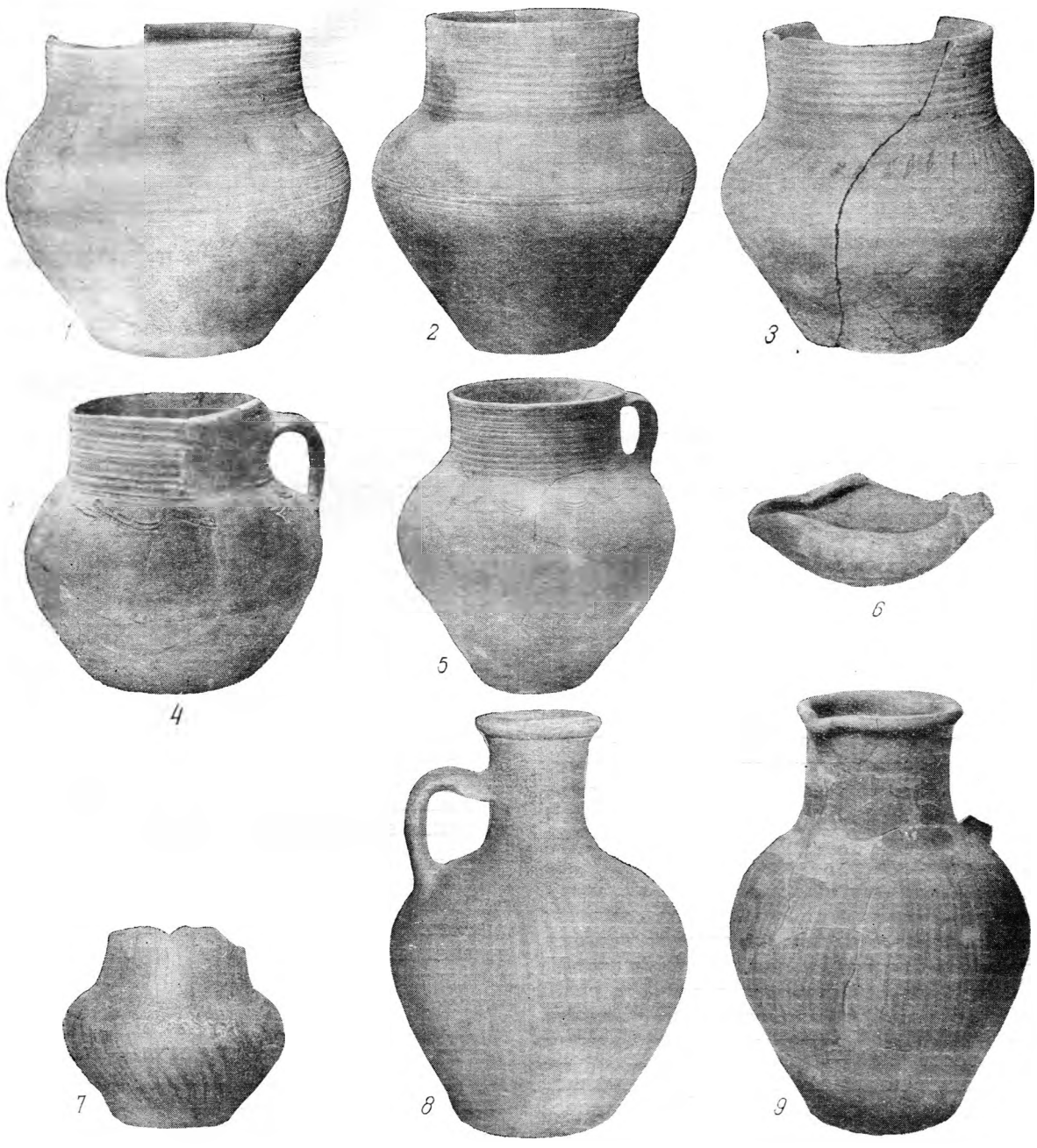


Рис. 2. Керамика из жилища.

1—5 — горшки с высокой шейкой; *6* — светильник; *7—9* — кувшины.

вместе со стоявшими на ней горшками. Здесь найдено много обгорелого дерева, вперемежку с целыми и разбитыми сосудами, впоследствии реставрированными (рис. 2, *3*).

Большинство сосудов находилось выше уровня пола. Среди них — кувшин лощеный, желтый, с узким туловом (рис. 2, *9*); горшкообразный сосуд такого же типа, как найденные возле печки, только с отбитым венчиком; небольшой кувшинчик с вертикальным лощением по венчику и косым — по тулову, тоже с отбитым верхом (рис. 2, *7*).

Под завалом рухнувшей полки, на самом полу жилища обнаружены еще 2 сосуда с ручками — самые крупные из всех найденных в полуземлянке. Один из них — высокий кувшин, покрытый вертикальным лощением (рис. 2, *8*); другой — желтый, нелощенный, плохого обжига, того же типа, что и горшки, найденные в печке, но бо́льших размеров и с ручкой (рис. 2, *5*). Подобный же сосуд с ручкой найден у восточной стенки жилища; там же оказался глиняный светильник с носиком и ручкой (рис. 2, *6*). Такого типа светильники, встречающиеся на всех болгарских памятниках, бытовали в течение долгого времени.

Других вещей в жилище встречено немного: обломок глиняной лепешки с вдавлениями (возможно,— изображение хлеба), кусок бронзовой проволоки и глиняное пряслице. В печи на поду найдено большое количество обгорелых зерен злаков.

Как видно, инвентарь жилища очень небогат и представлен в основном керамикой. Ясно, что во время пожара жители вынесли все ценное, оставив только самое дешевое — глиняные сосуды. Надо отметить, что сосуды, найденные в жилище, представляют единый комплекс; они очень однообразны и плохо обожжены — в обыкновенных печах.

Обломки подобных сосудов встречались и раньше при раскопках болгарских городов, но форма их тогда не была ясна. Целые сосуды такого типа впервые в Поволжье найдены в Криушах.

На соседних участках (3, 4, 8 и 9-м) открыт развал второй печи, состоявший из камня и обожженной глины. Камни известковые, обожженные, легко распадающиеся. Печь имела вид прямоугольника размером 1,1 × 1 м. Предположительно внутренняя площадка пода может быть определена между камнями, вмазанными в глину на глубине 1,02 м; она равна 70 × 80 см. Эта печь, очевидно, входила в жилой комплекс; обнаружить его не удалось из-за трудности определения границ жилища в культурном слое.

Хотя жилища в виде прямоугольных полуземлянок с глинобитными печами известны на многих болгарских памятниках (в Болгарах, Суваре и др.), появление их в Среднем Поволжье связывается с приходом болгар, так как в более раннее время на этой территории бытовали простые каменные очаги, ставившиеся в углу или центре жилища.

На Северном Донце, при раскопках Салтовского селища, С. А. Плетнева [4] вскрыла жилища VIII—IX вв., которые тоже отапливались простыми каменками.

Глинобитные печи и жилища прямоугольной формы были широко распространены у славян днепровского левобережья в VIII—IX вв.

И. И. Ляпушкин опроверг существовавшую до сих пор в археологической литературе точку зрения о сложных многокамерных родовых славянских жилищах и опубликовал планы раскопанных им полуземлянок с глинобитными печами из Опошнянского, Полтавского и Новотроицкого городищ [5]. По своему устройству эти жилища идентичны полуземлянке I селища Криуши.

Близки также и хозяйственные ямы для хранения зерна. Зернохранилища колоколовидной формы известны в Болгарах, Суваре, на Пальцинском селище Ульяновской области и других болгарских памятниках. На юге они были открыты на раннеславянских поселениях, например на городище Монастырище, исследованном Н. Е. Макаренко [6].

На раскопе I обнаружена яма № 3 под развалом печи. Яма в плане — овальной формы, расширяется в нижней части. Глубина ее — 0,81 м. Заполнение ямы — рыхлая гумированная супесь. Другая яма (№ 1) открыта на участке 26-27. Она также имеет

---

[4] Доклад С. А. Плетневой на секторе славяно-русской археологии ИИМК 21 февраля 1958 г.

[5] И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян днепровского левобережья VIII—X вв КСИИМК, 68, 1957, стр. 3 и сл.

[6] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, рис. 23 и 27, *12*.

колоколовидную форму, синхронна яме № 3 и является одним из древнейших объектов на раскопе. В ней найдено очень много различных вещей; вероятно, она сначала была зернохранилищем, а затем превращена в свалку.

Кроме двух колоколовидных, там же обнаружены еще 3 ямы. Одна из них — яма № 2 — перерезала жилище и имела неопределенные границы. В ней оказалась очень интересная миска на 3 ножках (рис. 3), напоминающих лапы. Миска коричневая, хорошего обжига, с наружной и внутренней сторон лощеная; орнаментирована по краю венчика двумя горизонтальными полосами,

Рис. 3. Миска-треножник.

а ниже, на расстоянии 5 см от верхнего края венчика,— еще двумя параллельными полосами. Миска очень широкая и низкая; высота ее — 11,5 см, диаметр — 29,8 см.

Раскоп II был заложен над самым обрывом постоянно разрушающегося берега р. Арбушки, в 140 м к северо-западу от раскопа I. В профиле обрыва реки были замечены ямы, почему в этом месте и был заложен раскоп площадью 100 кв. м.

Стратиграфия залегания слоев такая же, как в раскопе I. Общая толщина культурного слоя — 1—1,1 м.

Большинство находок встречено в штыке 1; в штыке 2 находок еще было довольно много. Наиболее массовым материалом является керамика. В штыке 1 найден 1131 фрагмент, в штыке 2 — 186 фрагментов керамики; в следующих штыках количество находок незначительно.

На раскопе II обнаружены 4 ямы и развал печи. Три ямы имеют колоколообразную форму и одна — чашеобразную. Все ямы были зерновыми. Среди них наибольший интерес представляет яма № 2, находившаяся у самого северного края раскопа. Диаметр верхней части ямы — 70—80 см, площадь дна — 170 × 145 см. Заполнение ямы — темная земля с массой углей, золы, рыбьих костей и чешуи, особенно многочисленных в верхней части ямы. В ней найдены: обломок железной рукоятки ножа; круглое пряслице из черного камня; голубая бусина из глухого стекла, грушевидной формы; 69 обломков керамики и — на дне ямы — масса обгорелых зерен пшеницы, ржи, ячменя, полбы.

На участке 10 открыты остатки печи, состоявшей из глиняной обмазки, булыжника и известняка.

Раскоп II оказался очень скудно насыщенным сооружениями. Возможно, это была самая окраина села. Наиболее массовый материал — керамика. Всю посуду Криушинского селища можно разделить на 2 основных группы — гончарную и лепную. Целые сосуды встречены только в жилище раскопа I; остальные находки представлены большим количеством обломков, которые не всегда дают возможность определить форму сосуда.

Гончарная керамика на селище ничем не отличается от обычной болгарской посуды. Здесь встречается керамика сероглиняная, красноглиняная, желтоглиняная, что объясняется характером обжига. При плохом обжиге в изломе стенки обычно имеется прослойка другого цвета. Количество посуды хорошего и плохого обжига приблизительно одинаково. Лучше всего обжиг у красной посуды. На раскопе I, например, не встречено ни одного красного обломка плохого обжига. Большинство гончарных сосудов покрыто лощением, что очень характерно для болгарской посуды вообще. Встречается лощение вертикальное, перекрестное, косое.

Формы сосудов довольно разнообразны; правда, их не всегда можно установить по небольшим фрагментам. В этом отношении очень помогают целые сосуды, найденные в жилище. Основные типы посуды — кувшины, горшки и миски. Наиболее распространенными находками являются обломки кувшинов, почти всегда лощеных, с вертикальным горлом и пухлым или слегка утолщенным венчиком.

Посуда в виде горшков представлена в основном 2 типами — с вертикальными и с

отогнутыми венчиками. Горшки с вертикальными венчиками, найденные в жилище целыми, уже описаны выше. Кроме целых, на селище встречено много обломков венчиков с горизонтальным рифлением от сосудов того же типа.

Подобные сосуды часто встречаются в могильниках «полей погребальных урн», волынцевского типа. Они известны из раскопок Д. Г. Березовца [7] у с. Волынцево Путивльского района, Сумской области, где целые горшки с вертикальным венчиком и широким туловом, наполненные остатками трупосожжений и костями, ставили в небольшую ямку, сразу по нескольку штук и присыпали землей. Сосуд такого же типа обнаружен на р. Донце в Дмитровском катакомбном могильнике, в склепе 17, при раскопках С. А. Плетневой [8]. В Салтовском могильнике горшок такой формы был встречен всего один раз, и он резко выделяется среди обычной салтовской посуды. Появление здесь подобного сосуда можно рассматривать как результат влияния близких соседей салтовцев — славян.

Но как попали эти сосуды на Волгу? Объяснить это можно только тем, что при движении болгарских племен из Приазовья часть из них оседала по дороге; другие, наоборот, увлекали за собой новых людей, которые жили по соседству с теми областями, через которые проходили болгары. Это произошло и со славянами, принесшими на Волгу глинобитные печи и свои формы посуды.

Среди всех керамических находок особое место занимает миска на 3 ножках, найденная в яме № 2 под жилищем раскопа I. Сосуды на ножках встречаются очень редко. В памятниках раннего железного века иногда отмечались подобные сосуды, но они отличаются устройством ножек: там они обычно вертикальные, а у криушинской миски напоминают лапы животного. Наиболее близкая аналогия рассматриваемой чаше происходит из района города Беговат в Узбекистане, близ Ширин-Сая [9]. Там была найдена чаша со слегка вогнутыми стенками и обрезом края, скошенным внутрь; от криушинской ее отличают только устройство ножек и отсутствие линейного орнамента.

Обломок красноглиняной лощеной миски с ножкой найден также на болгарском городище Хулаш в Больше-Тарханском районе Татарии [10]. У этой миски ножка тоже отогнута в сторону, но не имеет вида лапы животного. Интересно, что такая миска (вернее всего,— привозная) найдена в Хулаше, очень богатом городе, где обнаружено много вещей, принадлежавших представителям высших классов болгарского общества X—XII вв.

Лепная керамика на селище представляет наибольший интерес. Встречено ее много; в процентном отношении она составляет 20—30% общего количества керамики и характеризуется исключительно обломками сероглиняных и желтоглиняных сосудов. Вся лепная керамика содержит примеси — песок, шамот или дресву. Глина не очень грубая; толщина стенок — 5—7 см. Судить о форме сосудов с абсолютной точностью трудно, так как целых лепных горшков не найдено; вероятно, это были сосуды с профилированными или прямыми венчиками. Почти все они богато украшены линейным, волнистым или ногтевым орнаментом (рис. 4). Венчики очень часто орнаментированы вдавлениями, различного рода насечками, ямками или штампованными нарезками. Волна встречается различная: и очень рельефная, мелкая, и крупная, небрежно прочерченная палочкой.

Подобную керамику в Среднем Поволжье находили крайне редко. Это не местные позднегородецкие типы; в городецкой керамике такого разнообразия в орнаментике никогда не бывает. Значит, эта посуда не местная; она появилась здесь вместе с гончарной керамикой, была принесена болгарами с юга, с Дона, где такая посуда хорошо известна по раскопкам М. И. Артамонова на Цимлянских городищах [11]. Сходство цимлянской и криушинской керамики необычайно велико: одинаковые профили — прямые, отогнутые с «бородкой», с так называемым «воротничком» (очень характерная часть

[7] Д. Г. Березовец. Досидження на території Путивлського району Сумської обл., «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III, Київ, 1952, стр. 248, табл. I.

[8] Доклад С. А. Плетневой на секторе славянорусской археологии ИИМК 21 февраля 1958 г.

[9] В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, вып. XVI, М., 1952, стр. 342 и 354.

[10] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 85—90.

[11] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, Л. 1935, стр. 37—39.

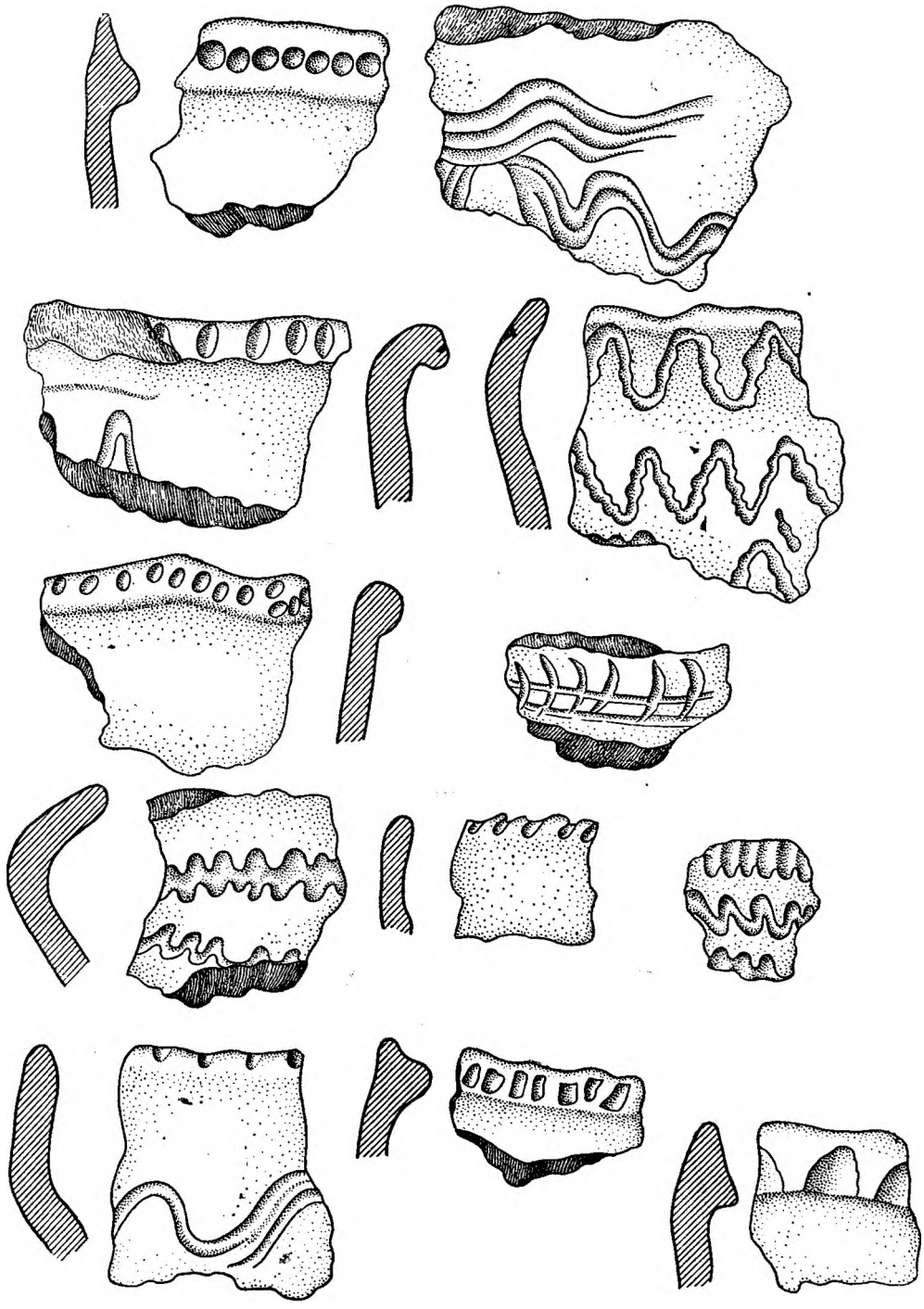


Рис. 4. Образцы лепной керамики.

всей саркельской керамики); одинаковые орнаменты — волна, насечка, вдавления, ногтевой узор. Очень интересно, что подобная керамика встречена не только в Криушах, но и в других селищах неподалеку от Криушей, при обследовании местности. В северной части Болгарского государства такой керамики нет. Вероятно, это локальная особенность, выраженная в керамике, характерная для какой-то одной территории.

Один обломок лепного сосуда очень хорошей выработки, с вертикальным венчиком, орнаментирован отпечатками веревочки, свойственными керамической орнаментике Прикамья.

Наличие большого количества лепной керамики на селище говорит о сравнительно раннем времени существования последнего. Соотношение различных видов гончарной керамики позволяет определить дату памятника. В результате многолетних работ Куйбышевской археологической экспедиции установлено, что для раннего времени характерна коричневая, в сопровождении желтой, посуда; для более позднего времени типичной становится красная, тоже сопровождаемая желтой. Серая керамика на датировку не влияет; красная в небольшом количестве может встречаться и в ранний период при преобладании коричневой. Дата памятника зависит от соотношения типов керамики.

В Криушах количество коричневой керамики составляет от 21 до 24% (в штыке 4 — даже 40%) числа всех находок. Красная посуда насчитывается только единицами (всего 2%). Желтой керамики — 20—40%. Такой состав керамики позволяет датировать селище ранним временем — IX—X вв.

Необходимо отметить еще одну керамическую находку — 2 обломка стенок красноглиняных сосудов с темно-зеленой поливой. Это обломки привозной посуды,— возможно, из каких-либо крупных городов Киевской Руси, где производство поливных изделий было широко известно в XI в.

Датировка селища устанавливается не только по керамике, но и на основании находок других вещей. В раскопе II встречены 2 бусины. Одна из них — сердоликовая, восьмигранная призматическая бусина белого цвета (от пребывания в огне); датируется она X—XI вв. Такие бусы часто попадаются в славянских погребениях. Другая бусина голубая, грушевидной формы, из глухого стекла, салтовского типа, тоже ранняя,— не позднее X в. О домонгольском времени памятника свидетельствует находка шиферного пряслица. Производство их существовало с XI в. К X—XII вв. относятся также железная черешковая стрела ромбической граненой формы с перехватом у черешка.

Весь этот материал позволяет датировать селище IX—XI вв. и дает представление о высокой культуре болгарской деревни этого времени.

Краткие выводы:

1. Селище основано в IX в. пришельцами-болгарами. Вся керамика, гончарная и лепная, носит неместные черты — они уходят своими корнями в салтовскую культуру.

2. Болгары принесли с собой в Среднее Поволжье более высокую технику. Основными занятиями их было пашенное земледелие и скотоводство. О земледельческом характере хозяйства свидетельствуют многочисленные находки зерновых ям и зерен хлебных злаков. В раскопках встречено много костей домашних животных — свиньи, коровы, овцы, лошади. Кроме этих основных занятий, существовали еще и подсобные промыслы; особенно сильно было развито рыболовство.

3. По характеру находок культура селища очень мало отличается от культуры раннего города. Здесь было развито гончарное и кузнечное дело (находки железных шлаков). Привозные вещи — шиферные пряслица, поливная посуда, стеклянные бусы — свидетельствуют о широко развитых торговых связях болгарской деревни IX—XI вв.

* * *

Недалеко от селища, на высоком плато (или Вышке), восточнее мыса Большое Ухо расположено Арбужское городище, известное по исследованиям К. И. Невоструева [12] и В. Н. Поливанова [13] как золотоордынское.

В настоящее время городище плохо заметно на местности, вал и ров сильно расплылись. Вал, современная высота которого не более 0,5—0,6 м, ограждает городище с восточной стороны. Крутые склоны защищают городище с юга и севера, делая его почти неприступным, а в западной части оно так резко суживается, что общая форма близка к треугольнику.

[12] К. И. Невоструев. Ук. соч., стр. 555.
[13] В. Н. Поливанов. Ук. соч., стр. 10.

Площадь городища невелика — около 2,5 тыс. кв. м. Столь незначительные размеры не характерны для городища золотоордынского времени. По своим размерам, местоположению на высокой горе и незначительности искусственных укреплений городище напоминает памятники эпохи раннего железа.

Для изучения оборонительных сооружений на городище вал и ров были прорезаны траншеей (раскоп I), заложенной в направлении запад — восток с отклонением на 5°. Стратиграфия залегания слоев в траншее оказалась следующей: 1-й слой толщиной 0,1—0,2 м, с вкраплением известняка (над рвом образовался дерновый наплыв мощностью 0,3—0,4 м); 2-й слой — серая известковая почва толщиной 0,4—0,5 м с напольной стороны, за рвом, а в середине вала — 1,1—1,2 м; 3-й слой — материковый известняк.

Общая мощность культурного слоя на самом городище — 1 м; в середине вала — насыпь 1,3—1,4 м. Находки встречаются повсеместно, за исключением рва, но в очень небольшом количестве; состав их ограниченный — керамика и кости животных.

Раскопки выявили примитивную конструкцию оборонительных сооружений. В центральной части вала, при снятии штыка 1, постоянно встречались различные куски сгнившего дерева, вероятно,— остатки тына, проходившего вдоль вала. При дальнейшем вскрытии насыпи найдены куски сгнившего и обгоревшего дерева в виде вертикальных столбов и горизонтальных плах по обе стороны вала. Вертикальные столбы (диаметром около 10 см) были забиты в материк на глубину 5—10 см.

На участке 3 (на внутренней стороне вала) обнаружены 2 столба, один высотой 75 см, другой — 100 см. На этом же участке, у его южной стенки, находился третий столб — высотой 68 см. Между столбиками лежали горизонтальные доски и бревна. Подобная картина прослежена и с напольной стороны вала. Эти немногочисленные остатки дают возможность реконструировать устройство вала.

Вал состоял из насыпной земли, взятой из рва; она хорошо видна в профиле вала, так как это материковая белая известь. Насыпь заключена в деревянную облицовку и с наружной, и с внутренней стороны. Облицовка, как уже упоминалось выше, состоит из горизонтальных досок, удерживаемых вертикальными столбами, вбитыми с интервалами, вероятно, на всем протяжении вала. Ширина вала у основания — 7 м, ширина рва — 2,2 м. Первоначальная глубина рва — 0,4—0,45 м. Стенки рва вертикальные, а в западной части рва даже образовался подкоп, т. е. на дне ров шире, чем в верхней части. В профиле хорошо видны следы затекания рва. Сначала он начал засыпаться камешками, затем землей.

В центре городища был заложен раскоп II (шурф размером 4 × 4 м) для выяснения залегания слоев в центре памятника. Всего на городище обнаружено 43 обломка сосудов на площади 56 кв. м.

Такая бедность находками дает возможность считать Арбужское городище не местом постоянного обитания, а временным убежищем для жителей окрестных сел во время нападения врага.

Период существования городища и этническую принадлежность его населения можно определить только на основании керамического материала, так как других вещей на городище не обнаружено. Из 43 обломков сосудов лишь один обломок — от гончарного болгарского сосуда; остальные — лепные, в основном небольшие обломки стенок с примесью шамота, дресвы и песка. Стенки сосуда очень тщательно заглажены травой или тканью, что характерно для позднегородецких сосудов.

Самыми большими фрагментами керамики, найденными на городище, являются 2 обломка стенок и венчиков от одного сосуда со слегка отогнутым краем и выпуклыми боками; по тулову и по краю венчика сделана насечка, тоже характерная для позднегородецкой культуры.

Следовательно, городище возникло в VIII в., еще до прихода болгар, и оно появилось раньше Криушинского селища, о котором речь шла выше.

Вероятно, городище относится к городецкой культуре. Жители занимались подсечным земледелием на плодородных землях вокруг городища, укрываясь в нем в минуту опасности. Частая смена мест поселений, вызванная условиями подсечного земледелия, обусловила появление городища. Поэтому наиболее вероятной датой его существования являются VIII—IX вв.

* * *

Экспедиция провела небольшие разведочные работы в Сенгилевском районе, на берегу Волги, вверх от с. Криуши до Кременок. Здесь обнаружено 6 селищ. Все относятся к болгарскому времени. В основном это памятники того же типа, что и Криушинское селище, на котором проводились основные работы экспедиции. Такие селища уже неоднократно раскапывались в Среднем Поволжье в последние годы. Таковы, например, Тарновское, Березовское и Муранское селища в Куйбышевской области, Малое и Большое Пальцино в Ульяновской области. Эти селища относятся к той эпохе, когда в Среднем Поволжье окончательно сложились феодальные отношения и возникло государство волжских болгар.

К. А. Смирнов

РАННЕБОЛГАРСКАЯ ЗЕМЛЯНКА В УРОЧИЩЕ АГА-БАЗАР

В ходе работ по изучению археологических памятников в зоне затопления Куйбышевского водохранилища было исследовано болгарское поселение в урочище Ага-Базар, в 7 км от городища Великие Болгары. Открыты ряд жилищ и жертвенное место [1]. Одно из жилищ (полуземлянка 9) относится к раннему периоду существования поселения и представляет значительный интерес (рис. 1).

Жилище 9 является полуземлянкой, выкопанной в материке. Ее дневной уровень совпадает с основанием культурного слоя. Полуземлянку удалось проследить только частично, так как северная ее стенка в значительной мере была разрушена более поздним гончарным горном, а западная уничтожена в XIX в. крестьянами с. Болгары при сооружении ими ямы для выжигания извести.

Прямоугольная полуземлянка была вытянута с севера на юг. Восточная сторона, где помещалась печь, имела форму дуги. Длина жилища — 5,3 м; ширину точно указать нельзя, так как западная граница его была уничтожена находившейся рядом печью для выжигания извести. Можно, однако, приблизительно указать ширину землянки. Основание для этой реконструкции дают ямы от столбов, поддерживавших центральную балку-матицу. Эти столбы обычно находятся на центральной оси постройки. Очевидно, полуземлянка была шириной около 4 м.

Таким образом, постройка достигала размера 5,3 × 4 м. Вход в нее находился с южной стороны (рис. 2). Были прослежены три

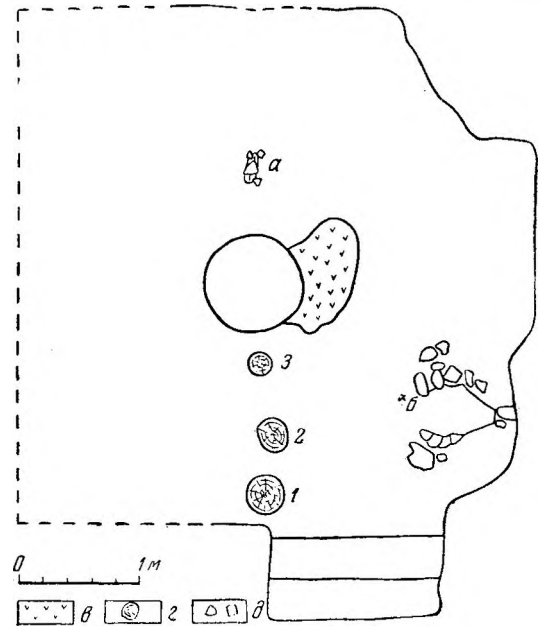


Рис. 1. План полуземлянки 9.

а — череп лошади под обломками жернова; *б* — золотая серьга; *в* — уголь; *г* — столбы (*1*, *2*, *3*); *д* — обломки кирпича.

его ступеньки длиной 1,36 м, шириной 30 см и высотой тоже около 30 см. Хорошая сохранность ступенек свидетельствует об об лицовке их досками.

Направо от входа обнаружена печь, сложенная из обломков кирпича. Печь

[1] К. А. Смирнов. Святилище в урочище Ага-Базар. МИА, № 61, 1958, стр. 451.

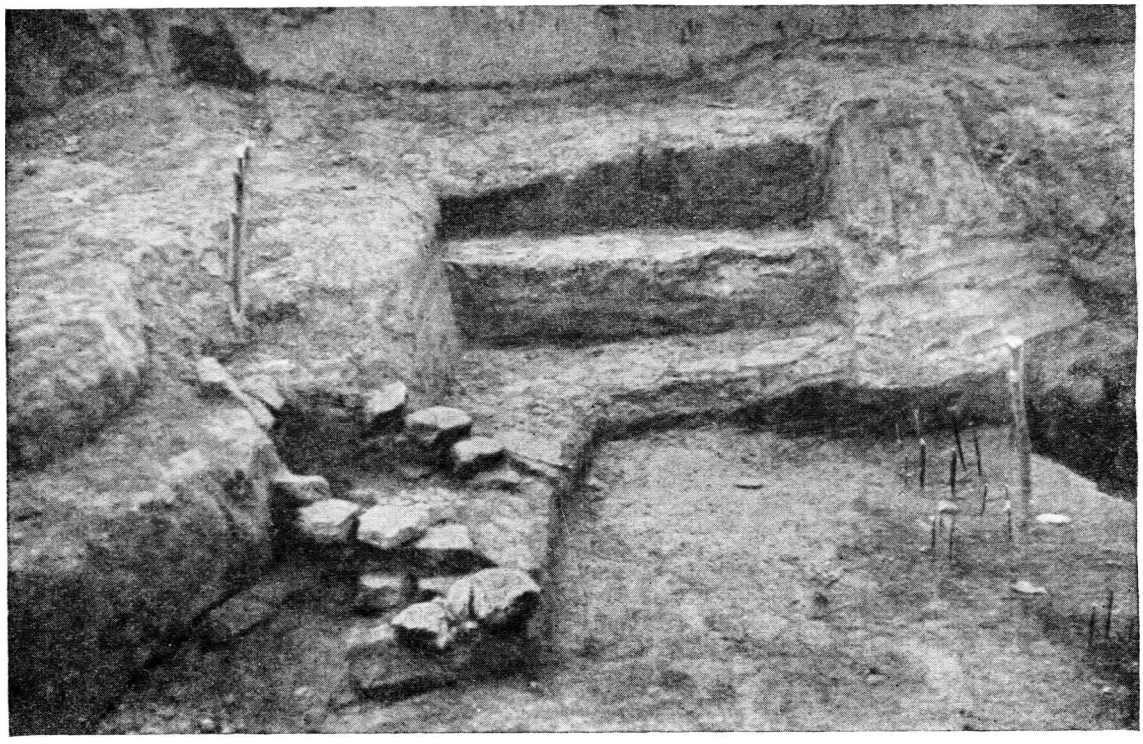


Рис. 2. Вход в полуземлянку.

размером 94 × 80 см имела овальную форму и была ориентирована с востока на запад. Задней стенкой печи служил массив материковой глины, в котором выкопана полуземлянка. Под печи был немного приподнят над уровнем пола, с небольшим уклоном к топочному отверстию. Кирпичи, составлявшие боковые стенки печи, были скреплены глиной; глиной же была обмазана внутренняя поверхность стенок печи. От боковых стенок сохранились 3 ряда кирпичей. Глиняная обмазка, а также глина, составлявшая под и заднюю стенку печи, прокалились от действия огня.

Около южной стенки полуземлянки (по линии север — юг) были 3 ямы, по-видимому,— следы столбов.

Южный столб (№ 1) отстоял от южной стенки на 10 см и имел диаметр 30 см. Столб № 2 диаметром 24 см находился от столба № 1 на расстоянии 20 см. Столб № 3 (диаметр — 18 см) немного отклонялся от центральной оси к западу и отстоял от столба № 2 на 33 см.

По-видимому, на эти столбы опиралась центральная балка, поддерживавшая кровлю (матица). Но, вероятно, не все столбы были одновременны. Два из них — первый и третий — относятся к одному времени. Столб № 2, возможно, был установлен при ремонте. Такие же столбы, наверное, были и у северной стенки полуземлянки, но проследить их не удалось, так как северная стенка, как отмечено выше, была сильно повреждена при сооружении гончарного горна.

В центре жилища, на глубине 2,05 м от нулевой отметки, обнаружено пятно, состоявшее из золы и угля. Слой угля с золой достигал толщины 3—5 см. Глина под пятном носила следы сильного прокаливания, что не могло получиться в результате единичного воздействия огня. По-видимому, огонь на этом месте разводили неоднократно; об этом свидетельствуют и прокаленность глины, и мощность слоя продуктов горения. Площадь пятна — 40 × 80 см. Очевидно, это очаг самого простого устрой-

ства, не имевший под собой углубления в почве или обкладки из камней.

Рядом с очагом прослежена яма, частично перерезавшая его. Глубина ее — 0,57 м, форма круглая. Яма заполнена сильно гумированным суглинком [2].

Естественно, встает вопрос, почему в одном небольшом жилище было два отопительных сооружения? Кострище в центре нельзя связывать со временем, когда землянка была уже покинута обитателями, так как в этом случае оно не перерезалось бы ямой. По-видимому, жилище имело два периода существования. К первому из них следует отнести кострище в центре землянки, ко второму — ряд усовершенствований в ее конструкции: по правую сторону от входа была сооружена печь из камня, на глиняном растворе; вероятно, были произведены переделки и в покрытии жилища.

Находившуюся в центре жилища яму цилиндрической формы, перерезавшую очаг, нельзя относить ко времени существования жилища 9. Она должна быть датирована более поздним временем. По всем данным, эта яма принадлежала вышележащему жилищу 7. Стратиграфически разделить эти два налегающих одно на другое жилище в месте их стыка — не удалось, но находка монеты 1362/1363 гг. заставляет датировать яму более поздним временем. Землянка 7 относится к XIV в., так же как и яма землянки 9. Возможно, что были произведены переделки в покрытии полуземлянки, поэтому мы и наблюдаем три рядом поставленных столба у южной стенки.

В северной части полуземлянки, почти на центральной оси, обнаружен лошадиный череп, ориентированный на север. На нем находились обломки жернова. По-видимому, череп являющийся оберегом, был положен в ямку и сверху закрыт камнем. Такой способ укладки черепа-оберега известен в Болгарах [3].

В заполнении полуземлянки вскрыто большое количество желтой керамики. Несколько выше пола обнаружен целый желтоглиняный кувшин салтово-маяцкой формы. Непосредственно на полу жилища найдена золотая серьга в форме вопросительного знака (рис. 3). У серьги — вертикальный стержень, обмотанный проволокой, на конце которого укреплена ажурная золотая бусина.

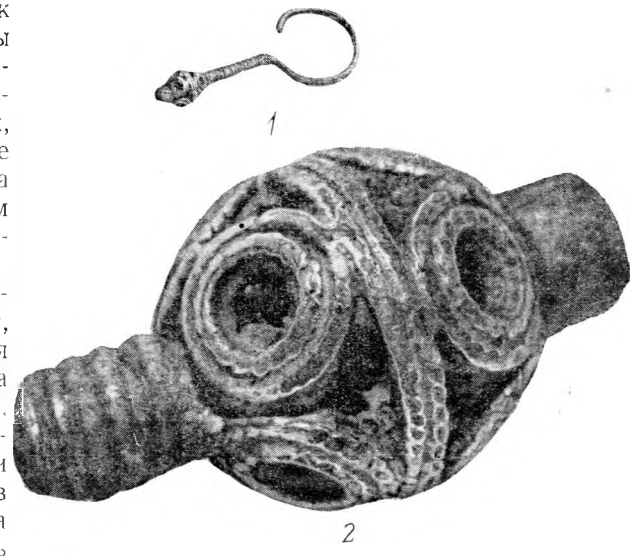


Рис. 3. Золотая серьга

1 — общий вид; *2* — деталь — бусина на конце серьги.

Серьги такого типа были распространены чрезвычайно широко, поэтому датировка их сильно затруднена. Однако в данном случае ажурная золотая бусина дает возможность датировать серьгу довольно точно. Бусина серьги очень близка к серебряным бусинам на «аграфах» из Владимирского клада и, вероятно, одновременна с ними, т. е. относится к домонгольскому времени [4]. Аналогичная серьга, также украшенная ажурной бусиной, встречена в Ленинградской области, у с. Грызово и датирована по комплексу вещей XI—XII вв. [5]. Височные кольца с подобными бусинами были найдены во Владимирских курганах, что также

[2] При расчистке ямы в ее заполнении (на глубине 2,62 м от нулевой отметки) найдена медная золотоордынская монета — Хайр-Пулада, чеканенная в Сарае ал-Джедид в 764 г. х. (1362/1363 гг. н. э.). Монета имеет надчеканку «Победа» (см. МИА, № 61, 1958, стр. 418).

[3] А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 году. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 109.

[4] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 146; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 89.

[5] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. МАР, № 20, 1896, табл. XII.

подтверждает указанную дату[6]. Таким образом, полуземлянку на Ага-Базаре следует отнести к домонгольскому времени.

По всей вероятности, это жилище существовало длительное время, о чем свидетельствуют переделки его пола. Рассматривая план и общий вид землянки, невольно обращаем внимание на сходство полуземлянки, открытой на Ага-Базаре, с жилищем того же типа, обнаруженным в Плисске (Болгария)[7]. Особенно большое сходство замечается в устройстве печи, также сложенной из камней и обмазанной глиной.

Производивший исследование землянки С. Михайлов сравнивает ее с землянками, открытыми на Райковецком городище[8]. Автор отмечает, что печь землянки в Плисске аналогична печам Райковецкого городища и должна быть датирована VIII—IX вв.[9] Учитывая эту аналогию, а также керамический материал, автор связывает землянку в Плисске со славянскими памятниками[10].

Землянки, тождественные сооружению, открытому на Ага-Базаре, были найдены на городище Колодяжин, на Украине[11]. Эти землянки датируются XII в. и также относятся к славянской культуре.

Однако сходство землянки, открытой на Ага-Базаре, с указанными славянскими землянками не дает нам права связывать ее со славянскими переселенцами, проникавшими на Волгу. В данном случае не может играть решающей роли и серьги с ажурной бусиной, так как при исследовании славянской колонии в Болгарах, установлено, что в славянских жилищах комплекс находок резко отличался от комплекса находок в болгарских сооружениях. Ювелирные изделия славянские ремесленники изготовляли на болгарский рынок. Поэтому находка серьги с бусиной славянского типа еще не дает основания считать полуземлянку славянской, так как найденные в полуземлянке сосуды характерны для болгарских жилищ; в ней, как сказано, обнаружены фрагменты желтой керамики хорошего обжига, частично орнаментированной волнистым и линейно-гребенчатым орнаментом.

По-видимому, полуземлянка, открытая на Ага-Базаре, была жилищем болгарина,— возможно, купца, в пользу чего говорит находка богатой золотой серьги. Исходя из данных стратиграфии и вещевого материала, землянку следует датировать XI—XII вв.

---

[6] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 139, рис. 131, 136, 137.

[7] С. Михайлов. Археологически материали от Плиска. Известия на Археологическия институт. София, 1955, стр. 142—146.

[8] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 13.

[9] Там же, стр. 13.

[10] С. Михайлов. Ук. соч., стр. 147.

[11] Д. Старчук. Раскопки городища плиснеськ в 1947—1948 рр. «Археологія», III, Київ, 1952, стр. 383.

А. В. Королев и Т. А. Хлебникова

К ВОПРОСУ О ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ У ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

Значительное развитие металлургии железа и кузнечного дела у болгар отмечали многие исследователи. Основанием для этого были находки на болгарских памятниках большого количества всевозможных железных предметов — сельскохозяйственных орудий, оружия, инструментов и бытовых вещей. Но долгое время представление о металлургии и металлообработке у болгар было весьма общим, так как основывалось лишь на поверхностном знакомстве с продукцией кузнечного производства. Такое положение сохранялось до начала широких археологических исследований, когда были обнаружены многочисленные горны на ряде болгарских городищ и стали проводиться анализы самих вещей.

В последние годы исследователи волжских болгар, касаясь вопросов металлургического производства, неоднократно прибегали к анализам металлических вещей из раскопок [1]. Работа А. М. Ефимовой [2] уже в значительной мере опирается на результаты анализов.

Для дальнейшего исследования черной металлургии и металлообработки у болгар в 1954—1956 гг. были проведены химические и металлографические анализы железных, чугунных изделий и шлаков с Болгарского городища (Куйбышевский район Татарской АССР), Больше-Пальцынского и Мало-Пальцынского селищ и Кайбельского селища (Чердаклинский район Ульяновской области). Анализы выполнены в Московском высшем техническом училище имени Баумана (на кафедрах аналитической химии и металловедения) и в Институте машиноведения Академии наук СССР (в лаборатории обработки металла давлением) под руководством А. В. Королева. Эти анализы в совокупности с археологическими данными позволяют высказать ряд интересных соображений о черной металлургии и металлообработке у болгар в X—XIV вв.

Одну часть произведенных анализов составляют анализы изделий и шлаков, происходящих из древнерусского поселка второй половины XIII в.— первой половины XIV в. в Болгарах (рис. 3, табл. 5 и 6 [3]; см. приложение 2, образцы № 65, 200, 1477, 1702, 471, 179, 178, 1993 и 1087); другая часть — анализы изделий собственно болгарских памятников: Мало-Пальцынского селища X—XI вв. (табл. 1), Больше-Пальцынского селища XII в.— начала XIII в. (табл. 2), Кайбельского селища X—XII вв. (рис. 1, 2, табл. 3; приложение 2, образцы № 56, 1, 98 и 18) и Болгарского городища из слоев X—XII вв. (табл. 4, № 1, 2, 4 и 5) и XIII—XIV вв. (табл. 4, № 3 и 6).

Сравнивая анализы изделий древнерусского поселка с анализами собственно болгарских изделий, нельзя усмотреть каких-либо существенных особенностей. Поэтому

[1] З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов и О. С. Хованская. Раскопки Великих Болгар. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 68; О. С. Хованская. Новые данные о городе Болгаре, КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 122, 123; А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, т. XIX, 1951, стр. 115.

[2] А. М. Ефимова. Черная металлургия города Болгара. МИА, № 61, 1958, стр. 292 и сл.

[3] Рисунки и таблицы помещены в Приложении 1.

материалы древнерусского поселка будут рассмотрены вместе с анализами собственно болгарских изделий.

Химических анализов руд мы не производили, а ограничились анализом шлаков (табл. 5). Он показывает, что применялись главным образом болотные руды, о чем свидетельствует повышенное количество в шлаке фосфора (от 2 до 5%). Шлаки характеризуются также повышенным содержанием кремния, что естественно при суглинистых почвах района происхождения этих шлаков. Не исключается возможность употребления также бурых и красных железняков, т. е. руд неглубокого залегания, которые тоже содержат повышенный процент фосфора.

Базируясь в основном на местных ресурсах железной руды, болгарские металлурги использовали при плавке металла и привозные никелевые руды. На это указывает содержание никеля в подвергавшихся анализу качественных изделиях Мало-Пальцынского и Больше-Пальцынского селищ (рис. 1, табл. 1 и 2) и древнерусского поселения в Болгарах (рис. 3, табл. 5 и 6) [4]. Ближайшим районом, откуда могла поступать к болгарам никелевая руда, является Средний и Южный Урал, где известны значительные месторождения этого металла [5].

Всякая руда, прежде чем поступить в горновую печь, должна пройти определенную обработку — подготовку к плавке. Болотные и озерные руды, а также бурые железняки содержат много влаги. Поэтому после добычи эти руды подвергаются сушке. Лучшее время для добычи этих руд — в начале зимы, когда сельскохозяйственные работы закончены, устанавливается санный путь и возможен подход к заболоченным местам. Добытая руда подвозится ближе к месту плавки, складывается для проветривания и промерзания влаги. Весной из такой руды легче отделить пустую породу путем промывки, дополнительной просушки и просеивания. Чем больше пустой породы удалено перед плавкой, тем выше будет в ней процент железных окислов. Недаром этот процесс называется обогащением. Предварительное удаление большего количества пустой породы важно еще и потому, что для нагрева пустой породы излишне расходуется топливо и непроизводительно используется объем плавильной печи.

На протяжении всего интересующего нас периода топливом, можно думать, служил только древесный уголь. Анализы на применение в качестве топлива каменного угля дали отрицательные показатели. Травление по Бауману на определение сульфидных (сернистых) включений показало, что материал однороден и не обнаруживает повышенного содержания в нем серы (см. приложение 2, образцы № 471 и 1087). Каменный уголь еще не применялся.

Произведенные анализы дают некоторые сведения об исходном металле исследованных изделий, а также возможность судить, каким способом он был получен. Так, металлографический анализ большинства изделий свидетельствует о том, что исходным материалом было железо с большим количеством шлаковых включений (см. приложение 2: рис. 1, 12, 14—16; рис. 3, 4, 6, 10, 12 и др.), полученное сыродутным способом. Высокий процент не восстановленного железа в шлаках с древнерусского поселения в Болгарах (табл. 5) говорит о том же.

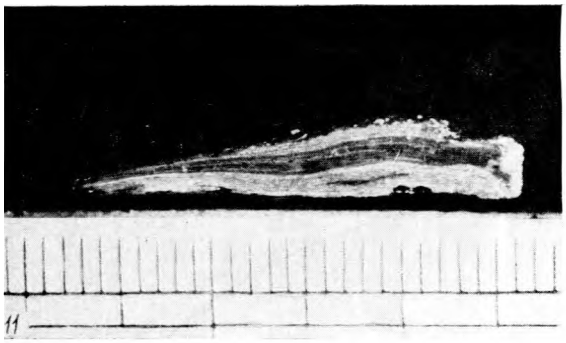
Для того, чтобы начался процесс восстановления железа из окислов, необходимо хорошо прогреть руды до температуры 280—350° С. Образование металлического железа за счет взаимодействия закиси железа с окисью углерода в условиях современной доменной печи начинается при 750—800° С и даже ранее; но восстановление закиси железа не успевает целиком закончиться в шахте доменной печи и продолжается в нижней части доменной печи (распаре) при более высоких температурах. Естественно, в условиях горновой печи нельзя было получить высоких температур, действующих сравни-

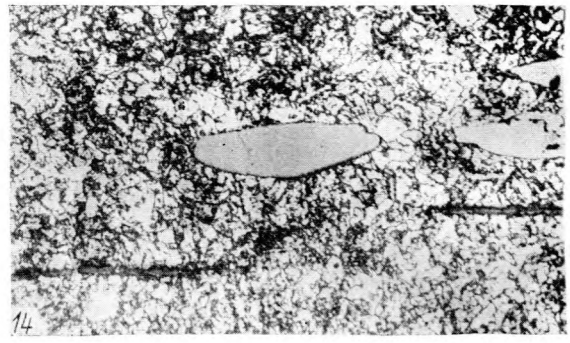
[4] Они содержат до 0,55% никеля. Это значит, что в руде его должно было быть значительно больше. Б. А. Колчин («Черная металлургия и металлообработка в древней Руси». МИА, № 32, 1953, стр. 36, 46) объясняет присутствие никеля в древнерусских изделиях из черного металла восстановлением никеля из болотной и луговой руды. Но болотная руда практически никеля не содержит; в ней его может быть самое незначительное количество, происходящее из воды. В изделиях из болотной руды никель может оказаться лишь в виде следов. Наличие его в указанном количестве в болгарских изделиях можно объяснить единственно специальным добавлением никелевых руд при плавке металла (об этом см. ниже).

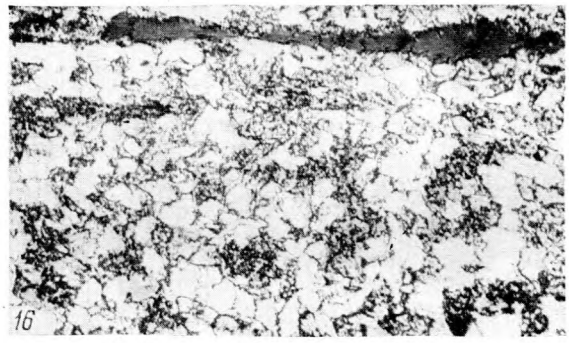
[5] Краткий курс месторождений полезных ископаемых. М.— Л., 1938, стр. 130; А. К. Мейстер. Металлические полезные ископаемые СССР. М.— Л., 1926, стр, 215, 216; Ф. М. Бублейников. История открытия богатств нашей страны. М., 1948, карта ископаемых богатств Урала, карта месторождений черных и цветных металлов.

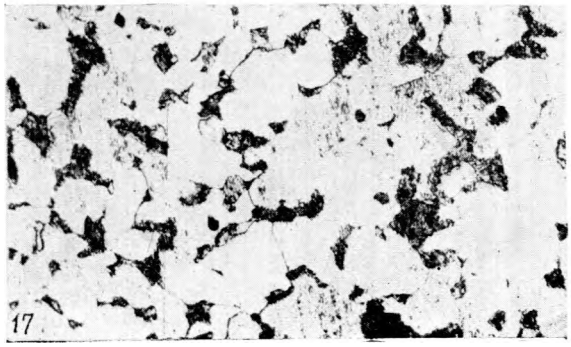
Рис. 1а. Изделия из металла

1, 2, 7, 8, 9 — ножи; *3, 10* — наконечники стрел; *4, 5* — долота; *6* — кочедык.









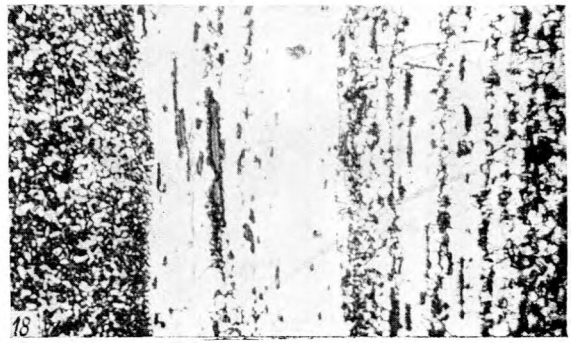


Рис. 1б Шлифы (*11—18*)

11, 12, 14, 16, 17—ув. 250; *13*—ув. 60; *15, 18*—ув. 80

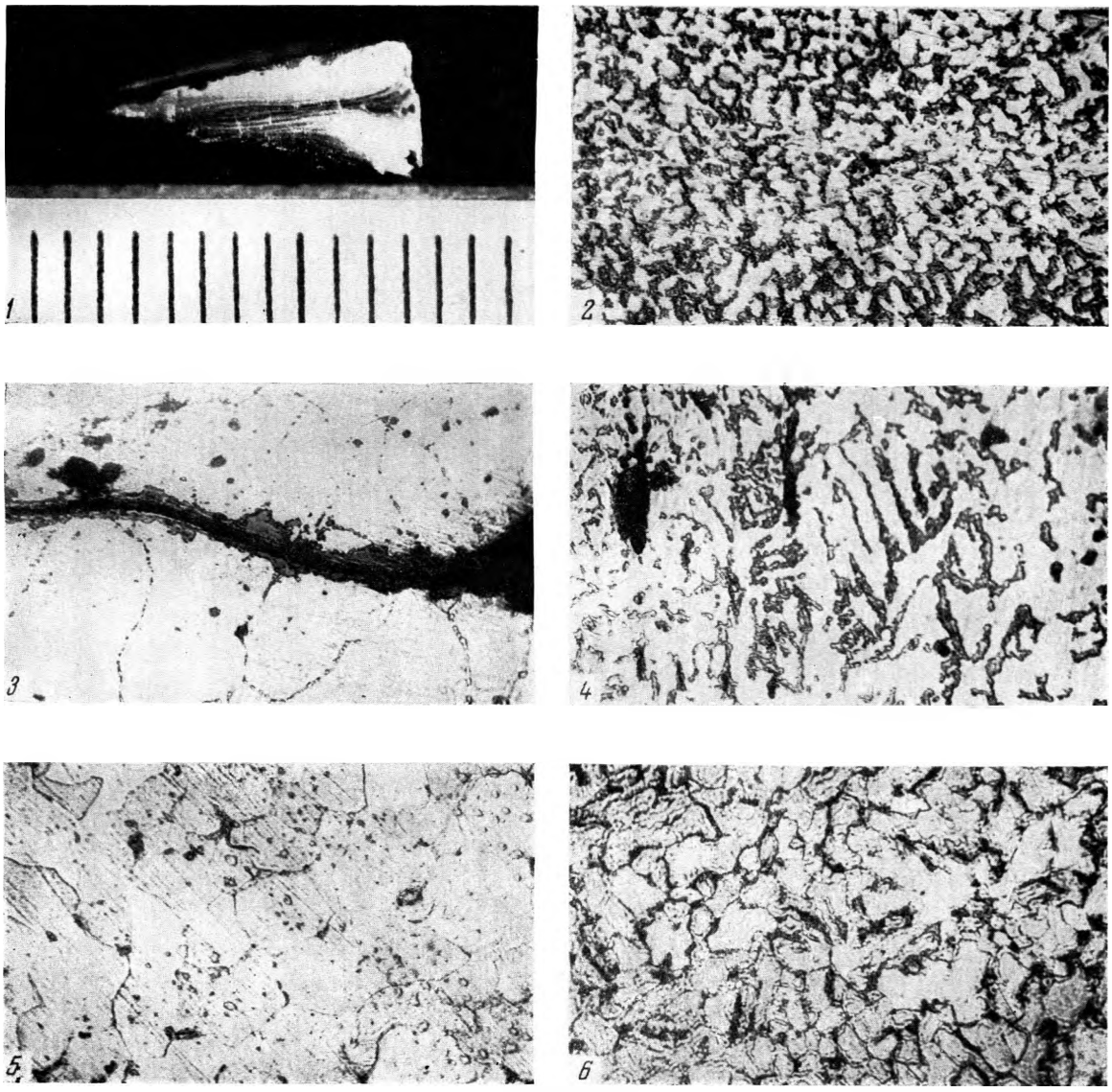


Рис. 2а. Шлифы (*1—6*)

1, 2, 3, 4, 6 — ув. 250; *5* — ув. 500.

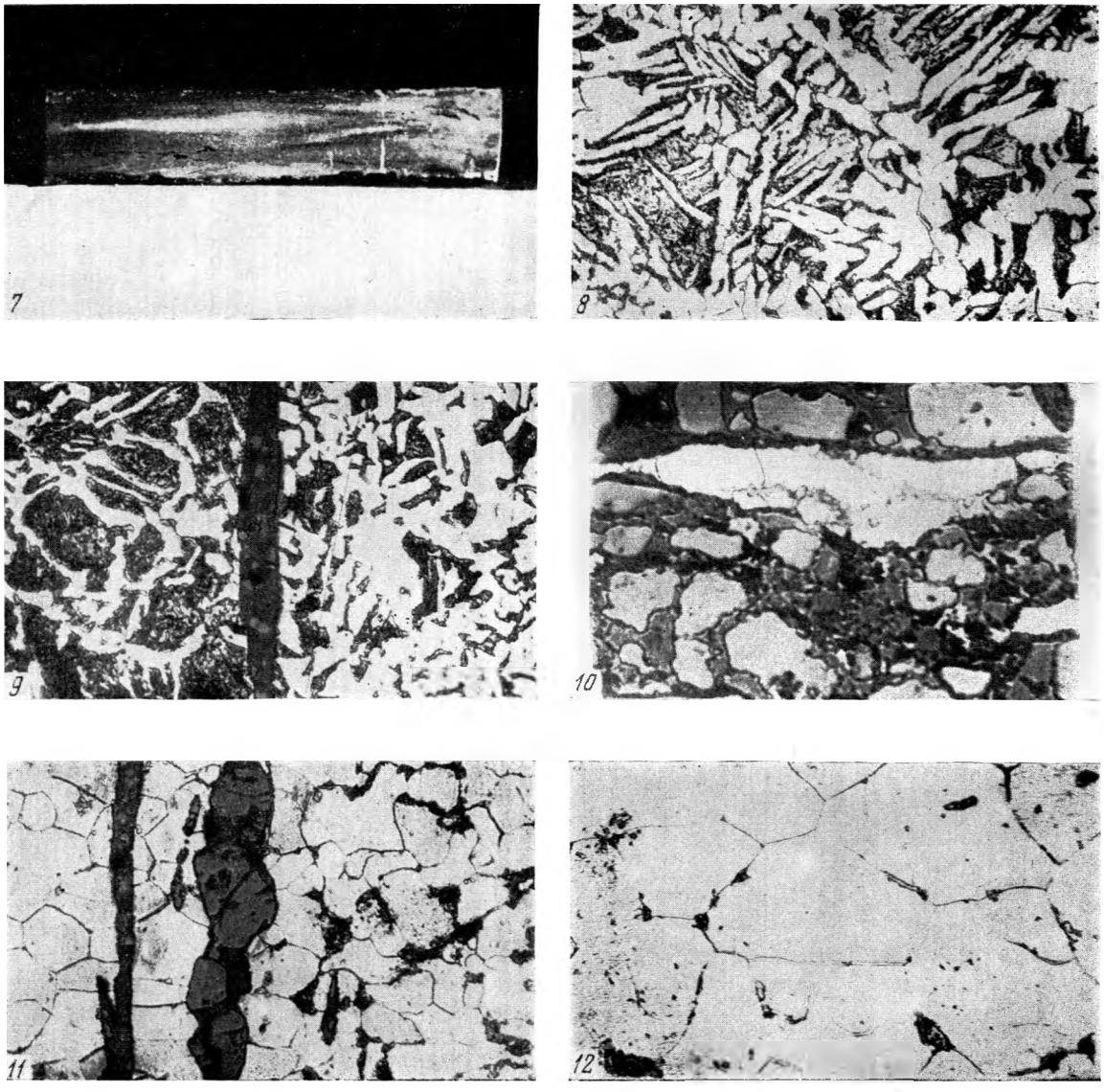


Рис. 2б. Шлифы (*7—12*)

7, 8, 9, 11—ув. 250; *10*; *12* — ув. 500

тельно длительное время; в результате в горновой печи успевали образовываться только тестообразные комочки железа — «корольки», захватывавшие кусочки шлака и создававшие так называемую крицу, которая вынималась из печи спустя 10—12 часов после начала плавки. Вероятно, таким путем был получен металл для железных изделий, которые мы подвергали анализам.

Следует сказать, что употребляемый в обиходе термин «железный» не совсем верен. Обычно всюду мы имеем дело с мягкой сталью, представляющей собой сплав железа с углеродом. Последний в мягкой стали составляет десятые и сотые доли процента, тем не менее эти незначительные примеси углерода довольно сильно влияют на механические свойства металла. Это видно из следующих данных:

	Содержание углерода, %	Прочность стали, кг/мм²
Сталь	0,1—0,2	40
»	0,6—0,7	90

Таким образом, повышение содержания углерода в стали только на 0,5% может увеличить прочность ее более, чем в 2 раза. Как показывают химические и металлографические исследования ряда авторов, в том числе и авторов настоящей статьи, в период, начиная с X в., металлурги и ремесленники по обработке металла это уже знали и использовали в своей практической деятельности.

Ряд изделий свидетельствует об умении производить сталь повышенного качества (рис. 1 и 3). Достигалось это составлением шихты, т. е. закладыванием в печь разных по своему составу руд, например добавлением руды, содержащей никель. Это научились делать, судя по изделиям Пальцынских селищ, уже в X — XI вв. и продолжали позднее.

Получение такой стали металлургическим путем в XIII—XIV вв. не будет удивительным, если вспомнить, что в это время были известны уже довольно высокие бочонкообразные и цилиндрические горны типа штукофен.

Любопытно, что бочонкообразная форма придавалась горнам не случайно. Такой горн состоял как бы из двух составленных основаниями усеченных конусов. При плавке шлаки и размягченный металл скапливались в основании горна, а горячие газы уходили в атмосферу вертикально через слои руды и топлива. Благодаря конусообразным стенкам горна образовывалось боковое разряжение и усиливалась тяга в горне.

В горнах цилиндрической формы тяга была слабее. При рыхлости болотной руды и легко измельчающегося древесного угля прохождение горячих газов между вышележащими слоями топлива и руды (в условиях обычной подачи воздуха в нижнюю часть горна посредством мехов) было затруднено, что нарушало горение. Болгарские металлурги при плавке в таких горнах придумали приспособление для обеспечения горения: они делали много отверстий по высоте горна [6]. Эти боковые отверстия должны были создавать дополнительный приток воздуха в горновую печь и поддерживать непрерывность горения в горне. Конечно, это был не очень удачный выход из положения, так как дополнительное поступление в шахту горна холодного воздуха снижало температуру и вызывало неполное восстановление окислов железа. Поэтому дальнейшее усовершенствование процесса металлургии железа шло по пути увеличения высоты плавильного горна и перехода к так называемым домницам, высота которых могла быть от 4 до 6 м. При использовании древесного топлива достичь большей высоты было нельзя, так как механическая прочность древесного угля, болотных руд и бурого железняка очень низкая.

Горнов типа штукофен на болгарских памятниках X — XII вв. не встречено. В низких же горнах, типа обнаруженных на Болгарском городище в 1949 г. [7], возможность получения стали допустить трудно. Поэтому можно предполагать, что в районе Пальцинских селищ, откуда происходят изделия из качественной стали, были известны иные горны, более совершенной конструкции.

Среди подвергнутых нами анализам изделий из Болгар имеется стенка чугунного котла. Она происходит из древнерусского поселения второй половины XIII в.— первой половины XIV в. Как и ранее анализированные предметы, стенка принадлежит котлу,

[6] З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Ук. соч., стр. 67; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 115.

[7] А. М. Ефимова. Металлургические горны в городе Болгаре. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 128—135.

отлитому из белого чугуна, отличающегося повышенной твердостью и хрупкостью. Химический анализ этой стенки (рис. 3; табл. 5, № 5) и ранее изученных стенок котлов из Болгар [8] указывает, что, хотя чугун и получен, но его литейные свойства были мало известны металлургам того времени. В чугуне очень немного фосфора, а он улучшает литейные свойства чугуна, делая его жидкотекучим. Для таких тонких изделий, как котлы, нужно было применять серый чугун, а не белый. Основное различие между белым и серым чугуном заключается в том, что, если в белом чугуне весь углерод химически связан с железом, образуя карбид железа — вещество очень твердое и вместе с тем очень хрупкое,— в сером чугуне часть углерода выделяется в виде пластинчатого или шарообразного (глобулярного) графита. Для получения серого чугуна нужно нагревание в продолжение 40—60 часов в томильных печах. Таких печей не было. Поэтому на первых порах начали с применения белого чугуна, что вполне закономерно, хотя для таких изделий, как котлы, белый чугун,— весьма хрупкий,— был явно не пригоден.

Полученные нами результаты анализа шлаков древнерусского поселка в Болгарах позволяют высказать еще одно соображение о металлургических приемах древних мастеров. Обращает на себя внимание присутствие в шлаке остатков известняка. По-видимому, был уже известен такой прием для понижения температуры плавления пустой железной породы, как применение флюсов.

Переходя к рассмотрению металлографических анализов, необходимо отметить, что в силу малого количества их трудно делать какие-либо определенные и категорические выводы. Но некоторые соображения об известных болгарским кузнецам приемах обработки черного металла высказать можно.

Выше уже отмечалось, что кричное железо, бывшее основным исходным материалом для железных изделий, отличалось значительными шлаковыми включениями. Крицы плохо проковывались после извлечения их из горна. Однако кузнецы, в руки которых попадали эти крицы,— как свидетельствуют металлографические анализы,— умели устранить этот дефект. Они достаточно хорошо владели приемом свободной ковки. Здесь, конечно, сказывалась опытность мастеров-кузнецов. По некоторым изделиям можно судить о большом мастерстве кузнецов, изготовлявших их; таковы, например, кочедык и долото с древнерусского поселения в Болгарах (см. приложение 2, образцы № 200 и 65) или наконечник стрелы, долото и нож из Кайбельского селища (см. приложение 2, образцы № 98, 18 и 1). Остальные же изделия, происходящие из названных комплексов, были прокованы хуже.

Металлографическими анализами выявлены различные приемы производства изделий. Такие предметы, как ножи и долота, оказались изготовленными вваркой стальных полос между железными (см. приложение 2, образцы № 56, 18, 1, 1702, 1477, 65 и 471). Находки на Кайбельском селище предметов, сделанных таким приемом, свидетельствуют об освоении последнего уже в домонгольский период истории болгар.

Болгарские мастера знали также цементацию (см. приложение 2, образец № 178) и термическую обработку (см. приложение 2, образцы № 65, 1702 и 179). Этими приемами пользовались с учетом назначения предметов. Как уже отмечалось, вварное стальное лезвие делали у ножей и ударных орудий с явной целью получить самозатачивающееся лезвие. Наружный, более мягкий слой поверхности ножа, состоящий в основном из феррита (железо), по мере износа стачивался, а внутренний слой с сорбитовой структурой (закаленная сталь) как более твердый оставался и служил режущей кромкой. Термическую обработку применяли при изготовлении тех же ножей. Из просмотренных изделий оказался подвергнутым цементации наконечник стрелы из древнерусского поселка.

Такие изделия, не требующие особой прочности, как кочедык и ключ от цилиндрического замка из древнерусского поселка, сделаны из более мягкого железа (см. приложение 2, образцы № 200 и 1993). Надо сказать, что кочедык из крученого четырёхгранного стержня только и можно было изготовить из мягкого железа. Сделавший его мастер прекрасно знал свойства мягкого железа.

[8] Анализ произведен в Московском высшем техническом училище имени Баумана в 1951 г. под руководством А. В. Королева.

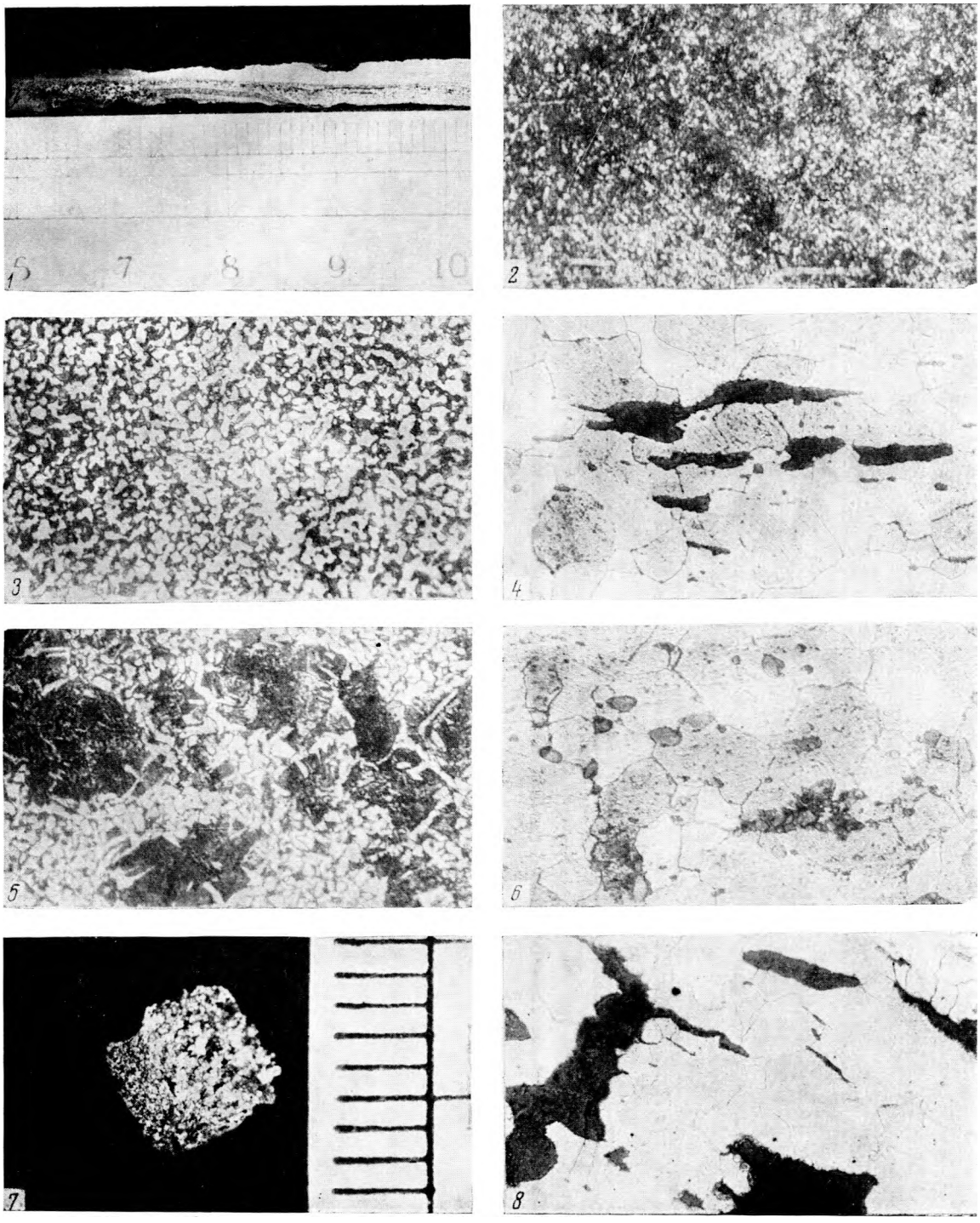


Рис. 3а. Шлифы (*1—8*)

1, *3* — *7* — ув. 250; *2* — ув. 500; *8* — ув. 100.

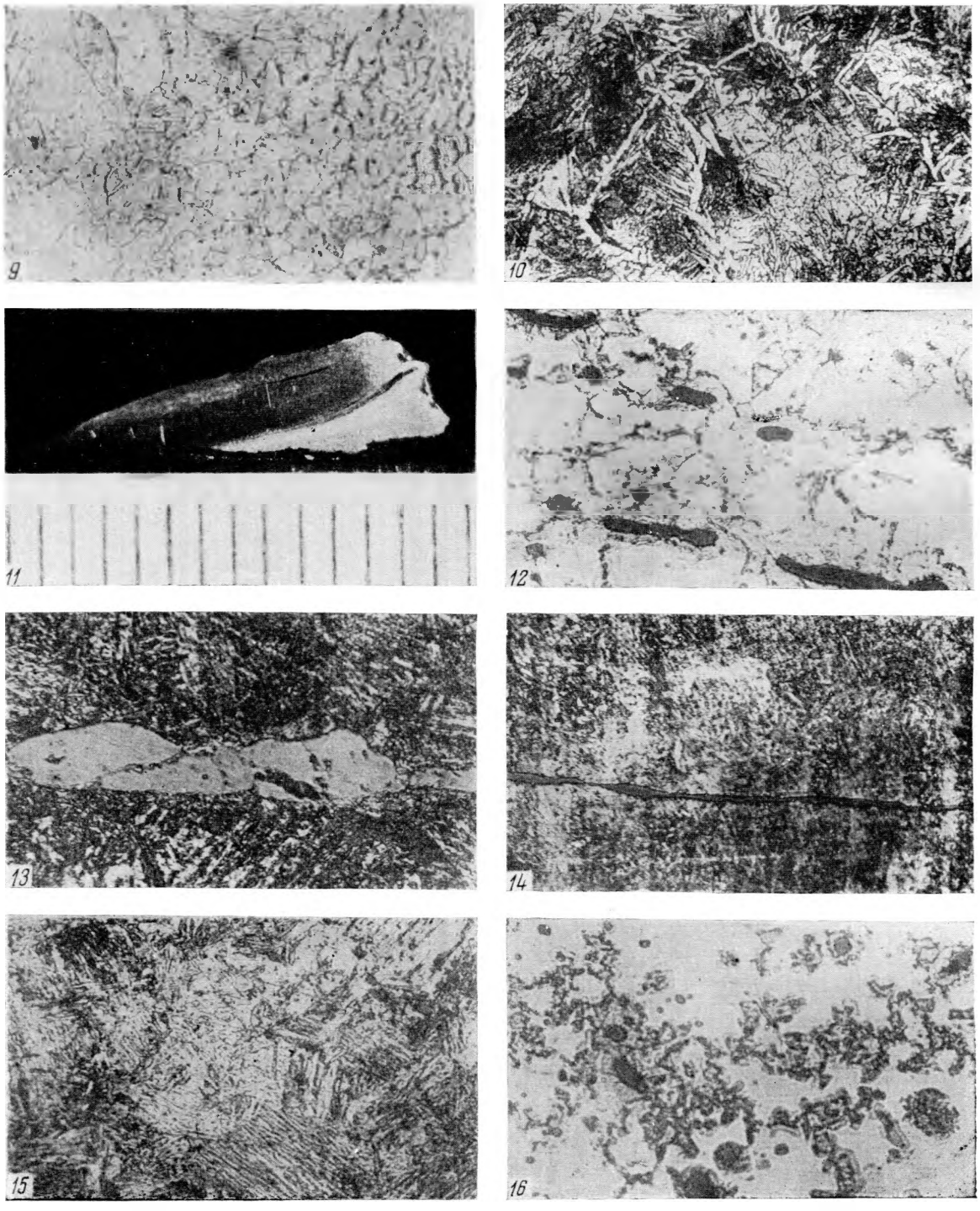


Рис. 36. Шлифы (*9—16*)

9, *10* — ув. 100; *11*, *12*, *14*—*16* — ув. 250; *13* — ув. 500

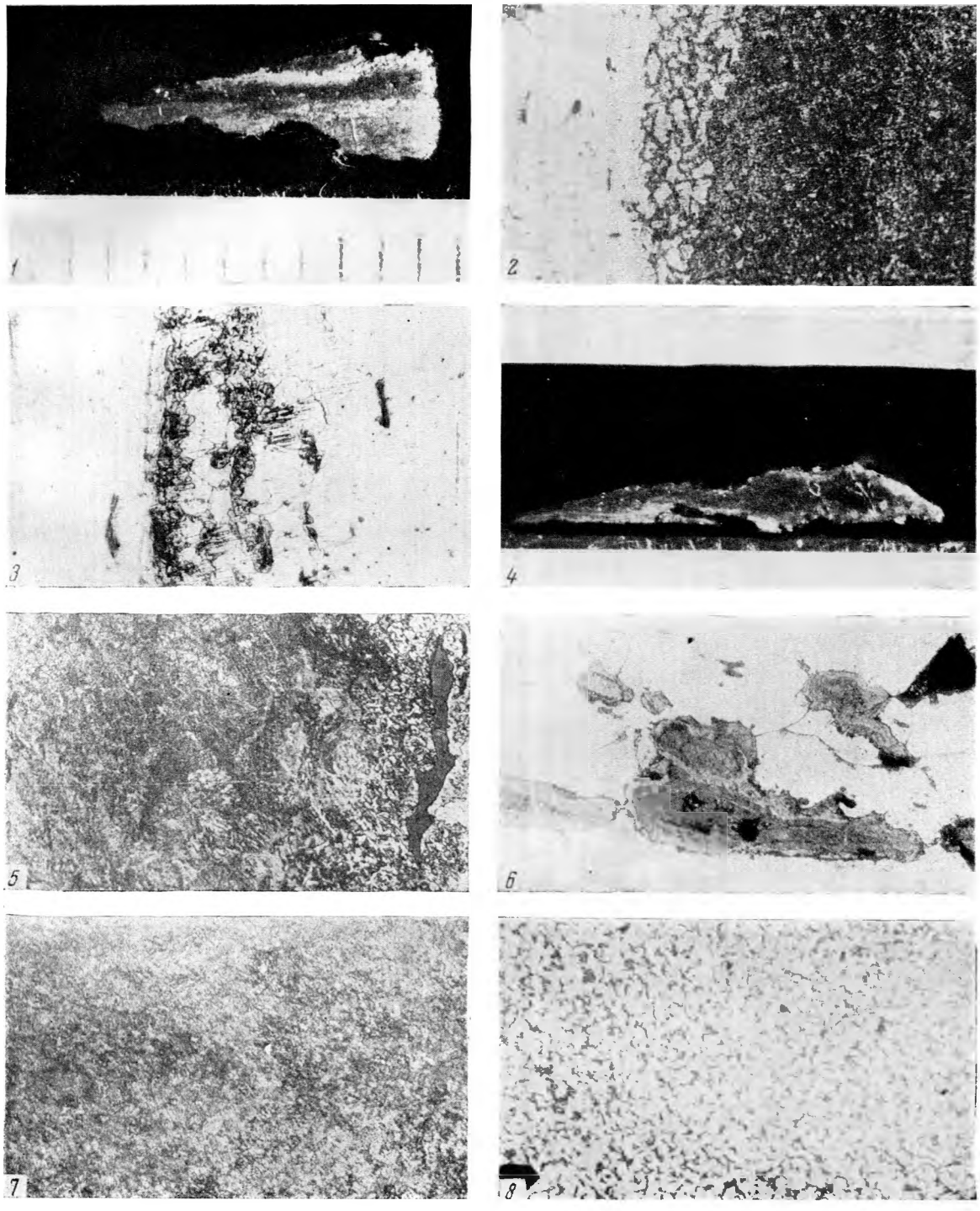


Рис. 4а. Шлифы (*1—8*)

1—4 — ув. 100; *5* — *8* — ув. 250.

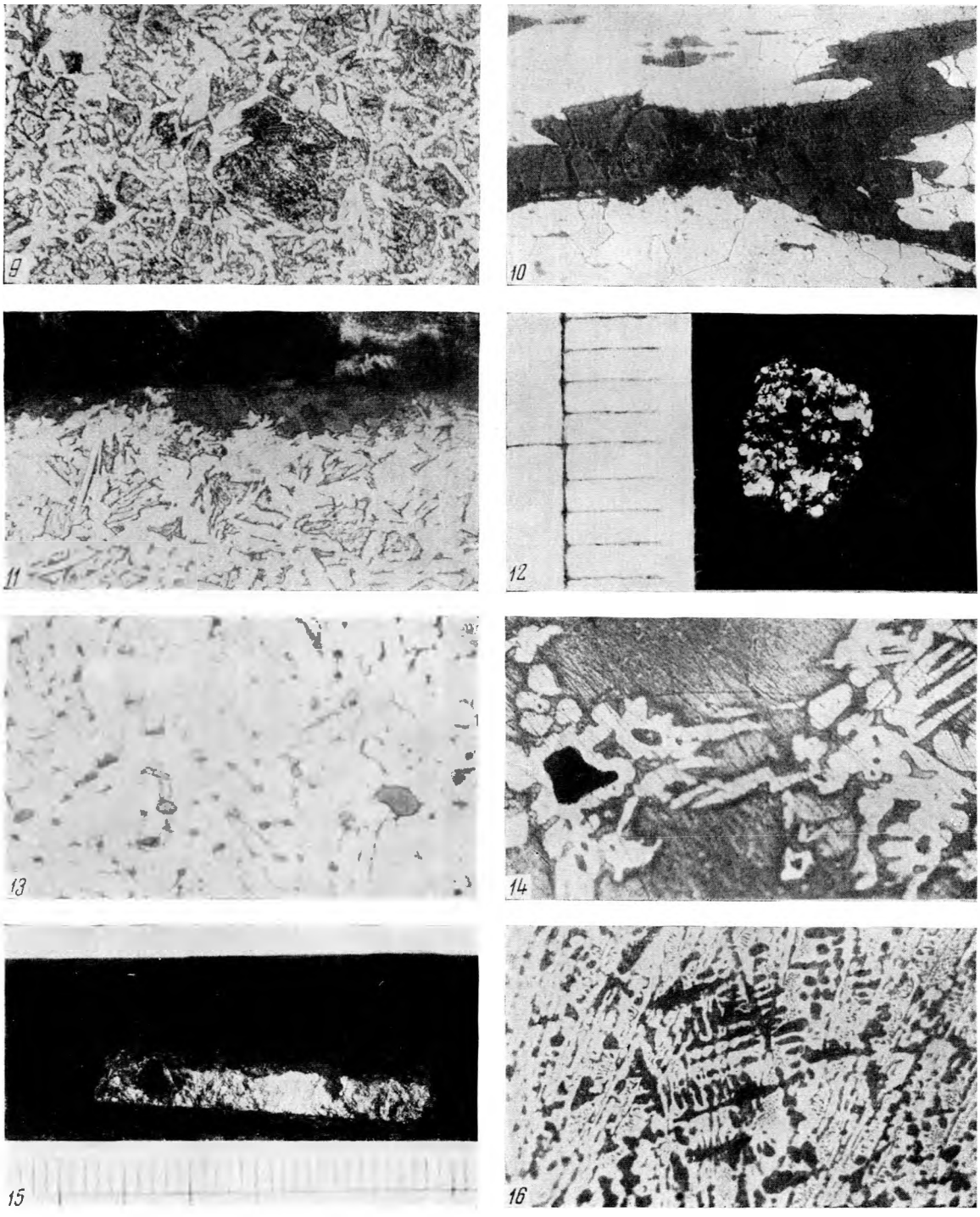


Рис. 46. Шлифы (*9—16*)

9, *10*, *11*, *13*, *14* — ув. 250; *12*, *15* — ув. 500; *16* — ув. 100

Приложение 1

Таблица 1

Мало-Пальцынское селище X—XI вв. Содержание элементов в железных изделиях. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. (ГИМ, инв. № 84802, опись 1763)

(в процентах)

№ п.п.	Изделия	№ по описи	Данные о местонахождении	Углерод	Кремний	Марганец	Фосфор	Сера	Хром	Никель	Титан	Ванадий	Медь	Вольфрам
1	Нож	40	PI, 5/2	0,15	0,08	0,24	0,350	0,008	Следы	0,23	Нет	Нет	Нет	Нет
2	Нож (кончик лезвия)	41	PI, 5/2	0,53	0,03	0,16	0,035	0,008	Нет	Нет	„	„	„	„
3	То же	145	PI, 11/4	0,10	0,03	Нет	0,034	0,008	„	„	„	„	„	„
4	Нож	196	PI, 11/5	0,15	0,09	0,15	0,032	0,013	„	0,16	„	„	„	„

Таблица 2

Больше-Пальцынское селище XII в. — начала XIII в. Содержание элементов в железных изделиях. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. (ГИМ, инв. № 84800, опись 1761)

(в процентах)

№ п.п.	Изделия	№ по описи	Данные о местонахождении	Углерод	Кремний	Марганец	Фосфор	Сера	Хром	Никель	Титан	Ванадий	Медь	Вольфрам
1	Серп (часть лезвия с черенком)	167	PIII, 10/1, яма № 5	0,10	0,09	0,08	0,18	0,013	Нет	0,12	Нет	Нет	Нет	Нет
2	Гвоздь	116	PIV. 4/3	0,22	0,05	0,13	0,21	0,013	„	0,12	„	„	„	„
3	Кусок прокованного железа	43	PIV, 2/2	0,19	0,06	0,074	0,13	0,014	„	0,20	„	„	„	„
4	Дверная петля	18	PI, 11/2	0,10	0,07	0,08	0,066	0,019	Следы	0,16	„	„	„	„

Таблица 3

Кайбельское селище X—XII вв. Содержание элементов в железных изделиях. Куйбышевская археологическая экспедиция 1953 г.

(в процентах)

№ п.п.	Изделия	№ по описи	Данные о местонахождении	Углерод	Кремний	Марганец	Фосфор	Сера	Хром	Никель	Титан	Ванадий	Медь
1	Ключ от цилиндрического замка	94	На месте кургана № 6	0,59	0,07	0,09	0,053	0,022	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
2	Нож	22	„ „ „ № 12	1,10	0,10	0,06	0,320	0,033	„	Незначительное количество	„	„	„
3	„	1	„ „ „ № 10	0,51	0,14	0,10	0,165	0,022	„	Нет	„	„	„
4	„	56	„ „ „ № 6	0,06	0,08	Следы	0,110	0,022	„	„	„	„	„
5	Долото	18	„ „ „ № 10	0,15	0,11	0,09	0,076	0,019	„	„	„	„	„

Таблица 4

Болгарское городище, 1948 г. Содержание элементов в железных изделиях (ГИМ, инв. № 82528, опись 1152)
(в процентах)

№ п.п.	Изделия	№ по описи	Данные о местонахождении	Углерод	Кремний	Марганец	Фосфор	Сера	Хром	Никель	Титан	Ванадий	Медь	Вольфрам	Дата
1	Нож (часть лезвия с черенком) . . .	4427	PI, 81/13, слой 6	0,08	0,09	Нет	0,25	0,014	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	X—XI вв.
2	То же	4428	То же	0,06	0,06	0,01	0,7	0,013	„	„	„	„	„	„	X—XI вв.
3	Наконечник стрелы	3279	PI, участок 93, зачистка после штыка 6, верхний горизонт, слой 5	0,08	0,10	0,044	0,25	0,014	„	„	„	„	„	„	1-я половина XIII в.
4	Топор (боковая часть, ближе к обуху)	5327	PI, участок 60, яма № 20, нижний горизонт, слой 5	0,06	1,07	Следы	0,22	0,043	„	„	„	„	„	„	XII в.
5	Топор (центральная часть)	5327	То же	0,10	0,07	„	0,22	0,042	„	„	„	„	„	„	XII в.
6	Корпус цилиндрического замка .	1144	PI, 60,3, слой 4	1,04	0,70	Нет	0,33	0,017	„	„	„	„	24	„	XIV в.

Таблица 5

Болгары. Древнерусское поселение. 2-я половина XIII в. — 1-я половина XIV в.
Содержание окислов в шлаках и других железных предметах.
Куйбышевская археологическая экспедиция 1953 г. (ГИМ, инв. № 84752, опись 1467)
(в процентах)

№ п.п.	Изделия	№ по описи	Данные о местонахождении	Потеря при прокаливании	Углекислый газ	Окись кремния	Окись железа	Закись железа	Окись алюминия	Окись марганца	Окись калия	Окись магния	Серный ангидрид	Фосфорный ангидрид	Окись никеля	Окись меди
1	Шлак	1891	PIV, жилище 3, участки 42—45, глубина от 0 140 см	2,00	Есть	21,0	23,17	34,80	6,40	1,68	2,94	0,76	Следы	2,51	Нет	Нет
2	„	1890	То же	Привес	„	21,08	5,66	56,76	4,00	0,28	2,18	0,90	„	2,05	„	„
3	Окалина ножа .	1990	PIV, жилище 3, участки 47—49, глубина от 0 160—200 см	10,80	„	24,52	16,46	28,97	5,60	Нет	1,83	0,84	„	3,84	„	„
4	„ долота	65	PIV, жилище 1, 10/3, на уровне дневной поверхности	13,40	„	20,32	41,42	3,74	7,60	0,13	0,72	1,30	„	4,82	„	„
5	„ ножа .	1477	PIV, яма № 8, глубина от 0 110—123 см	14,92	„	14,22	50,62	5,61	5,12	0,05	1,44	0,80	„	5,5	„	„

Таблица 6

Болгары. Древнерусское поселение, 2-я половина XIII в. — 1-я половина XIV в. Содержание элементов в железных изделиях. Куйбышевская археологическая экспедиция 1953 г. (ГИМ, инв. № 84752, опись 1467)

(в процентах)

№ п.п.	Изделия	№ по описи	Данные о местонахождении	Углерод	Кремний	Марганец	Фосфор	Сера	Хром	Никель	Титан	Ванадий	Медь	Вольфрам	Молибден
1	Кольцо от сбруи	916	PIV, жилище 1	0,13	0,05	0,01	0,074	0,022	Нет	0,20	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
2	Долото	65	PIV, жилище 1, 10/3, на уровне дневной поверхности	0,19	0,07	0,05	0,047	0,030	„	Нет	„	„	„	„	„
3	Дужка от цилиндрического замка с пружиной	1176	PIV, жилище 1, глубина от 0 73—93 см	0,19	0,14	Нет	0,20	0,0048	„	0,06	„	„	11,60	„	„
4	Кочедык	200	PIV, жилище 2, глубина от 0 110 см	0,07	0,12	„	0,17	0,020	„	0,04	„	„	Нет	„	„
5	Стенка котла	1087	PIV, жилище 1, глубина от 0 132 см	4,39	0,05	0,14	0,044	0,025	„	Нет	„	„	„	„	„
6	Ключ от цилиндрического замка	1993	PIV, жилище 3, участки 47—49, глубина от 0 160—200 см	0,07	0,12	0,03	0,16	0,043	„	„	„	„	„	„	„
7	Нож (часть лезвия с черенком)	1990	То же	0,60	0,21	0,05	0,50	0,026	„	Следы	„	„	„	„	„
8	Ключ от цилиндрического замка	1946	PIV, жилище 3, очаг, глубина от 0 178 см	0,22	0,14	Нет	0,15	0,028	„	Нет	„	„	„	„	„
9	Гвоздь	1986	То же	0,09	0,21	0,03	0,20	0,032	„	„	„	„	„	„	„
10	Нож	1477	PIV, яма № 8, глубина от 0 110—128 см	0,54	0,38	Нет	0,15	0,017	„	0,07	„	„	„	„	„
11	Нож (лезвие)	1702	PIV, яма № 11	0,26	0,24	„	0,27	0,018	„	Нет	„	„	„	„	„
12	Наконечник стрелы	178	PIV, яма № 2	0,16	0,21	0,06	0,23	0,012	„	0,55	„	„	„	„	„
13	Подковка для сапога	179	То же	0,54	0,14	Нет	0,04	0,018	„	0,31	„	„	„	„	„
14	Нож (средняя часть лезвия)	471	PIV, 38/4	0,16	0,14	„	0,19	0,024	„	Нет	„	„	„	„	„
15	Гвоздь	328	PIV, 17/2	0,32	0,07	0,62	0,10	0,030	„	„	„	„	„	„	„
16	„	2100	PIV, 73/3	0,76	0,14	Нет	0,50	0,029	„	„	„	„	„	„	„

Было известно болгарским мастерам и паяние медью. Данным приемом пользовались замочники. Об этом свидетельствуют показатели химического анализа частей замков на медь (табл. 4, № 6; табл. 5, № 3). Припаивались пружины к дужке замка, кольца и зигзагообразные полоски — к его корпусу.

Кроме изложенных выше замечаний относительно приемов получения и обработки черного металла, проделанные анализы позволяют высказать некоторые соображения конкретно-исторического характера. Например, обращают на себя внимание находки на Кайбельском и Мало-Пальцынском селищах изделий разного качества. Среди кайбельских имеются изделия из хорошо прокованного металла, с удачно вваренными лезвиями (см. приложение 2, образцы № 98, 18 и 1), что говорит о достаточно высоком мастерстве изготовлявших их кузнецов. Наряду с этим встречен нож (см. приложение 2, образец № 56), который по качеству его изготовления стоит гораздо ниже. Думается, что этот последний мог быть сделан местным деревенским кузнецом, а первые являлись продукцией городских, более квалифицированных мастеров.

Наличие или отсутствие никеля в исследованных изделиях свидетельствует о производстве металла металлургами разной квалификации.

Во всех изделиях Больше-Пальцынского селища, расположенного в 1 км от Мало-Пальцынского, при химическом анализе оказался никель. Больше-Пальцынское селище [9] находилось возле городища, бывшего, по-видимому, ремесленным центром. Не производился ли металл с никелем металлургами этого города? Составлением шихты, видимо, овладели прежде всего городские, более квалифицированные металлурги. Анализы ряда изделий древнерусского поселения в Болгарах свидетельствуют о перегреве их (см. приложение 2, образцы № 1993, 179, 200 и др.), что могло произойти при пожаре. Это согласуется с археологическими данными, так как при раскопках следы пожара обнаружены в ряде участков поселения.

Все сказанное о получении и обработке металла у болгар вполне соответствует уровню техники средневековья. Нельзя не отметить, что болгарская металлургия и металлообработка обнаруживают много общего с черной металлургией и металлообработкой в это же время на Руси.

Приложение 2

I. ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В БОЛГАРАХ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII в.—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV в. (1953 ГОД. ГИМ, ИНВ. № 84752, ОПИСЬ 1467)

1. Долото (№ 65). Сделаны шлифы продольный и поперечный; последний — в лезвийной части (рис. 1, *5*). Макроструктура [10] (макроанализ в продольном направлении) характеризуется неоднородностью материала (рис. 3, *1*). Микроанализом в центральной зоне также определяется значительная неоднородность: наряду с мелкокристаллической сорбитной [11] структурой (рис. 3, *2*) наблюдается мелкокристаллическая феррито-перлитная структура [12] (рис. 3, *3*) и далее — структура феррита со шлаковыми включениями (рис. 3, *4*). Структура острия образца в поперечном сечении — перлит + феррит со следами перегрева (рис. 3, *5*) и феррит с отдельными шлаковыми включениями (рис. 3, *6*) — в другой части сечения.

2. Кочедык (№ 200). Шлиф сделан поперек в средней части изделия (рис. 1, *6*). Макроанализ образца в поперечном сечении (посередине изделия) выявляет пористость и неоднородность материала (рис. 3, *7*). Микроструктура образца неоднородна: в отдельных местах присутствуют феррит и крупные шлаковые включения (рис. 3, *8*), феррит в более мелких формах с карбидными включениями (рис. 3, *9*) и крупнокристаллическая феррито-перлитная структура типа видманштеттовой [13] — с одной стороны изделия (рис. 3, *10*).

3. Нож (№ 1477). Сделано 3 поперечных шлифа: в остром конце, у черенка и в черенковой части (рис. 1—7). Макроанализ лезвия в поперечном сечении (недалеко от черенка) выявляет значительную неоднородность материала (рис. 3, *11*). Микроанализом в светлой части того же шлифа определяется ферритная структура с отдельными крупными шлаковыми включениями (рис. 3, *12*). На других участках структура —сор-

[9] Т. А. Хлебникова. Пальцынские селища X в.— начала XIII в. МИА, № 61, 1958 г., стр. 203 и сл.

[10] Макроструктура — строение металла, видимое при малом увеличении (до линейного увеличения 10); микроструктура — строение металла, видимое под микроскопом.

[11] Сорбит — структура термообработки стали (закалка), отличающаяся повышенной прочностью.

[12] Феррит — альфа-железо. Пространственная атомная решетка альфа-железо — центрированный куб. Сохраняется до 758° С. Перлит — механическая смесь феррита с цементитом (карбид-железо), с пластинчатым или зернистым строением. Наличие перлита указывает на достаточно прочный, пластичный и вязкий металл.

[13] Видманштеттова структура характеризуется игольчатым строением вследствие значительного перегрева. Механические свойства металла с такой структурой — пониженные (особенно упругость). В данном случае наблюдение подобной структуры с одной стороны указывает, что предмет находился на костре или в пожаре.

битного типа, с отдельными ферритными образованиями (рис. 3, *13*). Микроструктура в остром конце неоднородна: наряду со структурой сорбитного типа (рис. 3, *14*) имеются участки с сильно перегретой структурой (рис. 3, *15*), а также места со структурой феррита с карбидными включениями (рис. 3, *16*). Микроструктура черенка ножа тоже неоднородна — от феррито-перлитной до структуры сорбитного типа.

4. Нож (№ 1702). Шлиф сделан поперек лезвия, ближе к концу (рис. 1, *8*). Макроструктура выявляет пористость и неоднородность материала (рис. 4, *1*). Микроструктура образца также неоднородна: сорбит + + феррит в центральной зоне (рис. 4, *2*) и с большими массами феррита в поверхностных слоях (рис. 4, *3*).

5. Нож (№ 471). Шлифы сделаны в черенковой части и в остром конце ножа (рис. 1, *9*). Макроструктура образца характеризуется неоднородностью и пористостью (рис. 4, *4*). Микроструктура острого конца ножа различная: от сорбитной (рис. 4, *5*) до ферритной с крупными шлаковыми включениями (рис. 4, *6*). Микроструктура ручки ножа — феррит крупнокристаллический с заметной пористостью. Микроанализ на сульфидные включения не выявляет неоднородности ни в конце ножа, ни в ручке.

6. Подковка для сапога (№ 179). Микроструктура образца характеризуется неоднородностью: в центральной части наблюдается структура сорбитного типа (рис. 4, *7*), в поверхностных слоях — феррит + + перлит мелкокристаллический (рис. 4, *8*) и феррит + перлит с признаками перегрева (рис. 4, *9*).

7. Наконечник стрелы (№ 178). Шлифы сделаны в продольном направлении по центральной оси (через перо и черенок) и в поперечном направлении (через перо в самой широкой части). Микроструктура неоднородна: в поперечном сечении в толстой части образца, в центре, присутствуют феррит + шлаковые включения (рис. 4, *10*), в поверхностных слоях — феррито-карбидная структура (рис. 4, *11*); в продольном сечении также выявляется структура феррита с крупными шлаковыми включениями. В черенковой части структура феррито-карбидная в поверхностных слоях и феррит с крупными шлаковыми включениями — в центральной зоне.

8. Ключ от цилиндрического замка (№ 1993). Макроанализом поперечного сечения определяется пористость материала (рис. 4, *12*). Микроструктура феррито-перлитная с крупными шлаковыми включениями, сохранившими дендритное строение (рис. 4, *13, 14*).

9. Стенка котла (№ 1087). Внешний вид излома приведен на рис. 4, *15*. Макроанализ на сульфидные включения не выявляет неоднородности материала. Микроструктура образца — перлит + эвтектика (ледебурит), типичная для белого чугуна (рис. 4, *16*).

II. КАЙБЕЛЬСКОЕ СЕЛИЩЕ X—XII вв. (1953 г.)

1. Нож (№ 56). Шлиф сделан поперек лезвия, ближе к черенку (рис. 1, *1*). Макроструктура образца характеризует неоднородность материала и волокнистость его строения (рис. 1, *11*). Микроструктура также подтверждает неоднородность: в утолщенной части образца, по краям, наблюдается ферритная структура с крупными неметаллическими включениями (рис. 1, *12*), в середине — перлитные участки (рис. 1, *13*), в тонкой части образца — более мелкая структура сорбитного типа совместно с ферритом и неметаллическими включениями (рис. 1, *14—16*). В центральной зоне выявляется феррито-перлитная структура (рис. 1, *17*), имеющая в отдельных местах слоистый характер (рис. 1, *18*).

2. Нож (№ 1). Сделан шлиф поперек лезвия у самого черенка (рис. 1, *2*). Макроанализом определяются неоднородное строение материала и его слоистость (рис. 2, *1*).

Микроструктура в тонкой части образца— феррит + перлит + коагулированный цементит (рис. 2, *2*); в толстой части образца по краям структура ферритная с включениями коагулированного цементита (рис. 2, *3*); в промежуточной центральной зоне наблю-

дается феррито-перлитная структура с включениями коагулированного цементита (рис. 2, *4*).

3. Наконечник стрелы (№ 98). Шлиф поперечный, посередине длины пера (рис. 1, *3*). Микроструктура феррито-перлитная с отдельными включениями коагулированного цементита (рис. 2, *5*, *6*).

4. Долото (№ 18). Шлиф вырезан из средней части изделия в продольном направлении (рис. 1, *4*). Макроанализ выявляет неоднородность и слоистость материала (рис. 2, *7*). Микроструктура образца неоднородная: в отдельных местах — феррито-перлитная структура с заметным перегревом (рис. 2, *8*, *9*), в других — феррит с небольшими участками перлита и значительными неметаллическими включениями (рис. 2, *10*, *11*); встречаются участки коагулированного цементита (рис. 2, *12*).

А. М. Ефимова

МОГИЛЬНИК НА БАБЬЕМ БУГРЕ ГОРОДИЩА БОЛГАРЫ

Могильник на Бабьем бугре является крупным кладбищем города Волжской Болгарии — Болгара, развалины которого находятся на территории с. Болгары Куйбышевского района Татарской АССР. Большое количество захоронений определяет его большой научный интерес как источника значительного археологического и антропологического материала волжских болгар.

Бабий бугор представляет собой сильно выступающий мыс верхней волжской террасы, возвышающийся на 30 м над прилегающей низиной. С горы открывается широкий живописный вид на волжскую долину и Волгу. По рассказам местных старожилов, на Бабьем бугре, находящемся на окраине села, с давних пор устраивались хороводы; это было излюбленное место молодых женщин, чем и объясняется его своеобразное наименование. Склоны террасы, сложенные рыхлыми песчаными напластованиями и слабо задернованные, размывались делювиальными водами и нередко подвергались обвалам, разрушавшим могильник и раскрывавшим тайну Бабьего бугра.

Этот памятник неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Наиболее раннее упоминание о древностях Бабьего бугра относится к середине XIX в. В работе профессора Казанского университета И. Н. Березина, изучавшего Болгарское городище, отмечено: «Конечно, если бы все булгарские древности были бы собираемы в один музей, то, по всей вероятности, составилось бы замечательное собрание; во всяком случае, систематические раскопки в Булгаре доставили не менее бы находок, чем и на Сарайской местности; в этом отношении более других мест обращает на себя внимание так называемый «бабий бугор», в котором найдены по сю пору многие скелеты и значительное количество монет» [1].

В 1880 г. профессор Казанского университета Н. Ф. Высоцкий и прозектор при кафедре анатомии И. М. Малиев производили раскопки на Бабьем бугре по поручению и на средства Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Было вскрыто 43 погребения. Раскопки установили факт существования на Бабьем бугре большого древнего кладбища. Нельзя согласиться с выводами авторов раскопок о близкой аналогии погребального обычая и антропологического материала могильника на Бабьем бугре со славянскими [2].

В 1913 г. довольно значительные раскопки проводил член названного общества М. М. Хомяков. Он собрал большой антропологический материал (86 черепов), переданный в Анатомический музей Казанского университета. Неубедительны выводы М. М. Хомякова, рассматривавшего погребения на Бабьем бугре как братскую могилу позднего времени, связанную с каким-либо эпидемическим заболеванием.

В 1920 г. раскопки могил на Бабьем бугре вела экскурсия студентов Северо-Восточного археологического института под руко-

---

[1] И. Н. Березин. Булгар на Волге. Ученые записки Казанского университета, кн. III. Казань, 1852, стр. 138.

[2] Протоколы Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете от 23 декабря 1880 г. ИОАИЭ, т. IV, 1883—1884, стр. 45, 46.

водством Б. А. Адлера, но материалы раскопок не опубликованы. Недостаточность документации и противоречивость выводов предшествующих раскопок не позволяли считать раскрытым содержание и научное значение памятника. Могильник неоднократно подвергался также кладоискательским раскопкам местного населения. Следы старых раскопок прослеживались на поверхности в виде неглубоких впадин, заросших травой.

Цель настоящей работы — раскрыть содержание и историческое значение могильника на основе материала раскопок, произведенных на Бабьем бугре в 1947 и 1948 гг. объединенной экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Государственного Исторического музея и Государственного музея Татарской АССР (Казань) [3].

Экспедиция 1947 и 1948 гг. вскрыла 243 кв. м. Раскоп 1947 г. был заложен к западу от территории предшествовавших раскопок. Траншея шириной 4 м пересекла поверхность Бабьего бугра с северо-запада на юго-восток на протяжении 26 м; в процессе исследования могильника южный край траншеи расширен до 13 м. Раскоп 1948 г. (рис. 1) был заложен, согласно выявленным в 1947 г. направлениям распространения захоронений, к северу, югу и западу от раскопа 1947 г. и примыкал к нему. Кроме того, ввиду наличия разрушенных могил на северном склоне мыса, небольшая площадь (47 кв. м) была вскрыта на пересекающей склон террасе, на 4 м ниже его верхнего края.

На территории Бабьего бугра находилась значительная толща напластований, связанная с историей его заселения на протяжении I и II тысячелетий н. э. Слой русской деревни XVII—XX вв. и находящейся под ним слой погребенной почвы XV—XVI вв. перекрывали болгарский слой; ниже залегал слой доболгарский — позднегородецкий, налегающий непосредственно на материковый грунт. Общая толща культурных напластований составляла от 1,5 до 3 м. Следует отметить, что мощность культурного слоя в известной мере возрастала за счет делювиальных смывов с верхнего плато городища, оплагавшихся главным образом на бровке террасы.

Болгарский слой — супесчаный, гумированный, коричневый, с пятнами гумуса, песка, глины,— местами содержал скопления обугленной древесины, красной обожженной глины, золы и угля. Толщина слоя — от 0,45 до 0,7 м, на бровке бугра она достигает 0,8—1 м; в слое выявлены остатки разрушенной болгарской деревянной постройки с глинобитной печью.

Количество находок незначительно; они состоят главным образом из фрагментов лепной и гончарной керамики, представляющих ранний, смешанный болгаро-городецкий комплекс [4]:

Керамика	Количество фрагментов	%
Гончарная красная . . .	13	3,1
» коричневая . .	33	7,3
» серая, грубая .	139	30,8
Лепная городецкая . . .	265	58,7

Среди гончарной керамики преобладает недостаточно обожженная серая и желтая, нередко грубо сделанная. Количество хороших коричневых и коричнево-красных сосудов незначительно; находки хорошо обожженной кирпично-красной керамики, встречающейся главным образом в верхних напластованиях слоя, единичны. Наряду с гончарной в большом количестве встречена лепная керамика типа городецкой. Формирование данного слоя связано с существованием на Бабьем бугре смешанного болгаро-городецкого поселения в ранний период — на грани I и II тысячелетий н. э. [5].

Болгарскому слою предшествовало отложение на материковом песке культурного слоя городецкого поселения второй половины I тысячелетия н. э. Толщина городецкого слоя — 0,2—0,4 м. Слой песчанистый, гумированный, содержит лепную городецкую керамику; в небольшом количестве встречена керамика ананьинско-пьяноборского типа. При прохождении городецкого слоя обнаружены остатки землянки и культового

[3] Начальник экспедиции — доктор исторических наук А. П. Смирнов, руководитель раскопок — старший научный сотрудник Казанского музея А. М. Ефимова. В раскопках принимали участие студентка Казанского университета Т. А. Хлебникова и ученик московской школы К. А. Смирнов.

[4] По данным раскопок Бабьего бугра в 1947 г. Научный отчет А. М. Ефимовой о раскопках Бабьего бугра в 1947 г. Архив ИИМК.

[5] А. М. Ефимова. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957, стр. 17.

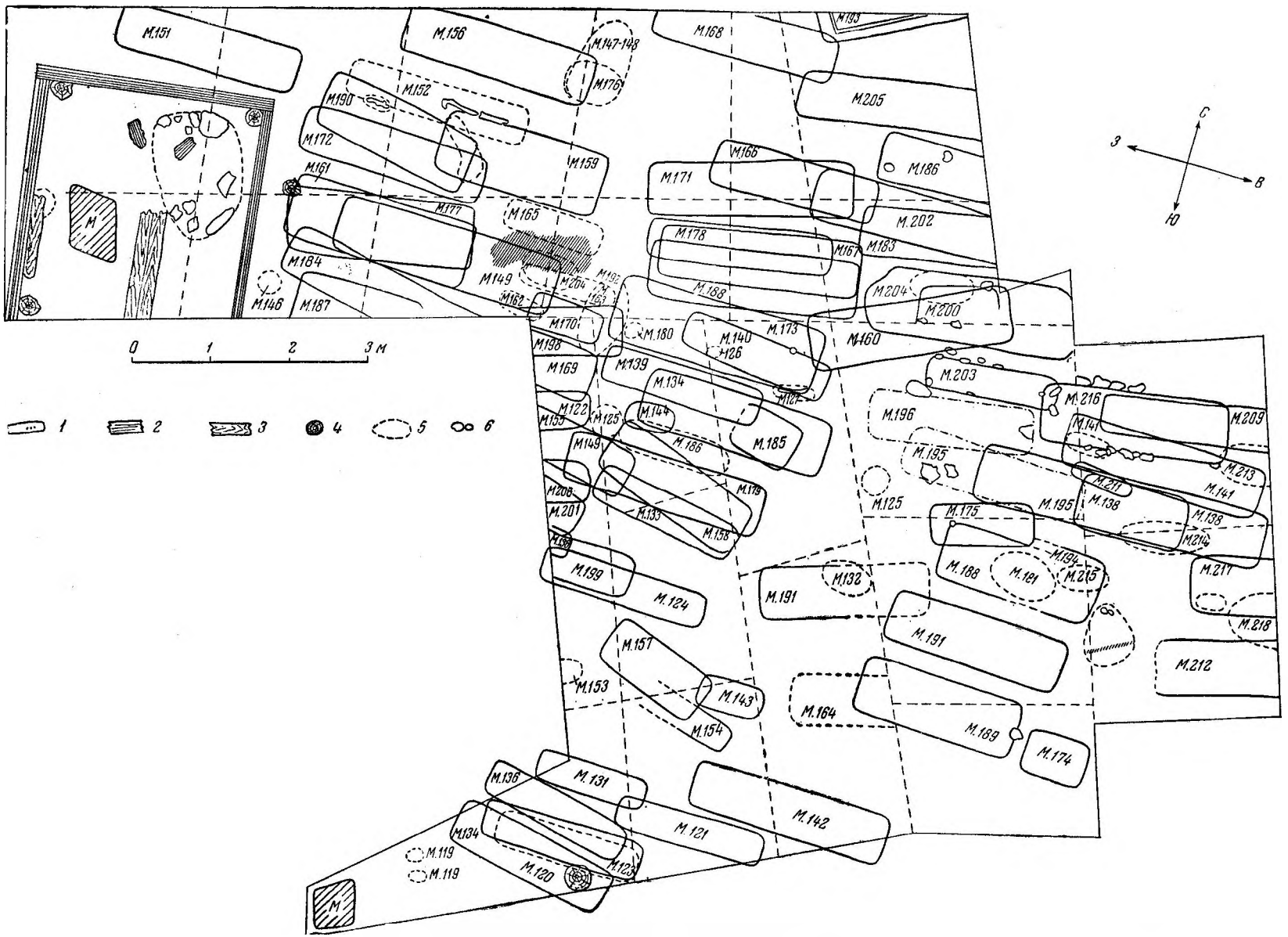


Рис. 1. План раскопа могильника на Бабьем бугре в 1948 г.

1 — могила; *2* — бревно; *3* — доска; *4* — столб; *5* — разрушенное погребение; *6* — камни.

сооружения — большого, сложенного из камней жертвенного очага со следами ритуальных сожжений.

Болгарский и городецкий слои пересечены многочисленными могильными ямами болгарских захоронений. Эти ямы не связаны с русским слоем; они перекрыты или верхними пластами болгарского слоя, или слоем погребенной почвы, и в случаях нарушения последней — русским слоем. Это с полной несомненностью свидетельствует, что кладбище — болгарское.

Раскопки выявили, что кладбище занимало выступ верхней террасы — Бабий бугор и небольшой участок нижележащей террасы по северному склону Бабьего бугра. Предшествующие раскопки, а также работа делювиальных вод значительно нарушили сохранность памятника, главным образом северо-восточную его часть и могилы на склонах.

В 1947 и 1948 гг. исследована юго-западная часть и могилы на нижележащей террасе. Могилы были расположены тесно, образуя 2—3—4 яруса. Наибольшая плотность захоронений — в срединной части мыса верхней террасы, где, очевидно, находился центр кладбища. На протяжении 195 кв. м находилось 218 могил. Сопоставление высотных [6] и стратиграфических данных залегания погребений и сопутствующих культурных остатков позволило, с известной долей условности, выделить нижний — домонгольский и верхний — золотоордынский горизонты захоронений, связав их соответственно с домонгольским и золотоордынским периодами в жизни города.

Верхний горизонт захоронений находился в среднем на глубине 0,47 м от поверхности болгарского слоя (с колебаниями от 0,3 до 0,65 м). Прослежены профили могильных ям, выходящие к верхней границе болгарского слоя. Каменное надгробие одной из могил (№ 39) залегало в верхнем горизонте болгарского слоя, выходя к его поверхности. Нижние границы могильных ям находились в болгарском слое.

При расчистке захоронений найдены золотоордынские монеты (табл. 1).

Таким образом, могилы верхнего горизонта относятся к золотоордынскому периоду существования города — XIII—XIV вв.

[6] Глубину захоронений измеряли от единого высотного уровня.

Таблица 1

Медные золотоордынские монеты (раскопки 1948 г.)

№ п.п.	Место находки	Глубина от поверхности болгарского слоя (м)	Год чекана
1	Участок 6, могила 169	0,38 (—1,7)	1333—1334 гг.
2	Там же	(—1,77)	1280—1300 гг.
3	Участок 5, штык 11	0,5 (—1,15)	1300 г.
4	Участки 6, 14, могила 170	0,65 (—1,84)	Без указания года
5	Участки 6, 7, могила 192	0,65 (—1,77)	То же

Нижний горизонт захоронений находился в среднем на глубине 0,95 м от поверхности болгарского слоя, с колебаниями от 0,75 до 1,4 м. Следует иметь в виду, что, как это уже отмечено выше, возрастание болгарского слоя в известной мере происходило путем намывных отложений. Могилы в большинстве случаев перекрыты захоронениями верхнего горизонта. Прослеженные профили могильных ям показывают дневную поверхность захоронений на глубине 0,22—0,52—0,6 м от поверхности болгарского слоя; нижние границы могильных ям находились в городецком слое или материковом песке. На глубине 0,8 м от поверхности болгарского слоя залегало каменное надгробие одной из ранних могил (№ 80). Никаких находок золотоордынского времени при расчистке данного слоя захоронений не встречено. Датировка их домонгольским временем подтверждается обнаруженным при зачистке могилы № 158 фрагментом древнерусского витого стеклянного браслета лимонного цвета — обычной находкой при раскопках русских городов X—XII вв.

Следовательно, кладбище на Бабьем бугре возникло в домонгольский период жизни города, после запустения находившегося здесь болгаро-городецкого поселения, и далее существовало на протяжении XIII—XIV вв. до запустения города в начале XV в.

Не случайным является выбор места для кладбища. При его возникновении данная территория была за пределами городских укреплений, на удаленной от центра окраине; это характерно для мусульманских кладбищ, находящихся, как правило, за пределами селений. В то же время расположение

кладбища на Бабьем бугре очень типично для древних волжско-камских ананьинско-пьяноборских могильников, которые обычно устраивали на краю береговых возвышенностей, с широким открытым видом на речные долины. Таким образом, в топографии кладбища на Бабьем бугре переплелись требования новой, принесенной извне религии с древними обычаями местных племен.

Следует отметить, что эти топографические особенности сохраняли и позднейшие языческие кладбища народов Поволжья — чувашские и марийские [7].

Данные о погребениях сведены в табл. 2, 3, 4, 5 и 6. В тексте приводятся описания только могил с вещами и нехарактерными деталями захоронения.

ОПИСАНИЕ МОГИЛ, РАСКОПАННЫХ В 1947 ГОДУ

Могила 2 (участки 13 и 14). Погребение разрушено, кости смещены. Костяк залегал на глубине 0,75 м, головой на запад. Сохранились череп, позвоночник, несколько ребер, плечевые кости. Между 1 и 2-й могилами находилась кость руки, согнутая в локте под прямым углом. Восточнее костяка на 25 см лежал обломок овечьей челюсти, западнее — 3 обломка трубчатых овечьих костей.

Могила 9 (участки 13—21). Погребение находилось на глубине 0,36 м в сером песчанистом гумированном слое. Могильное пятно не прослеживалось. Костяк лежал на спине, головой на запад; ориентирован на запад (270°). Длина костяка — 1,7 м. Руки полусогнуты, соединены в области таза. Скелет полный. Кости плохо сохранились, легко рассыпаются. Прослежены остатки гроба-колоды. На груди найдена серебряная шарообразная пуговка из переплетенной проволоки. При зачистке могилы обнаружены 5 фрагментов гончарной серой керамики грубой работы и 3 фрагмента керамики ручной лепки.

Могила 16 (участок 19). На глубине 1,4 м в серо-коричневом песчано-гумусном слое обнаружен костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад (270°). Левая рука вытянута, правая — покоилась на головке бедренной кости. Длина костяка — 1,83 м. Скелет полный, недостает лишь мелких костей стоп; кости — хорошей сохранности. Вещей при погребении не было. При расчистке найдены уголек, фрагмент красно-бурой керамики ручной лепки, с дресвой и 2 фрагмента гончарной красной керамики, в профиле — серые.

Могила 20 (участок 18). Погребение вскрыто на глубине 1,97 м в коричневато-сером песчано-гумусном болгарском слое. Могильное пятно в форме прямоугольного четырёхугольника было ориентировано по линии восток — запад. Размер могилы — 2× ×0,64 м. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад, лицом к востоку; ориентирован на запад — северо-запад (280°). Руки согнуты в локтях; правая лежала ниже грудной клетки, левая — в области таза. Длина костяка — 1,5 м. Сохранность средняя, череп раздавлен. При расчистке могильного пятна на глубине 1,8 м найдена золотоордынская медная монета 1282—1311 гг.

Могилы 23 и 25 (участки 19 и 20). Скелет найден на глубине 1,7 м в коричневато-сером песчано-гумусном слое (нижний горизонт болгарского слоя), на спине, головой на запад — северо-запад (300°). Череп лежал на левом виске, лицо обращено к северу. Руки согнуты в локтях; правая находилась в нижней части грудной клетки, левая — в области таза. Ноги смещены при рытье ямы соседнего погребения 18. В могильной яме рядом с костяком лежали смещенные кости погребения 25 — обломки черепа, челюсть, кости ног. Костяк, видимо, детский. Вещей не было.

Могила 35 (участки 19—22). Погребение обнаружено на глубине 1,7 м в слабо окрашенном песчаном болгарском слое. Скелет был положен на спине, головой на запад — северо-запад (280°), лицом к югу. Череп лежал на правом виске. Руки, полусогнутые в локтях, соединены в области таза. Мелкие кости конечностей не сохранились.

---

[7] П. П. Ефименко. Средневолжская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщения ГАИМК, вып. II, 1929, стр. 163, 164; С. Н. Кузнецов. Отрывки из дорожных заметок во время этнографической экскурсии по Вятской губернии в 1880 г., ИОАИЭ, т. III, Казань, 1884, стр. 260—267.

Таблица 2

Данные о погребениях могильника на Бабьем бугре (раскопки 1947 г.)

Год	№ могилы	Форма могилы		Ориентировка могилы	Положение погребенного												Колода	Гроб	Смещенное	Разрушенное	Коллективное	Примечание
		прямоугольная	округлые углы	З—В	вытянутое, на спине	голова				лицо			руки									
						З	ЮЗЗ	ЗСЗ	СЗ	В	С	Ю	в области грудной клетки	на тазовых костях	вытянуты							
1947	1					+													+	+		
То же	2					+													+	+	+	
» »	3																			+		
» »	5																	+				Вторичное захоронение
» »	6	+		+	+	+				+				Правая Левая								
» »	7	+		+	+	+				+				Правая	Левая							
» »	8	+		+	+	+					+		Левая Правая					+				
» »	9				+	+								Левая Правая		+						
» »	10																			+		
» »	11																			+		
» »	12																			+		
» »	13?																					
» »	14				+		+						Правая Левая									
» »	15				+			+					Правая Левая									
» »	16				+	+								Правая	Левая							
» »	17				+	+					+											
» »	18	+		+	+				+			+	Правая Левая			+						

» »	19					+												+	+			
» »	20	+		+	+	+				+				Правая Левая								
» »	21			+																		
» »	22																			+		
» »	23				+			+			+		Правая	Левая								В могиле находились кости погр. 25
» »	24	+		+	+		+					+		Правая								
» »	25																		+			
» »	26	+		+	+							+	Правая									
» »	27				+	+							Правая									
» »	29	+		+	+	+						+	Левая	Правая								
» »	30	+		+	+			+				+	Правая	Левая								
» »	31	+		+	+	+					+		Правая Левая									
» »	32	+		+	+	+							Правая Левая				+					
» »	33	+		+	+	+						+	Правая Левая									С черепом младенца на груди
» »	34				+		+															
» »	35				+			+				+		Левая Правая								
» »	36																			+		
» »	37																	+	+	+		
» »	38			+																		Расчищено не полностью
» »	39	+		+	+	+					+		Правая	Левая								Надгробие из известняка
» »	40	+		+	+	+					+											
» »	41	+		+	+	+						+	Правая				+					С черепом другого скелета на тазовых костях

Таблица 3

Данные о погребениях могильника на Бабьем бугре (раскопки 1947 г.)

Год	№ могилы	Форма могилы		Ориентировка могилы	Положение погребенного												Колода	Гроб	Смещенное	Разрушенное	Коллективное	Примечание
		прямоугольная	округлые углы	З—В	вытянутое, на спине	голова: З	ЮЗ	СЗ	ЗСЗ	лицо: В	С	Ю	руки: в области грудной клетки	на тазовых костях	вытянутые	подняты к плечу						
1947	68	+		+	+	+												+				
То же	69			+																		
» »	71*				+	+					+		Левая			Прав.						
» »	74				+	+																
» »	75				+	+							Левая Правая									Расчищено не полностью
» »	77				+	+							Правая									
» »	78																		+	+		
» »	79																					Расчищено не полностью
» »	80	+		+	+	+					+			Выше тазовых костей (обе)				+				Надгробие из известняка
» »	94	+		+	+				+		+		Левая пониже									
» »	110			+		+	+				+		Левая Правая								+	
» »	111				+				+		+		Левая Правая									
» »	116			+																+		
» »	118																					Расчищено не полностью
» »	119																					То же
» »	55				+				+					Левая Правая								
» »	56				+			+														

»	»	58				+			+			+			Левая Правая												
»	»	59				+				+			+	Правая		Левая											
»	»	60				+	+																				
»	»	61				+				+		+		Правая Левая													
»	»	70																				+	+				
»	»	73				+	+								Левая Правая												
»	»	76				+		+					ЮВ	Левая		Прав.											
»	»	81	+		+	+		+				+			Левая Правая												
»	»	83																					+				
»	»	84																				+					
»	»	85				+	+								Выше таза (обе)												
»	»	86	+			+	+					+			Левая Правая												
»	»	87																									Расчищено не полностью
»	»	88			+														+								То же
»	»	89	+		+	+				+							Левая Правая										
»	»	90	+		+	+	+																				Расчищено не полностью
»	»	91	Найден один череп																								Вторичное захоронение
»	»	92																				+	+				
»	»	93																					+				
»	»	95																				+					
»	»	96																				+					
»	»	97																				+					Вторичное захоронение

* Правая рука поднята к плечу.

Таблица 4

Данные о погребениях могильника на Бабьем бугре (раскопки 1947 и 1948 гг.)

Год	№ могилы	Форма могилы		Ориентировка могилы	Положение погребенного												Колода	Гроб	Смещенное	Разрушенное	Коллективное	Примечание
		прямоугольная	округлые углы	З — В	вытянутое, на спине	голова: З	ЮЗЗ	СЗ	ЗСЗ	лицо: В	С	Ю	руки: в области грудной клетки	на тазовых костях	вытянуты							
1947	98			+		+						+							+			
То же	99				+	+																Расчищено не полностью
» »	100					+						+								+		Вторичное захоронение
» »	101																			+		» »
» »	102				+	+																
» »	103				+				+		+		Правая									
» »	104																			+		
» »	105				+	+										+			+	+		
» »	106				+														+	+		
» »	107				+				+			+		Правая Левая								
» »	108				+				+					Левая								
» »	109				+				+					Левая Правая								
» »	112																				+	
» »	113																					
» »	114				+															+		
» »	115				+				+											+		
» »	117				+																	Расчищено не полностью
1948	120				+	+					+		Левая Правая					+				

То же	121				+	+												+				
» »	119																		+			
» »	123																		+			
» »	122																			+		
» »	124				+		+						Левая									
» »	125																		+			Вторичное захоронение
» »	126																			+		
» »	127																			+		
» »	128																			+		
» »	129				+				+			+	Правая									В могиле обломки костей погребения 130
» »	130																					
» »	132																		+	+		
» »	133				+				+				Правая				+					Одно погребение под другим
» »	134				+	+				+			Правая			Следы древесного тлена						В могиле череп другого костяка
» »	135																			+		
» »	136				+	+																Расчищено не полностью
» »	137				+	+						+										
» »	138	+		+	+		+							Левая								
» »	139																		+	+		Вторичное захоронение
» »	140				+	+						+	Левая Правая								+	В могиле отдельные кости другого скелета

Таблица 5

Данные о погребениях могильника на Бабьем бугре (раскопки 1948 г.)

Год	№ могилы	Форма могилы: прямоугольная	Форма могилы: округлые углы	Ориентировка могилы: В—З	Положение погребенного: вытянутое, на спине	Голова: З	Голова: ЮЗЗ	Голова: СЗ	Голова: ЗСЗ	Лицо: В	Лицо: С	Лицо: Ю	Руки: в области грудной клетки	Руки: на тазовых костях	Руки: вытянуто	Колода	Гроб	Смещенное	Разрушенное	Коллективное	Примечание
1948	141			+	+	+							Левая Правая								В одну яму с детским костяком 210
То же	142																		+		
» »	143				+	+								Левая		Сруб					
» »	143а			+		+															
» »	144																	+			
» »	145																	+			Вторичное захоронение
» »	147																+	+			То же
» »	149				+	+										+					
» »	150				+	+															
» »	151				+	+						+									
» »	152																		+		
» »	153к																+				Расчищено не полностью
» »	154				+	+											+				
» »	155				+				+							+					Расчищено не полностью
» »	156				+	+					+		Левая Правая							+	В могиле тазовая кость другого скелета
» »	157				+	+					+		Левая Правая								
» »	158				+				+		+		Левая Правая								

» »	159				+	+					+		Левая Правая				+					
» »	160		+	+	+		+															
» »	161				+	+					+			Левая	Правая							В одну яму с погребением 177
» »	162	Костяк не полный																				
» »	163																		+			Вторичное захоронение
» »	164																			+		
» »	165																		+			
» »	166				+	+					+			Левая Правая								
» »	167				+		+							Левая Правая								
» »	168				+		+															
» »	169				+				+													Расчищено не полностью
» »	170				+	+																В одну яму с погребением 198
» »	171				+		+										+					
» »	172				+	+							Левая Правая									
» »	173	Найден один череп															+			+		
» »	174																					Погребение в камнях
» »	179				+	+					+			Правая	Левая			+				В могиле череп погребения. 175
» »	175																	+	+	+		
» »	176	Найдены берцовые кости																		+		
» »	177				+		+					+								+	+	В одну яму с погребением 161
» »	178				+		+					+										
» »	180																		+			Вторичное захоронение
» »	181																		+		+	То же
» »	182		+	+	+		+					+										

Таблица 6

Данные о погребениях могильника на Бабьем бугре (раскопки 1948 г.)

Год	№ могилы	Форма могилы		Ориентировка могилы	Положение погребенного												Колода	Гроб	Смещенное	Разрушенное	Коллективное	Примечание
		прямоугольная	округлые углы	В–З	вытянутое, на спине	голова З	голова ЮЗЗ	голова СЗ	голова ЗСЗ	лицо Ю	лицо С	лицо В	руки в области грудной клетки	руки на тазовых костях	руки вытянуты							
1948	183	+		+	+		+						Левая Правая							+		
То же	184				+	+							Левая Правая									
» »	185				Встречены кости ног															+		
» »	186	+			+	+							Левая Правая									
» »	187																			+		
» »	188	+		+	+		+				+		Правая Левая								+	В могиле отдельные кости другого скелета
» »	189				+	+											+					
» »	190				+				+								+					
» »	191				Кости плохой сохранности															+		
» »	192																+			+		
» »	193																Сруб					Расчищено не полностью
» »	194				Кости плохой сохранности																	
» »	195		+		+	+								Левая Правая				+		+		
» »	196				+		+				+		Левая Правая					+			+	В могиле две плиты песчаника и отдельные кости другого скелета
» »	197		+	+	+		+						Правая	Левая								
» »	198	+		+	+	+											+	+				В одну яму с погребением 170
» »	199				+	+											Сруб					

»	»	200		+	+	+		+											+				Погребение в камнях
»	»	201				+	+			+													Расчищено не полностью
»	»	202		+	+	+	+				+					Левая Правая			Сруб				
»	»	203				+	+					+								+			Погребение в камнях
»	»	204																	+	+		+	Вторичное захоронение
»	»	205		+	+	+	+								Левая Правая				Сруб				
»	»	206		+	+	+	+																
»	»	207		+	+	+				+		+				Левая Правая			Сруб				
»	»	208				+	+					+			Правая Левая				+	+			Погребение в камнях
»	»	209				+		+			+				Правая	Левая						+	В одну яму с погребением 216
»	»	210				+	+									Левая Правая						+	В одну яму с погребением 141
»	»	211																			+		
»	»	212				+		+								Правая	Левая						
»	»	213				+		+															Расчищено не полностью
»	»	214				+		+															
»	»	215																			+		Кости накрыты плитой песчаника; захоронение вторичное
»	»	216		+	+	+		+								Левая Правая							В одну яму с погребением 209. По краям могила выложена плитами песчаника
»	»	217				+		+															Расчищено не полностью
	»	218																					Вторичное захоронение

Вещей в погребении не было. При расчистке костяка у ног найдены куски обуви — часть мягкого кожаного башмака.

Могила 39 (участок 22). Костяк находился на глубине 1,7 м в светлом песчанистом, слабо гумированном городецком слое. Могильное пятно размером 0,5 × 1,65 м было ориентировано с востока на запад. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на запад (270°). Лицо было обращено к северу; череп — на левом виске. Руки согнуты в локтях, правая — под прямым углом; она лежала в нижней части грудной клетки, а левая, полусогнутая,— на тазовых костях. Вещей не найдено. При зачистке костяка встречены 3 фрагмента лепной керамики — серые, с дресвой. Могила имела каменное надгробие из известняка, размером 1,5 × × 0,45 м, толщиной 0,18 м. Надгробие было сдвинуто и залегало в верхнем горизонте болгарского слоя, выходя под слой запустения.

Могила 40 (участок 16—24). На глубине 1,84 м в светлом песчанистом, слабо гумированном городецком слое обнаружено могильное пятно размером 1,8 × 0,58 м, ориентированное с востока на запад. Могильная яма выходила из болгарского слоя. На уровне верха могильной ямы с боков залегала прослойка песка, видимо,— могильный выкид. Костяк лежал на спине, головой на запад (270°); лицо было обращено к северу, голова — на левом виске. Руки — до локтя — вытянуты вдоль тела (предплечья и кисти рук не сохранились). Кости — плохой сохранности; мелкие кости ног, ребра, верхняя часть позвоночника не уцелели. В погребении найдены вещи: с левой стороны, пониже черепа — серьга проволочная и подвеска серебряная с янтарем (рис. 2, *1*, *4*); с правой стороны, в области плечевых костей — круглое бронзовое зеркало на куске парчевой ткани, шитой золотой нитью (рис. 2, *3*); у бедра — железные ножницы. При зачистке могилы после снятия костяка найдена серебряная подвеска с янтарем, парная описанной выше (рис. 2, *2*).

Могила 41 (участки 16—24). Погребение вскрыто на глубине 2,1 м в песчанистом гумированном городецком слое. Могильное пятно (2 × 0,58 м) было ориентировано с востока на запад. Скелет был положен на спине, головой на запад (270°); череп лежал на правом виске, лицо обращено к югу. Руки были согнуты в локтях правая покоилась на тазовой кости. Обнаружены следы колоды; толщина стенок — 5—6 см. Кости плохо сохранились, череп раздавлен, недоставало мелких костей

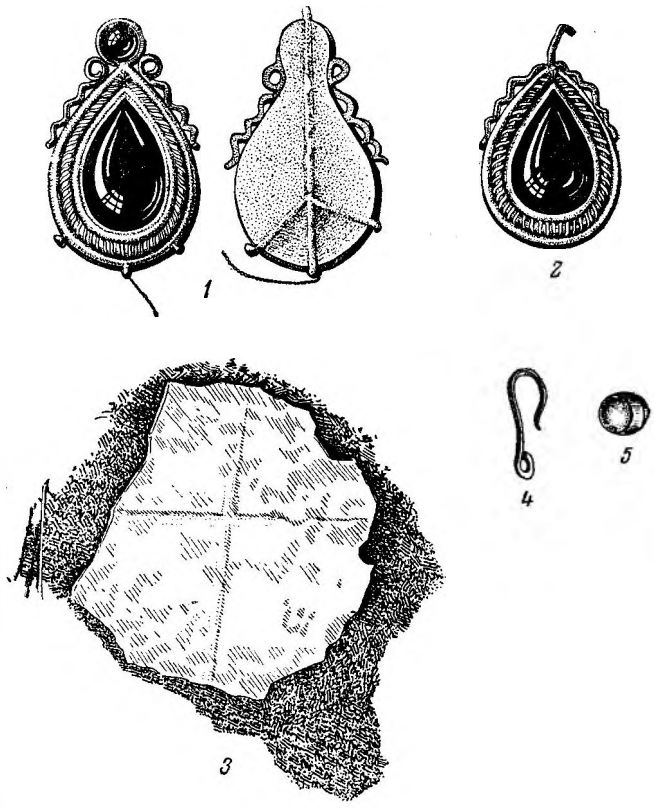


Рис. 2.

1, *2* — подвески из могилы 40; *3* — зеркало и ткань из могилы 40; *4* — серьга проволочная; *5* — обломок подвески.

конечностей. На тазовых костях находился раздавленный череп из разрушенного погребения. При расчистке могилы найдены 1 фрагмент коричневой керамики с лощением и два — красной с волнистым резным орнаментом. В могильной засыпи — выше черепа, на глубине 1,82 м встречена небольшая бронзовая чашка (рис. 3, *5*).

Могила 80 (участок 25). Находилась на глубине 2,7 м в серо-коричневом песчанистом городецком слое. Могильное пятно

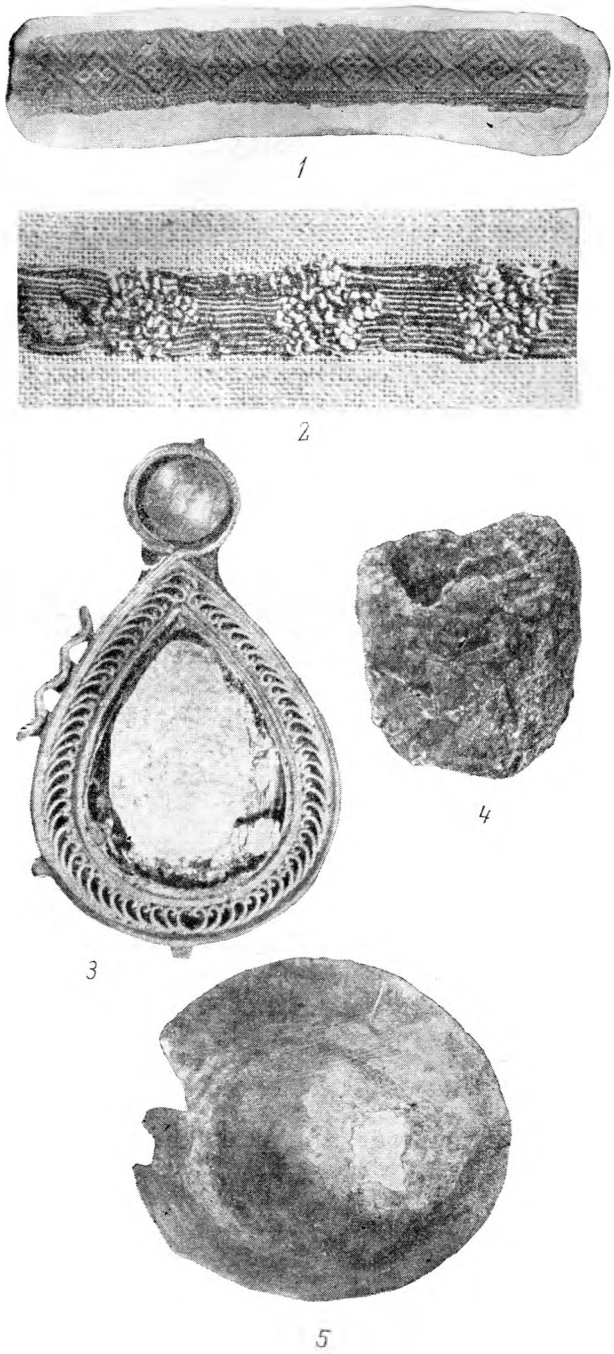


Рис. 3.
1 — лента из могилы 207; *2* — пояс из могилы 94; *3* — подвеска из могилы 40 (увеличено в 4 раза); *4* — железный сосудик из могилы 129; *5* — бронзовая чашка из могилы 41.

размером 1,98 × 0,52 м было ориентировано по линии восток — запад. Костяк лежал на спине, головой на запад (270°); череп — на левом виске, лицо обращено к северу. Руки, согнутые в локтях, помещались выше тазовых костей. Длина скелета — 1,66 м. Вещей в погребении не было. Прослежены остатки гроба в виде полосы древесного тлена, толщиной до 2 см, на протяжении 1 м. Над могилой в нижнем горизонте болгарского слоя залегало надгробие из известняка, размером 2 × 0,6 м, толщиной 0,16 м, с округлыми углами.

Могила 94 (участок 25). Обнаружена на глубине 2,75 м в песчанистом серо-коричневом слое. Могильное пятно размером 0,72 × 1,81 м было ориентировано с востока на запад. Костяк был вытянут на спине, головой на запад — северо-запад (280°). Череп лежал на левом виске, лицо обращено к северу. Длина костяка — 1,56 м. Руки согнуты в локтях; правая лежала ниже грудной клетки, левая — на груди. В могиле найдены фрагменты пояса из ткани, вышитой шелком (рис. 3, *2*).

Могила 110 (участки 24 и 25). Погребение вскрыто на глубине 2,95 м в песчанистом, с темными пятнами, городецком слое. Длина могильного пятна, ориентированного по линии восток — запад,— 2,04 м. Погребение двойное. Первый костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад (270°). Длина костяка — 1,75 м. Руки были согнуты в локтях и соединены ниже ребер. Череп оказался раздавленным; недоставало части ребер и позвонков. Второй скелет располагался рядом, параллельно, также на спине, в вытянутом положении, головой на запад — северо-запад (280°); лицо было обращено к северу. Длина второго костяка — 1,62 м. Руки были согнуты в локтях и подняты к верхней части груди. Могильное пятно единое.

При расчистке костяков найдены фрагменты керамики: красной гончарной — два; черной, ручной лепки — один. По снятии скелетов, при зачистке участка до глубины 3,07 м, обнаружены фрагменты керамики: красной гончарной, с внутренней стороны черной — один; коричневой, с внутренней стороны черной — один.

ОПИСАНИЕ МОГИЛ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ПОВЕРХНОСТИ НИЖЕЛЕЖАЩЕЙ ТЕРРАСЫ (УЧАСТКИ 26—31)

В братской могиле (участки 25—27, погребения 42—54) обнаружены 19 захоронений. Они находились в общей могильной яме болгарского слоя, на глубине 0,15—0,3 м от его поверхности. Погребения были перекрыты вышележавшими культурными напластованиями. Яма достигала размера 6 × 3—4 м (чрезвычайная сыпучесть грунта не позволила с полной четкостью проследить ее границы). Местами костяки были расположены очень тесно, налегая один на другой. У одного из скелетов на виске имелось ромбическое отверстие, очевидно, след ранения черепа. При зачистке на дне могилы и на костяках обнаружена тонкая прослойка растительных волокон; видимо, слой моха выстилал дно могилы и покрывал погребенных. Сооружение этой могилы связано с какой-то катастрофой в жизни города.

Погребение 42 (участок 26). Находилось на глубине 0,7 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,25 м от его поверхности). Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад (270°). Руки были согнуты в локтях, правая — под прямым углом, а левая, полусогнутая, лежала на тазовых костях.

Погребение 43 (участок 26). Вскрыто на глубине 0,45 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,1—0,15 м от его поверхности). Скелет был вытянут на спине, головой на запад — северо-запад (280°). Череп лежал на левом виске, лицо было обращено к северу, руки согнуты в локтях и соединены в нижней части грудной клетки; на правом виске — ромбическое отверстие (5 × 8 см). Длина костяка —1,65 м. По краям могилы прослежены остатки колоды.

Погребение 44 (участок 26). Младенческое погребение находилось на глубине 0,35 м в верхнем горизонте серо-коричневого песчанистого болгарского слоя. Череп раздавлен, кости смещены.

Погребение 45 (участок 26). На глубине 0,4 м в верхнем горизонте серо-коричневого песчанистого болгарского слоя обнаружено детское погребение, ориентированное с востока на запад. Череп раздавлен, кости плохой сохранности.

Погребение 46 (участок 26). Детское погребение вскрыто на глубине 0,55 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,38 м от его поверхности). Оно было ориентировано по линии восток — запад. Костяк не полный — сохранились только череп и несколько ребер.

Погребение 47 (участок 27). Это погребение двойное — взрослого и ребенка. Располагалось на глубине 0,21 м в верхнем горизонте серо-песчанистого болгарского слоя. Костяк взрослого лежал на спине, вытянуто, головой на запад (270°). Руки были согнуты в локтях и соединены в нижней части грудной клетки. Рядом, близ черепа и плеча, помещался плохо сохранившийся детский костяк; череп его раздавлен.

Погребение 48 (участок 27). Обнаружено на глубине 0,4 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,2 м от его поверхности). Костяк был положен на спине, вытянуто, головой на запад — юго-запад (265°), лицом к югу. Правой руки недоставало, левая была согнута в локте. Длина скелета — 1,64 м. Вещей не было.

Погребение 49 (участок 27). На глубине 0,4 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,3 м от его поверхности) лежал костяк, сохранившийся не полностью; уцелели только череп (смещенный) и кости ног. Ориентировка — с востока на запад, голова обращена на запад. Вещей в погребении не оказалось.

Погребение 50 (участок 27). Находилось на глубине 0,4 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,1 м от его поверхности). Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на запад — северо-запад (280°), лицом на север. Длина скелета — 1,54 м. Правая рука была скрыта под соседним погребением, левая — согнута в локте под прямым углом. Никаких вещей в погребении не было.

Погребение 51 (участок 27). Глубина погребения — 0,35 м. Оно располагалось в песчанистом слабо гумированном болгарском слое (на 0,25 м от его поверхности), у материка. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад — юго-запад (260°). Лицо было обращено к северу, руки до локтя вытя-

нуты вдоль тела, в локтях полусогнуты. Скелет не полный — недоставало костей ног.

Погребение 52 (участок 27). Найдено на глубине 0,3 м в песчанистом слабо гумированном болгарском слое (на 0,2 м от его поверхности), у материка. Скелет был положен на спине, вытянуто, головой на запад — юго-запад (260°), лицом к востоку. Руки до локтя вытянуты вдоль тела; нижняя часть костяка оказалась скрытой под погребением 51. Вещей не было.

Погребение 53 (участок 27). Вскрыто на глубине 0,25 м в песчанистом слабо гумированном болгарском слое (на 0,15 м от его поверхности) у материка. Костяк, лежавший на спине, был обращен головой на запад, лицом к северу. Он плохо сохранился — череп поврежден, недоставало костей ног. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 54 (участок 27). Находилось на глубине 0,35 м в серо-коричневом песчанистом болгарском слое (на 0,25 м от его поверхности), у материка. Скелет плохой сохранности (череп раздавлен, мелкие кости не уцелели); он был ориентирован с востока на запад, головой на запад, лежал на спине. Вещей не было.

* * *

Могила 97 (участок 29). Захоронение обнаружено на глубине 0,44 м в материковом песке. Череп лежал основанием вверх. Кости рук, ног, ключицы и другие были уложены вместе, компактной, анатомически беспорядочной группой.

Могилы 112 и 113 (участок 31). Погребения вскрыты на глубине 0,75 м в нижнем горизонте серого песчанистого болгарского слоя. Найдены 2 черепа, кости руки, ноги, таза. Череп из погребения 112 лежал на правом виске, лицом к востоку, череп из погребения 113 — основанием вниз, лицом на запад. Вещей в погребениях не было. При расчистке найдены фрагменты серой керамики ручной лепки.

Описание могил, раскопанных в 1948 г.

Могила 124 (участок 6). На глубине 0,37 м от поверхности болгарского слоя (—1,05 м) найдено трупоположение на спине, вытянутое, головой на запад — юго-запад (210°). Левая рука, согнутая в локте, лежала в нижней части грудной клетки; правой руки не было. Костяк — плохо сохранившийся и не полный: череп раздавлен, недостает правой руки, части ребер и позвонков. При расчистке костяка встречена медная заклепка (гвоздь?). В могильной засыпи на глубине 0,2 м от поверхности болгарского слоя оказалась бронзовая поясная пряжка.

Могила 128 (участок 8). Тазовая кость залегала на глубине 0,23 м от поверхности болгарского слоя (—1,45 м).

Могилы 129 и 130 (участки 2 и 3). Погребение обнаружено на глубине 0,8 м (—0,75 м). Костяк был вытянут на спине, головой на запад, ногами к востоку; ориентирован на запад — северо-запад (280°). Череп слегка повернут к югу. Правая рука, согнутая в локте, лежала внизу грудной клетки. Левые бедро и берцовая кость помещались рядом, бедро — головкой вниз. Между ног, ниже таза лежала маленькая железная чашечка, по форме напоминающая тигель (рис. 3, *4*). В могиле залегали обломки костей другого скелета: у северной стенки — обломки черепа и часть челюсти, в восточном конце могилы — мелкие обломки костей. При расчистке найдены фрагменты болгарской керамики: красной с линейным орнаментом, красной (в изломе — серой) и серой грубой.

Могила 133 (участки 5, 6 и 7). Захоронение находилось на глубине 0,5 м от поверхности болгарского слоя (—1,45 м). Выше костяка в могильной засыпи найдены отдельные кости другого скелета: нижняя челюсть (на участке 6) и обломок кости ноги (на участке 7). Костяк лежал на спине, головой на запад — северо-запад (280°). Руки были согнуты в локтях, правая — покоилась на грудной клетке; локтевые и лучевые кости левой руки, отделенные от предплечья, находились на нижней челюсти. Длина костяка — 1,5 м. Обнаружены следы гробовища в виде полосы древесного тлена (шириной до 0,02 м) на протяжении 60 см. Вещей в погребении не было. При расчистке костяка найдены 3 фрагмента болгарской керамики—красно-коричневый, с линейным орнаментом, серый, плохо обожженный, и желтый, а также 4 обломка кирпича.

Могила 149 (участок 14). На глубине 0,4 м от поверхности болгарского слоя (—1,83 м) найден костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад (270°). Костяк — плохой сохранности; уцелели только раздавленный череп и 3 обломка длинных

костей конечностей. Погребение находилось в колоде; сохранились ее стенки толщиной 5—6 см. При расчистке скелета найдена стеклянная шарообразная бусина, сильно патинизированная. В могильной засыпи встречены фрагменты болгарской керамики — красно-коричневой и грубой серой.

Могила 158 (участки 6 и 7). Погребение открыто на глубине 0,9 м от поверхности болгарского слоя (—1,8 м). Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад — северо-запад (290°), лицом к северу. Руки были согнуты в локтях и соединены в нижней части грудной клетки. Длина скелета — 1,68 м. Близ костей ног находился фрагмент стеклянного витого браслета лимонного цвета — обычная находка в домонгольских слоях древнерусских городов.

Могила 169 (участок 6). В болгарском слое на глубине 0,6 м от его поверхности (—1,8 м) обнаружен костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад — северо-запад (275°). Скелет вскрыт до тазовых костей (верхняя часть находилась за пределами раскопа). В могильной засыпи на глубине 0,38 м от поверхности болгарского слоя (—1,7 м) найдена медная золотоордынская монета 1333—1334 гг.

Могилы 175 и 179 (участки 5—8). На глубине 0,9 м от поверхности болгарского слоя (—1,84 м) найден скелет, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад (270°), лицом к северу. Руки были согнуты в локтях; правая покоилась на тазовых костях, левая — в нижней части грудной клетки. Длина костяка — 1,74 м. На черепе находилась маленькая бронзовая скобка для скрепления головного убора, очень плохо сохранившаяся. Форма ее — узкая прямая пластинка, обычная в болгарской культуре X—XII вв. Прослежены могильное пятно размером 2,2 × 0,55 м и остатки гробовища в виде полосы древесного тлена шириной до 4 см. За чертой гробовища, близ черепа, находились кости разбитого черепа (могила 175) и плоское глиняное пряслице из обточенной стенки серого лощеного сосуда.

Могила 192 (участки 6 и 7). Погребение открыто на глубине 0,65 м от поверхности болгарского слоя (—1,77 м). Костяк не полный; найдены только бедро, большая и малая берцовые кости, ориентированные на запад (270°). Сохранилась стенка гробовища — колоды или сруба — толщиной 6 см, длиной 22 см. В горизонте захоронения найдена медная золотоордынская монета.

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ

Захоронения грунтовые, наземных сооружений не обнаружено. У 2 могил (№ 39 и 80) были каменные надгробия из известняка в форме вытянутых четырехугольников с округлыми углами: поверхность надгробий обработана теслом, надписей и орнаментации не было. Надгробие залегало также над группой могил (участок 23) в верхнем горизонте болгарского слоя, выходя под слой запустения (могилы 27, 29 и 35). Размер этого надгробия — 40 × 70 см, толщина — 8 см; на поверхности выбиты 3 углубления размером 2 × 1,5 см.

В расположении могил и взаимных пересечениях могильных ям прослеживались известная система и закономерность. Могилы были расположены небольшими, тесно скученными группами из 3—5 могил, со значительным совпадением контуров могильных ям (см. рис. 1). Отдельные захоронения группы находились на разных высотных уровнях, образуя 3—4 яруса могил, разделенных толщей земли в 0,15—0,3 м. В ряде случаев несколько захоронений находились в одной и той же могильной яме, и более поздние, вышележавшие костяки налегали на более ранние — нижние (могилы 161 и 177, 170 и 198, 209 и 216). Встречено несколько двойных захоронений — женщин с детьми, причем детский костяк лежал на груди женского или рядом, у черепа и плеча (могилы 141, 210, 33 и 27); в одной могиле обнаружены два рядом лежавших скелета, видимо,— мужской и женский (могила 110).

Значительное большинство могил находилось в составе той или иной группы захоронений; одиночные могилы немногочисленны. Несомненно, группы могил объединяли захоронения членов семьи, представляя своего рода семейные усыпальницы, отражающие традиции древних семейно-родовых кладбищ. Захоронения в пределах общего погребального сооружения — кургана или могильной ямы — известны в древних могильниках

племен Среднего Поволжья. Ближайшей аналогией являются могильники ананьинской культуры, где нередко встречаются несколько разновременных захоронений в различных горизонтах общей могильной ямы.

Ямы имели форму вытянутых четырехугольников с прямыми стенками и плоским дном, в ряде случаев — с округлыми углами. Отношение сторон могильных ям — 0,5—0,6 × 1,8—2 м. Прослеженная глубина незначительна — от 0,3 до 0,5 м. Ориентировка могил устойчивая, единообразная — с запада на восток.

Из 218 вскрытых могил в 40 (8,3%) найдены остатки древесины в виде пластов древесного тлена, параллельных стенкам могилы; толщина пластов — от 0,01—0,02 м до 0,04—0,06—0,08 м. В 4 могилах обнаружены остатки колод и в шести — массивных срубов, сложенных из досок толщиной до 5—8 см; углы связаны в обло и лапу. В нескольких могилах удалось проследить размер и форму сруба: длина — от 1,7 до 2,04 м; ширина у головы составляла 42—54 см, а к ногам уменьшалась до 20—36 см. Следует отметить, что гвоздей не найдено, следовательно, скрепление гробов гвоздями не применялось.

Таким образом, умерших хоронили нередко в гробовищах типа массивных срубов или колод или обкладывали покойника досками. Погребения в гробовищах в большей мере относятся к более раннему, домонгольскому слою захоронений. В 39 могилах нижнего слоя встречено 15 гробовищ (38,46%), тогда как в 44 могилах золотоордынского времени обнаружено 11 гробовищ (25%). (Данные приводятся по материалам раскопок 1948 г.).

В захоронениях — за немногими исключениями, о которых будет сказано ниже,— находились вытянутые трупоположения на спине, головой на запад (270°) с небольшими отклонениями к северу или югу — от запада — северо-запада (290°) до запада — юго-запада (250°). Лицо обращено к востоку. В ряде случаев череп лежал на левом виске, лицом к северу (34 могилы) или на правом виске, лицом к югу (18 могил). Руки, согнутые или полусогнутые в локтях, находились в нижней части груди или на тазовых костях; в отдельных случаях одна рука была вытянута вдоль туловища. Известно одно погребение со скорченным трупоположением, открытое раскопками 1920 г. [8]

В нескольких случаях на костяках найдены остатки одежды и немногочисленные скромные украшения: куски кожаной обуви (могилы 35, 150, 199 и 204, участок 6, штык 14), шелковый вышитый пояс (могила 94), шелковая вышитая лента от головного убора (могила 207), бронзовая скобочка от головного убора, серебряная пуговка (могила 9), 2 стеклянных бусины (могилы 134 и 149), бронзовая поясная пряжка (могила 124) и фрагмент желтого стеклянного древнерусского браслета (могила 158).

Реставрация остатков кожи выявила обувь на мягкой кожаной подошве с узким, загнутым вверх носком; в одной из могил оказались остатки сапог [9].

Найденный пояс — узкий, шириной до 7 мм, из плотного шелка, с вышитыми шестилепестными розетками, отстоящими одна от другой на 7 мм; длина сохранившейся части пояса 1,06 м (рис. 3, *2*). Подобные розетки вышиты на шелковой ткани, найденной экспедицией 1947 г. в одной из могил армянского некрополя в г. Болгаре [10], а также на шелковой ткани из погребения князя Андрея Боголюбского [11].

Лента сделана из плотной шелковой ткани с золототканным орнаментом из ряда четырехконечных крестов, вписанных в квадраты; пространство между квадратами по краям ленты заполнено группами линий из очертаний двух сторон треугольника. По одному краю ленты проходит кромка, другой — обрезан. Ширина ленты — 18 мм, длина сохранившейся ее части — 13 см (рис. 3, *1*). Рисунок вышивки имеет аналогии в орнаментах русских ювелирных изделий XI—XII вв.— бляшке и луннице Гнездовского могильника, медальоне и бусине Старорязанского клада 1882 г., подвеске и бляшке ожерелья Старорязанского клада 1868 г., а также в орнаментации древних русских рукописей XII—XV вв.

---

[8] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 75.

[9] Реставрация тканей и кожи произведена в лаборатории Государственного Исторического музея (Москва) ученым реставратором Е. С. Видоновой и М. А. Рождественской.

[10] Хранится в Государственном музее Татарской АССР в Казани.

[11] По материалам Владимирского краеведческого музея.

Лента и пояс, как и вообще шелковые ткани в Волжской Болгарии, были предметом византийского и восточного импорта.

Найденная пуговка — шарообразная, с ушком, 5 мм в диаметре, сканой работы, плетеная в узелок. Мотив плетенки известен в болгарской орнаментации на костяных пластинках, бронзовых бляхах, керамике, резьбе по камню [12], но форма пуговки заставляет вспомнить плетеные в узелок бусины древнерусских трехбусинных височных колец [13] и, видимо, отражает культурные связи Волжской Болгарии с Русью.

Погребения, в огромном большинстве случаев,— без вещей. При весьма значительном количестве вскрытых могил находки предметов погребального инвентаря единичны: это медная чашка (могила 41), железная поделка неизвестного назначения (могила 129), пряслице (могила 175), поясная пряжка и заклепка котла (могила 124), 4 медных золотоордынских монеты (могилы 20, 133, 169 и 198). Вещи встречались и в могильной засыпи, и на горизонте захоронений.

Пряслице — керамическое, сделанное из стенки гончарного коричневого лощеного сосуда с пояском орнамента из неглубоких овальных ямок. Подобные пряслица применялись в Волжской Болгарии наряду с битрапецоидными. Железная поделка имеет форму маленького тигля — миниатюрного цилиндрического сосудика со слегка уплощенным дном; высота ее — 15 мм, диаметр — 18 мм. Назначение ее неясно; возможно, что это наперсток (рис. 3, *4*). Пряжка — бронзовая, четырехугольная, ажурная, орнаментирована крупными насечками, грубо имитирующими скань. Заклепка (гвоздь?) — четырехгранная с плоской овальной шляпкой. Эти предметы, очевидно, представляют — в слабой, пережиточной форме — производственный погребальный инвентарь, комплексы которого известны в могильниках Восточной Европы I тысячелетия н. э. Наиболее выразительна находка пряслица — предмета, широко распространенного в женских захоронениях; оно встречается в поздних сарматских курганах, ранних болгарских могильниках типа Кайбельского и в могильниках волжских финнов. Чашка — бронзовая, кованая из тонкой пластины, круглая, с уплощенным дном; высота ее — 1,5 см, диаметр — 10 см (рис. 3, *5*). Она имеет аналогии в погребальных комплексах мордовских могильников IX—X вв. (по материалам Моршанского музея) и в памятниках русской культуры домонгольского времени [14].

Предметы погребального инвентаря, украшения и остатки одежды чаще встречаются в более ранних могилах. Так, из 11 могил с вещами (№ 124, 129, 130, 134, 150, 158, 175, 179, 199, 204 и 207) только 3 могилы относились к верхнему слою захоронений.

Выразительным признаком для атрибуции могил являются найденные в них медные золотоордынские монеты XIV в. Обычай класть в могилу медные или серебряные золотоордынские монеты характерен для так называемых «татарских» курганов Нижнего Поволжья и для погребений в городских центрах Золотой орды (Сарай-Бату, Сарай-Берке, Увеке), откуда он проник и на золотоордынскую периферию — в г. Болгар.

Рассмотренный выше погребальный обряд с четкой ориентировкой с запада на восток и — в ряде случаев — с лицом, обращенным на юг, к Мекке, в подавляющем большинстве без украшений и погребального инвентаря,— в основе своей является мусульманским, сохранившим, однако, традиции древних языческих погребальных обрядов племен Поволжья.

Многие особенности связывают погребальный обряд, прослеженный в могилах кладбища на Бабьем бугре, с более ранними могильниками Среднего Поволжья — окскими и ананьинско-пьяноборскими, где также известны грунтовые неглубокие захоронения, округлые углы могильных ям, вытянутые трупоположения с поворотом лица к северу, колоды и доски. Пережитками древних погребальных обрядов являются также найденные в могилах вещи. Могила со скорченным трупоположением заставляет вспомнить женские захоронения языческих мордовских кладбищ, где известно подобное трупоположение, так называемое «утробное» [15].

Из общей массы погребений выделяется богатое женское захоронение (№ 40), где

[12] Коллекция Государственного музея Татарской АССР в Казани.

[13] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, т. XIX, 1951, стр. 183.

[14] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 185.

[15] И. Н. Смирнов. Мордва. ИОАИЭ, т. X, вып. 2, Казань, 1892, стр. 161—194.

находился выразительный погребальный комплекс вещей, состоявший из зеркала, ножниц, серег и остатка парчевой ткани. Зеркало бронзовое, круглое, в диаметре 7 см; на обратной стороне — орнамент в виде прямого креста из двух рельефных линий и в центре — скобочка (обломана). Зеркало типично для северокавказских памятников конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э.

Интересны серебряные серьги, плоские, с сердоликовой вставкой, окруженной ажурным сканым бордюром; наружный ободок серег орнаментирован зигзагообразно изогнутой проволокой; вершина заканчивается круглой бляшкой в виде полушария, по нижнему краю — 3 ушка для подвесок (рис. 3, *3*). Выработка серег довольно грубая. По форме, орнаментации, отделке (крупными цветными вставками) эти серьги сходны с серьгами и подвесками из могильников Северного Кавказа X—XIV вв.[16] (близ аулов Лизгор, Дергавс, Комунта, Кумбулта, Чми). Прямых аналогий в болгарских ювелирных изделиях серьги не имеют; крупные цветные вставки из драгоценных и полудрагоценных камней, украшение серег подвесками часто встречаются в болгарских ювелирных изделиях. Следует отметить, что форма серег, мотивы и технические приемы их отделки получили отражение в позднейшем ювелирном искусстве казанских татар, неоднократно повторяясь то в более развитом, усложненном виде, то в виде упрощенной схемы в так называемых «рыбнослободских» ювелирных изделиях XVIII—XX вв.[17]

Погребальный комплекс с зеркалом и ножницами имеет широкие хронологические рамки, встречаясь в позднесарматских курганах, Салтовском могильнике и однотипных могильниках Северного Кавказа, в позднекочевнических курганах и погребениях золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Аналогии позволяют связать инвентарь рассматриваемого погребения с памятниками Северного Кавказа. По стратиграфическим данным могила относится к более раннему, домонгольскому слою захоронений; этой датировке не противоречат и вещи могильного инвентаря. В данном случае мы встречаемся с привнесенными с юга традициями раннеболгарской погребальной обрядности.

ПОГРЕБЕНИЯ В КАМНЯХ

Некоторыми особенностями отличаются захоронения группы могил, расположенных на краю обрыва Бабьего бугра и, очевидно, на окраине могильника — в юго-восточном углу раскопа (могилы 174, 186, 196, 203, 208, 215 и 216 на участках 18, 19, 20, 22, 23 и 24). В этих могилах нижняя часть могил и костяки были обложены каменными плитами. Это гладкие плиты песчаника, большие и малые, нередко — прокаленные, со следами угля. Плиты располагались в нижней части могилы — на дне, вдоль стенок и на костяке, не образуя сплошной каменной кладки. Наиболее выразительно их расположение в детской могиле 174 (они выстилали дно могилы, а череп лежал в округлом углублении каменной плиты) и в могиле 216, где костяк был окружен положенными на ребро плитами и две плиты были поставлены под углом у черепа.

На данной территории в нижних культурных напластованиях (в слое городецкого поселения) был выявлен жертвенный очаг, большой — до 5 м в поперечнике, сложенный из камня, с характерными остатками ритуальных костров в виде напластований золы, углей и прокаленных камней. Очаг был в значительной мере разрушен, сохранилась дуга полуразрушенной кладки, ограничивавшая напластование золы и угля.

Три из рассматриваемых групп захоронений находились непосредственно на территории очага, остальные — рядом с каменной кладкой, несколько севернее. Очевидно, для каменной обкладки могил использованы камни жертвенника. Таким образом, выявляется несомненная связь данной группы захоронений с жертвенником городецкого поселения.

Обкладка могил каменными плитами

[16] МАК, т. VIII, 1900, стр. 197 и сл.

[17] Коллекции Государственного музея Татарской АССР в Казани.

имеет аналогии в могильниках ананьинской культуры — Луговском, Ананьинском, Зуевском, Котловском, Уфимском, причем нередко и камни, и могильная засыпь имели следы ритуальных костров; по-видимому, ритуальное значение имели круглые и эллиптические впадины на каменных плитах Ананьинского могильника.

Связь могил с жертвенными очагами, выражающаяся в тесной их территориальной близости, прослежена в ряде археологических памятников Среднего Поволжья: в жертвеннике и могильнике Балымской стоянки, в Ананьинском могильнике; следует упомянуть также яму со следами костров на могильнике Тоябинского городища в Чувашии [18].

Таким образом, здесь, на окраине кладбища, была расположена группа захоронений, связанных с древнейшим погребальным ритуалом местных угро-финских племен, сохранявшимся в известной мере и в позднейших погребальных обрядах народов Поволжья. Так, каменные плиты в могилах выявлены раскопками марийского кладбища близ с. Черемисский Малмыж, в 12 км от г. Малмыжа Кировской области [19]. Наряду с этим обкладка покойника плоскими, поставленными на ребро каменными плитами (могила 216) заставляет вспомнить каменные гробницы северокавказских могильников (могильник близ аула Лизгор, могилы 2 и 4), где это выражено в более цельной и законченной форме [20].

ВТОРИЧНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Ряд могил резко отличался особенностями расположения костяков от обычных трупоположений и представлял собой вторичные захоронения (могилы 125, 139, 145, 147, 163, 180, 204, 215 и 218). В могильных ямах этих погребений находились анатомически беспорядочно, без определенной закономерности сложенные кучи костей. В некоторых случаях череп занимал центральное положение, находясь в середине кучи (могила 139). Иногда кости были тщательно выложены по прямой линии, ориентированной с запада на восток (могилы 163 и 180). В нескольких могилах встречено захоронение одного черепа или черепа с несколькими обломками костей (могилы 5, 83, 100, 101, 126, 149 и 173). В 3 могилах со вторичными захоронениями выявлены следы древесного тлена. В одной могиле куча костей была сверху покрыта каменной плитой.

Могилы представляют типичную картину вторичных захоронений, когда покойника первоначально оставляли на поверхности и лишь по истечении довольно длительного времени кости распавшегося скелета складывали в могильную яму, иногда используя при этом деревянную доску. Вторичные захоронения в наблюдавшихся нами случаях являлись наиболее ранними погребениями в могилах семейных групп, т. е. обряду вторичного захоронения подвергался старший в семье.

О случаях наземных захоронений есть упоминания в записках Ибн-Фадлана: «...Делают для него ящик из дерева хадданга, кладут его внутрь него, заколачивают его над ним, и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они ставят для него три куска дерева наподобие дышел, подвешивают его между ними и говорят: Мы подвешиваем его между небом и землей, его постигнет дождь и солнце... И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры» [21].

Обряд вторичного захоронения известен в древнейших погребальных памятниках племен Среднего Поволжья и Прикамья — в курганах эпохи бронзы близ сел Хрящевка и Тарновка на левом берегу Волги у северной границы Куйбышевской области [22] и на юге Чувашии близ с. Байбатырево [23].

---

[18] А. П. Смирнов. Исследование городища и могильника у с. Б. Тояба Чувашской АССР. Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1950, вып. IV, стр. 131—152.

[19] С. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 260 и сл.

[20] МАК, т. VIII, 1900, стр. 197—203.

[21] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 73, 74.

[22] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 42, 1954, стр. 100—103, 142, 143.

[23] П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей

Следует отметить также курганное захоронение близ с. Билярск в Татарии[24]: в кургане высотой до 1 м находилась грудка костей — 2 бедренных кости, ребро, ключица, позвонок, крестец, части тазовой кости; вещей в погребении не было; в горизонте выше захоронения оказались 2 лошадиных кости — череп и таз.

Заслуживают внимания некоторые погребения Ананьинского могильника (могилы В и Д)[25], а также отдельные «скопления» костей, выявленные раскопками Гулькинского могильника[26] и позволяющие усматривать здесь характерные особенности вторичных захоронений.

Обращения к аналогиям будут односторонними, если не остановить внимания на некоторых захоронениях средневековых могильников Северного Кавказа (близ аулов Голиат, Комунта, Лизгор, Рахта[27]), где в ряде могил в каменных ящиках находились анатомически беспорядочно сложенные черепа и кучи костей неполных скелетов.

Обряд двукратного захоронения пережиточно сохранялся в полуязыческих погребальных обрядах народов Среднего Поволжья также и в более позднее время, получив отражение в фольклоре. Описание наземных захоронений мы встречаем в народных мордовских песнях и сказках. Вот описание погребения девушки в сказке о Дуболго Пигай. Извели Дуболго Пигай невестки и велели своим мужьям, ее братьям, похоронить ее. «Сделали они ей из какого-то негниющего дерева гроб, положили в него сестрицу свою Дуболго Пигай. Отвезли ее в какой-то большой лес, где три дороги сходятся. Подставили подставки, на них положили гроб. На подставки возле гроба поставили наполненные пшеницей лукошки»[28].

В девичьих песнях мы находим следующие строки:

«Не хорони меня, батюшка, в землю, из которой я родилась,
Ой, не зарывай меня в черную землю.
Мой гроб, тятенька, обмакни в серебро,
Из золота сделай, кормилец мой, подпорочки,
Поставь ты меня, тятенька, возле большой дороги,
Много тем местом ходящих,
Много тем местом проходящих;
Глаза многих тут позарятся,
Ой, многих тут сердце полюбуется.
. . . . . .
Похорони меня возле большой дороги;
К козелкам моим колокольчики подвесь»[29].

Таким образом, беспорядочные скопления костей в могилах находят объяснение и в древнейших погребальных обрядах, и в их позднейших пережитках у этнически связанных с волжскими болгарами племен и народов.

О БОЛГАРСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

Помимо могильника на Бабьем бугре, известны раскопки могильника в центральной части городища Болгары, близ руин Ханской усыпальницы и Малого минарета[30], а также могильников городищ Сувар в Кузнечихинском районе Татарии[31] и Тоябинского в Чувашии[32]. Общими чертами погребального обряда указанных могильников являются неглубокие могильные ямы, вытянутые трупоположения, четко ориентированные по линии запад — восток, без каких-либо украшений и могильного инвентаря. Отклонения, имевшиеся в Суварском и Тоябинском могильниках, были единичны и

истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 40, 41.

[24] П. А. Пономарев. Раскопки в Билярске в 1915 г. ИОАИЭ, т. XXX, вып. 1, Казань, 1919, стр. 54, 55.

[25] П. А. Пономарев. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. Ананьинский могильник. ИОАИЭ, т. X, вып. 4, Казань, 1892, стр. 405—436.

[26] А. В. Збруева. Гулькинский могильник. Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 42, 1954, стр. 255.

[27] МАК, т. VIII, 1900, стр. 197—203, 228, 285; рис. 220, 229.

[28] Сказка опубликована во II части Сборника Православного миссионерского общества и приведена в работе И. Н. Смирнова: Мордва. ИОАИЭ, т. XI, вып. 6, Казань, 1894, стр. 539.

[29] Там же, стр. 540.

[30] Б. Крелленберг. Отчет о раскопках в Болгарах летом 1914 г. ИОАИЭ, т. XXIX, вып. 5-6, Казань, 1916, стр. 215—219.

[31] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 256.

[32] А. П. Смирнов. Исследование городища и могильника..., стр. 131—152.

имели характер пережитка древних погребальных обрядов. Но следует отметить особенности погребальной обрядности, связанные с различиями социального порядка.

Могильник близ Ханской усыпальницы своим расположением связан с центральной частью города. Здесь находились многочисленные богато орнаментированные надгробия; раскопки выявили захоронения в кирпичных склепах, аналогичных склепам в погребениях знати золотоордынских городов Нижнего Поволжья [33]. Эти различия подчеркивают народный характер могильника на Бабьем бугре, который являлся кладбищем для широких слоев населения, так же как Суварский и Тоябинский могильники. Наблюдаемая в нем погребальная обрядность,— чрезвычайно простая, в основе своей мусульманская,— получила распространение у волжских болгар в X—XIV вв. под влиянием ислама. Ибн-Даста, сообщающий сведения о Болгарии X в., отмечает: «...В селениях Булгар мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Кладбища их, как у мусульман» [34]. Ибн-Фадлан описывает мусульманское погребение в Болгаре в могиле с боковым подбоем, указывая при этом на различие погребального обряда «главарей» и «простого народа» [35]. Подобного устройства могил раскопками не выявлено; может быть, это связано с недостаточно большим количеством археологического материала, пригодного для характеристики погребений социальных верхов.

Но, вместе с тем, в Болгарии сохранялись языческие верования, и наряду с мечетями в Болгаре существовали языческие жертвенники. На берегу Волги за урочищем Ага-Базар, близ городища Болгары, открыто святилище XIII—XIV вв. с жертвенными очагами и остатками деревянного идола, схожее со святилищем Шолом на поселении городецких племен в с. Балымеры Куйбышевского района Татарии [36]. И в болгарском могильнике XIII—XIV вв. нашли свое отражение древние языческие погребальные обряды племен, на основе которых сложилась народность волжских болгар — волжских угро-финнов и приазовских болгар.

Отчетливо выраженный в пережиточной погребальной обрядности местный средневолжский комплекс, обнаруживаемый и в позднейших языческих кладбищах народов Поволжья, свидетельствует, что кладбище в значительной мере было связано с местным угро-финнским населением г. Болгара. Пережитки языческих погребальных обрядов чаще встречаются в более ранних могилах, что объясняется распространением в дальнейшем нивелирующего влияния ислама.

---

[33] Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923, стр. 85 и сл.

[34] Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, § 4 и 7, стр. 23 и сл.

[35] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 77.

[36] Научный отчет о раскопках Болгарского городища в 1954 г. 1-м отрядом Куйбышевской археологической экспедиции. Архив ИИМК; А. П. Смирнов. Итоги работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Казань, 1955, стр. 23.

А. Е. Алихова

РУССКИЙ ПОСЕЛОК XIII—XIV ВЕКОВ У СЕЛА БЕРЕЗОВКА

Вопрос о дате заселения Среднего Поволжья русскими за последнее время можно считать продвинутым вперед. Одним из датирующих памятников является русский квартал в Болгарах [1].

Значительно южнее — на правом берегу Волги около с. Березовка, в урочище Исава, на левом берегу р. Усы, исследовано другое русское поселение. Поселок разместился на очень пологом склоне верхней надпойменной террасы, занимая площадь около 1 кв. км. Культурный слой залегал непосредственно под дерновым и, не отличаясь большой мощностью, был в значительной степени перепахан.

На поселении заложили 3 раскопа и ряд шурфов. Как показали раскопки, поселение возникло в середине или во второй половине XIII в. Углистая прослойка, встреченная на глубине 0,5—0,6 м, свидетельствует о пожаре. В конце XIV в. поселок сгорел окончательно. Следами этого пожарища является углистая прослойка, обнаруженная на глубине 0,2 м.

Культурный слой — однородный, рыхлый, сильно золистый. В верхнем горизонте, датируемом по золотоордынской монете и другим находкам XIV веком, между углистыми прослойками встречалось большое количество довольно крупных камней. Местами он был насыщен мелкими кусками обожженной глины и углем, занимавшими значительную площадь и заполнявшими остатки старых ям.

В раскопе I, начиная с верхнего пласта, на глубине 0,2 м выявился ряд развалов глинобитных печей (рис. 1). Около некоторых печей были небольшие околопечные ямы. Одна из печей (№ 1), расположенная в южной части раскопа, сохранилась особенно хорошо. Она обрисовывалась на глубине 0,2 м в виде большого развала обожженной глины (толщиной 10—12 см), вытянутого с севера на юг на 4 м и имеющего ширину 2 м. Под этим развалом обнаружена каменная кладка овальной формы, размером 2 × 1,5 м. Пространство между камнями было заполнено сильно пережженной глиной. Под каменной кладкой оказался слой золы толщиной 0,1—0,15 м. Очевидно, эта зола была насыпана специально, возможно, с целью теплоизоляции, как это было прослежено под некоторыми гончарными горнами [2].

Назначение печи легко выявляется по большому количеству шлака (до 20 кусков), который найден по краю печи с юго-восточной стороны среди камней (7 штук) и вокруг печи вплоть до глубины 1 м. Шлаки имели вид округло-уплощенных лепешек диаметром 15—20 см. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с остатками горна или печи, служившей для выплавки железа. В нескольких метрах от этой печи в южной стенке раскопа прослеживалось большое скопление извести, которая в металлургическом процессе могла использоваться в качестве флюса при выплавке

[1] Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах. КСИИМК, 62, 1956, стр. 141.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 350.

руды. На расстоянии 1 м к юго-востоку от края печи, на одном уровне с подом, лежал камень размером 20 × 30 см, а рядом с ним была небольшая ямка (60 × 70 см) глубиной 0,3 м, заполненная обожженной глиной,— очевидно, от развала печи. Камень мог служить при дальнейшей обработке крицы путем околачивания ее молотами-колотушками [3].

Около печи, на глубине 0,2—0,4 м найдены обломок глиняного грузика, один целый нож и три сломанных, железный предмет,— по-видимому, долото круглого сечения с подквадратной площадкой на одном конце и подпрямоугольной — на другом. Здесь же встречены сломанный ключ, обломок скобы, разбитый брусок из песчаника, обломок плитки из пористой породы и до 30 бесформенных железных обломков. Глубже (0,6—0,9 м) около печи найдены четырехгранный, сильно деформированный железный наконечник стрелы, спиралька из голубого стекла (рис. 2, *3*), а несколько юго-восточнее — плоский костяной кружок с циркульным орнаментом по срезу. Интересна находка глиняной круговой чашечки (высотой 6 см) с отогнутым венчиком.

В юго-западном углу раскопа обнаружены на глубине 0,6—0,8 м два каменных уплощенных пряслица и несколько пластинок железа (возможно, эти находки не связаны с описываемым производственным комплексом). Юго-восточнее печи, на некотором расстоянии, на глубине 0,4—0,6 м найдена бронзовая нагрудная привеска в виде уточки или гуся (рис. 3, *2*).

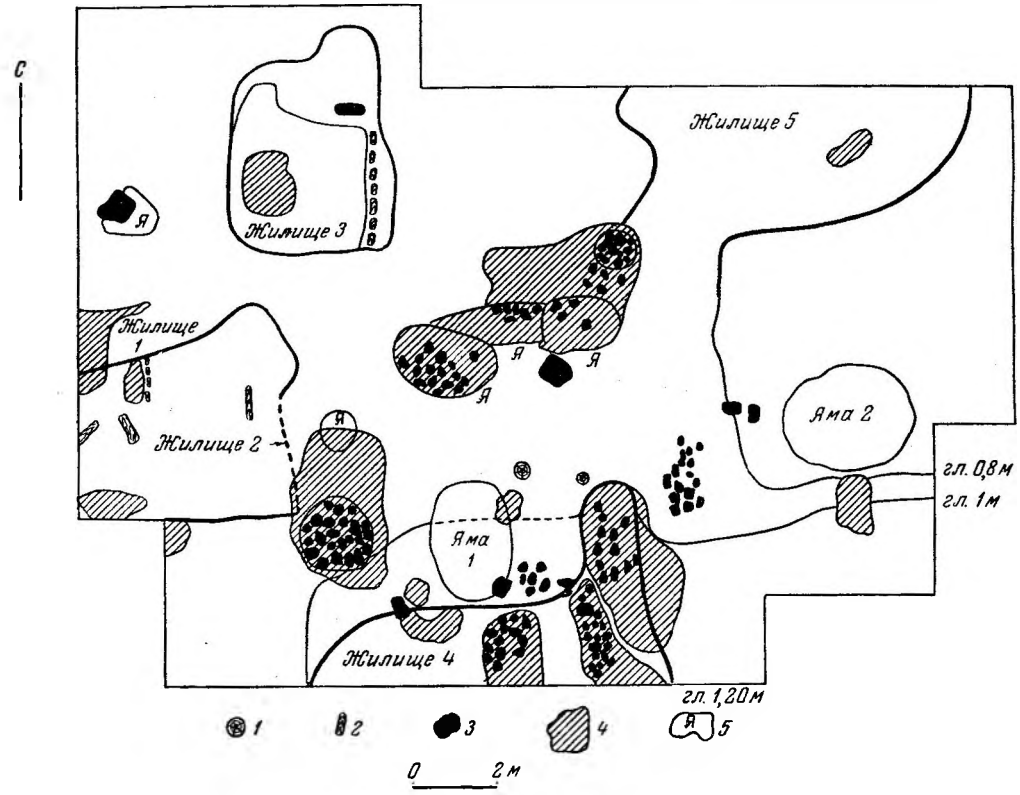


Рис. 1. План раскопа I на селище.

1 — столб; *2* — остатки дерева; *3* — камни; *4* — обожжённая глина (развал печей); *5* — яма.

[3] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 207.

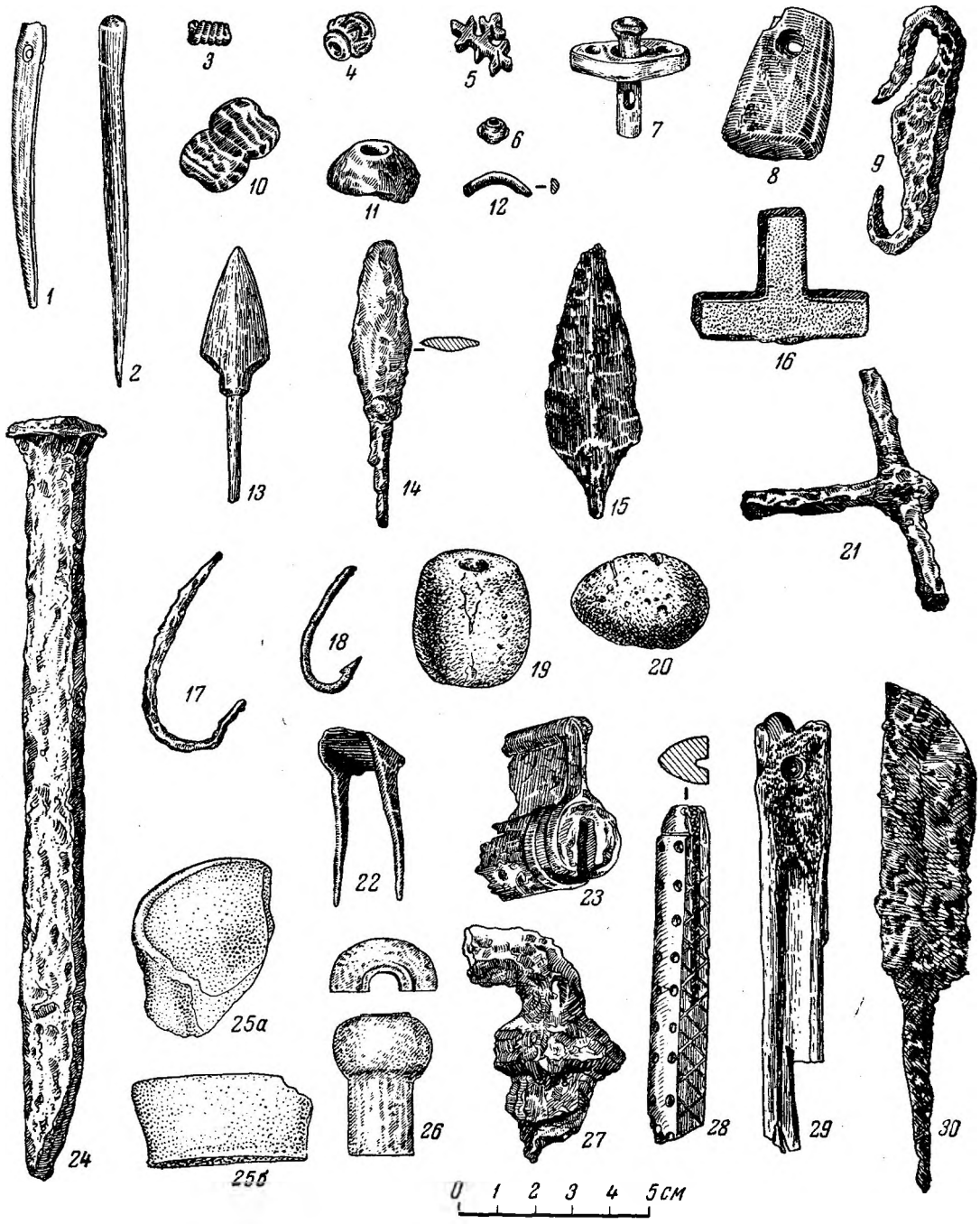


Рис. 2. Предметы с Березовского поселения.

1 — игла; *2* — проколка; *3* — пронизка; *4, 6, 10,* — бусы; *5, 16,* — крест; *7* — костяной предмет; *8*—грузик; *9*— кресало; *11* — пряслице; *12* — перстень; *13—15* — наконечники стрел; *17, 18* — крючки рыболовные; *19* — грузик; *20* — глиняное яйцо; *21* — удила; *22* — скоба; *23* — замок; *24* — долото или зубило; *25а, 25б* — чашечка; *26, 28* — ручки ножа (?); *27* — дужка замка; *29* — заготовка; *30* — нож. (*1, 2, 5, 7, 13, 26, 28, 29* — из кости; *3,4, 6, 10, 12* — из стекла; *8, 16* — из камня; *9, 14, 15, 17, 18, 21—24, 27, 30* — из железа; *11, 19, 20, 25а, 25б* — из глины).

Плоские подвески в виде уточки, курочки или петушка известны из северных районов, например из Владимира[4], Суздаля[5],

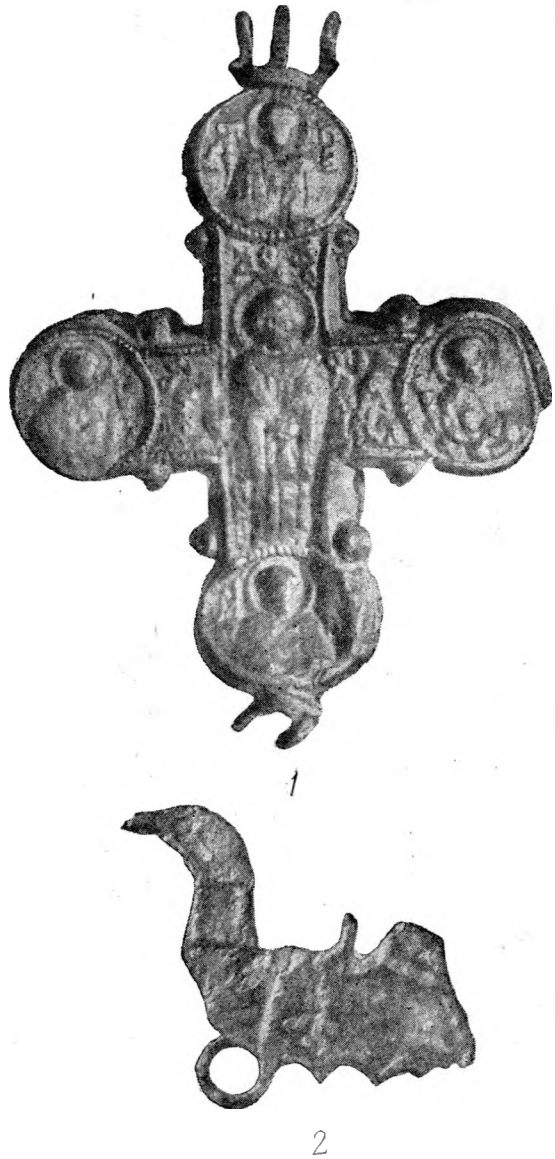


Рис. 3.
1 — энколпион; *2* — привеска-уточка.

Костромских курганов[6]. В смысле датировки представляет большой интерес находка во Владимире; Н. Н. Воронин упоминает о подобной находке в числе других, встреченных в непотревоженных участках культурного слоя, который датируется XII—XIII вв. Однако надо отметить, что березовская подвеска отличается от всех упомянутых выше, поскольку на них изображается петух или курочка, в данном же случае — уточка или, скорее, гусь. Отличается она также и по устройству: ее поверхность — без округлых отверстий, но имеются вертикально расположенные жгуты. По этим признакам рассматриваемая подвеска ближе всего стоит к некоторым привескам из Костромских курганов[7]. П. Н. Третьяковым установлено, что плоские нагрудные зооморфные привески характерны для ранней группы Костромских курганов, датируемых второй половиной XII в. Березовская же привеска по своим особенностям скорее может быть сближена с типом привески в виде конька, характерной для курганов XIII в.[8]

К юго-востоку от описанной печи, у южной стенки раскопа на той же глубине прослежены слой обожженной глины и под ним, на глубине 0,4 м — два развала камней (по плану — № 2 и 3). Между ними найдено скопление чешуи и обломков керамики. Около этих развалов оказались: 2 глиняных пряслица (одно биконическое, другое сделано из болгарского черепка), брусок, обломок костыля и куски бесформенных железных предметов. Рядом с этими печами — ближе к середине раскопа и несколько глубже — сохранился развал большой печи (по плану — № 4), часть которой сползла в расположенный рядом спуск к древней землянке. Здесь же найдены кресало (рис. 2, *9*) и, по-видимому, часть удил (рис. *2*, *21*). Вокруг печи обнаружено сравнительно большое количество шлака, а недалеко от нее, в юго-восточном углу раскопа, около большой ямы — развал глины, в значительной мере сползший в соседнюю яму. Под ней было скопление камней и рядом — шлака

[4] Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в., т. I, МИА, № 11, 1949, стр. 230, рис. 25б.

[5] Н. Н. Воронин. Суздаль, 1936. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 93, табл. XIV, рис. 9.

[6] Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. Материалы по археологии восточных губерний, III, 1899, табл. IV, рис. 8.

[7] Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. 4, рис. 5.

[8] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Известия ГАИМК, т. X, вып. 6-7, 1931, стр. 18, 24; табл. III, рис. 12.

(по плану — № 5). Здесь найдена дужка замка типа, изображенного на рис. 2, *27*, и на глубине 0,6—0,8 м — каменный грузик, возможно, связанный с более древним жилищем (рис. 2, *8*).

В северной части раскопа на той же глубине (0,2—0,4 м) вскрыты две разрушенных печи. Одна из них — большая (по плану — № 6) — была поставлена на каменном основании из сложенных в один ряд крупных камней, часть которых сползла позже в расположенную рядом околопечную яму. Обращает на себя внимание соединение этой ямы как бы небольшим углубленным коридором с другой ямой, на краю которой располагалась меньшая по размеру печь той же конструкции (№ 7). Между этими ямами на уровне печей лежал большой плоский камень. Вокруг большой печи найдено 12 шлаков, большое количество керамики, расколотых костей, угля, несколько раковин Unio, глиняное яйцо (рис. 2, *20*), чешуя рыбы, рыболовный крючок (рис. 2, *18*), костяной предмет неизвестного назначения (рис. 2, *7*). Подобный предмет встречен в Приобье. Исследователь определяет его как составную часть упряжи [9]. Кроме того, здесь обнаружены 2 гвоздя, ножи (2 сломанных и 1 целый) и обломок тонкой медной пластинки размером 5 × 8,5 см. Возможно, что именно из этой печи выбрасывали шлак в соседнюю яму от старой землянки. Часть печей была устроена без каменного основания, например, в жилище 1. Судя по большой насыщенности культурного слоя сильно измельченными кусками обожженной глины и отдельными разбросанными кусками камней, печей было значительно больше.

Находки шлака и криц являются неопровержимым доказательством выплавки в этом месте железа. Характер слоя, насыщенного углем, золой, разбросанными камнями и кусками глиняной обмазки, свидетельствует о неоднократном разрушении печей и об использовании для топки печей угля. Все это вполне объяснимо, если учесть, что здесь занимались выплавкой железа сыродутным способом, при котором для выемки криц разрушали либо часть печи, либо всю печь [10]. Это также дает объяснение столь густому размещению на данной площади остатков печей, расположенных преимущественно на одном уровне. Очевидно, они действовали не одновременно. Довольно характерно также их размещение на краю поселка, что неоднократно наблюдалось на многих городищах [11].

Вскрытый нами участок поселка был одновременно и жилым участком, о чем свидетельствует большое количество битой глиняной посуды (до 20 000 обломков) и остатков пищи в виде костей домашних животных и рыб.

Постройки были наземными. От них сохранились лишь столбы и отдельные плахи, по которым трудно судить о размере и планировке жилища. В одном случае можно более или менее уверенно говорить о жилом комплексе в западной части раскопа. Здесь сохранились значительные куски бревен, отдельные столбы, развал печи (жилище 1). Остатки 2 бревен имели направление с севера на юг. На этом же уровне прослеживался на большой площади развал глинобитной печи, частично уходивший в западную стенку. Перед печью (к югу) была небольшая околопечная яма.

Судить о размерах и планировке этого жилища невозможно. Это осложняется еще и тем, что данное жилище было построено на месте другого, ранее существовавшего и полууглубленного в землю. В связи с этим трудно расчленить находки в этих двух жилищах. Бесспорно, с верхним жилищем могут быть связаны предметы, найденные на глубине 0,2—0,4 м. К ним относятся 2 бусины (рис. 2, *6*, 10), характерные для XIV в.; пряслице, сделанное из черепка, грузик (рис. 2, *19*), обломок крупного железного кольца, сделанного из круглого дрота, фрагмент широкого ножа и несколько тонких железных пластинок. Из всех находок выделяется прекрасно сделанное костяное острие (рис. 2, *2*).

Непосредственно на продолжении стены дома, на штыке 3, встречены дужка замка (рис. 2, *27*) и зеленая стеклянная бусина типа, изображенного на рис. 2, *6*. На той же глубине обнаружены 3 пряслица (одно из красной глины, с округлыми боками и два биконических, из которых одно лощеное), 2 ключа со сломанными бородками, обломок предмета из ребра животного с отверстием и 3 грузила типа, показанного на рис. 2, *8*.

[9] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. МИА, № 35, 1953.

[10] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 131.

[11] Там же, стр. 133.

По находкам мозаичных бус определяется дата описанного жилого комплекса. Однако лучшим датирующим предметом является найденная в штыке 2 над землянкой (по плану — жилище 3) золотоордынская монета, чеканенная в Болгаре в 734 г. хиджры (1333—1334 г. н. э.). Эта монета датирует также почти все рассмотренные выше печи.

С нижним горизонтом культурного слоя, очевидно, следует связать два углубленных в землю жилища. Одно из них (жилище 2) расположено непосредственно под первым, только что описанным. Оно относится к типу полууглубленных в землю жилищ. Его контуры, прослеженные на глубине 1 м, не так четки, как в землянке, и к тому же оно вскрыто не полностью. Одна из его сторон равна 4 м, другая, не полная,— 4,6 м. Это жилище — прямоугольной формы. В нем, у южной стенки, обнаружено скопление обожженной глины; по-видимому, это печь, которая, так же как и в землянке, занимала углубление с округлым дном, расположенное в слое, состоящем из золы, угля и комочков обожженной глины. В жилище найдены у дна, на глубине 0,8—1 м, железное долото типа, изображенного на рис. 2, *24*, железный ключ довольно крупного размера, смятая тонкая бронзовая пластинка и — у восточной стенки жилища — 4 грузика типа, представленного на рис. 2, *8*. Несколько выше (на глубине 0,6—0,8 м) обнаружены большой гвоздь, железная скоба, сильно деформированный бурав небольшого размера, заготовка рогового предмета и костяная пуговица миндалевидной формы с 3 отверстиями — типа, широко распространенного в болгарских памятниках. Очевидно, с этим жилищем следует связать находку сломанного и оплавленного энколпиона (рис. 3, *1*) и костяного наконечника стрелы (рис. 2, *13*).

Второе жилище углубленного типа представляет собой землянку (по плану — № 3), расположенную в северной части раскопа (жилище 3). У ее северо-западного угла снаружи сохранились следы сгоревшей кровли, опиравшейся сверху на землю. Это позволило связать время ее существования со вторым горизонтом. Покрывающие сверху землянку слои имели спокойное напластование до глубины 0,8 м; на этой глубине частично стали обрисовываться ее контуры. Следовательно, ко времени отложения верхнего горизонта культурного слоя яма землянки почти сравнялась с прилегающими участками.

Особенно интересна в смысле датировки находка упомянутой выше золотоордынской монеты над расположенной ниже землянкой; она встречена в штыке 2, т. е. на глубине 0,2—0,4 м. Эта находка позволяет говорить о том, что землянка была обитаема не позже XIII в., так как должно было пройти немало времени, пока сравнялась поверхность над ямой.

Землянка была вырыта в песчаном грунте, поэтому ее размеры наверху и у дна неодинаковы. Различны также и ее горизонтальные контуры. На глубине 1,2 м она имела подпрямоугольную форму, несколько удлиненную. С северо-западного угла, т. е. со стороны поймы Волги, вел вход в землянку в виде небольшого коридора (длиной 90 см), полого спускавшийся вниз. У конца спуска лежал большой камень. Пол в этой части жилища располагался на 0,2 м выше, образуя уступ. Максимальная глубина землянки — 2 м. У дна землянка имела квадратную форму, с выступом у северо-западного угла. Ее размеры — 3,2 × 3,3 м. Восточная стенка была облицована вертикально поставленными бревнами толщиной 15—20 см, сохранившимися на глубине 1—1,4 м. Ниже под ними был сплошной черный углистый слой.

На дне землянки, в северной части, близ материкового уступа прослеживался развал обожженной глины. Сверху все это покрывал толстый слой золы, угля и обломков обожженной глины. Трудно сказать, в результате чего образовался этот слой. Поверх него, как бы в ямке, находилось скопление обожженной глины, очевидно,— остатки глинобитной печи более позднего происхождения. Возможно, что это жилище было обитаемо дважды; тогда становится вполне понятным устройство облицовки восточной стены землянки бревнами, поставленными в культурном слое.

По своим конструктивным особенностям обнаруженная землянка ближе всего к суздальским землянкам, раскопанным А. Ф. Дубыниным и Л. А. Голубевой [12]. Для суздальских землянок типична облицовка стен вертикально поставленными жердями или горбылями, причем в одном случае (землянка 4) эта облицовка, как и в березовской зем-

[12] А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля. КСИИМК, 11, 1945, стр. 92, рис. 38.

лянке, прослеживалась только в культурном слое, и столбы не были врыты в грунт. Характерно также отсутствие печей, а лишь наличие очагов на полу землянки или в очажной яме.

В нижней части землянки найден незначительный бытовой инвентарь, по которому трудно судить о занятиях ее владельца. Скопление обожженной глины, угля и золы на дне землянки по своему характеру близко к верхнему горизонту культурного слоя, содержавшего следы металлургического производства. В верхних горизонтах завала землянки найдено большое количество шлаков, костей и керамики. На дне землянки обнаружены часть тонкой круглой бронзовой пластинки, фрагмент сосуда с волнистым орнаментом, глиняный грузик округлой формы, 2 железных шила, а в северной части землянки, близ входа — обломок дверного пробоя. Несколько выше дна в северо-восточной части жилища против входа, по-видимому, лежали рыболовные снасти, так как здесь собраны 26 подобных грузиков. В этой же части землянки найдены 2 обломка узких железных пластинок, железная скоба, фрагмент крупного ножа, костяное острие, сделанное из рыбьей кости, с отверстием, возможно, служившее для плетения сетей (рис. 2, *1*), и плоский наконечник стрелы с длинным черенком. В южной половине землянки обнаружены небольшой нож со сломанным черенком и 2 обломка железных пластинок, аналогичных описанным выше; нож — с несколько изогнутой спинкой, его ширина у черенка — 1,5 см, длина до черенка — 8 см.

На глубине 1,4 м у западной стенки, ближе к выходу, найдены небольшой пружинный замок и гвоздь, на котором, возможно, висел замок, а в противоположном конце землянки — ключ. Из других находок, встреченных на глубине 1—1,2 м, следует отметить нож хорошей сохранности, по форме и размерам совершенно аналогичный найденному глубже, и плоский наконечник стрелы (рис. 2, 15).

К более древнему периоду относится обнаруженная в южной части раскопа полуземлянка (жилище 4), расположенная глубже нижней углистой прослойки на 0,4—0,8 м, на глубине 1,2—1,5 м от современного уровня. Со стороны реки в землянку вел вход в виде коридора длиной 2,5 м и шириной 1 м. Против входа на расстоянии 1,7 м располагался очаг диаметром 80 см, сложенный из камней и обмазанный глиной. Очаг был устроен в неглубокой яме. Нами вскрыта лишь часть землянки, шириной 8 м (16 кв. м).

На дне обнаружен фрагмент грубого лепного сосуда с насечками по краю (рис. 4, *1*). По форме и орнаменту этот сосуд чрезвычайно близок найденным П. Д. Либеровым в 1954 г. на Харьковщине — на скифском поселении. Помимо этого сосуда, в нижнем горизонте культурного слоя в пределах землянки встречено небольшое количество лепных толстостенных, грубых (от примеси шамота) сосудов с орнаментом в виде пальцевых вдавлений по краю и изредка — насечек (рис. 4, *2, 3*; рис. 5, *11, 14*). Для них характерна довольно высокая шейка со слегка отогнутым наружу краем и пологими низкими плечиками. И эти сосуды находят параллели в северных скифских поселениях. Кроме керамики, в пределах землянки обнаружен скребок (рис. 4, *4*).

Такого же типа жилище частично вскрыто и в северной части раскопа на глубине 0,8 м от современного уровня (жилище 5). Оно слабо углублено в материк. Ширина его — 8 м. В нем найдены подобные описанной выше керамика и скребок (рис. 4, *5*).

Сходство керамического материала с харьковским скифским и наличие кремневого инвентаря заставляют высказать предположение о том, что обнаруженное нами древнее поселение у с. Березовка относится к началу эпохи железа или к раннему скифскому времени. Это вполне правдоподобно, так как в данном районе известны савроматские захоронения. Одно из них обнаружено в кургане эпохи бронзы у с. Комаровка, в 15 км от Березовки. Хотя это пока единственное здесь захоронение, но находки каменных блюд, связанных с женскими савроматскими погребениями, и бронзового скифского котла говорят о наличии здесь в скифское время населения, отличавшегося от обитателей городищ с «рогожной керамикой». Аналогичная керамика, помимо Березовского поселения, в единичных экземплярах встречена в ряде пунктов по р. Усе, например в Подбухереве, около Березовки [13], в

[13] Н. В. Трубникова. Некоторые поселения эпохи бронзы по течению реки Усы в Куйбышевском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 34, рис. 9, *5*.

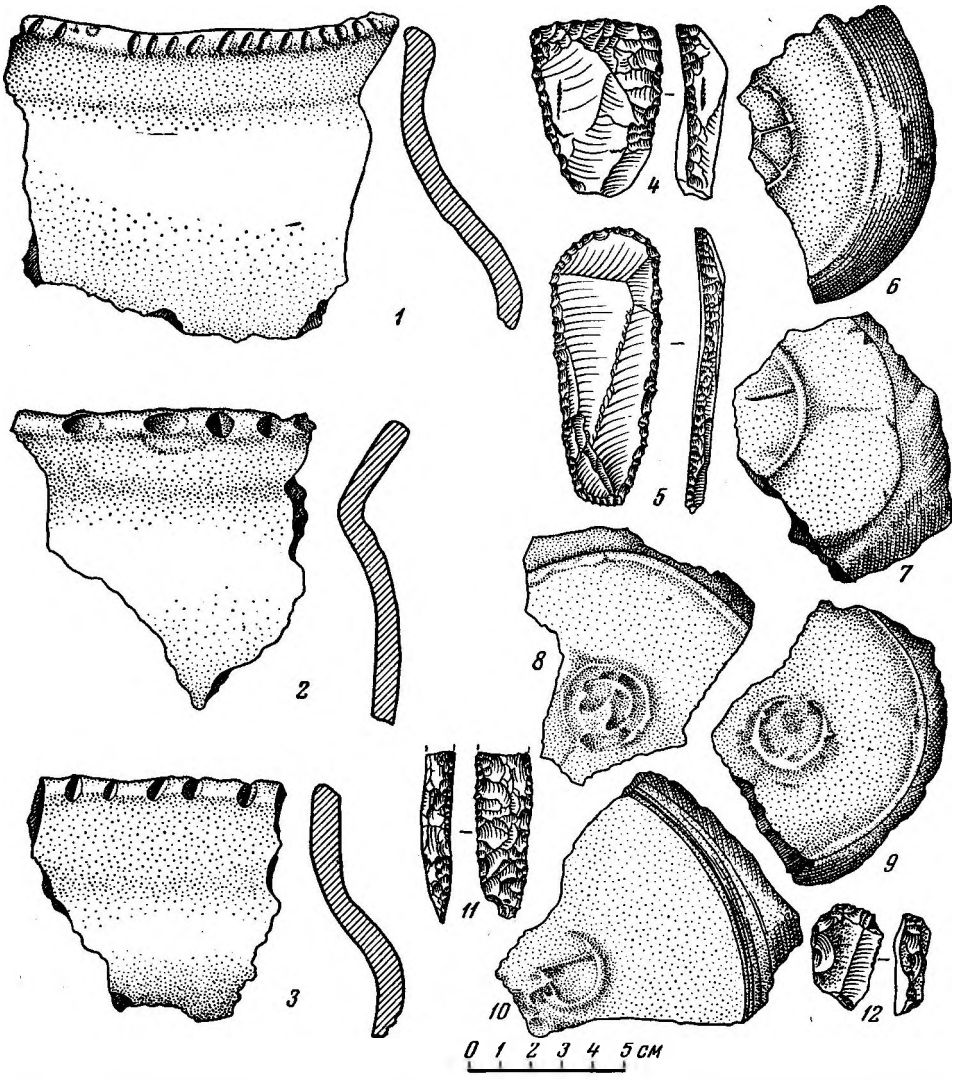


Рис. 4. Обломки керамики из древних жилищ (*1—3*); кремневые орудия из древних жилищ (*4, 5, 11, 12*); днища славянских сосудов с клеймами (*6—10*)

шурфе на площадке перед дюной Борок [14], в шурфе на Анновском поселении I; во всех этих пунктах она ни разу не была найдена вместе с материалом XIV в.

На Березовском поселении, в раскопе I, вскрыты 2 больших ямы. Одна из них, овальной формы (№ 1), судя по стратиграфии, должна быть отнесена к нижнему горизонту культурного слоя, т. е. связанному с жилищем типа землянки и полуземлянки (жилища 2 и 3). Размеры ямы — 2 × 3 м. Первоначальная глубина — 0,9 м, а от современной поверхности — 1,5 м. Стенки прямые. Вторая яма (№ 2) — такой же формы, но значительно большего размера (3,2 × 2,3 м) и большей глубины (1,7 м),— находилась в восточной части раскопа. Обе ямы были заполнены большим количеством кусков обожженной глины, обломков керамики и костей, угля и золы. В яме № 2, кроме того, встречен ряд вещей. В первую очередь перечислим те предметы, которые найдены над ямой или около нее на глубине первых 4 штыков, т. е. до

[14] А. Е. Алихова. Памятники срубной культуры на Самарской луке (в настоящем сборнике, стр. 96).

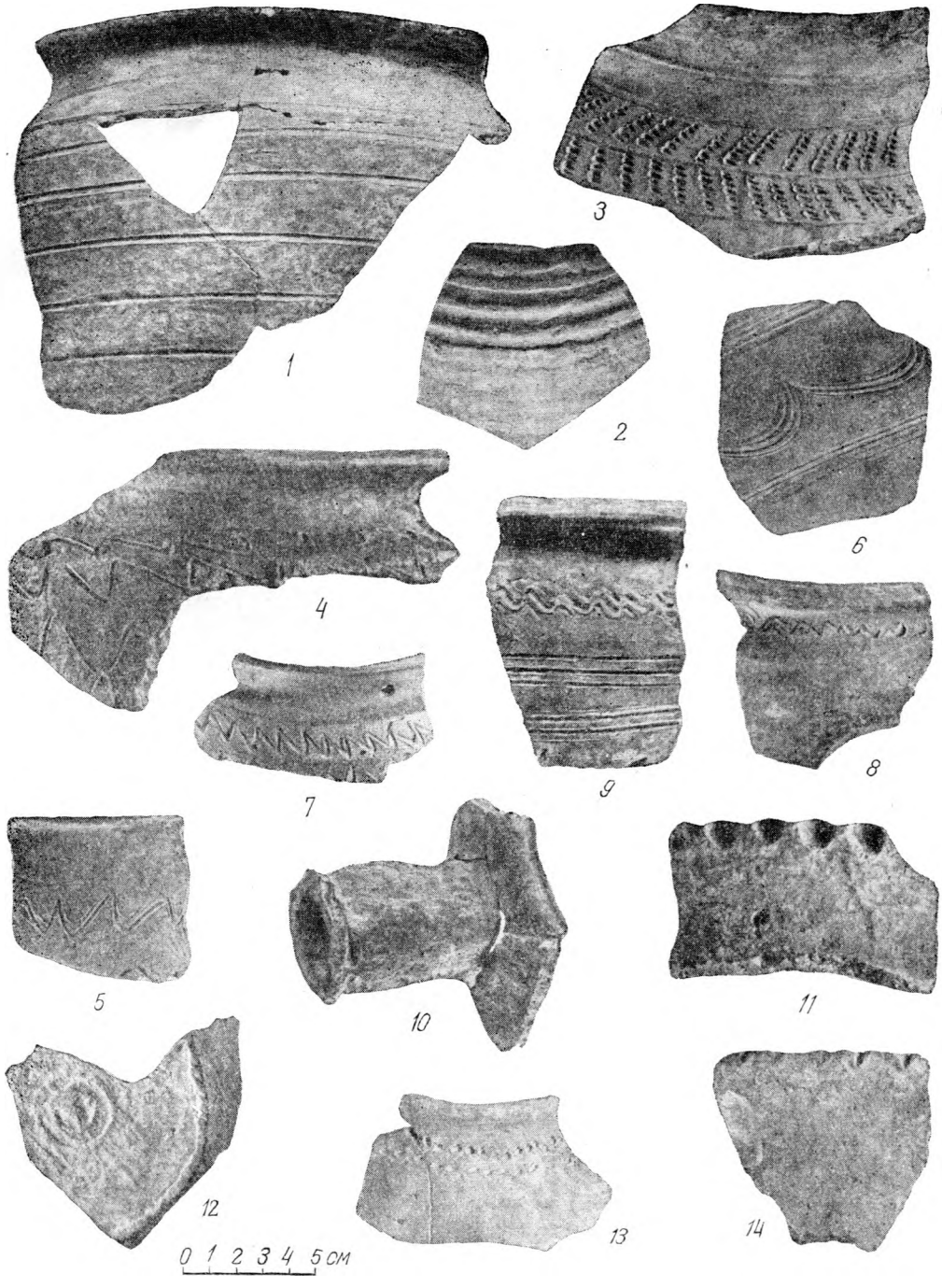


Рис. 5. Обломки керамики (*1—14*).

глубины 0,8 м: нож железный (длиной 14 см), фрагмент широкого лезвия топора, обломок втулки топора, металлическое колечко с зарубками с одной стороны, обломок костяной рукоятки (рис. 2, *26*), скоба. В яме на глубине 1—1,4 м обнаружены зубило (рис. 2, *24*), каменное грузило для сети и кость крупного животного (с распилом).

Аналогичные ямы встречены также около жилищ на поселении около Печерских Выселок и одна — на Муранском поселении. О назначении их трудно судить; если они служили в качестве кладовых, то непонятно, почему в них находят такое большое количество отбросов. Возможно, они представляют собой мусорные ямы.

Культурный слой обильно насыщен обломками битой посуды. Железные изделия чаще всего представляют собой куски пластинок и полосок, обломки скоб и ножей. Целых предметов здесь найдено крайне мало. Особый интерес представляют находки энколпионов и крестов, которые дают указания на время возникновения здесь поселка и на его принадлежность русскому населению. Если учесть смешанный этнический состав этого района в описываемое время, эти данные очень существенны. Напомним, что примерно в 40 км от с. Березовка вверх по Усе существовал большой мордовский поселок у с. Муранка. Как известно, мордва лишь в недавнее время была христианизована. На Березовском поселении ни одной мордовской вещи не найдено.

Наиболее интересна находка целого энколпиона (рис. 3, *1*). Он сильно потерт и помят. Одна его сторона имеет следы пребывания в огне. К одной из характерных его особенностей относится надпись в обратном изображении. Известно несколько экземпляров энколпионов, отлитых в той же форме, что и обнаруженный нами. Б. А. Рыбаков при анализе древнерусского ремесла проследил район их распространения: это Киевское княжество. Часть энколпионов найдена на Северном Кавказе и в Поволжье, в районе летних кочевий Батыя, и, по всей вероятности, как отмечает Б. А. Рыбаков, связана с уводом киевлян в татарский полон [15]. Из волжских находок следует отметить энколпион, обнаруженный в с. Губине [16], соседнем с с. Муранка, в той же долине р. Усы, на расстоянии приблизительно 45 км от Березовки. Эти энколпионы являются продукцией городских ремесленников Киева; по исследованиям в Киеве, дата их — вторая четверть XIII в. (1230—1240 гг.).

От второго энколпиона найдена лишь нижняя, сильно помятая часть. Он отлит в другой форме.

Также во втором слое, на глубине 0,8 м встречен каменный четырёхконечный крестик, сделанный из шифера, с отверстием, просверленным сбоку (рис. 2, *16*). Нижний конец креста отломан. Подобные кресты были широко распространены в домонгольской Руси. К художественным изделиям следует отнести костяной крестик, один конец которого также отломан (рис. 2, *5*).

Такое количество находок крестов для сравнительно небольшого раскопа чрезвычайно показательно. Помимо описанных предметов, в разных частях раскопа найдены: бусина с голубой поливой (рис. 2, *4*), фрагмент стеклянного браслета (рис. 2, *12*), обломок грузика или пряслица (рис. 2, *11*), наконечник стрелы (рис. 2, *14*), рыболовный крючок (рис. 2, *17*), маленькая скобочка (рис. 2, *22*), глиняная чашечка (рис. 2, *25а, 25б*), обломки костяных ручек (рис. 2, *28, 29*). Кроме того, обнаружено несколько ключей от цилиндрических висячих замков, часть очажной цепи (2 звена), скобы, гвозди и обломки ножей.

Культурный слой был насыщен керамическим материалом, который начинал попадаться со штыка 1. Основной горизонт находок был в штыке 2. Вдвое меньше керамики было в штыке 3. Последующие же штыки содержали материал преимущественно из ям.

Ничтожный процент составляет керамика, сделанная от руки. Она делится на 2 группы по форме, орнаменту и горизонту залегания, но совершенно одинакова по глиняному тесту: вся эта керамика вылеплена из глины с примесью шамота. Для штыков 1 и 2 характерна более тонкостенная керамика с короткой и прямой шейкой или слегка отогнутой шейкой, резко отграниченной от плеч. На этих сосудах обычно орнамента нет.

---

[15] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 455, и рис. 123 (на стр. 462), где показаны две стороны одного и того же энколпиона.

[16] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. В кн. «История культуры древней Руси». М.—Л., 1948, стр. 359, рис. 216.

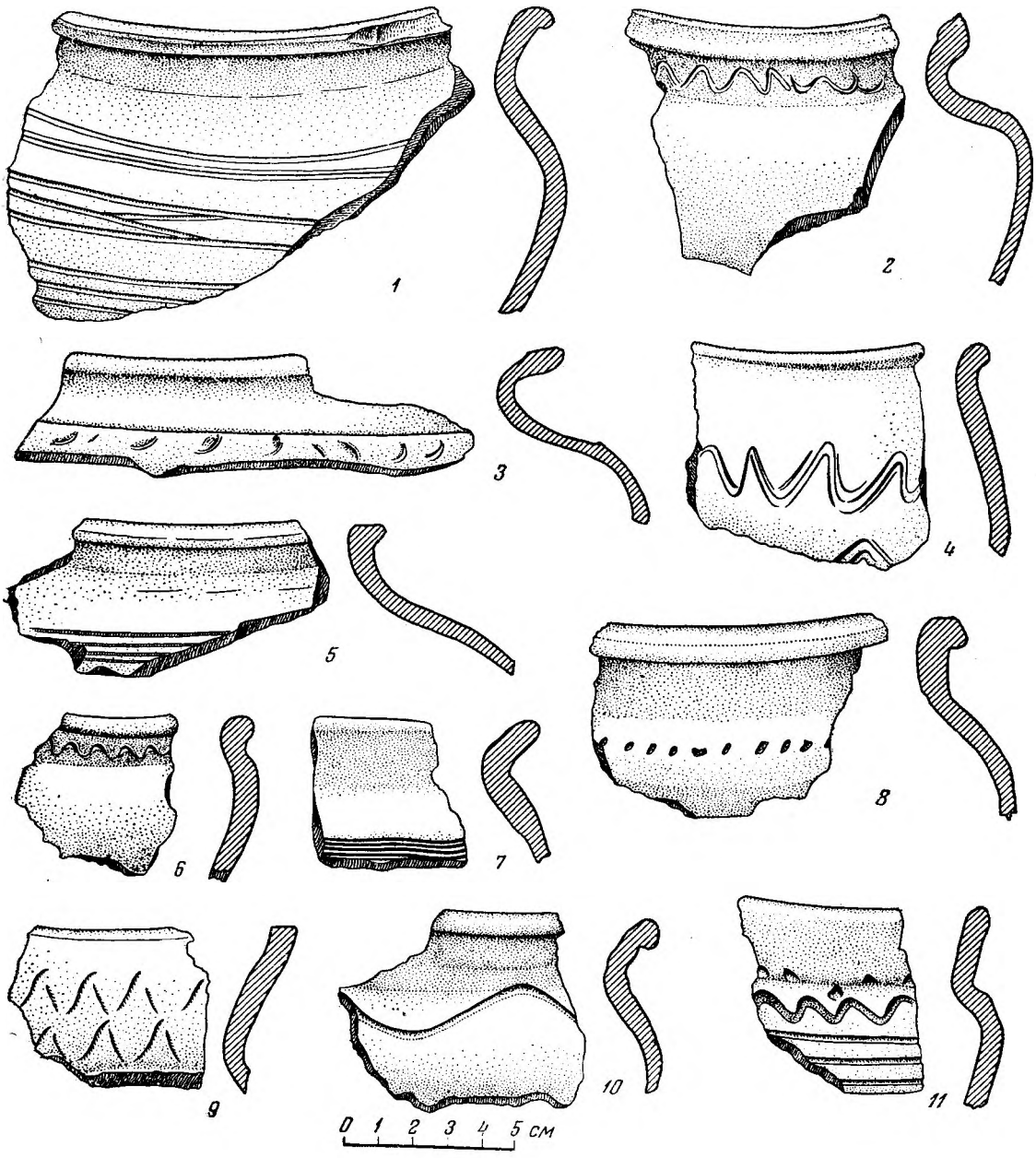


Рис. 6. Обломки керамики (*1—11*).

Они встречаются в ничтожном количестве на всех поселениях Усы XIV в.

Второй тип лепной посуды — толстостенной — характерен для штыков 4 и 5 и относится, как мы предполагаем, к рубежу эпохи бронзы и железа, но, вероятнее всего,— к раннему железному веку. Такая керамика встречена в очень небольшом количестве в пределах древних жилищ. Это сосуды с отогнутой или прямой, преимущественно высокой шейкой, плавно переходящей в слабо выраженные плечики. Край сосудов орнаментирован пальцевыми вдавлениями или насечками по краю (рис. 4, *1, 3;* рис. 5, *11—14*). Близкая по форме и орнаменту керамика найдена в Пальцынском селище X в.— начала XIII в. н. э.[17] Но находки в Березовке керамики совместно с кремневым инвентарем и приведенные выше аналогии с другими местонахождениями на правом берегу Волги, а также и на левом[18], заставляют описанные жилые комплексы отнести к более раннему времени. Следует заметить, что близкие формы и особенно орнамент, действительно, были широко распространены и во времени, и в пространстве в европейской части СССР.

Основная масса березовской керамики состоит из славянской посуды и в значительно меньшем количестве — из фрагментов красной болгарской (считая по фрагментам шеек сосудов). Славянская керамика неоднородна по глиняному тесту, толщине и формам сосудов. Встречаются фрагменты с примесью дресвы, мергеля или песка. Крайне редкими примесями являются шамот, кварц и раковина. Также мал процент сосудов, сделанных из хорошей глины без всяких примесей.

Особенностью описываемой керамики является волнистый орнамент, который в большинстве случаев представляет одинарную линию, расположенную на плече или по шейке. Очень редко встречаются волны, нанесенные гребенчатым штампом. Довольно характерно размещение одинарных линий в несколько рядов, причем волны эти не совпадают друг с другом, а иногда даже переплетаются (рис. 6). Изредка отмечается сочетание линейного орнамента, обычно расположенного по тулову, а выше — одинарная волнистая полоса (рис. 5, *4, 5, 7*). Основной тип сосудов — широкогорлые горшки с более или менее выраженной шейкой. Для последней характерны отгиб наружу и утолщенность края с внутренней стороны, реже — с наружной. Прямые, с различно оформленным краем, шейки встречаются редко. Интересна одна особенность — присутствие с внутренней стороны венчика рубчика, который, как отмечает П. А. Раппопорт, является типичным признаком для керамики XIII в.

Все суммарно описанные типы керамики вполне укладываются в рамки XIII—XIV вв.

Раскоп II был заложен в юго-восточном конце поселения — на краю надпойменной террасы. Культурный слой в этом месте заметно тоньше. Его мощность в среднем равнялась 0,4 м; по направлению к берегу она уменьшалась и доходила до 0,1 м. Местами прослеживался тонкий сажистый слой толщиной 7—10 см, расположенный на глубине около 0,2 м. В южной части вскрыт край большой ямы, возможно,— землянки, судя по ступенчатому спуску в нее. Здесь встречены несколько обломков керамики эпохи бронзы, фрагмент кремневого орудия (рис. 4, *11*) и, в небольшом снижении культурного слоя в квадрате 12, кремневый скребок (рис. 4, *12*). Из других находок надо указать на обнаруженный в штыке 2 обломок крупного ножа (ширина лезвия — 2,5 см), часть медной пластины толщиной 1 мм, размером 5 × 6 см, с отверстием (аналогичные пластины встречались и в раскопе I) и фрагмент, по-видимому, горбуши (шириной 3,5 см, длиной 16 см). Основную массу составляет болгарская керамика — красная и желтая, гладкая и лощеная, а также древнерусская — тонкая гончарная с примесью мергеля, реже — дресвы и песка, с переплетающимся волнистым орнаментом или узором в виде единичных волнистых линий, реже — с линейным орнаментом.

Раскоп III размером 48 кв. м был заложен в центре поселения на пахотном поле, на расстоянии 138 м к северо-востоку от раскопа I и 122 м — от края террасы, обращенной к пойме Волги. Культурный слой начинался прямо с поверхности и шел до глубины 0,5—0,6 м. В этом раскопе была вскрыта часть постройки, имевшей производственный характер. Уже на штыке 1 было

[17] Т. А. Хлебникова. Пальцынские селища X в.— начала XIII в. н. э. МИА, № 61, 1958, стр. 203 и сл.

[18] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 45 и сл.

Данные о погребениях

№ погребения	Ориентировка головы			Костяк вытянут на спине	Руки				Погребение под плитой	Разрушенное погребение	Примечание
	ЮЮЗ	Ю	ЮЗ		подведены к подбородку	поперек туловища	в области тазовых костей	вытянуты			
1									+		
2	+			+	Правая	Левая			+		
3	+					Левая, правая			+		
4	+									+	
5			+						+	+	
6										+	
7	+			+		Правая		Левая			
8	+		+		Правая	Левая					
9									+	+	
10			+		Правая		Левая				
11	+										
12	+						Левая, правая				
13			+	Обнаружены кости детского скелета						+	
14		+								+	Вскрыто не полностью
15	Обнаружены кости ног детского скелета										
16		+								+	
17			+								
18	+										
19	+			+	Правая	Левая					
20		+								+	
21			+				Левая, правая				

найдено 72 тяжелых шлака в виде лепешек, по форме похожих на крицы, и 52 мелких обломка.

Детали вскрытого сооружения вполне выявились на глубине 0,4 м. Здесь обнаружена южная часть постройки, ориентированной по странам света. В ней четко прослеживались остатки деревянных сооружений лишь от южной и восточной стенок. Постройка была сооружена, судя по остаткам южной стенки, из жердей (диаметром 4 см), воткнутых в землю на расстоянии 10—15 см одна от другой. С восточной стороны прослежена канавка шириной 10—19 см, в которой сохранились отдельные бесформенные кусочки дерева; один из них, обнаруженный на профиле стенки, представлял собой остаток вертикально стоявшей жерди. Западную границу постройки можно было определить по распространению темного сажистого слоя, прослеженного в виде пятна, начиная со штыка 2 до глубины 0,7 м. Установленные, таким образом, границы постройки дают один из ее размеров, равный 3 м, и второй, неполный,— 2,2 м.

В юго-восточном углу постройки помещалась глинобитная печь, сооруженная на деревянном помосте, от которого сохранились углистая полоса по краю печи и 2 столба в подпечной яме: один — у восточного края в середине, другой — у северного края. Подпечная яма (глубиной 0,9 м) у дна имела овальную форму и размер 1,2 × 0,8 м. Печь, судя по углистым прослойкам, была округлой формы, с прямым челом; ее размер — 1,2 × 1,15 м. Перед печью находилась небольшая вымостка, размером 1 × 0,7 м, из крупных плоских камней. Начиная с глубины 0,2 м, эта постройка выделялась в виде более темного пятна, которое прослеживалось вплоть до глубины 0,7 м; очевидно, оно образовалось в результате втаптывания угля и золы.

Характер постройки вполне определяется ее содержимым. В подпечной яме, около устья на глубине 0,35 м лежал нож с горбатой спинкой. Кроме того, в ней найдено много шлака, а на дне — разбитый горшок и рыбья чешуя. Так же много шлака в виде лепешек было собрано и внутри постройки, и вокруг нее. Очевидно, здесь занимались выплавкой железа. Большое количество битой посуды, осколков костей и несколько пряслиц около постройки свидетельствуют также о том, что она могла использоваться и как жилое помещение.

Встает вопрос, откуда пришло сюда русское население. Было ли оно захвачено волной монгольского нашествия из южных русских земель, или спустилось по Волге с ее верховьев? Некоторые указания дает полученный материал. При описании землянки была отмечена ее близость по некоторым чертам к суздальским памятникам. Особенно ценной является находка нагрудной привески-уточки, распространенной в Костромском Поволжье. Форма керамики совершенно тождественна встреченной в русской части Болгара и близка по формам и орнаменту керамике из последних раскопок г. Вятки [19] Эти, хотя и немногочисленные факты, как нам кажется, позволяют связывать население этого поселка с выходцами из северных поволжских областей. Находки же таких вещей, как энколпионы, свидетельствуют о широких торговых связях Киева с отдаленными севернорусскими областями, откуда пришло население Березовки.

Северо-западная часть поселения располагалась на месте более древнего могильника. Это устанавливается вполне четко благодаря развалам глинобитных печей, прикрывших часть могил (погребения 11, 17 и 22). Могильник занимает очень небольшую площадь по краю надпойменной террасы со стороны Волги. Часть его размыта весенними водами, о чем свидетельствуют надгробные плиты, лежащие под откосом. Он находится на расстоянии 700 м от берега Усы и 450 м от края ее поймы.

Захоронения располагаются очень неглубоко, всего на 0,45—0,8 м, поэтому могильные ямы не прослеживаются. Над некоторыми погребенными были положены большие грубо обработанные известковые надгробные плиты, в других случаях — несколько более или менее крупных камней. Всех умерших хоронили головой на юг — юго-запад, изредка на юго-запад и юг; череп был обращен лицом вверх или лежал на виске. Скелеты находились в вытянутом положении, на спине, с руками, либо сложенными поперек на животе, либо сведенными к тазовому сочленению. Лишь в 4 случаях (погребения 12, 25, 34 и 41) правая рука была приближена к лицу. Эта деталь напоминает

[19] Доклад, прочитанный Л. П. Гуссаковским на славяно-русском секторе ИИМК 8/V 1958 г.

женские мокшанские захоронения XII — XIV вв., в которых отмечен обычай хоронить головой на юг, причем для женщин — в скорченном положении, на боку, с кистями рук, расположенными у лица, т. е. в позе спящего человека. Вещей в захоронениях не найдено, за исключением одного гвоздя.

Погребения размещены очень густо, и часть захоронений разрушена, очевидно, жителями расположившегося на могильнике поселка. Общая площадь раскопа 1952 г.— 25 кв. м. В нем обнаружено 5 захоронений под большими известковыми плитами и 18 разрушенных. К последним относятся 9 полуразрушенных черепов, найденных на глубине 0,6—0,85 м (№ 16, 19, 27, 28, 29, 35, 38, 39 и 40 — по общей нумерации), и обломки различных других костей, встреченных на глубине 0,3—0,75 м (№ 4, 6, 7, 10, 13, 19, 21, 24, 42 и 44). В таблице приводится характеристика 21 погребения, обнаруженного на территории поселения у с. Березовка.

С. А. Янина

ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК И СБОРОВ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БОЛГАРАХ В 1957 ГОДУ

Во время археологических работ на Болгарском городище в 1957 г. добыто 258 джучидских монет, из которых 50 экземпляров найдено при раскопках (15 серебряных и 35 медных монет), а 208 экземпляров собрано участниками экспедиции на городище и у местного населения (29 серебряных и 179 медных монет). Определению не поддается лишь один экземпляр совершенно испорченной медной монеты (Б-57, № 16).

Настоящая статья является третьим выпуском каталога джучидских монет Куйбышевской экспедиции[1]. Наряду с публикацией новых (для коллекции Куйбышевской экспедиции) типов и вариантов джучидских монет продолжена работа по систематизации, выражающаяся главным образом в определении хронологии анэпиграфных или недатированных монет.

Находки 1957 г. в основной своей массе повторяют типы и варианты, уже известные по двум предыдущим выпускам. Это обстоятельство и определило характер настоящей публикации, фиксирующей новые находки уже зарегистрированных типов. Ценность материала, добытого в 1957 г., состоит прежде всего в том, что благодаря возросшему количеству монет основных типов выявились группы наиболее распространенных монет; это позволило в ряде случаев сделать окончательные заключения о возможных датах отдельных спорных типов. Кроме того, раскопки 1957 г. дали ряд интересных монет, не встречавшихся прежде на Болгарском городище.

Анонимные монеты с тамгой дома Бату. Общая датировка этой группы монет 1280—1300 гг. представляется более или менее доказанной. Лишь по поводу медного типа № 14 (по каталогу I и II томов)[2] возникают некоторые сомнения. В предшествующих выпусках каталога этот медный тип (с тамгой дома Бату на лицевой стороне и легендой «В добрый час новый пул» — на оборотной) по ряду признаков был отнесен мной к 1280—1300 гг. Основой для такой датировки послужили наличие тамги дома Бату, отсутствие указаний на дату и место чекана (что было присуще анонимным монетам конца XIII в.), содержание первой части легенды — «В добрый час», появившейся на серебре в 688 г. х., и, наконец, взаимовстречаемость монет этого типа с датированными монетами первой трети XIV в. Все эти обстоятельства кажутся достаточно убедительными и по сей день. В то же время бросаются в глаза и два других признака, которые не были учтены мной прежде. Эти признаки позволяют еще более сузить рамки чекана рассматриваемого типа.

Вторая часть легенды — «Новый пул» — прямо указывает, что в обращении до того существовал какой-то более ранний «старый» пул. Таким более ранним типом могли бы считаться медные монеты начального

[1] Два первых выпуска были опубликованы в МИА, № 42, 1954, стр. 424—484 и МИА, № 61, 1958, стр. 392—423. В них включен материал, добытый в 1946—1954 гг. В 1955—1956 гг., когда объем работ Куйбышевской экспедиции резко сократился, монетных находок в Болгарах не было.

[2] МИА, № 42, 1954, стр. 432, 433; МИА, № 61, 1958, стр. 403.

периода золотоордынской чеканки (см. № 2 и 4 по каталогу I и II томов) [3]. Впрочем, это предположение маловероятно, так как для слаборазвитого денежного обращения второй половины XIII в. медная монета не была характерна, и в это время не сложилась еще традиция привычного употребления меди как денежного металла. Возможный тип более раннего пула — анонимный медный тип чекана Болгара с орнаментальной решеткой на оборотной стороне (см. № 12 каталога I тома КЭ) [4]. Подобная решетка встречается и на анонимных серебряных монетах конца XIII в.

Сам термин «новый пул» может быть связан лишь с известным понятием «новые деньги», которое возникает в противовес понятию «старые деньги» в момент проведения реформы денежного обращения. Учитывая все данные о хронологических признаках рассматриваемого типа медных монет № 14, мы найдем лишь одну монетную реформу, с какой этот тип может быть связан. Это реформа Токты, проведенная в 710 г. х. и нашедшая свое выражение и в установлении определенной весовой нормы чеканки, и в создании нового типа серебряных монет, который в основных своих чертах продержался в монетном деле Золотой Орды весь XIV в. Медных датированных монет, которые можно было бы безоговорочно отнести к реформе Токты, не существует. Однако трудно предположить, чтобы хорошо подготовленная денежная реформа, безусловно сопровождавшаяся изъятием из обращения всего пестрого состава старых монет (об этом изъятии свидетельствуют клады XIV в., в которых самыми ранними типами оказываются лишь пореформенные монеты Токты), обошлась без выпуска медной разменной монеты. Весьма важным кажется нам то обстоятельство, что реформа 710 г. покончила с обращением мелких серебряных монет старых выпусков и не ввела на их место какие-либо новые мелкие номиналы. В этой связи особое внимание к медной монете, на мой взгляд, должно было возникнуть неизбежно.

Если такой выпуск был осуществлен, то им может оказаться только тип № 14. Общий стиль монеты, наличие на ней тамги дома Бату, безусловное сходство с датированным 734 г. х. медным типом Узбека, чеканенным в Болгаре,— все говорит за то, что тип № 14 был продукцией болгарского монетного двора. Хотя серебряная пореформенная монета Токты чеканилась только в Сарае, однако болгарское происхождение рассматриваемого типа не противоречит его связи с реформой. Еще во времена Узбека джучидский монетный материал обнаруживает вполне заметное и определенное «разделение труда» между сарайским и болгарским денежными дворами: на первом больше чеканилось серебряной монеты, на втором — медной.

Все эти соображения заставили меня в настоящем выпуске поместить медный тип № 14 среди монет Токты.

Монеты с изображением двуглавого орла. В первых двух выпусках настоящего каталога была предпринята попытка обосновать датировку наиболее часто встречаемого типа медных монет XIV в. (анонимный, без года, чекан Сарая ал-Джедид, с изображением стилизованного двуглавого орла, с обозначением стоимости — см. № 49—50 по каталогу I и II томов) первым десятилетием правления Джанибека I (1343—1352 гг.) [5].

Вопрос о происхождении двуглавого орла на джучидских монетах не раз поднимался различными исследователями. В 1920-х годах он вызвал немало споров, что нашло отражение и в литературе. Б. В. Зайковский [6] и И. Н. Бороздин [7] видели здесь следствие влияния Византии и приурочивали выпуск монет этого типа ко времени правления Узбека (1313—1342 гг.), связывая изображение двуглавого орла с женитьбой Узбека на дочери византийского императора, известной в арабских источниках под именем Байялун-хатуни [8]. Предельной датой чеканки этих монет Б. В. Зайковский считал 1334 г.— «год отъезда царицы Баялунь в Константи-

[3] МИА, № 42, 1954, стр. 427, 428; МИА, № 61, 1958, стр. 402.

[4] МИА, № 42, 1954, стр. 432.

[5] МИА, № 42, 1954, стр. 437—439; МИА, № 61, 1958, стр. 399, 400.

[6] Б. В. Зайковский. Опыт применения монетного материала к изучению краевой исторической географии. Казанский музейный вестник, 1924, № 1, Казань, стр. 52, 53.

[7] И. Н. Бороздин. Об изучении восточных культур СССР. «Новый Восток», 1926, № 6, стр. 333.

[8] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 294, 295, 302, 323, 324, 371, 384, 385, 486, 516.

нополь, откуда, как известно, она уже не вернулась в Орду» [9].

Подобное толкование вызвало решительный отпор со стороны Р. Р. Фасмера [10]. В своей небольшой по объему, но чрезвычайно насыщенной статье Р. Р. Фасмер с достаточной убедительностью показал несостоятельность изложенных выше предположений, которые, видимо, были основаны на незнакомстве с литературой вопроса. Такие исследователи, как Б. Кёне, Г. Нютцель и А. В. Орешников [11], которые специально занимались историей двуглавого орла, определенно высказывались за восточное происхождение этой эмблемы, подтверждая свою точку зрения яркими фактами. На мусульманских монетах изображение двуглавого орла встречается уже в XII в.— начале XIII в. в чекане Зенгидов и Ортукидов [12]. От этих последних эмблему переняли Хулагуиды, о чем свидетельствует изображение на монете 678 г. х. (1279/1280 гг. н. э.) чекана Ирбиля [13].

В византийской сфрагистике двуглавый орел появляется только во второй четверти XIV в. при императоре Андронике III (1325—1343 гг.) [14], а на монетах — лишь во второй половине XIV в. у трапезундских Комненов — Алексея III (1349—1390 гг.) и Мануила III (1390—1417 гг.) [15].

Характерные отличия изображений двуглавого орла в Византии и Золотой Орде наблюдаются в применении этой эмблемы. Если в Византии, как впоследствии на Руси, двуглавый орел стал принадлежностью государственной геральдики, то в Золотой Орде он появляется лишь как одно из многочисленных и разнообразных изображений на медных монетах, которые ни в коей мере не обнаруживают признаков даже отдаленного византийского влияния. Р. Р. Фасмер четко сформулировал эти наблюдения: «...И вообще мне кажется, если уже византийское влияние было так сильно, что византийские печати могли влиять на изображения на джучидских монетах, то следовало бы подавно ожидать и влияния византийских монет на монетное дело Золотой Орды. Между тем никакого сходства между монетами Джучидов и монетами Византии не наблюдается» [16].

Мнение Р. Р. Фасмера о восточном происхождении двуглавого орла на джучидских монетах целиком разделялось Н. П. Лихачевым [17].

Отталкиваясь от несостоятельной общетеоретической посылки, Б. В. Зайковский высказал также ряд соображений по поводу даты рассматриваемых монет, основываясь на их формальном анализе. Эти соображения также следует рассмотреть в настоящей статье.

«По весу, размеру и особенностям шрифта,— писал Б. В. Зайковский,— а также главным образом по тому обстоятельству, что на них показана стоимость, эти монеты могут быть приурочены только к царствованию хана Узбека (1313—1342). Именно на монетах Узбека из 13 видов медных, описанных Френом, на 6 была обозначена ценность, причем, кроме данного типа, на 4-х мы имеем именно дословно ту же надпись: «16 пул-деньга». До Узбека, за исключением редчайших экземпляров Батыя и Берке, битых от имени верховного монгольского хана, медных монет не было; после него никогда уже ценность на медных монетах не проставлялась, и самый тип их заметно уклоняется в сторону упадка монетного дела в Орде» [18].

Действительно, по весу и размеру медные монеты с двуглавым орлом сходны с датированными медными монетами Узбека. И это — единственное справедливое наблю-

---

[9] Б. В. Зайковский. Ук. соч., стр. 53.

[10] Р. Р. Фасмер. О двух золотоордынских монетах. Записки Коллегии востоковедов, т. II, вып. I. Л., 1926, стр. 109—112.

[11] B. Köhne. Vom Doppeladler. Berliner Blätter für Münz-, Siegel- u. Wappenkunde, VI, стр. 1; H. Nützel. Embleme und Wappen auf muhammedanischen Münzen. Festschrift der Numism. Gesellschaft, Berlin, 1893, стр. 3; А. В. Орешников. Древнейшее русское изображение двуглавого орла. Труды Моск. нумизм. об-ва, т. II, вып. 1, 1899, стр. 13, 14.

[12] Stanly Lane-Poole. Catalogue of Oriental coins in the British Museum, v. III, London, 1877, табл. VII, № 346, 351; табл. XI, № 633; Edhem Ghalib. Catalogue des monnaies Turcomanes. Musée impérial ottoman. Constantinople, 1894, табл. I, № 16.

[13] H. Nützel. Ук. соч., стр. 7.

[14] B. Köhne. Ук. соч., стр. 7.

[15] W. Wroth. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards. London, 1911, стр. 301, 305; O. Retowski. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt. Нумизм. сб., т. I, стр. 289, 290; B. Köhne. Ук. соч., стр. 5.

[16] Р. Р. Фасмер. Ук. соч., стр. 112.

[17] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, без места и года издания, стр. 128.

[18] Б. В. Зайковский. Ук. соч., стр. 52.

дение Б. В. Зайковского. Однако оно не решает вопроса категорически, а говорит лишь о сходстве.

Сличение шрифтов, которыми пользовались монетные мастера времени Узбека при изготовлении штемпелей, говорит не «за», а «против» сопоставлений Б. В. Зайковского. Для монет времени Узбека, особенно для медных, характерно употребление куфического стиля написания букв (рис. 1); для монет времени Джанибека, чеканенных в Сарае ал-Джедид, типичен насх; куфи не встречается никогда. На монетах с изображением двуглавого орла надписи выполнены насхом.

Рассмотрение обозначений ценности на монетах Узбека также ничего не решает, так как Б. В. Зайковский пользовался доводом, который сам еще нуждается в обосновании. Безоговорочный вывод о том, что обозначение стоимости на меди присуще исключительно чекану Узбека, можно сделать, лишь доказав принадлежность чекану Узбека нескольких типов медных анонимных монет, самыми распространенными из которых являются, во-первых, монеты с тамгой дома Бату (выше датированные временем Токты), во-вторых,— монеты с двуглавым орлом.

Утверждение о чрезвычайной редкости медных монет с именем Менгу-каана не отражает действительного состояния материала ранней джучидской нумизматики.

Таким образом, вся система доказательств Б. В. Зайковского настолько беспомощна, что не выдерживает простого столкновения с известными нумизматическими материалами.

К статье Б. В. Зайковского приложена краткая сводка монет, собранных им на Царевском городище. Из 262 экземпляров чекану Узбека принадлежат лишь 4 монеты (медь и серебро, Сарай). Больше половины (142 экземпляра) относится к чекану Джанибека. Монет с изображением двуглавого орла здесь обнаружено 56 экземпляров.

Статистика говорит сама за себя. Если монет Узбека найдено лишь 4, а монет Джанибека — 142, то в принадлежности 56 экземпляров с двуглавым орлом сомневаться не приходится — они чеканены при Джанибеке.

Временем Узбека монеты с двуглавым орлом датировал и А. А. Кротков [19], который почти не аргументировал своей точки зрения, однако сообщил об одной важной нумизматической находке, лишний раз показывающей несостоятельность «византийской» концепции Б. В. Зайковского и И. Н. Бороздина: «По величине и весу их можно приурочивать ко времени Узбек-хана и не ранее 737 г. х. (разрядка здесь и ниже моя.— *С. Я.*), так как на одной монете из собрания Саратовского археологического музея, несущей изображение льва и солнца, чекана 737 г., имеется надчеканка в виде двуглавого орла» [20].

Подводя итоги изложенному, я могу назвать следующие основные доводы в пользу датировки монет с изображением двуглавого орла временем Джанибека I (1343—1352 гг.):

1) монет с именем Узбека, чеканенных в Сарае ал-Джедид, не существует;

2) первый монетный тип (серебро) чекана Сарая ал-Джедид датирован 741 г. х. и чеканен от имени Джанибека;

3) медные монеты с изображением двуглавого орла, чеканенные в Сарае ал-Джедид в 743 г. х., без указания номинала, чрезвычайно редки, что позволяет видеть в них памятники начального этапа чеканки монет с двуглавым орлом;

4) находки монет с двуглавым орлом, датированных 751 г. х. [21], определяют возможную конечную дату их чеканки.

* * *

Среди материалов 1957 г. выявилось несколько других интересных типов. Особо следует отметить серебряную монету Шадибека, 807 г. х., чеканенную в Болгаре (№ 144а). До сих пор серебряные монеты, чеканенные в XV в., на Болгарском городище не встречались. Любопытна также лировидная надчеканка (№ 150, VI). По своему начертанию она близка тамге, входившей в основной штемпель некоторых типов серебряных монет Улу-Мухаммеда (см. рис. 2 на стр. 220).

Настоящая публикация — продолжение каталога джучидских монет Куйбышевской экспедиции. Это определило и форму изло-

[19] А. А. Кротков. Два собрания джучидских монет. Труды Нижневолжского общества краеведения, вып. 37, Саратов, 1930, стр. 9 и сл.

[20] А. А. Кротков. Ук. соч., стр. 13.

[21] МИА, № 61, 1958, стр. 400, рис. 3; № 5 и 64а по каталогу настоящей статьи.

жения материала, и необходимость сохранения принятой в первых двух выпусках нумерации типов и вариантов монет. При накоплении новых типов приходится пользоваться литерными номерами.

денных при археологических работах, с указанием их стратиграфических данных;

8) монеты из случайных сборов отдельной описью не даются, они размещены в каталоге с указанием «случайная находка».

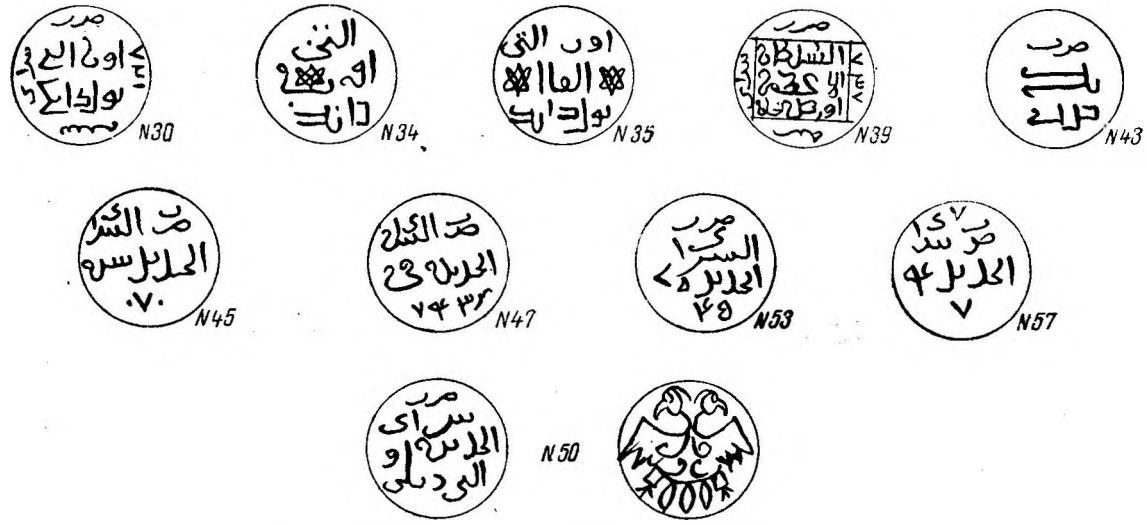


Рис. 1. Образцы шрифтов на монетах Узбека (№ 30, 34, 35, 39 и 43) и Джанибека I (№ 45, 47, 50, 53 и 57).

Для удобства работы с каталогом повторяю некоторые пояснения:

1) прорисовки (восстановление штемпелей) и фототаблицы монет составлены главным образом по аналогичным монетам собрания Государственного Исторического музея, что обусловлено посредственной сохранностью раскопочного материала;

2) в прорисовках воспроизводятся только новые (для коллекции КЭ) типы и варианты;

3) вес медных монет не дается из-за плохой их сохранности, обычной для материала, происходящего из раскопок;

4) в квадратных скобках приводится восстановление стертых или пропущенных букв и слов;

5) при восстановлении штемпелей двумя черточками отмечаются не поддающиеся чтению части легенды;

6) стертые цифры года обозначаются крестиком (×);

7) к статье приложена опись монет, най-

В каталоге и описях употребляются следующие сокращения при ссылках на издание и паспорт монет:

Rec., р., № — Ch. M. Fraehnii Recensio Numorum Muhammedanorum. Petropoli, 1826, стр. №.

Фр., № — Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении, СПб., 1832, №.

Григ., стр., № — В. В. Григорьев. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая. Записки АНО, т. II, СПб., 1850, стр. 1—63. №.

Сав., № — П. С. Савельев. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Труды ВО РАО, т. III, СПб., 1856; ЗАО, т. XII, вып. I, СПб., 1858; №.

Кротков, стр., № — А. А. Кротков. Два собрания джучидских монет. Труды Нижневолжского общества краеведения, вып. 37, Саратов, 1930, стр., №.

КЭ, I, № — С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 424—484, №.

КЭ, II, № — С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, № 61, 1958, стр. 392—423. №.

Б-(год), № — Болгары, год раскопок, № (по приложенным описям).

КАТАЛОГ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

БЕРКЕ-ХАН (1256—1266 гг.)

№ 1

Серебро.
Л. с.: Ан-Насир ад- | дин-аллах, повелитель | правоверных.
О. с.: Динар | чекан Бу | лгара.
1 экземпляр. Вес — 1,52 г (Б-57, № 45). Rec., p. 187, № 1;
Фр., № 19.

№ 2

Медь
Л. с.: см. № 1.
О. с.: Земная жизнь коротка, поэтому сделай ее богоугодной.
15 экземпляров (Б-57, № 12, 17, 32, 39, и 11 экземпляров в случ. нах.). Rec., p. 188, № 2; Фр., № 21.

№ 4

Медь.
Л. с.: Менгу-каан | *тамга Менгу* | верховный.
О. с.: Чекан | *тамга Менгу* | Булгара.
5 экземпляров (Б-57, случ. нах.). Rec., p. 191, № 1; Фр., № 3.

ТОКТА-ХАН (1290—1313 гг.)

№ 10 а

Медь
Л. с.: *Тамга дома Бату в треугольнике.*
О. с.: В добрый | час | новый пул (*Монгольское изречение, переданное арабским шрифтом*).
14 экземпляров (Б-57, № 50, и 13 экземпляров в случ. нах.). Фр., № 381.

№ 10 б

Серебро.
Л. с.: Султан | верховный Гийяс (*так!— без «ад-дин».— С. Я.*) Токтогу (*уйгурским шрифтом*) | правосудный, да продлится жизнь его.

О. с.: Нет бога, кроме | Аллаха, Мухаммед посланник | бога; чекан | Укяка.
1 экземпляр. Вес — 1,29 г (Б-57, случ. нах.). Сав., № 507.
Аналогичная монета, датированная 707 г. х., описана П. С. Савельевым под № 506.

№ 10

Серебро.
Л. с.: Султан верховный | Гийяс ад-дин | Токтогу (*уйгурским шрифтом*) | справедливый.
О. с.: Чекан Сарая | ал-Махруса | год 710 (= *1310/1311*).
2 экземпляра. Вес — 1,23 и 1,07 г (Б-57, № 6 и случ. нах.) Фр., № 28

АНОНИМНЫЕ МОНЕТЫ, ЧЕКАНЕННЫЕ МЕЖДУ 1280 и 1310 гг.

№ 12

Медь.
Л. с.: Булгара | чекан.
О. с.: *Орнамент в виде квадрифолийной решетки.*
6 экземпляров (Б-57, случ. нах.). Фр., № 374.

№ 13

Серебро.
Л. с.: *Тамга дома Бату в прямоугольной рамке.*

---

[22] См. также № 14 в МИА, № 42, 1954, стр. 432, и в МИА, № 61, 1958, стр. 403.

О. с.: Султан | законный.

2 экземпляра. Вес — 1,05 и 0,96 г (Б-57, № 23, 44). Фр., № 375.

№ 13а

Серебро.

Л. с.: *Тамга дома Бату в линейной и точечной окружностях.*

О. с.: см. № 13.

1 экземпляр. Вес — 1,31 г (Б-57, случ. нах.)

№ 13б

Серебро.

Л. с.: *Тамга дома Бату в рамке из линейной окружности и ломаных линий.*

О. с.: (?) الدولة و الاقبال, *т. е. господство и успех (?)*

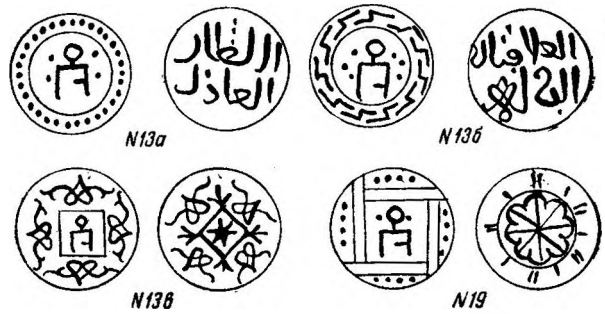
1 экземпляр. Вес — 1,35 г (Б-57, случ. нах.)

№ 13в

Серебро.

Л. с.: *Тамга дома Бату в прямоугольной рамке, по сторонам которой размещены виньетки.*

О. с.: *Орнамент с виньетками.*



1 экземпляр. Вес — 1,24 г (Б-57, случ. нах.)

№ 19

Серебро.

Л. с.: *Тамга дома Бату в двойной прямоугольной рамке.*

О. с.: *Геометрический орнамент.*

1 экземпляр. Вес — 1,35 г (Б-57, случ. нах.).

УЗБЕК-ХАН
(1313—1339 гг.)

№ 30

Медь. 16 пул-данги.

Л. с.: *В центре:* Шестнадцать | пул-данги; *вокруг:* чекан | Сарая | год | 721 (= *1321*).

О. с.: *Пятиконечная звезда.*

1 экземпляр (Б-57, случ. нах.). Фр., № 67.

№ 37

Медь. Пул.

Л. с.: *В центре пятиугольной звезды — тамга дома Бату; между лучами звезды:* год | виньетка |7|3|4 (= *1333/1334*).

О. с.: Пула | Булгара.

3 экземпляра (Б-57, № 34 и 2 экземпляра в случ. нах.). Фр., № 53.

№ 38 или 38а

Серебро.

Л. с.: *В квадратной рамке:* Султан | верховный | Узбек-хан; *по сторонам квадрата:* чекан | Сарая | год | 734 (= *1333/1334*).

О. с.: Нет бога, кроме | Аллаха, Мухаммед | посланник бога; *вокруг имена четырех первых халифов:* Абу-Бекр, Омар, Осман, Али.

1 экземпляр. Вес — 1,04 г (Б-57, случ. нах.). Фр., № 51.

№ 40

Медь.

Л. с.: *К квадрате, разделенном пополам:* Повеление | высочайшее; *по сторонам квадрата:* чекан | Сарая | год | 737 (= *1336/1337*).

О. с.: *Лев, идущий вправо; за его спиной восходящее солнце (т. е. знак зодиака — солнце в созвездии Льва).*

22 экземпляра (Б-57, № 14, 15, 21, 31, и 18 экземпляров в случ. нах.) и 1 экземпляр с надчеканкой «победа» (КЭ, № 147) (Б-57, случ. нах.). Фр., № 56.

№ 33 или 44

Серебро.

Л. с.: Султан верховный | *виньетка* — Сарай — *виньетка* | Мухаммед Узбек хан | XXX (*т. е. год сбит*).

О. с.: Аллах | нет бога, кроме | Мухаммед | посланник бога; *над второй строкой одна виньетка, над третьей и четвертой— по две; вокруг:* да благословит | Аллах | его | и спасет.

1 экземпляр. Вес — 1,37 г (Б-57, случ. нах.). Rec., p. 213, № 24 и p. 221, № 43.

ДЖАНИБЕК-ХАН
(1339—1357 гг.)

№ 47

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Джанибек (*уйгурским шрифтом*) | Джелал ад-дин Махмуд | султан.
О. с.: Чекан ас-Сарая | ал-Джедид в | году 743 (= *1342/1343*).
1 экземпляр. Вес — 1,28 г (Б-57, случ. нах.). Фр., № 73.

№ 49—50

Медь. 16 данг.
Л. с.: Чекан | Сарая | ал-Джедид 10 | 6 данг.
О. с.: *Изображение стилизованного двуглавого орла.*
47 экземпляров. (Б-57, № 7, 11, 29, 43, и 43 экземпляра в случ. нах.). Фр., № 387; Кротков, стр. 13, № 6.

№ 53

Серебро.
Л. с.: Султан верховный | Джелал ад-дин Махмуд | Джанибек хан | султан.
О. с.: Чекан | ас-Сарая | ал-Джедид | 45; *слева — 7* (= *1344/1345*).
1 экземпляр. Вес — 1,47 г (Б-57, случ. нах.).

№ 54

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Джанибек хан.
О. с.: 6 | чекан Сарая | ал-Джедид 4 | 7 (= *1345/1346*).
1 экземпляр. Вес — 0,78 г, обрезан (Б-57, случ. нах.). Rec., p. 231, № 15.

№ 57

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Джанибек хан; *над второй строкой три виньетки.*
О. с.: 7 | чекан Сарая | ал-Джедид 4 | 7 (= *1346/1347*).
3 экземпляра. Вес — 1,53 г, 1,48 г, 0,62 г — обрезан (Б-57, случ. нах.). Фр., № 79.

№ 58

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Джанибек хан; *над второй строкой четыре виньетки.*
О. с.: 8 | чекан Сарая | ал-Джедид 4 | 7 (= *1347/1348*).
1 экземпляр. Вес — 0,44 г, обломан (Б-57, № 47). Rec., p. 234, № 24.

№ 58а

Серебро.
Л. с.: см. № 58.
О. с.: см. № 58, но цифры года размещены иначе.
1 экземпляр. Вес — 1,25 г, поврежден (Б-57, случ. нах.).

№ 59

Серебро.
Л. с.: Султан | Махмуд Джани | бек хан.
О. с.: Чекан Сарая | — *виньетка* — | ал-Махруса | 749 (= *1348/1349*).
1 экземпляр. Вес — 1,35 г (Б-57, случ. нах.). Фр., № 85.

№ 64б

Медь.
Л. с.: Чекан | 1 | 50 | 7 | 100, *т. е. 751 г. х.* (= *1350/1351*).
О. с.: *Изображение двуглавого орла (ср. № 49—50, но более реалистичное).*

N 64 б

1 экземпляр, плохой сохранности (Б-57, случ. нах.). КЭ, II, стр. 400, рис. 3, № 5.

№ 65

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Джанибек хан.
О. с.: *Куфическим шрифтом:* Чекан | Гюлистана | год — виньетка | 752 (= *1351/1352*).
1 экземпляр. Вес — 0,50 г, обрезан (Б-57, случ. нах.). Фр., № 91.

№ 67

Медь.
Л. с.: Чекан | Сарая | ал-Джедид | 752 (= *1351/1352*).
О. с.: *Орнамент в виде распустившегося цветка.*
2 экземпляра (Б-57, случ. нах.) и 1 экземпляр с надчеканкой «победа» (КЭ, № 147) (Б-57, случ. нах.). Фр., № 97.

БЕРДИБЕК-ХАН
(1357—1360 гг.)

№ 75

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Бердибек хан | да продлится правление его.
О. с.: *В двойной рамке из шести скобочек:* Чекан | города Гюлистана | в году 759 (= *1357/1358*) — *виньетка.*
2 экземпляра. Вес — 0,52 г, обрезан; 1,45 г (Б-57, № 22 и случ. нах.). Фр., № 111.

№ 77

Серебро.
Л. с.: см. № 75.
О. с.: Чеканен в | городе Гюлистане | 760 | год (= *1358/1359*).
1 экземпляр. Вес — 0,98 г, обрезан (Б-57, № 10). Фр., № 114.

КУЛЬНА-ХАН
(1359—1360 гг.)

№ 79

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Кульна хан | да продлится правление его.
О. с.: Чеканен в | городе Гюлистане | 760 | год (= *1358/1359*).
1 экземпляр. Вес — 1,52 г (Б-57, случ. нах.). Фр., № 117.

ХЫЗР-ХАН
(1359—1361 гг.)

№ 84

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Хызр хан | да продлится правление его.
О. с.: Чеканен в | городе Гюлистане | 761 | год (= *1359/1360*).
1 экземпляр. Вес — 1,32 г (Б-57, случ. нах.). Фр., № 126.

№ 85

Серебро.
Л. с.: см. № 84.
О. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 761 (= *1359/1360*).
1 экземпляр. Вес — 1,49 г (Б-57, № 49). Rec., p. 266, № 4.

№ 88 или 88а и 88б

Медь.
Л. с.: Султан справедливый | Хызр хан | да продлится правление его; *вторая строка заключена в рамку.*
О. с.: Чеканен в | Гюлистане | 762 (= *1360/1361*).
21 экземпляр (Б-57, № 1, 3, 30, и 18 экземпляров в случ. нах.). Кроме того, 1 экземпляр с надчеканкой «хан» (Б-57, № 28) (КЭ, № 146). Фр. № 133, 135, 136.

№ 89

Серебро.
Л. с.: см. № 88.
О. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 762 (= *1360/1361*).
1 экземпляр. Вес — 1,45 г (Б-57, случ. нах.). Фр., № 128.

№ 90

Медь.
Л. с.: см. № 88.
О. с.: см. № 89.
24 экземпляра (Б-57, № 2, 5, 35, 41, и 20 экземпляров в случ. нах.). Кроме того, 1 экземпляр с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, случ. нах.) (КЭ, № 150, II). Фр., № 129.

КИЛЬДИБЕК-ХАН
(1361—1362 гг.)

№ 93

Медь.
Л. с.: Султан | Кильдибек | да продлится правление его | *звездочка.*
О. с.: *В квадратной рамке:* В чекан | Азака | 763 (= *1361/1362*).
1 экземпляр (Б-57, случ. нах.). Фр., № 146.

АБДУЛЛАХ-ХАН
(1362—1369 гг.)

№ 99

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Абдуллах *(имя хана дано сокращенно — Абдлах)* хан | да продлится правление его.
О. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 764 (= *1362/1363*).
1 экземпляр. Вес — 1,03 г, обрезан (Б-57, № 18). Григ., стр. 32, № 123.

АНОНИМНЫЙ ЧЕКАН МЕЖДУ 1359 и 1380 гг.

№ 110

Медь.
Л. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 760 | год (= *1359*).
О. с.: *Орнамент в виде распустившегося цветка.*
2 экземпляра (Б-57, случ. нах.).

№ 111

Медь.
Л. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 761 (= *1359/1360*).
О. с.: см. № 110.
1 экземпляр (Б-57, случ. нах.). Фр., № 163.

№ 67 или 110

Медь.
Л. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 7XX | год.
О. с.: см. № 67 и 110.
1 экземпляр (Б-57, случ. нах.).

ТОКТАМЫШ-ХАН (1377—1396 гг.)

№ 119а

Серебро.
Л. с.: Султан справедливый | Джелал ад-дин Махмуд | Токтамыш хан | да продлится правление его.

О. с.: Чекан | ал-Орду ал-Джедид | год пятый | восемьдесят | семьсот (= *1383/1384*).
1 экземпляр. Вес — 1,19 г, поврежден. (Б-57, случ. нах.). Rec., p. 312, № 28; Фр., № 196; Сав., № 202.

АНОНИМНЫЙ ЧЕКАН ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ТОКТАМЫША

№ 115а

Медь.
Л. с.: Чекан | ас-Сарая | ал-Джедид | 776 (= *1374/1375*).
О. с.: *Птица (дракон?), летящая вправо.*
2 экземпляра с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, № 27, 38) (КЭ, № 150, I и 150, IV).

№ 122

Медь.
Л. с.: *Куфическим шрифтом:* Чекан | Сарая | 787 (= *1385/1386*).
О. с.: *Топор.*
2 экземпляра с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, № 37 и случ. нах.) (КЭ, № 150, V). Фр., № 206.

№ 123

Медь.
Л. с.: Чекан | ас-Сарая | 795 (= *1392/1393*).
О. с.: *Цветочный орнамент.*
1 экземпляр с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, № 26) (КЭ, № 150, IV). Кротков, стр. 31, № 94.

№ 124

Медь.
Л. с.: Чекан | ас-Сарая | 795 (=*1392/1393*).
О. с.: *Орнамент из пяти двойных перекрещивающихся дуг.*
1 экземпляр с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, № 8) (КЭ, № 150, IV). Rec., p. 408, № 30.

№ 124а

Медь.
Л. с.: Чеканен | в ас-Сарае | 790 (*или 795*).
О. с.: *Петух (павлин?) вправо.*

1 экземпляр с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, случ. нах.) (КЭ, № 150, I).

№ 124в

Медь.
Л. с.: Чекан Сарая | ал-Джедид | 791 (= *1388/1389*).
О. с.: *Геометрический орнамент, с виньетками.*
2 экземпляра с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, случ. нах.) (КЭ, № 150, I и II). Кротков, стр. 29, № 84.

№ 129

Медь.
Л. с.: *Куфическим шрифтом:* Чекан | Сарая.
О. с.: *Кувшин с чаркой (знак зодиака — водолей?).*
1 экземпляр (Б-57, № 36). Фр., № 385.

№ 140

Медь.
Л. с.: Повеление | высочайшее.
О. с.: *Птица, обращенная влево, с распущенным крылом.*
1 экземпляр (Б-57, № 9). Фр., № 58.

№ 142б

Медь.
Л. с.: В добрый час | новый пул.
О. с.: *Птица, вправо, с повернутой назад головой.*
2 экземпляра (Б-57, № 13 и случ. нах.).

N 142б

АЛИ (начало XV в.)

№ 144

Медь.
Л. с.: Али.
О. с.: Чекан | Сарая (?).
3 экземпляра (Б-57, № 46 и 2 экземпляра в случ. нах.). Фр., № 404.

ШАДИБЕК-ХАН
(1399—1408 гг.)

№ 144а

Серебро.
Л. с.: Султан | верховный Шади | бек хан.
О. с.: Да продлит Аллах | правление его, чекан | Булгара 807 (= *1404/1405*).

N 144а

1 экземпляр. Вес — 0,67 г (Б-57, № 33). Rec., p. 364, № 10.

№ 144б

Медь.
Л. с.: Неразборчивая надпись, из которой, кажется, читается слово ملك — правление. В таком же начертании это слово встречается на серебряных монетах Шадибека.
О. с.: Грубое изображение льва (?) вправо, с солнцем (?).
1 экземпляр с надчеканкой лировидной тамги (Б-57, случ. нах.) (КЭ, № 150, II). К монетам Шадибека относится условно, по формальному признаку.

НАДЧЕКАНКИ
НА ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТАХ

№ 146

Надчеканка «хан».
На трех медных монетах:
1. Хызр, чекан Гюлистана, [762 г. х.] (КЭ, 88), (Б-57, № 28).
2—3. На двух сбитых медных монетах (Б-57, № 19, 20).

№ 147

Надчеканка «победа».
На двух медных монетах:
1. Анонимная, чекан Сарая, [737 г. х.] (Б-57, случ. нах.). (КЭ, № 40).
2. Анонимная, чекан Сарая ал-Джедид, [752 г. х.] (Б-57, случ. нах.), (КЭ, № 67).

№ 148а

Две надчеканки на разных сторонах монеты — «хан» и «законный».
На серебряной монете Узбека, чекан Сарая, год утрачен. Вес — 0,48 г (Б-57, № 42).

№ 150

Лировидная тамга (рис. 2).

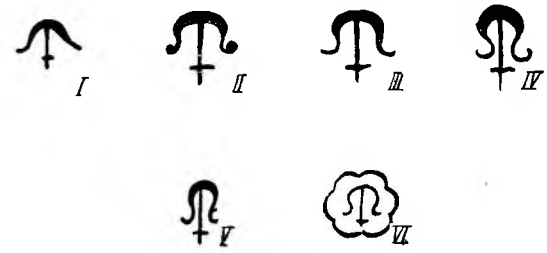


Рис. 2. Варианты лировидной надчеканки (*I—VI*).

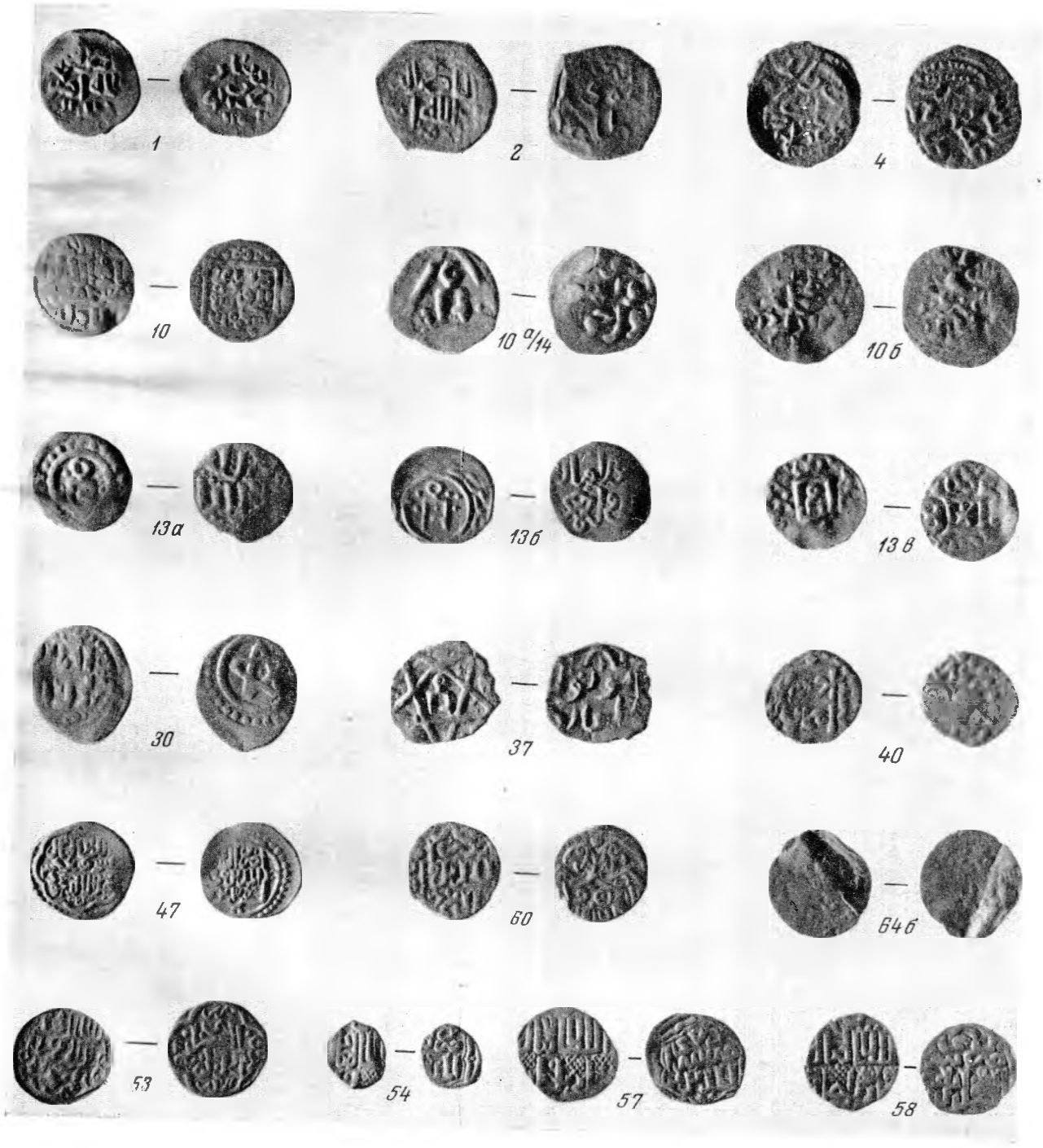


Таблица I. Джучидские монеты.

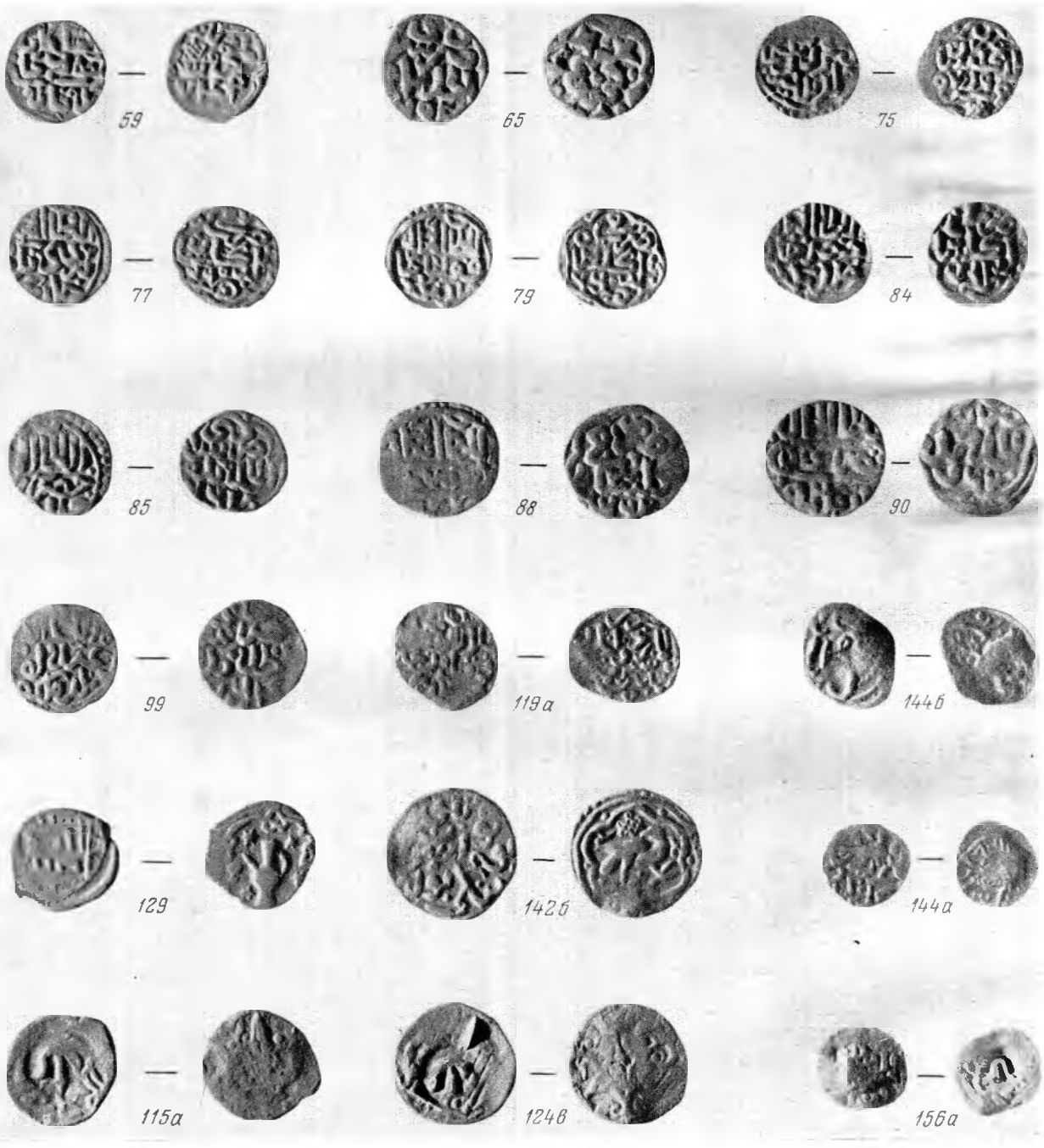


Таблица 2. Джучидские монеты.

На 12 медных монетах. По начертанию тамги к четырем последовательным вариантам (см. КЭ, II, стр. 413, рис. 4, *I—IV*) в 1957 г. прибавилось еще два варианта (V—VI).

I. На четырех медных монетах:

а) Анонимная, чекан Сарая ал-Джедид, [776 г. х.] (Б-57, № 27), (КЭ, № 115а).

б) Анонимная, чекан Сарая ал-Джедид, 791 г. х. (Б-57, случ. нах.), (КЭ, № 124в).

в) Анонимная, чекан ас-Сарая, 795 г. х. (Б-57, случ. нах.), (КЭ, № 124)

г) Сбитая монета первой четверти XV в. (КЭ, № 144б).

II. На двух медных монетах:

а) Хызр, чекан Сарая ал-Джедид, 762 г. х. (Б-57, случ. нах.), (КЭ, № 90).

б) Анонимная, Сарай ал-Джедид, 791 г. х. (Б-57, случ. нах.), (КЭ, № 124в).

IV. На трех медных монетах:

а) Анонимная, чекан ас-Сарая ал-Джедид, [776 г. х.] (Б-57, № 38), (КЭ, № 115а).

б) Анонимная, чекан ас-Сарая [787 г. х.] (Б-57, № 26), (КЭ, № 123).

в) Анонимная, чекан ас-Сарая, 795 г. х. (Б-57, № 8), (КЭ, № 124).

V. На двух медных монетах одного типа.
Анонимная, чекан Сарая, 787 г. х. (Б-57, № 37 и случ. нах.), (КЭ, № 122).

VI. На одной медной монете, анэпиграфной (Б-57, случ. нах.), (КЭ, № 140).

№ 153

Надчеканка джучидской тамги 30-х годов XV в.: Д

На двух серебряных монетах:

1. Узбек, чекан Сарая, год обрезан. Вес — 0,83 г (Б-57, случ. нах.).
2. Подражание дирхему Джанибека, чеканенному в Сарае ал-Джедид в 746—748 гг. х. Вес — 0,75 г. (Б-57, № 40).

№ 156а

Две надчеканки на разных сторонах монеты: Д

На серебряном подражании дирхему Джанибека чекана Сарая ал-Джедид, 743 г. х. Вес — 0,63 г. (Б-57, № 25).

Приложение

Раскопки 1957 г. Коллекция ГИМ, инв. № 95863

№ пп.	Место находки (раскоп, участок, штык)	№ по экспедиционной описи	Имя правителя	Место чекана	Год чекана		Металл	Количество	№ по каталогу КЭ	Примечания
					хиджра	н. э.				
1	Р. I, 1/1	4465	Хызр	Гюлистан	762	1360/1361	Медь	1	88	—
2	Р. I, 33/1	2101	»	Сарай ал-Джедид	То же	То же	»	1	90	—
3	Р. I, 13/2	954	»	Гюлистан	» »	» »	»	1	88	—
4	Р. I, 14/2	957	Екатерина II	СПб.	Полушка 1780 г.		»	1	—	—
5	Р. I, 21/2	2721	Хызр	Сарай ал-Джедид	(762)	1360/1361	»	1	90	—
6	Р. I, 44, землянка 7/2, пятно у ю-з ст.	4427	Токта	Сарай ал-Махруса	710	1310/1311	Серебро	1	10	—
7	Р. I, 47/2	4680	Анонимный	Сарай ал-Джедид	Без года чекана		Медь	1	49—50	С двуглавым орлом, 1343—1352 гг.
8	Р. I, 48, яма 23/2	4437	»	ас-Сарай	795	1392/1393	»	1	124,150, IV	С надчеканкой Ⲗ 1-я четв. XV в.
9	Р. I, 1/3	2722	»	Без места и года чекана			»	1	140	Тип. конца XIV в.
10	Р. I, 14/3	955	Бердибек	Гюлистан	760	1358/1359	Серебро	1	77	Обрезан под вес, 1-я четв. XV в.
11	Р. I, 21/3	322	Анонимный	Сарай-ал-Джедид	Без года чекана		Медь	1	49—50	С двуглавым орлом, 1343—1352 гг.
12	Р. I, 9/4	12107	С именем ан-Насира	Без места и года чекана			»	1	2	Чекан Берке в Булгаре между 1256—1259 гг.
13	Р. I, 9/5	1648	Анонимный	Без места и года чекана			»	1	142б	Тип времени Токтамыша, кон. XIV в.
14—15	Р. I, 14/5	1995—1996	»	(Сарай)	(737)	1336/1337	»	2	40	—
16	Р. I, 18/5	929		Сбитая монета			»	1	—	—
17	Р. I, 24/5	2724	С именем ан-Насира	Без места и года чекана			»	1	2	Чекан Берке в Булгаре, 1256—1259 гг.
18	Р. I, 44/5, здание I	3625	Абдуллах	Сарай ал-Джедид	764	1362/1363	Серебро	1	99	Обрезан под вес, нач. XV в.
19—20	Р. I, 18/6	801		Сбитые монеты			Медь	2	146	Не разъединены; 1 экз.— с надчеканкой ☭ 1360—1370 гг.
21	Р. I, 34/6	4427	Анонимный	(Сарай)	(737)	1336/1337	»	1	40	—
22	Р. I, 15/7, здание I	1660	Бердибек	Гюлистан	759	1358	Серебро	1	75	Обрезан под вес, 1-я четв. XV в.
23	Р. I, 36/7	4448	Анонимный с тамгой дома Бату	Без места и года чекана			»	1	13	Около 1280—1300 гг.
24	Р. I, 36/7	4449	Джанибек	Сарай ал-Джедид	743	1342/1343	»	1	47	—
25	Р. I, 44/7	4459		Подражание дирхему Джанибека из Сарая ал-Джедид 743 г. х.			»	1	155,156а	С двумя надчеканками нач. XV в.: первичная ⊠ вторая — Ⲗ.

Продолжение приложения

№ пп.	Место находки (раскоп, участок, штык)	№ по экспедиционной описи	Имя правителя	Место чекана	Год чекана		Металл	Количество	№ по каталогу КЭ	Примечание
					хиджра	н. э.				
26	Р. I, 15/8, здание 1	2614	Анонимный	ас-Сарай	(787)	1385/1386	Медь	1	123, 150, IV	С надчеканкой ♏, 1-я четв. XV в.
27	Р. I, 15/8, здание 1	2615	»	ас-Сарай ал-Джедид	(776)	1374/1375	»	1	115а, 150, I	То же
28	Р. I, 21/8	2151	Хызр	Гюлистан	(762)	1360/1361	»	1	146, 88	С надчеканкой ♑—1360—1370 гг.
29	Р. I, 44/8	4458	Анонимный	(Сарай)? ал-Джедид	Без года чекана		Медь	1	49—50	1343—1352 гг.
30	Р. I, 6/9	12082	Хызр	Гюлистан	(762)	1360/1361	»	1	88	—
31	Р. I, 45/9	3398	Анонимный	(Сарай)	737	1336/1337	»	1	40	—
32	Р. I, дом 5, подполье	11598	(С именем ан-Насира)	Без места и года чекана			»	1	2	Чекан Берке в Булгаре, 1256—1259 гг.
33	Р. I, уч. 25—24, 39—38, яма 36	4457	Шадибек	(Булгар)	(807)	1404/1405	Серебро	1	144а	Поврежден
34	Пол «Черной Палаты»	2908	Анонимный с тамгой дома Бату	Булгар	(734)	1333/1334	Медь	1	37	—
35	Р. II, 1—4/11, яма 2.	1917	Хызр	Сарай ал-Джедид	(762)	1360/1361	»	1	90	—
36	Р. II, отвал	2905	Анонимный	Сарай	Без года чекана		»	1	129	1370—1390 гг.
37	Р. III, 48/3	6882	»	(Сарай)	787	1385/1386	»	1	122 150, V	С надчеканкой ♏, 1-я четв. XV в.
38	Р. III, 62/3	4487	»	ас-Сарай ал-Джедид	[776]	1374/1375	»	1	115а, 150, IV	То же
39	Р. III, 18/4	4489	С именем ан-Насира	Без места и года чекана			»	1	2	Чекан Берке в Булгаре, 1256—1259 гг.
40	Р. IV, 16/2	4430	Подражание дирхему Джанибека из Сарая ал-Джедид 746—748 гг. х.				Серебро	1	153, 156	С надчеканкой ♐, нач. XV в.
41	Р. IV, 1/3	4431	Хызр	Сарай ал-Джедид	762	1360/1361	Медь	1	90	—
42	Р. IV, 8/3	11201	Узбек	(Сарай)?	Год утрачен		Серебро	1	148а	Обломок; с 2 надчеканками ♑ и ♒ 1360—1370 гг.
43	Р. IV 5, яма 18	12079	Анонимный	ас-Сарай ал-Джедид	Без года чекана		Медь	1	49—50	С двуглавым орлом, 1343—1352 гг.
44	Р. IV. 7/дом 3	4450	Анонимный, с тамгой дома Бату	Без места и года чекана			Серебро	1	13	1280—1300 гг.
45	Р. IV, дом 3	12068	С именем ан-Насира	Булгар	Без года чекана		»	1	1	Чекан Берке 1256—1259 гг.
46	Р. IV, дом 3	12067	Али	Сарай	Без года чекана		Медь	1	144	Кон. XIV в.
47	Р. IV, дом 3, стенка	12101	Джанибек	Сарай ал-Джедид	(7)48	1347/1348	Серебро	1	58	Обломан
48	Р. V, 15/1	12357	»	Гюлистан	752	1351/1352	»	1	65	Обрезан под вес, нач. XV в.
49	Р. V, 19/3	12356	Хызр	Сарай ал-Джедид	761	1359/1360	»	1	85	—
50	Р. V, 18/5	12358	Анонимный, с тамгой дома Бату	Без места и года чекана			Медь	1	149	Чекан Токты (?)

С. А. Янина

КУФИЧЕСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (1957 год)

В 1957 г. К. А. Смирнов передал в Государственный Исторический музей несколько куфических дирхемов начала X в., которые занесены в главную инвентарную книгу музея под № 95723. Эти монеты были найдены на территории городища Великие Болгары учителем с. Болгары В. М. Королевым.

Из 8 монет семь принадлежат чекану Саманидов и одна — подражание дирхему Исмаила ибн-Ахмеда; 6 монет чеканены от имени эмира Исмаила ибн-Ахмеда в Самарканде (3 экземпляра; 290, 292 и 293 гг. х.), в аш-Шаше (2 экземпляра; 293 и 294 гг. х.) и в Нисабуре (1 экземпляр; 294 г. х.). Чекану Ахмеда ибн-Исмаила принадлежит 1 монета из аш-Шаша, 297 или 299 г. х.

Новая находка саманидских монет на Болгарском городище представляет несомненный интерес для характеристики экономического состояния и торговых связей волжских болгар X в. Поэтому, несмотря на то, что в формально-нумизматическом отношении эти монеты не содержат особо интересных сведений, их публикация необходима.

САМАНИДЫ

Исмаил ибн Ахмед
(279—295 гг. х. = 892—907 гг.)

1. Самарканд, 290 г. х. (= *902/903*).

Л. с., В поле: لا اله الا الله وحده لا شريك له/المسرو

Внешняя круговая легенда: لله الامر الخ

Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدرهم بسمرقند سنة تسعين و مائتين

О. с.: В поле, в двойной окружности: لله / محمد / رسول الله / المكتفى بالله / اسمعيل بن احمد

Круговая легенда: محمد رسول الله الخ

Тиз., стр. 101, № 2[1]. Диаметр — 27 мм, вес — 2,88 г; разломан пополам. ↘

Над символом лицевой стороны помещено слово المسرو, в котором В. Г. Тизенгаузен видел название восточной провинции Халифата — المشرق (Восток). Под термином المشرق восточные писатели подразумевали все мусульманские земли, лежавшие между Каспийским морем и Персидским заливом (с севера на юг) и между Хамаданом и Тибетом (с запада на восток) [2].

2. Самарканд, 292 г. х. (= 904/905).

Л. с. и о. с.: см. № 1, но внутренняя круговая легенда л. с.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بسمرقند سنة اثنتين و تسعين ومائتين

Тиз., стр. 106, № 1. Диаметр — 28 мм, вес — 2,93 г. ↓

3. Самарканд, 293 г. х. (= *905/906*).

[1] Здесь и ниже сокращение «Тиз., стр., №» означает: В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ЗАО, т. VI, СПб., 1855, стр. 1—237.

[2] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 101, 102.

Таблица 1. Куфические монеты.

Л. с. и о. с.: см. № 1, но внутренняя круговая легенда л. с.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بسمرقند سنة ثلث و تسعين و ماتين

Тиз., стр. 110, № 1. Диаметр — 26,5 мм, вес — 2,77 г. ↙

4. Аш-Шаш, 293 г. х. (= 905/906).

Л. с. и о. с.: см. № 1, но внутренняя круговая легенда л. с.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة ثلث و تسعين و ماتين

и о. с. в одной окружности.

Тиз., стр. 110, № 2 (имя халифа выбито так — المكتفي بالله). Диаметр — 26,5 мм, вес — 2,58 г. ↖

5. Нисабур, 294 г. х. (= *906/907*).

Л. с. и о. с.: см. № 1, но внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب اربع وتسعين وماتين هذا الدرهم بنيسابور سنة

Тиз., стр. 116, № 1 (имя халифа выбито так же, как на дирхеме № 4). Диаметр — 26 мм, вес — 3,08 г. ↙ Надрезан.

6. Аш-Шаш, 294 г. х. (= *906/907*).

Л. с. и о. с.: см. № 1, но внутренняя круговая легенда л. с.: بسم الله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة اربع و تسعين ومايتين

и поле о. с. в одной окружности.

Тиз., стр. 114, № 1 (числительное 200 выбито так: مايتين Диаметр — 29 мм, вес — 2,86 г. ↗

Ахмед ибн-Исмаил

(295—301 гг. х. = *907—914 гг.*)

7. Аш-Шаш, [2]97 или [2]99 гг.х. (=*909/910* или *911/912*).

Л. с.: см. № 1, но внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب / الدرهم بالشاش سنة هذا سبع وتسعين وماتين

Десятки года восстановлены по штемпелю экземпляра ГИМ.

О. с.: В поле, в окружности: /محمد/ الله ==ال/==رسد

Тиз., стр. 177, № 1—3 (вариант установить не удалось из-за утраченной верхней части монеты). Диаметр — 29 мм, вес — 2,60 г; часть монеты утрачена. ↖

ПОДРАЖАНИЕ МОНЕТАМ САМАНИДОВ

8. Подражание дирхему Исмаила ибн-Ахмеда.

Л. с.: В поле, в окружности — грубое воспроизведение первой части суннитского символа с виньеткой под ним ⊂◇⊃ Круговая легенда — одна, вместо полагающихся двух; видимо, грубо подражает внешней круговой легенде саманидских монет.

О. с.: В поле, в окружности — вторая часть символа, имя халифа ал-Мутадыда (ум. в 902 г.) и эмира Исмаила ибн-Ахмеда. Круговая легенда искажена. Диаметр — 29 мм, вес — 1,49 г. ↖

Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков

ИМЕНЬКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Городище расположено в 1 км к северо-западу от с. Именьково Лаишевского района Татарской АССР в излучине левого берега р. Брысы, на небольшой узкой стрелке надлуговой террасы, возвышающейся над уровнем поймы на 6—7 м (рис. 1). Площадка городища вытянута с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Длина площадки — 100 м, ширина — 25—30 м, общая площадь — около 2700 кв. м.

С северной, восточной и западной сторон площадка городища обрывается в пойму р. Брысы; с южной напольной стороны городище защищено рвом глубиной 5,5 м, шириной до 25 м и валом высотой 6 м при ширине основания до 30 м.

Городище было известно давно, однако культурная принадлежность и время существования его оставались невыясненными [1]. Исследовавший городище в 1870—1871 гг. А. Стоянов [2] называл его курганом, под которым понимался вал городища. Под названием «Именьковский курган» городище известно в настоящее время и у местного населения.

В 1948 г. здесь проводила разведочные работы археологическая экспедиция Казанского филиала Академии наук СССР, установившая предварительную датировку городища и определившая его культуру [3].

В связи с тем, что площадь городища должна была затопляться водами Куйбышевского водохранилища, в 1953 и 1954 гг. 5-м отрядом Куйбышевской археологической экспедиции были проведены раскопки городища. За 2 года работ вскрыта площадь в 1552 кв. м (рис. 1). Исследован вал городища при помощи траншеи шириной 6 м, длиной 18 м, общей площадью 108 кв. м, при глубине свыше 6 м.

Раскопки велись по участкам; при одном слое их разрабатывали снятием пласта толщиной 0,2 м, а при двух — раскапывали послойно. Нумерация участков шла по координатной схеме, с обозначением арабскими цифрами с севера на юг и буквами русского алфавита с запада на восток. Для фиксации профилей культурных напластований оставляли контрольные бровки через каждые 3 участка. При определении дневного уровня многочисленных ям особое внимание обращали на выявление выкидов из них. Находки из культурных слоев фиксировали в коллекционных описях под шифром КФАН-10 [4]. Анализ костного материала выполнен в Институте зоологии Академии наук СССР В. А. Поповым и Т. М. Кулаевой [5].

---

[1] С. Мельников. От Чистополя до с. Богородского. Казанские губернские ведомости, 1862, № 36.

[2] А. Стоянов. Отчет о раскопках древних могил и курганов Казанской губернии. Приложение к протоколам ОЕ КГУ, 1870—1871 гг.

[3] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды Казанского филиала АН СССР, 1954, стр. 44—53.

[4] Все коллекции по Именьковскому городищу хранятся в Государственном музее Тат. АССР.

[5] Будет опубликован в статье В. А. Попова.

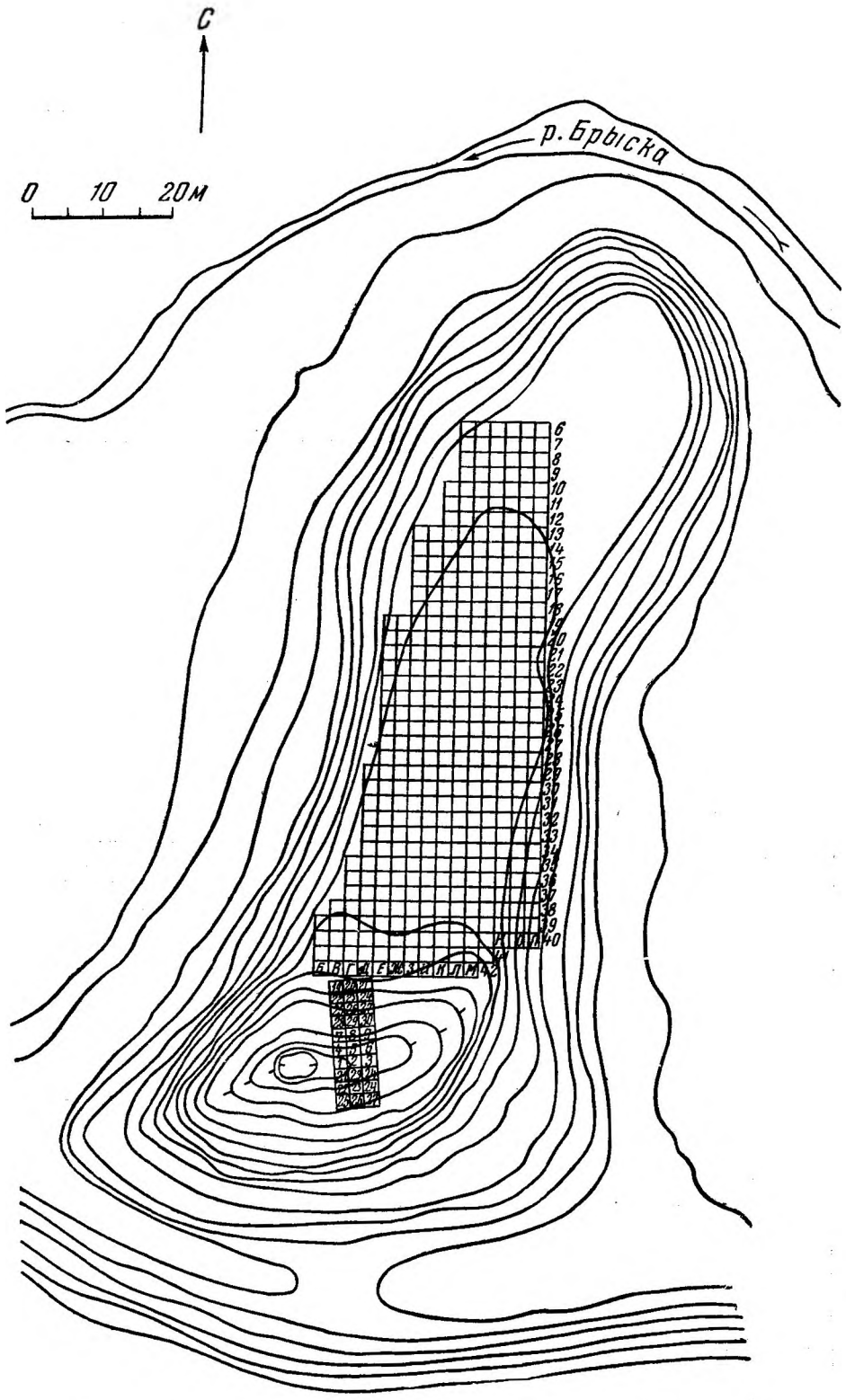


Рис. 1. План Именьковского городища. (Горизонтали — через 1 м).

СТРАТИГРАФИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПЛОЩАДКИ ГОРОДИЩА

Именьковское городище является двуслойным памятником. Первый слой залегает под небольшой толщей дерна и поддерновой темно-серой гумированной супесью с отдельными включениями суглинка и золистых масс. Мощность слоя колеблется от 0,3 до 1,5 м. Особенно мощным он становится по склонам городища в северо-западной и юго-восточной частях раскопа.

Этот слой основной; он датируется преимущественно второй половиной I тысячелетия н. э. и отнесен нами к числу восточно-буртасских памятников как аналогичный многочисленным городищам и селищам, открытым за последнее десятилетие в западных районах Татарии [6].

К первому слою относятся остатки двух полуземлянок, многочисленных ям и деревянных укреплений по северо-западному краю городища. В центральной и южной частях раскопа под первым слоем идет материковый суглинок, перемежающийся с песком; в северо-западной и юго-восточной частях раскопа под этим слоем залегают остатки второго слоя.

Второй слой состоит из серой золистой, чаще коричневато-серой супеси мощностью от 0,6 до 1,5 м в северо-западной части раскопа и от 0,1 до 0,3 м в восточной и юго-восточной частях. По содержанию данный слой резко отличается от верхнего. Здесь преобладают фрагменты сосудов ананьинско-пьяноборского типа, а также значительно увеличивается насыщенность слоя костями животных. В нижних горизонтах второго слоя выделяется еще более ранняя керамика эпохи бронзы с чертами перехода к ананьинскому типу сосудов.

К данному слою относятся остатки нескольких небольших ям, а также деревянных укреплений по северо-западному краю городища. Эти деревянные сооружения менее выразительны и хуже сохранились, чем в первом слое. Резкого перехода первого слоя ко второму по характеру находок не наблюдалось. Об этом свидетельствует табл. 1,

Таблица 1

Количественное распределение типов керамики А и В по штыкам на участках И—15 и 16, К—13—15, Л—12 и 13, М—6—9, Н—6—9

№ участка	Штыки																	
	1		2		3		4		5		6		7		8		9	
	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В
И-15	16	—	16	—	14	—	24	—	22	—	12	1	9	—	8	3	4	16
И-16	6	—	9	—	7	—	6	—	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—
К-13	23	—	188	—	28	1	14	—	26	—	11	—	16	5	—	1	—	7
К-14	10	—	29	—	31	—	6	—	15	1	4	10	3	4	2	6	—	—
К-15	17	—	53	—	13	—	1	2	3	5	2	2	—	—	—	—	—	—
Л-12	63	—	173	—	10	—	17	1	6	1	3	4	9	1	—	8	—	3
Л-13	21	—	187	—	28	—	12	—	5	2	2	12	—	11	—	—	—	—
М-6	52	—	39	—	13	—	2	—	—	—	—	—	7	11	—	2	—	6
М-7	51	—	76	—	16	—	1	—	5	—	1	—	1	4	1	7	—	5
М-8	73	—	17	—	8	—	5	—	1	—	—	4	—	6	—	4	—	—
М-9	90	—	87	—	75	—	11	2	—	—	1	17	—	—	—	—	—	—
Н-6	65	—	128	—	6	—	37	—	6	—	—	3	1	6	—	11	4	5
Н-7	33	—	70	—	66	—	9	7	5	11	1	4	—	—	—	—	—	—
Н-8	45	—	80	—	4	—	3	—	4	1	4	1	2	2	—	—	—	—
Н-9	37	—	158	—	4	—	3	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	602	—	1310	—	323	—	151	12	111	21	41	61	48	50	11	42	8	42

[6] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч.

в которой под рубрикой А указана керамика восточнобуртасского типа, под рубрикой В — керамика ананьинско-пьяноборского типа. Из табл. 1 видно, что первый слой, насыщенный керамикой типа А, охватывает в основном 5 верхних штыков общей мощностью до 1 м; второй слой с керамикой типа В включает штыки 6—9 общей мощностью до 1,5 м.

Особенно четко стратиграфия культурного слоя устанавливается по напластованию вала.

СООРУЖЕНИЯ ПЕРВОГО СЛОЯ

В верхнем слое обнаружены остатки двух полуземлянок, 81 хозяйственная яма, 32 пятна обожженной глины вне жилищ и остатки деревянной стены. Оба изученных жилища располагаются в северной части городища.

Жилище 1 имеет прямоугольную форму (8 × 6 м), с небольшим расширением в южной части. Площадь достигает приблизительно 50 кв. м. Края котлована прослежены на глубине 0,5—0,6 м от поверхности. Пол в виде утрамбованной серой золистой супеси обнаружен на глубине 0,4—0,6 м. По восточной стороне и в северо-западном углу котлована на глубине 0,5—0,9 м от поверхности оказались углисто-зольные полосы — остатки от сгоревших деревянных обкладок стен. Подобные углисто-зольные пятна имеются на остальной площади землянки и, по всей вероятности, являются остатками обрушившейся крыши.

На полу жилища обнаружены 3 очага (в виде пятен округлой формы), состоявших из обожженной глины, покрытой массой угля и золы. Первый очаг, в виде углубления полукруглой формы (0,8 × 1,2 м), расположен в северо-западном углу. Дно и края очага были обложены глиной. Поблизости находились две небольших хозяйственных ямы. Первая из них — цилиндрической формы, диаметром 0,8 м и глубиной 0,35 м — обнаружена у северной стены котлована. Вторая яма (диаметром 1,4 м, глубиной 0,75), расположенная почти в центре жилища, имела слегка скошенные ко дну стенки и была заполнена золистой супесью.

Второй очаг, круглой в плане формы, диаметром 1,6 м, был устроен в юго-западном углу жилища. Третий очаг, также круглый в плане, диаметром 0,75 м, располагался в выступе южной стены жилища. Возле последних двух очагов находилась глубокая (до 1,6 м), круглая (диаметром 1,55 м) и цилиндрическая в сечении яма. На дне ее обнаружены обломки нескольких крупных сосудов и кости домашних животных. Дно ямы было покрыто деревянными досками, сохранившимися в виде сильно перегнившего древесного коричневатого тлена со следами продольно расположенных древесных волокон.

Неглубокие стены котлована жилища и его довольно строгие прямоугольные очертания заставляют предполагать, что в земляной котлован жилища был введен деревянный сруб. Устройство крыши, ввиду отсутствия каких-либо деталей, затруднительно реконструировать. Удлиненные пропорции жилища скорее всего свидетельствуют о двускатной кровле.

Жилище 2 расположено в 8 м к юго-западу от первого. Котлован его (рис. 2) имеет форму вытянутого с северо-запада на юго-восток прямоугольника длиной 9 м и шириной 7 м, при общей площади 63 кв. м.

Дневной уровень котлована, вырытого в плотном материковом суглинке, лежит на глубине 0,4—0,5 м от современной поверхности. Пол жилища, представляющий собой плотную утрамбованную золистую супесь, прослежен на глубине 0,5—0,6 м. Земляные стены жилища несколько скошены к полу.

В центральной части жилища (немного ближе к ее северо-западному краю) находился очаг. Для этого очага первоначально на глубине 1,4—1,45 м в материковом суглинке была вырыта неглубокая яма круглой формы, диаметром 1 м. Эта яма оказалась заполненной углисто-золистой массой. Позднее, с накоплением мусора в верхних горизонтах наслоения пола, на глубине 1—1,1 м от поверхности, очаг был переставлен к юго-западу. Здесь для него была устроена глинобитная площадка (рис. 2). Этот очаг размером 0,8 × 1,4 м имел в плане овальные очертания. В углисто-золистом заполнении его встречались обломки плоскодонных сосудов и кости животных.

По краям котлована на уровне пола были обнаружены канавки шириной 15—20 см и глубиной 20 см, заполненные перегнившей и горелой древесиной, очевидно, представляющей остатки деревянного сруба, опущенного в котлован полуземлянки.

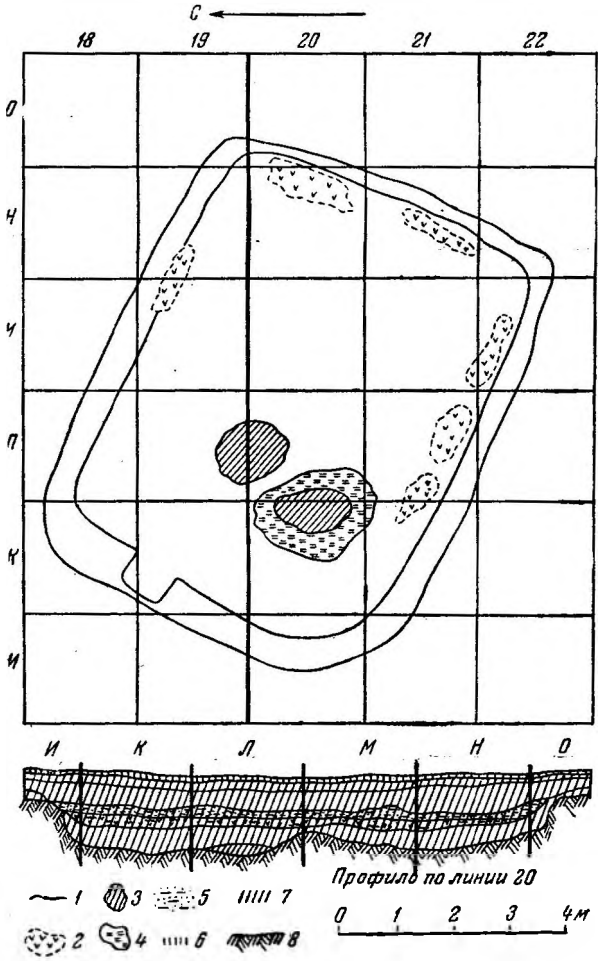


Рис. 2. План и профиль жилища 2.

1 — очертание котлована; *2* — углистые пятна; *3* — очаги; *4* — обожженная глина; *5* — супесь; *6* — дери; *7* — 1-й слой; *8* — материк.

Крыша жилища, очевидно, была деревянной, с земляной подсыпкой, о чем свидетельствует пласт угля и золы толщиной 20 см, лежавший над полом и покрытый сверху прослойкой слабо гумированного суглинка и супеси.

Выход из жилища — в виде небольшой приступки — располагался у северного угла в северо-западной стене.

Других жилищ в раскопанной части Именьковского городища не обнаружено. Оба жилища по форме и конструкции однотипны — они представляют собой полуземлянки. Мощные наслоения пола и насыщенность культурными остатками свидетельствуют о продолжительной заселенности этих жилищ.

Жилища Именьковского городища и по форме, и по размерам не имеют аналогий среди жилищ эпохи раннего железа, известных в Прикамье. От ананьинских (Конец-горское селище) именьковские жилища отличаются меньшими размерами и подквадратными очертаниями. Также не схожи с именьковскими и жилища, исследованные на других прикамских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. Так, жилище на Зародятском селище ломоватовской культуры, раскопанное В. Ф. Генингом в 1952 г., было размером 12 × 6 м, вытянутой формы, с одним очагом в центре [7].

Исходя из этого, следует полагать, что для Прикамья именьковские жилища являются новой формой, по-видимому,— привнесенным элементом.

При рассмотрении жилищ более ранней городецкой культуры, в вещевом материале которой можно подыскать некоторые аналогии для материала первого слоя Именьковского городища, мы также не найдем близких черт сходства. Жилища городецких городищ (Городецкое, Хвалынское, Теньгушевское и др.) представляют собой полуземлянки вытянуто-четырёхугольной формы следующих размеров: 10—18 × 8 м (Городецкое городище), 1—2 × 6—7 м (Хвалынское), 10 × 3 м (Теньгушевское) [8].

Близкую аналогию именьковским представляют жилища послегородецких памятников, известные в Среднем Поволжье под названием раннемордовских. Уже в ряде городецких памятников Саратовской области (Чардымское городище) мы встречаемся с близким типом жилищ: полуземлянки, углубленные на 0,5 м, подквадратной формы (4 × 6 м), с одним очагом в центре [9].

---

[7] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Ученые записки Пермского университета, т. IX, вып. 3, 1953, стр. 77

[8] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 71.

[9] П. С. Рыков. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936, стр. 56.

В раннемордовских городищах (Ош-пандо, Армеевское селище) имеется очень близкий к именьковским тип жилищ. Так, вскрытые П. С. Рыковым на Армеевском селище жилища были углублены в землю на 0,2—0,3 м и имели подквадратную форму (8 × 8 м) [10].

Близкий тип жилищ был обнаружен П. Д. Степановым в 1947 и 1949 гг. на городище и селище Ош-пандо в Мордовской АССР. Вскрытые здесь жилища имели подквадратную форму (3,6 × 4,5 м; 7,5 × 7,5 м), земляной котлован глубиной от 0,5 до 0,8 м и простые глинобитные очаги [11]. Близки к именьковским остатки полуземлянки у с. Рождествено [12].

Таким образом, можно полагать, что именьковские жилища наиболее близки по своему устройству жилищам раннемордовских памятников Среднего Поволжья. Со всем вещевым материалом этих памятников первый слой Именьковского городища также имеет большое сходство.

Характерной чертой Именьковского городища является обилие ям на территории городища. За 2 года раскопок здесь обнаружено и изучено около 80 ям, стратиграфически и по материалу относящихся к первому слою. Эти ямы довольно бессистемно разбросаны по всей площади. По характеру дневного уровня они делятся на 2 группы: ямы, дневной уровень которых находится в культурном слое, и ямы, дневной уровень которых лежит между первым слоем и материковым суглинком (табл. 2).

39 ям первой группы, судя по выкидам из них, были вырыты в первом слое на глубине 0,3—0,55 м от поверхности. Ямы этой группы расположены по всей площади западной половины городища. Из 39 ям у шести были небольшие размеры (диаметр — 25—50 см), у остальных 33 ям диаметр в среднем составлял 125—150 см. Максимальный диаметр — 180 см — имели ямы № 22 и 47. У большинства ям (34) в плане была форма круга, лишь 4 ямы — овальные и одна — подквадратной формы. В сечении бо́льшая часть ям — цилиндрические; 6 ям со скошенными стенами имели форму усеченного конуса. Средняя глубина дна от дневного уровня — 1—1,3 м. Дно у большинства ям первой группы (37) было плоское, лишь у двух (№ 48 и 35) — ступенчатое, и 9 ям по краям и дну имели деревянные обкладки. Яма № 7 по краям была укреплена плетнем, от которого на дне сохранились следы деревянных кольев. Боковые стены и дно 3 ям были обмазаны глиной.

На дне и в засыпи ям обнаружено большое количество культурных остатков, в том числе 2803 обломка грубых плоскодонных сосудов, 785 костей животных, рыб и птиц, несколько целых сосудов и различные бытовые предметы: костяные шилья, наконечники стрел, железные ножи и т. д. В яме № 35 найдены остатки обугленной груши, а в яме № 42 — целый жернов. К сожалению, при самых тщательных поисках никаких остатков зерен в ямах не обнаружено. Судя по заполнению, ямы служили для различных хозяйственных целей и в первую очередь — для хранения продуктов. В аналогичных ямах на городище Ош-пандо П. Д. Степановым найдены зерна ржи, пшеницы, проса и гороха.

Вторая группа (41 яма) отличается от первой тем, что все ямы были вырыты в материковом суглинке, и выкиды из них лежали на материке в основании первого слоя (см. табл. 2). Средняя глубина дневного уровня — 0,6—0,7 м от поверхности. У 27 ям в плане была форма круга, у восьми — овальная и у одной — подквадратное очертание. В отличие от первой группы, ямы второй группы имели несколько бо́льшие размеры в плане (преобладали диаметры от 100 до 180 см). Мелких ям не обнаружено. У 30 ям были скошенные стены, из них у 21 ямы — форма усеченного конуса и лишь у шести — цилиндрическая. Средняя глубина дна ям от дневного уровня равнялась 1 м, хотя встречались ямы (№ 20, 31, 40, 55 и 80) с глубиной дна от 1,6 до 1,8 м. 27 ям имели плоское и 12 ям уступчатое дно. В 8 ямах наблюдались остатки деревянной обкладки стен и дна. На дне и в засыпи ям обнаружены многочисленные культурные остатки: обломки грубых плоскодонных сосудов — 2616 экземпляров, кости животных.

---

[10] Там же, стр. 65.

[11] П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордвы. Записки Мордовского НИИЯЛИ, № 3, 1941; его же. Древнейший период истории мордовского народа. Записки Мордовского НИИЯЛИ, № 15, 1952, стр. 175.

[12] См. статью В. Ф. Генинга в настоящем сборнике, стр. 132.

Устройство ям Именьковского городища I

№ ямы	Участок раскопа	Положение дневного уровня		Глубина дневного уровня (см)	Форма в плане			Диаметр (см)	Форма в сечении			Глубина дна от дневного уровня (см)
		в первом слое	на материке		круглая	овальная	прочие		цилиндрическая	усеченный конус	прочие	
1	-10	+	—	40	+	—	—	140	+	—	—	100
2	Р-13	+	—	50	+	—	—	140	+	—	—	90
3	О-6	+	—	40	+	—	—	50	+	—	—	50
4	Р-16, 17; П-16, 17	+	—	40	+	—	—	90	+	—	—	65
5	О-18, 19	+	—	40	+	—	—	82	+	—	—	55
7	П-19, 20	+	—	45	+	—	—	160	+	—	—	110
8	Р-19, 20	+	—	40	+	—	—	160	+	—	—	150
9	Р-7	—	+	55	—	+	—	130×90	—	—	Чашевидная	25
10	П, Р-21, 22	—	+	50	+	—	—	138	+	—	—	130
11	Н-24	+	—	40	+	—	—	100	—	+	—	65
12	И-26	—	+	42	+	—	—	130	—	+	—	115
13	И-28	+	—	40	+	—	—	95	+	—	—	124
14	И-32, 33	+	—	37	+	—	—	120	+	—	—	75
15	Н-16	—	+	50	—	+	—	160×180	—	—	Скошенные стенки	158
16	Р-8, 9	—	+	77	—	+	—	103×230	—	—	Прямые стенки	50
17	М, Н-18	—	+	50	—	+	—	122×150	—	—	То же	105
18	Л, М-18	—	+	56	—	+	—	140×143	—	—	» »	147
19	Р-18	—	+	56	+	—	—	112	—	+	—	47
20	О, Н-14, 15	—	+	72	+	—	—	150	+	—	—	160
21	Н, Р-9, 10	+	—	51	+	—	—	105	+	—	—	127
23	К-18	—	+	103	+	—	—	98	+	—	—	58
22	Н-9, 10	+	—	62	+	—	—	180	+	—	—	84
24	Ж-3—24	+	—	50	+	—	—	195	—	+	—	140
26	И-22, 23	—	+	50—60	—	—	—	85	+	—	—	33—43
27	И-22	+	—	74	+	—	—	70	+	—	—	20
28	И, К-24, 25	—	+	45	+	—	—	170	—	+	—	75
28а	То же	—	+		—	+	—	110×180	—	+	—	135
29	К, Л-23	—	+	45—50	—	—	Квадратная	110×120	—	—	Отвесные стенки	150
30	К, Л-22	—	+	50	+	—	—	120	+	—	—	140
31	О-21, 22	—	+	45—50	+	—	—	170	—	+	—	185
32	О-25, 26	—	+	50	—	+	—	100×150	—	+	—	110
32а	То же	—	+	50	+	—	—	140	—	—	Скошенные внизу стенки	135
33	О, П-23	+	—	60	+	—	—	115	+	—	—	97
34	О-24	+	—	60	+	—	—	95	+	—	—	137
35	П, Р-24, 25	+	—	50	—	+	—	150×190	—	+	—	170
35а	То же	+	—	50	+	—	—	80	+	—	—	70
35б	П-24, 25	—	+	60	+	—	—	80	+	—	—	45
36	П, Р-23	—	+	85	+	—	—	80	+	—	—	90
39	Н-24, 25	—	+	60	—	+	—	260×110	—	+	—	40
40	Н, О-27, 28	—	+	35	+	—	—	150	—	+	—	160

Таблица 2

на площади раскопа КАЭ-5 в 1953—1954 гг.

Характер дна		Древесная обкладка	Содержание засыпи							Примечание
			керамика							
плоское	с приступками		тип А	тип Б	тип В	на прясла	металл	прочие находки	кости	
+	—	—	197	—	—	2	—	1 наконечник стрелы, 1 костяной предмет, 1 обломок тигля	43	—
+	—	—	84	—	—	—	—	—	32	—
+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	18	—	—	—	—	1 глиняный шарик	9	—
+	—	—	11	—	—	—	—	—	1	—
+	—	По дну	72	—	—	—	1 крица	1 целый сосуд	41	—
+	—	—	92	—	—	1	—	1 глиняный шарик	18	—
—	—	—	13	—	—	—	—	—	1	—
+	—	—	87	—	—	—	—	1 каменное лощило	40	—
+	—	—	62	—	—	—	—	1 костяное кольцо	17	—
+	—	—	105	—	—	—	—	1 глиняный предмет	43	—
+	—	—	217	—	—	1	—	1 глиняный шарик, 1 каменный скребок	35	—
+	—	—	40	—	—	—	—	—	2	—
+	—	+	45	—	—	1	—	1 костяное шило, 1 литейная форма	15	—
+	—	—	29	—	—	—	—	—	2	—
+	—	+	116	—	—	—	—	1 глиняный неопределенный предмет	15	1 целый жернов
+	—	+	68	—	—	—	—	1 глиняная фигурка	53	1 жернов
+	—	—	19	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	107	—	—	—	—	—	130	—
+	—	—	7	—	—	—	—	—	4	—
+	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	20	—	1	—	—	—	4	—
+	—	—	309	—	—	1	—	—	324	—
—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	66	—	—	1	—	—	4	—
+	—	—	470	—	—	—	—	—	70	1 сосуд
+	—	+	78	1	—	—	—	—	10	По стенам древесная обкладка
+	—	+	103	—	—	1	—	—	8	
+	—	+	47	—	—	—	—	—	49	—
+	—	—	103	—	—	—	—	—	7	1 целая глиняная крышка
+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	99	—	—	—	—	1 глиняная фигурка	20	Края и дно обмазаны зеленой глиной
+	—	—	85	—	—	—	—	—	17	То же
—	+	+	175	—	—	—	—	—	4	В слое ямы № 35— остатки обугленной груши
+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	31	—	—	—	—	—	19	—
—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	—	156	—	—	—	—	1 глиняный шарик, 1 сосуд, жернов	21	—

№ ямы	Участок раскопа	Положение дневного уровня		Глубина дневного уровня (см)	Форма в плане			Диаметр (см)	Форма в сечении			Глубина дна от дневного уровня (см)
		в перегном слое	на материке		круглая	овальная	прочие		цилиндрическая	усеченный конус	прочие	
41	М-27	—	+	60	+	—	—	120	—	+	—	80
43	И,К-26,27	+	—	40	+	—	—	70	+	—	—	16
44	З,И-25,26	—	+	50—60	+	—	—	150	—	+	—	92—112
45	З-27	+	—	40	+	—	—	130	—	+	—	65
47	Е-28,29	+	—	40	+	—	—	180	—	+	—	110—115
48	Ж-28,29	+	—	50—60	—	+	—	240×150	+	—	—	110
49	Е-29,30	+	—	60	—	+	—	210×160	+	+	—	80
50	Ж-30,31	+	—	50	+	—	—	160	+	—	—	120
51	З,И-28	+	—	30—35	+	—	—	110	+	—	—	150
52	З-29,30	+	—	40	—	—	Подквадратная	135×150	+	—	—	165
53	Л,К-28	—	+	50	+	—	—	80—90	—	—	—	65
54	М,Н-28,29	—	+	55	+	—	—	200	—	+	—	108
55	М,Н-29,30	—	+	55	+	—	—	190	—	+	—	160
57	Л-30,31	+	—	55	+	—	—	170	+	—	—	110
58	О,Н-28,29	—	+	50	+	—	—	150	—	+	—	105
59	О,П-28,29	—	+	60—65	+	—	—	145	—	+	—	105
60	Р-28	—	+	80	+	+	—	80	—	+	—	40
61	П,Р-28,29	—	+	80	+	—	—	110	—	+	—	40
62	Л-31,32	+	—	55—60	—	+	—	170×140	+	—	—	80
63	К,Л-31,32	—	+	55	+	—	—	100	—	+	—	30
64	И,К-31,32	+	—	55	+	—	—	95	+	—	—	83
67	Е-32	+	+	55—60	+	—	—	100	+	—	—	60
69	Д,Е-34	—	+	52	+	—	—	140	—	+	—	95
73	К,Л-35	+	—	60	+	—	—	150	+	—	—	157
75	Д,Е-37,38	+	—	40—45	+	—	—	160	+	—	—	154
77	И,К-37,38	+	—	58	+	—	—	150	+	—	—	132
79	Р-23,24	—	+	70	+	—	—	100	—	+	—	58
80	Г-37	—	+	59	+	—	—	155	—	+	—	155
81	В-39	+	—	50	+	—	—	120	+	—	—	60
82	Д-40	+	—	60	+	—	—	97	—	+	—	68
82а	В-37,38	—	+	45—50	+	—	—	120	—	+	—	50
83	Е,Ж-40	—	+	46—48	+	—	—	175	+	—	—	123
83а	В,Г-42	+	—	50	+	—	—	100	+	—	—	45
84	В-42	—	+	100	+	—	—	60	+	—	—	—
85	Д-31	—	+	66	+	—	—	120	—	+	—	45
86	Д-41	—	+	85	+	—	—	95	—	+	—	30
87	Ж-41,42	—	+	85	+	—	—	125	—	+	—	25
88	Ж-42	+	—	80	+	—	—	95	+	—	—	80
89	К-38	+	—	60	+	—	—	145	+	—	—	100
90	К-39	+	—	55	+	—	—	110	+	—	—	100
Итого 80 ям	—	39	41	—	66	12	2	—	40	31	9	—

Таблица 2 (окончание)

Характер дна		Древесная обкладка	Содержание засыпи							Примечание
			керамика							
плоское	с приступками		тип А	тип Б	тип В	на прясла	металл	прочие находки	кости	
+	—	—	59	—	—	—	—	—	8	—
+	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—
—	+	—	160	—	—	1	1	1 тигль	—	—
+	—	—	70	—	—	—	—	1 точило каменное	65	1 сосуд
+	—	—	50	—	—	—	—	—	15	—
—	+	+	150	—	2	—	—	—	14	—
+	—	—	104	—	4	—	—	—	40	—
+	—	—	104	—	6	—	1 железн. предмет	—	22	—
+	—	—	175	—	—	—	—	—	24	—
+	—	+	74	—	—	1	—	—	1	—
+	—	—	12	—	6	—	—	—	1	—
+	—	+	49	—	3	1	—	—	2	—
—	+	—	141	—	—	—	—	—	22	—
+	—	+	38	—	—	—	—	—	51	—
+	—	—	50	—	3	—	—	—	82	—
—	+	—	73	—	—	1	—	—	20	—
+	—	—	—	—	18	—	—	—	—	Яма 2-го слоя
+	—	—	20	—	2	—	—	—	36	То же
+	—	—	132	—	—	—	—	—	43	—
+	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—
+	—	—	37	—	3	—	—	1 точило	20	—
+	—	—	11	—	—	1	—	—	12	—
—	+	—	45	—	1	—	—	1 цилиндр каменный	9	Дно обмазано глиной
+	—	+	109	—	—	—	—	2 шлака, 1 глиняный шарик	21	Яма 2-го слоя
+	—	+	109	5	1	1	—	2 обломка льячки	35	—
+	—	—	43	—	1	—	—	—	88	—
—	+	—	1	—	—	—	—	—	1	—
—	+	—	102	3	2	—	—	—	9	—
+	—	—	20	—	—	—	—	—	12	—
+	—	—	86	—	—	—	—	—	6	—
+	—	—	9	—	4	—	1 бронзовая серьга	—	18	Яма 2-го слоя
+	—	—	60	—	1	—	—	—	27	—
+	—	—	5	—	3	—	—	—	10	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Яма 2-го слоя
—	+	—	29	—	4	—	—	1 костяной наконечник стрелы, 1 каменное украшение	—	—
—	+	—	3	—	2	—	—	—	3	—
—	+	—	3	—	3	—	—	—	5	—
+	—	+	7	—	—	—	—	1 кремневый отщеп	4	—
+	—	+	89	—	—	1	1 шлак	1 глиняная фигурка	24	—
+	—	—	46	—	1	—	1 шлак	—	14	—
65	13	17	5494	9	71	15	6	31	1815	—

рыб и птиц — 977 экземпляров; кроме того, в некоторых ямах встречены целые сосуды (яма № 21), а в яме № 17 обнаружен целый каменный жернов.

Ямы описываемой группы, стратиграфически определяемые как более древние, отличались от ям первой группы более крупными размерами и преобладанием скошенных боковых стенок.

Большинство изученных нами ям скорее всего никаких покрытий сверху не имело. Но вокруг некоторых ям (№ 32, 35, 35а, 35б, 54, 55, 62, 69, 79, 85 и 88) прослежены остатки от вертикальных или наклонных столбов — в виде неглубоких ямок диаметром 5—10 см, обычно в сечении имевших вертикальный или наклонный конический разрез. Эти столбы явно указывают на существование над ямами каких-то деревянных покрытий.

Кроме ям, на территории Именьковского городища раскопками обнаружено значительное количество небольших кострищ в виде сильно обожженных глиняных площадок с массой угля и золы вокруг них. Всего насчитывается свыше 33 таких площадок; они залегают в первом слое городища и изредка прорезаются ямами. Как правило, площадки имеют овальные или округлые очертания и небольшие размеры (наименьший диаметр — 20—30 см, наибольший — 120—150 см). Толщина этих глинобитных площадок обычно не превышает 10—15 см. В основном они расположены по двум линиям: в одной линии, по западному краю городища,— 11 площадок; в другой линии, идущей почти по продольной оси городища, несколько ближе к восточному краю,— 22 площадки.

На поверхности глиняных площадок и вокруг них обнаружены значительное количество угля, золы, обломки глиняных сосудов и кости животных. Можно предполагать, что это остатки костров. Расположение их на глиняных площадках совпадает с устройством очагов в описанных выше полуземлянках. В некоторых случаях вокруг костров удалось проследить остатки ямок от столбов каких-то легких деревянных наземных конструкций, скорее всего — типа навесов. Поэтому можно считать, что эти костры большей частью являются следами легких временных наземных сооружений.

Обнаруженные остатки показывают, что на городище постоянно обитало небольшое число людей. Большинство исследованных ям, служивших в качестве погребов для хранения припасов, принадлежало окрестному населению, которое скрывалось на городище во время военных набегов враждебных племен в легких наземных постройках. Именьковское городище являлось родовым убежищем. Это предположение подтверждается и тем, что городище находится в центре трех больших селищ, по времени синхронных первому слою городища.

Второй слой городища сильно разрушен. Он не сохранил почти никаких сооружений, кроме 5 небольших ям и остатков деревянных укреплений по валу и по северо-западному краю.

Ямы второго слоя расположены в восточной (№ 60 и 61) и юго-западной (№ 69, 82а и 84) частях городища. Дневной уровень этих ям залегает на 0,7—0,9 м от поверхности культурного слоя. В плане все они круглые, со средним диаметром 80 см. Одна из ям имеет цилиндрическую форму, четыре — скошенные стенки. Ямы неглубокие — дно их лежит обычно на глубине 0,45—0,5 м от дневного уровня. Никаких следов деревянных обкладок по дну не отмечено. На дне и в засыпи ям обнаружено несколько десятков обломков круглодонных, тонкостенных ананьинско-пьяноборских сосудов с примесью толченой раковины в тесте, а также 63 кости животных.

УКРЕПЛЕНИЯ ИМЕНЬКОВСКОГО ГОРОДИЩА

Раскопки Именьковского городища позволили проследить укрепления и с внешней его стороны и с внутренней.

Вал, в его северо-западной части, со стороны площадки городища, был прорезан на $^3/_4$ ширины траншеей шириной 6 м и длиной 18 м. Траншея состояла из 27 участков. По мере углубления в насыпь количество участков сократилось вследствие скашивания стенок траншеи для предохранения от обвала.

Выявлены конструктивные особенности вала и получены дополнительные сведения о стратиграфии культурных отложений городища.

В основании вала на глубине 6,4—6,7 м от поверхности обнаружен материковый суглинок, покрытый погребенной почвой — коричневатой, сильно спрессованной гумированной супесью, без находок.

Над этим слоем на глубине 5,4—6,5 м прослеживался культурный слой, подстилающий насыпь вала. В этом слое на уровне участков 1—2 отмечены остатки легкого деревянного сооружения в виде горизонтально лежавших сгнивших плах, опиравшихся на несколько наклонно поставленных кольев толщиной 7—8 см. Слой — темно-серая золистая супесь — насыщен обломками глиняной круглодонной посуды с толченой раковиной в тесте, с ямочным, веревочным и резным орнаментом по горлу (131 экземпляр), костями животных (288 экземпляров), углем и некоторыми другими находками (1 железный нож). Судя по содержанию, данный подстилающий слой относится к существовавшему на территории Именьковского городища поселению ананьинского времени. Отсутствие следов вала и каких-либо деревянных сооружений типа тына, плетня или частокола заставляет предполагать, что это раннее поселение не было укреплено.

Остатки небольшого деревянного сооружения на участке 2 нельзя рассматривать как остатки укрепления, так как для этого они слишком легки по конструкции.

Четвертый горизонт. По истечении некоторого времени, в конце ананьинской эпохи (в этом нас убеждает изменение характера орнаментации круглодонных сосудов, фрагменты которых обнаружены в четвертом горизонте насыпи вала) возникла первая насыпь вала, называемая нами четвертым горизонтом. Землю для этого вала взяли из рва, выкопанного с южной стороны селения на перемычке, отделяющей выступ его площадки от основного поля надлуговой террасы р. Брыски. Максимальная мощность четвертого горизонта насыпи — 3 м от уровня поверхности подстилающего слоя. Максимальная ширина вала в то время составляла 16 м. Насыпь была сложена из материковых суглинистых и песчаных пород. По верху насыпи, устроенной в виде несколько уплощенной площадки, была сооружена деревянная ограда в виде двухрядного плетня. Сгоревшие остатки этого сооружения отчетливо прослежены на участках 1, 2, 3, 5 и 6 на глубине 2,8—3,3 м от нуля; в плане они представляют вытянутую с востока на запад полосу шириной 1,2—1,3 м, окаймленную с южной стороны узкой лентой (ширина ее — 15—20 см) обожженной глины. Здесь отмечены следы ямок от 19 вертикально поставленных столбов диаметром 9—12 см. Наземные части столбов сгорели, свалились к северу и перемешались в общую черно-углистую массу; следы их нижних частей остались в верхнем горизонте вала.

Второй ряд столбов, от которого сохранились 5 конических в сечении ямок, заполненных сгнившей древесиной и имевших диаметр в среднем 10—12 см, располагался несколько южнее первых столбов, вне общей углистой полосы. Первоначальное расстояние между первым и вторым рядами столбов,— когда они были в вертикальном положении,— составляло 70—90 см.

В общей углистой массе наблюдались многочисленные сгоревшие остатки веток плетня; иногда, сохранив свои очертания, они огибали описанные выше столбы — преимущественно с южной стороны. В некоторых случаях прослежено пучковое расположение этих веток, в среднем по 5 веток в каждом пучке. Толщина веток не превышает 1,5 см. Отпечатки подобных веток хорошо заметны также на кусках обожженной глины; следовательно, плетень южного ряда

был обмазан сырой глиной, обгоревшей при разрушении его.

В профиле между первым и вторым рядами плетня наблюдалась плотная масса слежавшейся земли, густо перемешанной с обгоревшими древесными остатками. Такой же земляной навал был и с северной стороны полосы укреплений.

Таким образом, реконструкция деревянных укреплений по верху насыпи четвертого горизонта вала представляется нам следующей. После того как был насыпан земляной вал вышиной около 3 м, на его слегка уплощенной вершине поставили стену, состоявшую из двух рядов плетня. Южный плетень был обмазан сырой глиной. Расстояние между двумя параллельными плетнями равнялось 70—90 см. Промежуток между ними заполнили землей. С внутренней стороны к стене, для укрепления ее, навалили землю.

Датировка этого сооружения основывается преимущественно на керамических находках, обнаруженных при раскопках на уровне остатков конструкции. Керамика представлена обломками круглодонных тонкостенных сосудов с невысоким горлом и примесью толченой раковины. Орнамент на них почти отсутствует. Лишь по горлу сосудов наблюдаются ямочные вдавления (рис. 10, *10—12*). В то же время керамика подстилающего слоя вала содержит фрагменты сосудов с довольно богатой орнаментацией по горлу сосудов, выполненной оттисками веревочки, ямками и резными узорами. Керамика нижнего слоя по форме и орнаментации совпадает с материалом территориально близких ананьинских памятников — селища Отарка и городища Грохань.

На этой основе подстилающий слой Именьковского вала мы можем датировать временем указанных памятников, т. е. VII—V вв. до н. э.[13] Фрагменты же посуды четвертого горизонта насыпи вала по своей форме и орнаменту находят аналогии в ананьинских памятниках второй половины I тысячелетия до н. э., где, как отмечает А. В. Збруева, начинает преобладать посуда с бедной орнаментацией[14]. Из других датирующих предметов необходимо отметить найденный на участке 13 в штыке 10 костяной четырёхгранный в сечении наконечник стрелы, аналогичный наконечникам стрел из поздних ананьинских памятников (Аргыжское и Пижемское городища)[15], датируемых V—III вв. до н. э.

Этим же временем датируют описываемый горизонт вала железный нож — однолезвийный, с толстой дуговидной спинкой и небольшим черешком, также типичный для ананьинской культуры,— и медная произка со спиральной поверхностью. Все эти вещи позволяют относить время устройства и существования деревянных укреплений и насыпи вала четвертого горизонта ко второй половине I тысячелетия до н. э. и причислить ее строителей к поздним «ананьинцам» и «пьяноборцам».

Время разрушения деревянных укреплений четвертого горизонта насыпи вала следует отнести уже к первой половине или середине I тысячелетия н. э. Надо отметить, что при раскопках вала в верхних наслоениях четвертого горизонта насыпи обнаружена железная пряжка округлой формы с длинным, круглым в сечении язычком. Аналогичные железные пряжки известны из некоторых памятников I—II вв. н. э.[16] Эти укрепления вала были разрушены, видимо, восточнобуртасскими племенами, продвинувшимися около указанного времени с волжского правобережья, из той области, где обитали их предки — носители городецкой культуры.

Третий горизонт. После разрушения вала (четвертого горизонта) насыпь была увеличена. Высота земляной насыпи этого горизонта, называемого нами третьим, составляет 4,8—5 м от уровня погребенной почвы; ширина его превышает 20 м. Вершина вала также была несколько уплощена. На участках 1, 2, 3, 22—27 и на северном склоне вала — на участках 7, 8, 10 и 11 обнаружены остатки наземных укреплений вала.

На участках 1, 2, 3, 22, 24 и 29 на глубине 1,4—2 м от поверхности, полосой (шириной 3 м), вытянутой с запада на восток, располагались сгоревшие остатки деревянных столбов, оплетенных ветками; эти

[13] А. В. Збруева. Население Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 27.

[14] Там же.

[15] Там же, стр. 69.

[16] Е. И. Горюнова. Вичмарский могильник ПИДО, 1934, № 9-10, стр. 179—182.

остатки были перекрыты снизу и сверху пластами обожженной глины, толщиной 8—12 см. В процессе расчистки удалось установить, что остатки принадлежат двойному ряду сгоревшего плетня, образовывавшего крепостную стену.

Первый ряд плетня, состоявший из слегка наклонных к северу столбов (№ 17—19, 55—66), располагался по южному краю стены. Внешние части столбов, сгоревшие при разрушении всей конструкции, упали и лежали в направлении с юга на север. Длина их в среднем — 2—2,2 м, диаметр — 12—15 см. Столбы дубовые (изредка встречались и другие породы деревьев — клен, липа), оплетены ивовыми прутьями толщиной 1,5—2,5 см. Верхние концы столбов иногда заострены, а в одном случае обнаружен столб с развилкой на конце (участок 2). Подземные части столбов были заострены и углублены в землю на 0,4—0,65 м. Как уже указывалось, они имели наклон вершинами к северу. Промежутки между столбами в ряду равнялись 30—40 см. Можно считать, что столбы южного ряда представляют собой остаток плетня высотой 2—2,2 м, обмазанного глиной и с наружной, и с внутренней сторон.

Другой ряд плетня, находившийся на расстоянии 60—70 см к северу от первого, состоял из столбов, воткнутых наклонно, вершинами к югу, и переплетенных ветками, обмазанными с внешней и внутренней сторон глиной. Высота наземной части их не превышала 2 м. Диаметр их немного меньше, чем диаметр южного ряда столбов,— 10—12 см. Промежутки между столбами второго ряда обычно равнялись 20—30 см. Подземные части их также были заострены. К этому ряду относятся столбы № 74, 76—79, 82, 83, 85, 87—89, 92, 95, 98 и 99.

Следует отметить третий ряд столбов, сильно наклоненных вершинами к югу и расположенных к северу от второго ряда, отступя на 80—100 см. В этом ряду находились столбы № 3, 80, 81, 86, 93 и 100.

Сохранившиеся остатки деревянных сооружений дают возможность предложить следующую реконструкцию наземных укреплений на вершине вала этого горизонта. После подсыпки земли на сильно утрамбованной, слегка уплощенной вершине вала была сооружена стена, состоявшая из двух плетней, обмазанных глиной и поставленных наклонно друг к другу так, что заостренные вершины столбов, поддерживавших противоположные плетни, соприкасались друг с другом и, возможно, даже были связаны между собой. Таким образом, была устроена своеобразная островершинная стена, обмазанная глиной с внешней стороны. Промежуток между плетнями был заполнен землей. Для прочности северная сторона стены была подперта длинными жердями (столбы третьей группы — № 80, 81, 83, 93 и 100). При разрушении стена сгорела и свалилась на север, в сторону площадки городища.

По северному склону вал имел еще какие-то дополнительные деревянные сооружения, сохранившиеся в виде сильно деформированных (в результате пожара) деревянных бревен, плах и досок, перемешанных с полосами обожженной глины. Эти остатки были прослежены на глубине 1,65—2,2 м от поверхности на участках 7, 8, 10 и 11. Вследствие фрагментарности остатков трудно более детально объяснить назначение этих сооружений.

Время подсыпки третьего горизонта вала и строительства на ней деревянных укреплений устанавливается по находкам при раскопках этого горизонта. Обнаруженный здесь материал состоит из обломков грубых плоскодонных сосудов, отнесенных нами к типу А; они сходны с сосудами из основного слоя Именьковского городища. Среди других предметов на участке 13, в штыках 8 и 9, в перемешанном слое обугленных деревянных конструкций найдены железный нож и пряжка. Нож — с прямой спинкой, резко отличающийся от ножей ананьинско-пьяноборского времени; по форме он совпадает с железными ножами из первого (основного) слоя городища. Железная пряжка овальной формы с изогнутым язычком, нависающим за кольцо (рис. 9, *2*), находит аналогию в пряжках Качкинского могильника [17]. А. В. Шмидт довольно точно устанавливает дату подобного типа пряжек — IV—V вв. н. э. [18] На этом основании мы можем датировать именьковскую пряжку тем же временем и, следовательно, отнести постройку третьего горизонта вала к IV—V вв. н. э.

[17] A. V. Schmidt. Kaçka. ESA, I, 1928, стр. 30.
[18] Там же.

Второй горизонт. После разрушения укреплений третьего горизонта в третий раз была произведена подсыпка вала; таким образом, образовался второй горизонт насыпи вала, так же как и предыдущие, содержавший на поверхности остатки разрушенных деревянных сооружений. При последней подсыпке вал достиг высоты 5,4—5,8 м от уровня погребенной почвы. Ширина вала осталась прежней. По верху его, на слегка уплощенной площадке, были сооружены деревянные укрепления, скорее всего,— в виде дощатого забора. Здесь, на участках 1—6, 22—24, на глубине 0,8—1,6 м от современной поверхности вала обнаружены обгорелые или сгнившие толстые (4—5 см) доски и бревна, перемешанные с кусками обожженной глины. Первый ряд сгнивших деревянных досок вскрыт в районе перехода от вершины к южному откосу вала на участках 22, 23, 25 и 26 на глубине 1,25—1,65 м. Доски, расположенные почти впритык друг к другу, были просто положены наклонно поперек вала, а не вбиты в землю. Ширина их — 12—15 см, толщина —2—4 см, наибольшая прослеженная длина — 1,1 м. На участках 22—24 на глубине 1,3—1,6 м отмечены лишь пятна обожженной глины, которые были окаймлены полосами угля, расположенными обычно по направлению с запада на восток. Доски и бревна толщиной 12—18 см, сосредоточенные на участках 1—6 и перемешанные с обожженной глиной, были горизонтально вытянуты вдоль вала по линии запад — восток. Помимо этого, здесь обнаружены следы от двух вертикально воткнутых столбов.

Из-за сильной деформации и фрагментарности всех этих остатков трудно судить о первоначальном виде деревянных укреплений вала второго горизонта. Лишь предположительно можно считать, что после подсыпки вала по его верху была сооружена деревянная стена, состоявшая из вертикально вбитых в один ряд столбов, обшитых досками и обмазанных глиной.

Первый горизонт. После устройства второго горизонта вал еще раз подсыпáли не меньше чем до высоты 6,6 м; по его верху была поставлена деревянная стена, плохо сохранившаяся и дошедшая до нас в виде разрозненных кусков обугленного дерева, которые обнаружены на глубине 0,3—0,4 м от современной поверхности вала.

Вещевой материал первого и второго горизонтов вала состоит из обломков посуды типа А.

Таким образом, изучение вала Именьковского городища дало, с одной стороны, новые сведения для восстановления системы укреплений этого городища в целом и показало, что оно пережило несколько этапов на протяжении своего существования; с другой стороны, материал вала Именьковского городища позволяет характеризовать оборонительные сооружения городищ Среднего Поволжья и в раннюю ананьинскую эпоху, и в последующее время, включая раннее средневековье.

Мощные оборонительные сооружения, расположенные не только с тыльной стороны, но и по северо-западному краю городища, указывают на то, что именьковское население, постоянно находясь под угрозой внешнего нападения, систематически укрепляло свое городище.

Деревянные укрепления, прослеженные по северо-западному краю, стратиграфически и по содержанию культурных остатков делятся на 2 яруса.

Более древний второй ярус состоял из канавы, обнаруженной раскопом на протяжении 32 м; ширина ее — 2,5 м, глубина — тоже 2,5 м. На дне канавы была поставлена деревянная стена; судя по вскрытым остаткам, последняя состояла из 2 рядов плетня, обмазанных с внешней стороны сырой глиной. Расстояние между ними не превышало 1 м. Промежуток между плетнями был заполнен довольно плотно утрамбованной землей, перемешанной с мелкими известняковыми камнями. Каждый ряд плетня состоял из вертикально поставленных кольев (средний диаметр их — 10—15 см), нижние части которых были заострены и вбиты в материковый суглинок на глубину 0,4—0,5 м. Верхние части столбов, сохранившиеся в некоторых случаях в обугленном виде, не превышали 2 м в высоту. Расстояние между столбами одного ряда в среднем равно 50 см. В некоторых случаях между обоими рядами столбов залегали небольшие деревянные перемычки, устроенные, видимо, для упрочения этих рядов. В заполнении второго яруса в значительном количестве обнаружены обломки круглодонных сосудов с толченой раковиной в тесте и несколько костяных орудий.

Судя по находкам, постройка этого яруса укрепления относится ко времени второго слоя городища и четвертого горизонта вала, т. е. ко второй половине I тысячелетия до н. э.

В середине I тысячелетия н. э., при захвате городища пришлыми восточнобуртасскими племенами, деревянные укрепления второго яруса сгорели, и на их месте были построены деревянные укрепления первого яруса, синхронные основному первому слою Именьковского городища и третьему горизонту его вала.

Первый ярус укреплений по характеру постройки существенно отличался от второго. Этот ярус был более мощным и состоял из двух рядов деревянных стен, между которыми был двухметровый промежуток, заполненный утрамбованной землей и известняковыми камнями. Каждая стена была построена из горизонтально положенных друг на друга бревен, зажатых между двумя рядами вертикально воткнутых столбов. Диаметр горизонтальных бревен в среднем — 15—20 см. Вертикальные столбы достигали высоты 2,5 м. Деревянная стена с внешней и внутренней сторон была обмазана глиной. Оба ряда деревянных стен соединялись между собой поперечными бревнами, образовавшими внутри всего оборонительного сооружения нечто вроде отдельных звеньев.

Описанное укрепление, так же как и укрепления третьего горизонта вала, было разрушено при очередном набеге на городище. Деревянные части в основном сгорели, а покрывавшая их глиняная обмазка приобрела сильный обжиг. После разрушения первого яруса укреплений была воздвигнута еще одна,— очень слабая по сравнению с предыдущими,— система укреплений. Она состояла из одного ряда невысокого плетня, остатки которого прослежены по краю площадки городища в виде попарно расположенных ямок от вертикально воткнутых столбов с промежутком в 3—6 м между парами ямок. С внешней стороны к этой плетневой стене был прибавлен навал диких известняковых камней. Стратиграфически последнюю систему укреплений можно синхронизировать с первым и вторым горизонтами вала.

Рассматривая в целом всю систему оборонительных сооружений Именьковского городища, мы видим, что для своего времени оно обладало мощными укреплениями.

С севера, востока и запада площадка городища защищалась речкой Брыской, воды которой в то время подходили непосредственно к подножию площадки, о чем свидетельствуют следы старого русла реки.

В северо-западной части площадки городища, края которой более пологи, чем в остальных частях, была устроена дополнительная система укреплений. С юга же, где площадка городища примыкала к широкому плато надлуговой террассы, был вырыт глубокий ров, по которому, возможно, были пущены воды р. Брысы, и сооружен мощный земляной вал с деревянными стенами по ее гребню.

ВЕЩЕВОЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК ИМЕНЬКОВСКОГО ГОРОДИЩА

За 2 года раскопок получен большой материал: около 41 тыс. обломков глиняной посуды, 153 мелких глиняных предмета, около 200 напрясел, свыше 50 костяных поделок, около 100 металлических изделий и более 7 тыс. костей животных и рыб.

1. Материал первого слоя

Керамика представлена многочисленными фрагментами преимущественно плоскодонной, довольно однородной посуды, глиняными напряслами, фигурками и мелкими изделиями.

Вся посуда плоскодонная, горшковидной и — редко — баночной формы, изготовленная из местной сероватой глины с большой примесью дресвы и шамота в тесте, довольно хорошего обжига. Судя по неравномер-

ной прокаленности различных частей сосуда, можно предполагать, что обжигали посуду на открытых кострах. Лепка ее производилась ленточной техникой, на твердой основе. Днища сосудов имеют обычно следы подсыпки песка и золы. По форме и характеру обработки поверхности сосуды подразделяются на 3 группы:

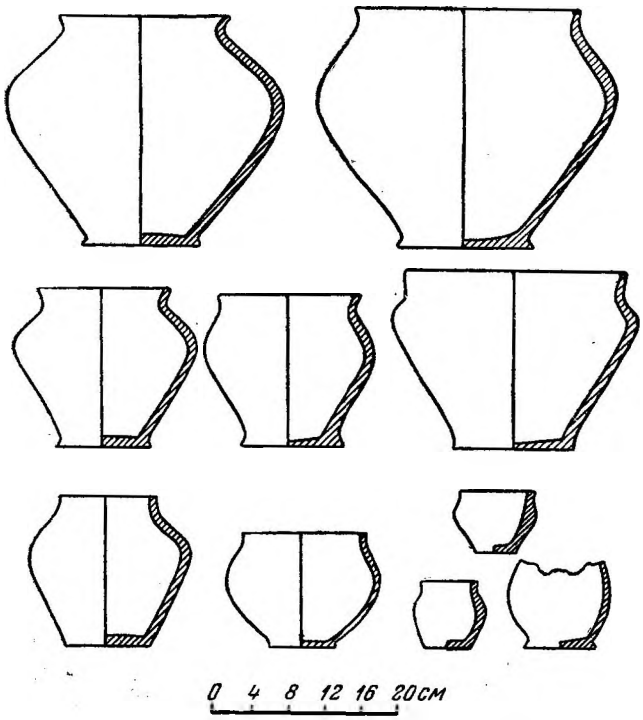


Рис. 3. Сосуды 1-й группы верхнего слоя.

1. Горшки с отогнутым или прямым венчиком и расширенным туловом, резко суживающимся к днищу. Последнее обычно имеет закраину. Поверхность сосудов грубая, шероховатая, бугристая (рис. 3). На них почти нет орнаментации; лишь изредка по краю наблюдаются косые или зигзагообразные нарезки и отдельные ямки, иногда сквозные отверстия по горлу. Размеры сосудов различны, хотя преобладают крупные (диаметр горла — 20—35 см, дна — 10—15 см; высота — 25—40 см, толщина стенок — 0,7—1,5 см). Цвет поверхности этих сосудов серый, иногда коричневатый, коричневато-серый, редко красновато-серый.

2. Сосуды баночной формы таких же размеров и с такой же поверхностью, как и посуда первой группы (рис. 4). Обе группы, условно относимые нами к типу А, являются наиболее характерной посудой и для

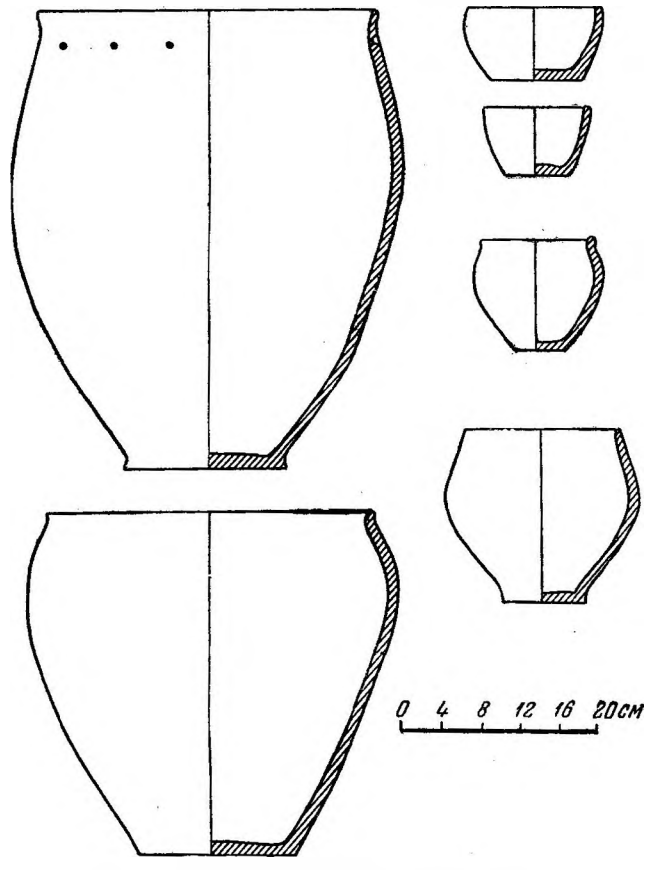


Рис. 4. Сосуды 2-й группы верхнего слоя.

первого слоя Именьковского городища, и для многих одновременных ему городищ Среднего Поволжья[19]; они датируются обычно серединой и второй половиной I тысячелетия н. э. Эти сосуды составляют примерно 90% всех сосудов, обнаруженных в верхнем слое городища.

К иной группе относятся горшки и чаши с выпуклыми боками, прямым или слегка утолщенным краем, с плоским, иногда круглым дном, но без закраин (рис. 5). Примесей дресвы и шамота в тесте меньше, чем у сосудов типа А, поэтому поверхность их бо-

[19] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 49—51; П. Д. Степанов. Еще один памятник древней мордвы в долине р. Суры. Записки Мордовского НИИЯЛИ, № 11, 1949, стр. 68.

лее ровная, хорошо заглаженная, иногда — до лощения.

Часто на посуде этой группы имеется орнаментация в виде одного ряда неглубоких ямок. Сосуды обычно некрупные (диаметр горла — 10—24 см, дна — 6—12 см; высота — 10—26 см; толщина стенок — 0,4—1 см). Цвет поверхности их черный или

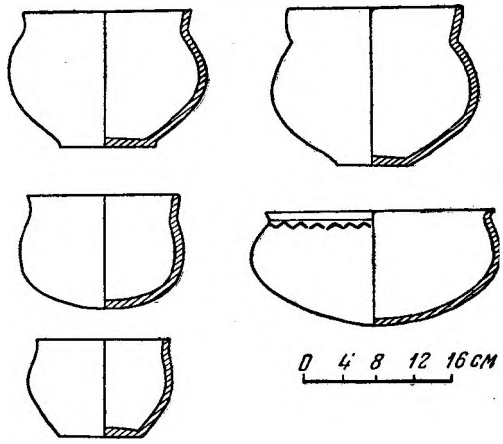


Рис. 5. Сосуды 3-й группы верхнего слоя.

темно-серый. Количество сосудов этого типа (тип Б), составляющее 4—5% всех сосудов в верхних слоях городища, несколько увеличивается в нижних горизонтах первого слоя; во втором слое этот тип сопутствует круглодонной посуде с примесью толченой раковины в тесте (тип В). Ряд деталей — прямые, слегка расширенные венчики, ямки по линии перехода от шейки к тулову, выпуклое тулово, иногда округлое, слегка уплощенное дно — сближает сосуды этой группы с круглодонными ананьинско-пьяноборскими и заставляет считать, что они являются дальнейшим развитием посуды ананьинско-пьяноборского времени.

Наконец, среди посуды Именьковского городища необходимо отметить разнообразные небольшие сосудики, чашки, стаканы баночной формы.

Среди керамического материала имеется большое количество обломков от круглых глиняных дисков, употреблявшихся в виде крышек или сковородок. Сковородки отличаются от крышек невысоким бортиком по краю; в остальном они одинаковы. Все они хорошо обожжены, сделаны из плохо промешанной глины с примесью дресвы и шамота.

Многочисленные напрясла (194 экземпляра) представлены в основном одним типом — биконическим, с острым ребром и

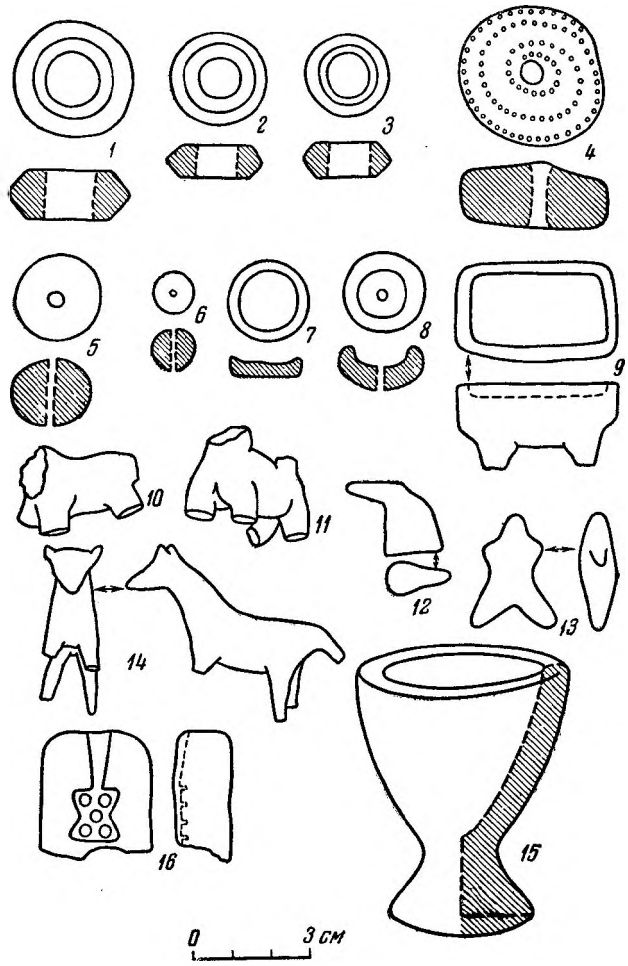


Рис. 6. Глиняные предметы из верхнего слоя.
1—4 напрясла; *5* —*8* — пронизки и пуговицы; *9* —*14*— фигурки; *15* — тигель; *16* — литейная форма.

широким отверстием. Они сделаны из хорошо промешанной глины темно-серого и серого цвета (рис. 6, *1—3*). Их размеры: диаметр ребра — 2—3,5 см, диаметр оснований — 1,5—2,5 см, диаметр отверстия — 0,7—1,2 см, толщина — 1—1,5 см. Эти напрясла типичны для городищ середины и второй половины I тысячелетия н. э. в западной части Татарии. В городищах раннемордовских [20] и

[20] П. Д. Степанов. Древнейший период истории мордовского народа, стр. 171 и сл.

городецких[21] напрясла имеют несколько иной облик.

Найдены 4 напрясла полушаровидной формы, с плоским основанием, орнаментированные мелкими неглубокими ямками (рис. 6, *4*); они напоминают пряслица городецких городищ.

Из других глиняных изделий на городище встречены небольшие шарики, пуговицы с отверстием, обломки льячек и тиглей и маленькие глиняные фигурки (рис. 6, *5—15*). Бусы — обычной формы: шаровидные, с диаметром от 1 до 2 см; среди них встречаются плоские круглые пронизки с невысоким бортиком по краю (рис. 6, *7, 8*).

Заслуживают упоминания миниатюрные фигурки, изображающие медведя, собаку, лошадь, человека, а также поделка представляющая каменный алтарь в виде прямоугольной плитки с краевым бортиком и 4 ножками (рис. 6, *9*). Аналогичные глиняные фигурки хорошо известны на раннемордовских городищах (Ош-пандо у Сайнино) [22] и неоднократно находились нами также на многих поселениях восточнобуртасской культуры в Татарии [23].

Обломки льячек — это ложкообразные глиняные предметы с плоским основанием, толстой круглой ручкой, в центре которой проделан горизонтальный канал для деревянной рукоятки. Тигли имели рюмкообразную форму с поддоном (рис. 6, *15*).

На городище обнаружены значительное количество железных, медных и бронзовых предметов, а также разнообразные остатки металлургического производства в виде шлаков, криц, обломков, тиглей, льячек и литейных форм.

Найдено 12 ножей. К наиболее ранней форме ножей, обнаруженных в верхнем слое, относятся 2 экземпляра с широким лезвием, коротким и широким плоским черешком, прямым обухом, а также с клиновидным лезвием. Характерны уступчатый переход по обушковой части к рукоятке и косая бородка в лезвийной части. Аналогичные ножи широко распространены в памятниках Прикамья харинского времени (Бурковский могильник и Опутятское городище) [24]. Они датируются IV—VI вв. н. э.

К несколько более позднему времени относятся 8 ножей, также прямообушных, но с узким скошенным лезвием, узким заостренным черешком и косым уступом у перехода к черешку по обушковой части. Подобные ножи характерны для древнемордовских памятников второй половины I тысячелетия н. э. (Сайнинское городище Ош-пандо) [25], а также для восточнобуртасских памятников Татарии [26].

Ножи последней группы (2 экземпляра), судя по форме и размерам, должны быть отнесены к ножам раннеболгарского времени и датированы концом I тысячелетия н. э. У них длинное, почти прямое лезвие с плоским и прямым обушком, тонкий и вытянутый четырёхгранный черешок и четырёхгранное утолщение в переходе от лезвия к черешку.

Два железных шила напоминают шилья, известные по некоторым могильникам конца I тысячелетия н. э. (Лядинский могильник) [27]. Два железных серпа относятся к типу слабо изогнутых, с короткой, загнутой под прямым углом бородкой для крепления рукоятки. Аналогичные серпы характерны для древнемордовских памятников VI—IX вв. (городища Ош-пандо, Ашна-пандо) [28]; в IX—X вв. они сменились более совершенной формой серпов болгарского типа (Тетюшский могильник) [29].

Железное долото (рис. 7, *1*) представляет собой уникальную для городищ I тысячелетия н. э. находку. У него широкий обушок — ударная шляпка (ширина — 2,3 см) и слегка расширенное лезвие. Стержень долота четырёхгранный. Длина долота — 22,3 см, ширина — 1,4—1,5 см.

Редкой находкой является железный топорик (рис. 7, *2*), вытянутый, с расширенной

[21] Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 83.

[22] Республиканский музей Мордовской АССР, г. Саранск, коллекции 1947 г. из Ош-пандо, инв. № 37, 143, 198, 296 и 350.

[23] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 47.

[24] В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, 57, 1955, стр. 121.

[25] П. Д. Степанов. Еще один памятник древней мордвы..., стр. 63.

[26] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 47.

[27] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, 1893, стр. 1 и сл.

[28] П. Д. Степанов. Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 136.

[29] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 47.

и скошенной обушковой частью, узкой серединой, сильно вытянутым лезвием. Его надо считать одним из ранних типов железных топоров для Среднего Поволжья. Продольная ось топора — слегка дугообразная. По форме этот топорик можно поставить

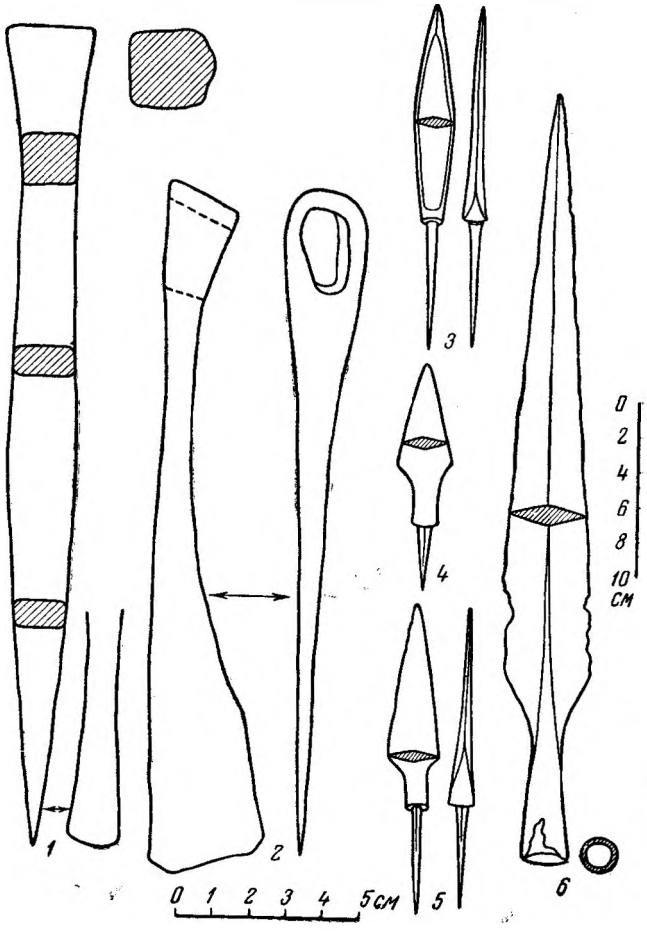


Рис. 7. Предметы из железа.

1 — долото; *2* — топорик; *3* — *5* — наконечники стрел; *6* — наконечник копья.

между ананьинскими топорами и проушными топорами с расширенными нащечниками из раннемордовских могильников. Предположительно именьковский топорик следует датировать первой половиной и серединой I тысячелетия н. э.

Железное копье (рис. 7, *6*) — втульчатое, с длинным двухлезвийным пером, разделенным на две части узким выпуклым ребром. Удлиненные пропорции, крупные размеры и короткая втулка отличают это копье от копий второй половины I тысячелетия н. э.

Три железных наконечника стрел имеют треугольное или ромбическое плоское перо и четырёхгранный заостренный черешок (рис. 7, *3, 4, 5*). Подобные наконечники были широко распространены в конце I тысячелетия н. э. в Среднем Поволжье, с появлением здесь болгарских племен.

Среди других железных предметов, найденных в верхнем слое городища, следует отметить два рыболовных крючка (рис, 8, *1*), часть конских удил кошибеевского типа, датируемых V—VI вв. н. э. (рис. 8, *3*), часть подковы (рис. 8, *4*), стержень с двумя отверстиями (рис. 8, *5*), обрывки цепей из круглых колец (рис. 8, *2*) и пластинчатую накладку с изогнутыми концами и отверстиями в них (рис. 8, *6*). В числе поздних вещей, относимых к болгарскому времени, обнаружены массивная конская скребница и пружина от болгарского цилиндрического замка (рис. 8, *7*).

Среди мелких железных и бронзовых предметов отметим пряжки, особенно важные для установления даты. Пряжки, сделанные из бронзы (рис. 9, *5*) и железа (рис. 9, *2*), с овальным полуполым кольцом и широким провислым язычком, укрепленным на кольце, аналогичны салтовским пряжкам VI—VII вв. и качкинским IV—V вв.[30] Две других железных пряжки (рис. 9, *1*), сделанных из проволоки с незамкнутыми и отогнутыми концами, являются ранними типами пряжек-сюльгамов и датируются V—VI вв. н. э.[31]

Особенно интересна медная полая подвеска в виде сильно стилизованной фигурки медведя с высокой трубочкой на спинке (рис. 9, *3*). Эта поделка по форме близка медным фигуркам из Бахмутинского могильника, где они датируются V—VI вв. н. э.[32]. Следует также отметить обнаруженный на городище медный стержень — булавку (рис. 9, *11*).

К костяным предметам относятся 12 наконечников стрел, 2 шила, 1 тупик,

---

[30] A. V. Schmidt. Ук. соч., стр. 30.

[31] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 55.

[32] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, № 58, 1957, стр. 54.

подвески из клыков медведя и бобра и несколько обломков различных предметов.

Костяные наконечники стрел имеют вытянутые пропорции; в сечении наконечники трёхгранные, четырёхгранные или шестигранные (рис. 9, *6—9*). Все они вырезаны железным ножом из кости и тщательно отшлифованы. У некоторых (рис. 9, *6*, *8*) по черешку сделаны косые нарезки, предназначенные для более прочного укрепления наконечников в древке. Такие наконечники довольно обычны для I тысячелетия н. э. Наибольшие аналогии наблюдаются в прикамских памятниках послепьяноборского времени (например в Бродовском могильнике) [33], а также в раннемордовских памятниках Среднего Поволжья — Ош-пандо [34], где подобные наконечники датируются V—VIII вв.

Костяной ту́пик (рис. 9, *10*), употреблявшийся для сглаживания кожи и очищения от мездры, напоминает известные ананьинские ту́пики-лопаточки.

К изделиям из камня относится около двух десятков пластинчатых точилоселков из плитчатого песчаника серого цвета, треугольной и четырёхугольной формы, с отверстием для привязывания.

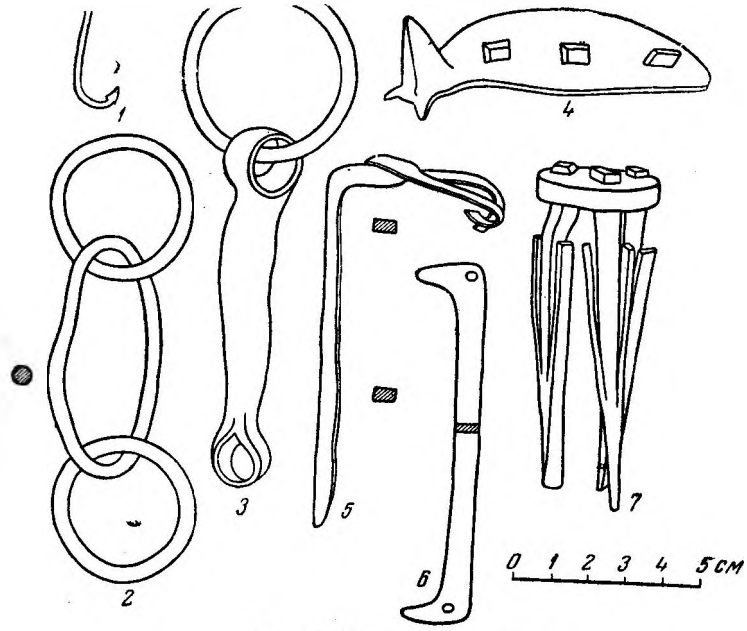


Рис. 8. Железные изделия.

1 — рыболовный крючок; *2* — обрывок цепи; *3* — часть конских удил; *4* — часть подковы; *5* — стержень с двумя отверстиями; *6* — пластинчатая накладка; *7* — пружина от цилиндрического замка.

Интересны также впервые встречающиеся в I тысячелетии н. э. в Среднем Поволжье каменные ручные жернова (7 экземпляров), сделанные из плотного белого известняка. Жернова круглые, с отверстием в центре.

Из других каменных изделий следует отметить грузило округлой, дисковидной формы, с отверстием в центре; 2 обломка сверленых шлифованых молотов; небольшую лапчатую подвеску и часть литейной формы для какого-то украшения (рис. 6, *16*).

На городище обнаружено около 10 бусинок, из них 1 сердоликовая и 9 пастовых, желтого и темно-синего цвета. Форма их шаровидная, дисковидная и многогранная.

Кроме всех этих предметов, в первом слое городища найдено значительное количество костей животных, рыб и птиц.

[33] В. Ф. Генинг. Бродовский могильник. КСИИМК, 52, 1953, стр. 92.

[34] П. Д. Степанов. Древнейший период истории мордовского народа, стр. 197.

Рассмотренный материал первого слоя Именьковского городища I дает возможность определить время его существования и в некоторой степени — культурную принадлежность его населения. Начальная дата первого слоя (IV—V вв. н. э.) устанавливается по находкам ножей и пряжек ранних типов, конечная дата слоя — IX—X вв. н. э.; она связана с проникновением на правобережье р. Камы болгарских племен. Об этом свидетельствуют находки части болгарского железного замка, наконечников стрел поздних типов и обломков немногочисленных болгарских сосудов.

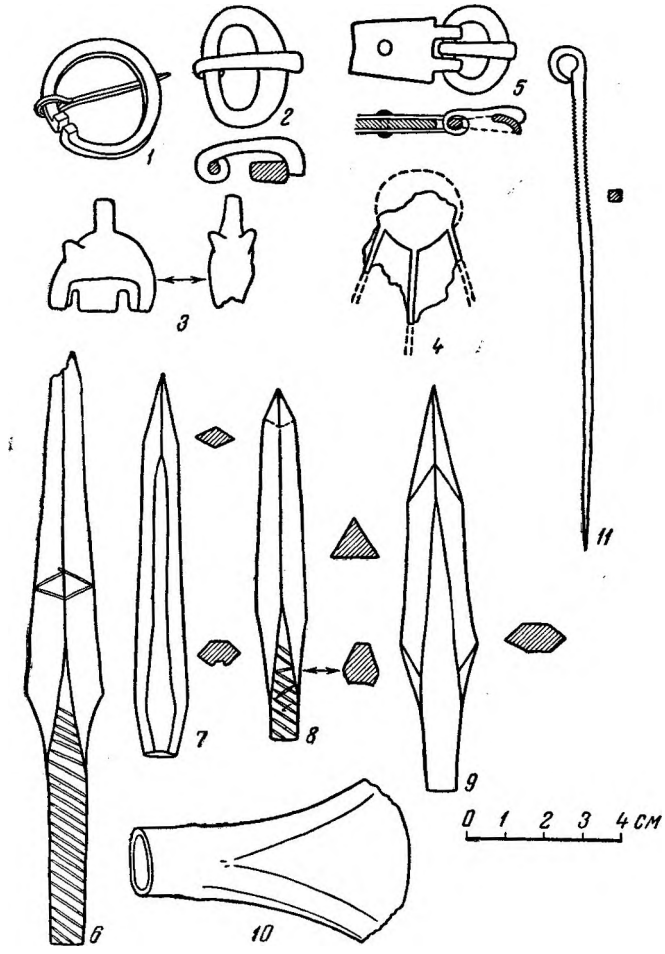


Рис. 9. *1—5, 11*—железные, медные и бронзовые изделия; *6— 10* — изделия из кости.

2. Материал нижнего слоя

В северо-западной части городища в нижних горизонтах второго слоя обнаружены фрагменты не менее чем 50 сосудов, датируемых, судя по форме и орнаменту, началом I тысячелетия до н. э. Сосуды эти подразделяются на 2 типа.

К первому типу относятся 10 фрагментов 4—5 круглодонных сосудов с примесью песка в глине и с «текстильной» орнаментацией, сочетающейся с одним рядом ямок (рис. 10, *3, 6*). В одном случае по горлу сосуда располагался ряд выпуклин. В глине

3 фрагментов одновременно с песком наблюдались примеси толченой раковины. К второму типу принадлежат свыше 250 фрагментов 40—45 круглодонных сосудов с примесью в глине толченой раковины, с отогнутой или прямой шейкой и плавным переходом от шейки к тулову. Диаметр горла — 8—24 см, толщина стенок — 0,3—0,6 см. Налепной «воротничок» по венчику отсутствует. Свыше 30 сосудов были украшены лишь однорядным ямочным орнаментом по линии перехода от шейки к тулову; на некоторых сосудах ямочный орнамент, расположенный в один ряд попарно или по три полосы, сочетался с резными зигзагообразными или перекрещивающимися линиями (рис. 10, *1, 7, 8*). На 4 сосудах ряды ямок сопровождались вертикальными зигзагами и ромбами, выполненными оттисками гребенчато-зубчатого штампа (рис. 10, *2*). На 3 сосудах такие оттиски располагались в виде горизонтальных и наклонных линий и углов (рис. 10, *8, 9*); 1 сосуд был орнаментирован многорядными горизонтальными клинышками (рис. 10, *1*); 1 фрагмент имел следы оттисков шнура или веревочки.

Рассмотренные фрагменты керамики находят аналогии в материале таких позднеприказанских памятников, как Нижне-Услонское селище и Казанская стоянка, что позволяет датировать эти фрагменты первой четвертью I тысячелетия до н. э.

Керамические фрагменты круглодонных сосудов с примесью толченой раковины в тесте, обнаруженные в остальных частях Именьковского городища, отличаются от описанных орнаментом в виде оттисков веревочки или шнура (рис. 10, *10, 19*). Правда, отсутствие типичного для ананьинских памятников «воротничка» по венчику заставляет отнести эти сосуды к более позднему, чем ананьинское время, периоду. В этом случае наиболее вероятным необходимо считать период пьяноборской культуры. Об этом же свидетельствует и весь остальной материал, обнаруженный во втором слое.

Из других предметов во втором слое были найдены костяные мотыжка и кочедык, несколько неопределенных костяных предметов, а также костяные наконечники стрел. Последние имеют трёхгранную и четырёхгранную в сечении форму. Среди них особенно выделяется крупный наконечник стрелы, длиной 16 см, трёхгранный, с длинным острием и плоским черешком, покрытым косыми нарезками. Подобные наконечники стрел известны в пьяноборских памятниках.

У железного ножа, обнаруженного на участке Г-42, тупая, слегка выгнутая спинка, скошенная к острию, и почти прямое лезвие. Черешок его плоский, прямоугольный. Общая длина ножа — 14 см, наибольшая ширина — 2,2 см, длина черешка — 3,4 см. Аналогичные ножи широко известны в пьяноборских памятниках. Типично пьяноборским предметом является также часть трёхлапчатой бронзовой подвески (рис. 9, *4*).

Таким образом, в целом весьма незначительный и сильно фрагментированный вещевой материал второго слоя заставляет предполагать, что место Именьковского городища до прихода восточнобуртасского населения заселялось дважды. Первоначально это были носители позднеприказанской культуры, а затем представители пьяноборской культуры. Последние, в результате нападения восточнобуртасских племен в V в. н. э., должны были уйти с обжитых мест.

* * *

Раскопки Именьковского городища дали большой, новый и разнообразный материал.

Вещевой комплекс основного слоя городища убеждает в том, что именьковцы второй половины I тысячелетия н. э. были оседлыми земледельцами и скотоводами. В районе Именькова они жили большими открытыми селениями по берегам р. Брысы.

Обработка земли велась с применением железного тяглового орудия типа плуга или сохи. Пашенное земледелие стало важнейшим явлением хозяйственной жизни племен Восточной Европы, начиная примерно с VII в. н. э. Обработка земли плугом и сохой, в отличие от мотыги, означала новый этап в экономике, новую ступень в общественном разделении труда, когда хлебопашество, земледелие, сельское хозяйство отделились от ремесла и обмена. Позднее это привело к отделению города от деревни.

Объекты и явления, обнаруженные на Именьковском городище и других памятниках той же хронологической и культурной принадлежности, говорят, с одной стороны, о развитии пашенного земледелия (находки

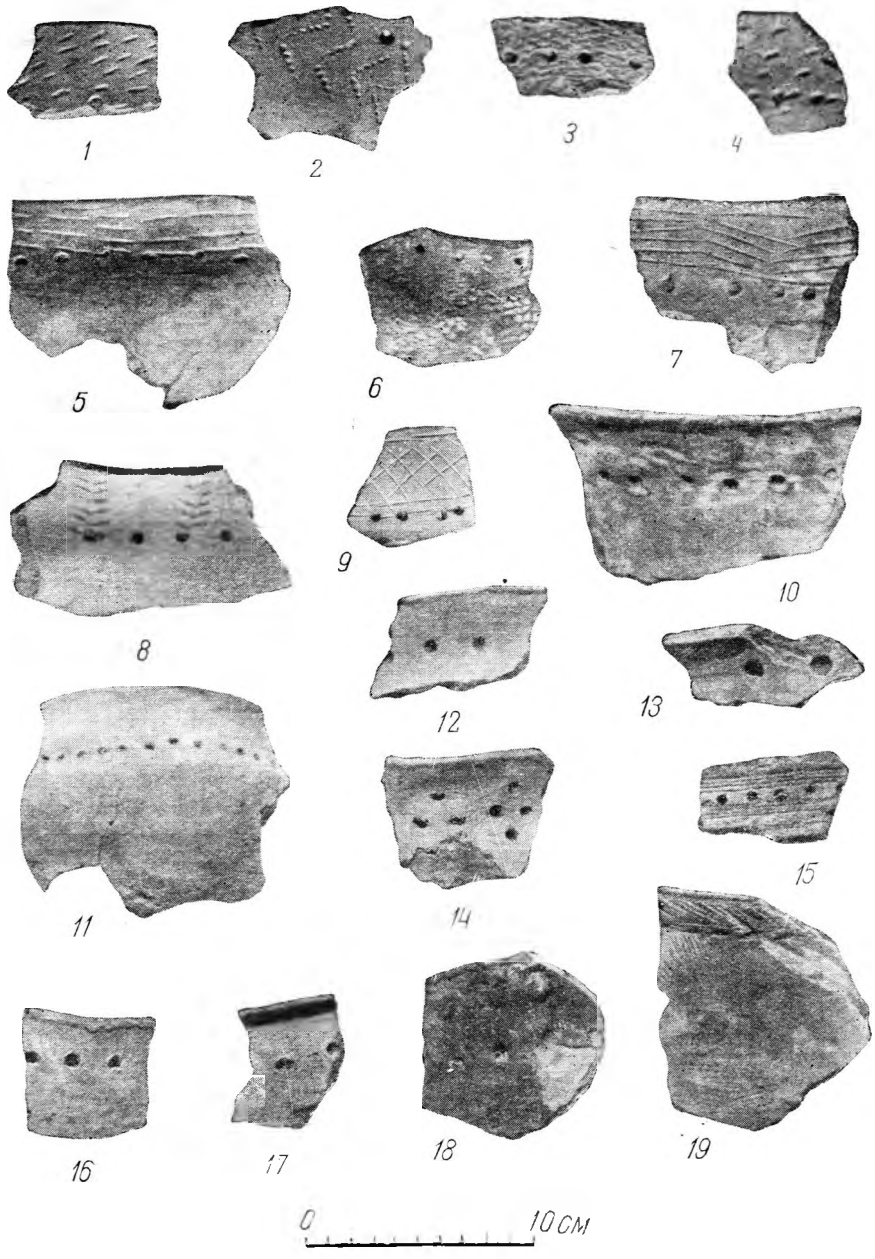


Рис. 10. Обломки глиняных сосудов (*1—19*).

железного сошника[35], серпов, жерновов), с другой стороны,— о развитой металлургии (железные шлаки на городищах и селищах, ковка крупных железных орудий и предметов вооружения).

Тот факт, что на Именьковском городище наблюдаются вместе объекты и сельскохозяйственного, и ремесленного характера, огромное количество ям — хранилищ продуктов земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства, металлургические шлаки — все это свидетельствует о том времени, когда местные племена еще не знали отделения города от деревни.

Патриархальные семьи, жившие вокруг городища, были объединены родственными связями и общими интересами. Среди последних большое значение имела военная защита от вражеских нападений. Жители проявляли большую энергию в создании укреплений. Объем работ по сооружению этих укреплений был значителен: рытье рва, насыпка вала, поглощавшего тысячи кубометров земли, укрепление откосов, уплотнение земли, устройство крепостных стен по вершине вала и по краю площади городища. Такого рода работы, разумеется, не могли быть выполнены небольшой группой людей; они являлись плодом деятельности большой родовой общины.

Именьковское городище не может быть рассматриваемо изолированно. Выявлено значительное количество аналогичных памятников, называемых нами восточнобуртасскими. Они известны на большом пространстве от р. Вятки до среднего течения Суры в западной Татарии, в Ульяновской области, отчасти в Мордовии и Чувашии. Сюда относятся городища Ош-пандо на Суре, Степановское, Чирки-Бибкеевские, Карамышихинское на Свияге, Ташевское, Буртасское, Обачское, Сокольское, Тетюшское, Больше-Тарханское на волжском правобережье, Балымерское, Измерское и ряд двухслойных памятников, верхний слой которых является болгарским,— в Закамье. Ближайшие городища к рассматриваемому нами Именьковскому городищу I расположены по правому берегу Камы в районах Лаишевском (Ташкирмень I и II, Именьково II), Рыбно-Слободском (Троицко-Урайские I и II), Кзыл-Юлдузском около р. Берсут (Черепашка, Тарас). Всего известно до 30 городищ этой культуры, селищ — свыше 100 и 5 могильников.

Именьковское городище дает наиболее полное представление об этой культуре. В то же время оно по своему географическому положению относится к большой и единой в этническом отношении территории. Именьковцы, строившие свое селение и укрепления, принадлежали, видимо, к обширному племенному союзу, занимавшему большую площадь в Среднем Поволжье, имевшему сотни селений и многие десятки укрепленных пунктов.

Эти племена на Каме явились победителями и преемниками поздних «пьяноборцев». На это определенно указывают данные Именьковского городища. К концу I тысячелетия н. э. Именьковское укрепление прекратило свое существование с приходом болгар. Этот процесс завоевания и консолидации «именьковских» и болгарских племен особенно ярко выступает в Закамье, где почти каждое селение раннего средневековья является двухслойным — «именьковско»-болгарским.

[35] Сошник, найденный на Ташкирменском городище I, изображен в указанном сочинении Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова на стр. 47, рис. 16, 27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО — Археолого-нумизматическое общество
ВО РАО — Восточное отделение Русского археологического общества
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗАО — Записки Археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по истории Кавказа
МАР — Материалы по истории России
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
ОЕКГУ — Общество естествоиспытателей при Казанском государственном университете
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Смирнов. Введение 5

А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье 10

А. Е. Алихова. Памятники срубной культуры Самарской луки 96

Н. В. Трубникова. Поселения I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской луке 120

А. Е. Алихова. Поселение у села Русская Бектяшка Ульяновской области . . 128

В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии 131

Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области . 145

К. А. Смирнов. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар 155

А. В. Королев и Т. А. Хлебникова. К вопросу о черной металлургии у волжских болгар 159

А. М. Ефимова. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары 169

А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV веков у села Березовка 194

С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году 210

С. А. Янина. Куфические серебряные монеты с Болгарского городища (1957 год) 224

Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище 226

Список сокращений 251

Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. III

Материалы и исследования по археологии СССР, № 80

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР
Редактор издательства *Л. А. Ельницкий*
Технический редактор *С. П. Голубь*
РИСО АН СССР № 89-78В. Сдано в набор 3/IX 1959 г. Подписано к печати 14/III 1960 г.
Формат 84×108 1/16. Печ. л. 15,75 + 8 вкл. Усл. печ. л. 25,8. Уч.-издат. л. 25,9. Тираж 1500 экз. Т-03018
Изд. № 3956. Тип. зак. № 3684.
Цена 18 руб. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

18р.60к.